

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 4(18), 2015 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. – канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Олядыкова Л.Б. – д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Белякова С.М. – д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:

394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,
д. 84, комн. 5203

тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....	5
---	---

Лингвистика

Каверина В.В. Слово <i>также</i> в современном русском языке: употребление и правописание	6
Назар Р.Н., Гапонова Т.Н. Статус и структурно-композиционные особенности репортажа в современной публицистике	11
Виноградова Е.Н. Существительное или предлог? (О роли согласованного определения).....	15
Чернышова Л.И. Предметные существительные в системе парадигматических отношений (на материале украинской научной речи).....	20
Баранова А.В. Связность текста	24
Гапонова Т.Н., Назар Р.Н. Выделение тематического компонента в пределах актуального членения сложносочиненных предложений с парцеллированными конструкциями в информационно-публицистических текстах.....	28
Ковалева Н.А. Значение семантического субъекта в сложноподчиненном уступительном предложении....	32
Кудрявцева Т.Ю. Обособление деепричастного оборота: семантический аспект.....	35
Градинарова А.А. Болгарские бессоюзные сложные предложения с семантикой изъяснения в сопоставлении с русскими.....	38
Лукина Л.В. Изучение лексических межъязыковых соответствий на материале русского и английского языков.....	42
Ускова А.И., Кореев И.В. Феномен арго в русском и английском языках	47
Ускова А.И., Мирошниченко Д.В. Особенности наименования техники и вооружения в военном сленге (на материале русского и английского языков).....	51
Недоступова Л.В. Самобытный говор хутора Тюниково Бутурлиновского района Воронежской области... ..	54
Дашкевич Д.В. Особенности фонетического акцента в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей романских и славянских языков.....	59
Панков Ф.И. Грамматика наречий: постановка проблемы.....	64
Шарифуллина Л.В. Функциональное значение аффиксов в структуре топонимов.....	69

Методика преподавания языков

Клобукова Л.П. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ: концепция и научно-методическое сопровождение	72
Ахмадиева Е.Ф. Методическая система работы по формированию информационной компетентности при изучении учебно-научного текста на уроках русского языка	76
Богданова С.А. Использование информационных компьютерных технологий в обучении иностранных военнослужащих языку специальности	81
Тимошенкова Г.Ю., Федотова Н.В. Коммуникативно-ориентированное изучение иноязычной и родной культур при формировании интегративных коммуникативных умений межкультурного общения	86
Новикова О.В. Специфика работы по русскому языку с вьетнамскими аспирантами–заочниками.....	91
Токарева Г.В. Из опыта организации проектной деятельности иностранных студентов по разработке учебного пособия «Я студент ИГЭУ».....	96
Сычева Л.В. Роль письма в методике преподавания русского языка как иностранного.....	102
Гревцева В.Ф. Содержание и педагогические условия профессионально-но-личностного развития будущего педагога.....	106
Клевина М.Н. Психолого-педагогическое сопровождение как фактор профессионально-личностного развития студентов младших курсов педвуза.....	110
Садовская Е.Ю., Жидкова Ю.Б. Речевые ошибки как фактор коммуникативных неудач в профессиональном общении.....	115
Маняхин А.В. О методике работы с художественным текстом.....	119
Корнев В.А. Особенности стереотипов речевого поведения детей в английском и русском языках.....	123
Ревякина Т.Л., К. Сай Ван. Лексика русского и вьетнамского языков в стилистическом аспекте.....	128
Яценко И.И. Современная русская проза как источник знаний о стране (в преподавании русского языка как иностранного).....	132

Аспекты изучения художественного текста

Бердникова О.А., Голицына Т.Н. Локативная сфера романа Евг. Водолазкина «Лавр» (Часть I. Книга познания).....	135
Маслова А.В. Особенности взаимодействия языка художественных произведений с книжными стилями русского языка	139
Меркулова Н.В. Эстетическая ономастика и ее функции в художественном тексте и интертексте (на материале произведений французской литературы).....	143
Сулемина О.В. Универсальные категории в русской лирике XVIII – начала XIX веков (на примере категории «страшное»).....	149
Ревякина Т.Л. Цитация в художественном тексте как средство формирования особого лингвокультурологического пространства	153
Воронова Т.А. Словообразовательный элемент «полу-» в поэтическом словаре Арсения Тарковского....	159
Юдина Т.А. Топонимы в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».....	163
Вязовская В.В. Всё своё ношу с собой»: к этимологии одной фамилии персонажа Н.С. Лескова.....	167
Скуридина С.А. Орнитоморфизм ономастического пространства романа Ф.М. Достоевского «Бесы».....	171
Голованова Н.Ю. Библейское и андреевское в произведениях Л.Н. Андреева (на примере рассказов «Иуда Искариот», «Елеазар»).....	176
Комарова И.В. Пространственная парадигма поэзии Александра Солодовникова.....	182
Новикова М.В. Публикации стихотворений А. Мариенгофа и С. Есенина в журнале «Сиррена».....	188
Попова Ю.С. «Что было в зеркале, померкло, потерялось...» (символика зеркала в прозе И.А. Бунина)...	193
Краснякова М.С. Проблема соотношения сюжета и мотива как нарративных структурных элементов в современном литературоведении.....	197

Лингвокультурология

Ковалев Г.Ф. Уничтожение экологии русской речи, или Уже русофобия?.....	201
Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии	208
А. Раджешвар Раджу. Русский язык как средство мировой коммуникации	214
Ковалева Л.В. Фразеологические концепты и их реализация в языках мира.....	219
Белякова С.М. Номинация терминальных отрезков времени в русском языке: этнокультурная семантика...	224
Коростылева Н.Н. Гендерная коммуникология: от теории к практике.....	230
Лесневска Р.В., Лесневска Д.С. Русские памятники – значимое культурное и архитектурно-историческое наследие Софии.....	234
Олядыкова Л.Б., Ли Чуанцзинь. Вербальное и невербальное содержание приветствия и прощания в русском и китайском языках.....	239
Сумьянова С.В. Красный цвет в культуре и языке китайцев и русских.....	246
Кузьминская С.И. Некоторые проблемы национальной культуры в зеркале языка.....	252
Чарина О.И. Лексические маркеры влияния аборигенного фольклора и языка в фольклоре русских старожилов Якутии.....	256
Бугакова Н.Б. Индивидуально-авторские особенности отбора языковых средств для вербализации религиозных концептов (на примере концепта «церковь» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне»).....	261
Мухина И.К. Лингвокультурная специфика универсального концепта «ресторан».....	267
Арязмова О.В. Концептуальное воплощение этнокультурной ментальности в художественной прозе Каринэ Арутюновой.....	271
Садовская Е.Ю., Власова Н.А. Культурные универсалии как средство инкультурации иностранных военнослужащих.....	276
Новикова Ю.Н. Лингвокультурная специфика отыменных фамилий жителей многонациональной Донуэтиньи.....	279
Матей И.К. О некоторых особенностях использования православной лексики в современных СМИ.....	284
Кудрявцева Т.Ю. Международная научная конференция «Водные пути: пути жизни, пути культуры»...	288
Правила оформления статей в Научном Вестнике.....	290

**Вступительное слово главного редактора серии
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»**

Предлагаем вниманию читателей очередную, восемнадцатый, выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Данный выпуск содержит материалы **Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве»**, состоявшейся 8–10 октября 2015 года и посвященной 85-летию Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, в которой приняли участие доктора и кандидаты наук российских и зарубежных (Болгария, Вьетнам, Индия, Китай, Монголия, Украина) вузов, а также молодые ученые (аспиранты, магистранты).

Выпуск состоит из четырех разделов: *I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология».*

Содержащиеся в выпуске 4 (18) научные работы затрагивают вопросы современной лингвистики, методики преподавания, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и концептологии.

Полагаем, что данная серия будет полезна научным работникам, специалистам-филологам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам и студентам, получающим гуманитарное образование, а также всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической и литературоведческой науки.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'271.1

Московский государственный универси-
тет имени М.В. Ломоносова
доц. кафедры русского языка филологиче-
ского факультета, д. филол. наук
Каверина В.В.
Россия, г. Москва, тел. +7(909)159-33-95;
e-mail: kaverina1@yandex.ru

Moscow State University named after M.V.
Lomonosov
Philological department
Doctor of Philology, associate professor
Kaverina V.V.
Russia, Moscow, tel. +7(909)159-33-95;
e-mail: kaverina1@yandex.ru

В.В. Каверина

СЛОВО ТАКЖЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: УПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРАВОПИСАНИЕ

В статье рассматривается специфика функционирования слова *также* в современном русском языке, анализируются трудности орфографии и пунктуации, возникающие при употреблении его на письме. Особое внимание уделяется использованию данного слова в начале предложения в качестве средства связи предложений в тексте.

Ключевые слова: слово *также*; орфография, пунктуация, культура речи; средства связи предложений в тексте.

V.V. Kaverina

THE WORD TAKZHE (ALSO) IN MODERN RUSSIAN: USAGE AND SPELLING

The article features the functioning of the word *takzhe* (also) in modern Russian and examines the spelling and punctuation problems of its use in writing. Special attention is paid to the word as a means of cohesion at the beginning of the sentence.

Key words: the word *takzhe* (also); spelling, punctuation, speech culture; means of cohesion.

Слово *также* является одним из самых употребительных средств связи предложений в тексте в современном русском языке. Не только в устных, но и в письменных жанрах современного русского дискурса это слово активно употребляется в начале предложения. Выполняя анафорическую функцию, *также* оказывается «квазисинонимично частицам *еще* и *кроме того*» [1; с. 20]. При этом заметно участились случаи раздельного написания данного слова несмотря на то, что о разграничении омофонов *также* и *так же* знали еще полтора столетия назад.

В Академической грамматике 1849 г. сформулировано правило правописания *же*: «Эта частица слитно пишется в союзе соединительном *также*; когда *так* встречается в значении союза сравнительного, которому и соответствует *какъ*, *же* отделяется, н.п. *онъ такъ же хорошо пишетъ, какъ читаетъ*» [2; с. 263]. С тех пор данное правило не

менялось, незначительно отличались лишь формулировки. Так, в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова находим следующее определение слова *также*: «ТАКЖЕ, союз. Присоединяет однородные члены предложения или предложения в составе сложного. *Он был хорошим другом, учился т. хорошо. Брат бросил курить, вам т. следует сделать это. Он согласен, мы т. не возражаем. Ты устал, я т.*

Также как, в зн. союза. Он владеет французским, также как и немецким.

Союзу *также* соответствует омонимичное ему сочетание местоимения *так* с частицей *же*, обозначающего тождество обстоятельства образа действия (*Я писал об этом так же, как и в прошлый раз*)» [4; с. 1303].

В современной учебной и справочной литературе данную омонимичную пару советуют различать следующим образом: «Союз *также* пишется слитно. Его следует отличать от сочетания *так же*. В этом сочетании частица *же* может быть опущена или переставлена на другое место: *Брат учится так же хорошо, как и сестра (Брат учится так хорошо, как и сестра)*. Союз *также* можно заменить союзом *и*: *Сестра также учится в музыкальной школе. (И сестра учится в музыкальной школе)*» [5; с. 40].

Но отличить слово *также* от сочетания *так же*, полагаясь на то, что в случае раздельного написания частицу можно переставить или опустить, удастся не всегда. Например, при отсутствии *же* предложение *Брат хорошо учится, сестра учится так же* потеряет смысл и целостность: **Брат хорошо учится, сестра учится так*. Рекомендации некоторых учебных пособий определять сочетание местоимения *так* с частицей *же* постановкой к нему вопроса *как?* тоже не всегда помогают: вопрос *как?* ошибочно ставят и к союзу *также*. Об этом свидетельствуют данные опроса, в результате которого в предложении *Он хорошо работает, отдыхать он также умеет неплохо* было сделано 80% ошибок.

Примерно такие же результаты получены в результате анализа орфографии сайтов интернета, где в 80 % случаев союз *также* пишется раздельно. Например: «А *так же* мы любим путешествовать и рассказываем вам об интересных странах в которых можно побывать каждому желающему, правильно развивающему свой бизнес» (<http://mlm-lider.ru/>). Другой пример: «Здесь вы сможете послушать песни, посмотреть видео- и фотоматериалы связанные с творчеством группы, а *так же* оставить свои отзывы о творчестве коллектива» (<http://www.oddiss.ru/>). Встречаются и дефисные написания данного союза: «Смотрите *так-же*: Прайс лист — укладка напольных покрытий» (<http://www.express-pol.ru/prais.htm>).

Интересно, что в интернете активно обсуждается правильное написание омофонов, и среди рекомендаций по правописанию данных слов чаще встречаются формулировки типа: «Все зависит от контекста. Он был так же красив, как и его девушка. Он также занимается плаванием... Источник: Никогда правил не учил, все время на интуиции, как объяснить — не знаю» (<http://otvet.mail.ru/question/38118330/>) или «Тут думать надо короче каждый раз, всё от случая зависит от конкретного» (<http://otvet.mail.ru/question/38118330/>).

В последнее десятилетие *также* всё чаще используется в начале предложения в функции средства связи предложений в тексте, что, как известно, противоречит нормам литературного языка. Некоторые авторы даже теоретизируют по этому поводу. Так, Н.А. Дьячкова в статье «Также никогда не начинай предложение с *также*» формулирует следующее правило: «Начинать предложение с союза "также" можно. И, хотя такой порядок слов не всегда бывает удачным со стилистической точки зрения, все же это не ошибка. С наречия "также" начинать предложение нельзя, потому что при таком порядке слов нарушаются логические связи между соседними предложениями» [3].

Думается, что начинать предложение с *также* ни в одном из значений не стоит. Малый академический словарь, кстати, вообще не знает союза *также*, только наречие и союзы *а также*, *и также*, *но также*:

«ТА́КЖЕ, нареч.

1. Равным образом, в равной мере; тоже. — *С благополучным переходом, Владимир Михайлович! — весело поздравил меня Федоров. — И вас также.* Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова. [*Степан*] *не ужинал без Авдотьи, ждал ее у накрытого стола; она также не ужинала без него.* Николаева, Жатва. || Вместе с тем, кроме того; одновременно. *Панишин был действительно очень ловок, — не хуже отца; но он был также очень даровит.* Тургенев, Дворянское гнездо.

2. В сочетании с союзами „а“, „и“, „но“ образует сложные союзы с присоединительным значением: а также, и также, но также. *Известно было, что он [гимназист Макаров] пьет, курит, а также играет на бильярде в грязных трактирах.* М. Горький, Жизнь Клима Самгина [б; с. 334].

Вместе с тем начинают предложение с *также* очень часто, не только в устной, но и в письменной речи. Н.А. Дьячкова в упомянутой выше статье приводит пример допустимого употребления *также* в начале предложения: «Союз "также" выражает значение 'добавление к сказанному'. Например: "Я наслаждался мирно своим трудом, успехом, славой; также трудами и успехами друзей" (Пушкин). Возможна такая пунктуация: "Я наслаждался мирно своим трудом, успехом, славой. Также трудами и успехами друзей"» [3]. Данный гипотетический пример представляется неудачным, слишком искусственным. Вообще, нами не отмечено ни одного стилистически безупречного случая употребления *также* в начале предложения. При этом данное слово нередко пишется раздельно, например: «Пост в месяц Зульхиджа: Так же поощряется соблюдение пост в первые девять дней месяца Зульхиджа. Так же в риваятах сообщается, что посланник Аллаха (салаллаху алейхи ва саллям) проводил эти дни в посте» (<http://islam-today.ru/veroucenie/poklonenie/8-vidov-posta-o-kotoryh-musulmanin-takze-ne-dolzen-zabyvat/>). С *также* начинают даже абзацы: «Также в рамках программы Microsoft CityNext («Города Будущего»), компания присоединится к отраслевому треку SmartCity акселератора GenerationS, ориентированному на стартапы, работающие в области создания технологий для «умного города» и развития современной городской среды» (<http://b-mag.ru/2015/russia/microsoft-podderzhit-startapyi-akseleratora-generations-a-takzhe-prisoedinitysya-k-napravleniyu-smartcity-generations/>).

Действительно, трудно не согласиться с Н.А. Дьячковой в том, что «в речи устной начальное "также" — это своего рода заполнитель паузы, которая по какой-то причине, связанной с порождением монолога, необходима говорящему» [3]. Например, в записи устного интервью находим: «Нам он интересен, — ответил спортивный директор Кирилл Котов. — Также хочется усилить атакующую линию» (<http://www.sovsport.ru/gazeta/article-item/824206>). Непонятно только, что мешает употребить здесь нормативное *кроме того*.

В употреблении начального *также* исследователи усматривают влияние иностранных языков, в частности английского. Возможно, калькированием с английского языка объясняется появившаяся недавно тенденция отделять начальное *также* запятой по аналогии с *also* в начале предложения.

Очевидно, результатом автоматического перевода с английского является такое предложение: «Также, можно выводить только адрес, предоставленный Живым Журналом (слово «также» в данном случае пишется слитно)» (<http://lj-russian.livejournal.com/75797.html>). Автор при этом жалуется на невозможность коррекции в переводчике. При обсуждении данного написания высказаны следующие идеи:

«Я могу ошибаться, но если "также" — наречие, то запятая возможна/нужна, если союз — нет. Здесь союз»; «"Также" в данном случае — фиктивное вводное слово»; «Мысль о запятой возникает по аналогии с "кроме того". Ее нужно гнать»; «Дитмар Эльяшевич Розенталь в своем справочнике про вводные слова все очень-очень хорошо расписал. Рекомендую вместо опроса. "Также" не является вводным словом и не выделяется запятой» (<http://www.ljpoisk.ru/archive/972400.html>).

Не исключено, что некоторые авторы ставят запятую после *также* по аналогии с *кроме того* или вводными словами. В интернете задают об этом вопросы и даже формулируют правила. Например:

— Нужна ли запятая в этом предложении после слова "также"? Также, сносятся укрепления Китай-города.

— Нет, никак не нужна по правилам русского языка, так как слово "также" не относится к категории вводных слов. К сожалению, запятая после слова "также" в начале предложения стала калькой с английского (<https://otvet.mail.ru/question/49347173>).

Вот еще один образчик такого диалога:

— Когда после слова "также" ставится запятая? Или вообще не ставится?

— Если так же стоит в начале предложения : "так же, ему было необходимо повторить то, что сделал его друг" (<http://znaniya.com/task/6778872>).

При этом участники обсуждения не учитывают саму стилистическую недопустимость такого порядка слов. Приведем другие контексты, в которых был задан вопрос: «Нужна ли запятая после слова "также" в данном предложении?»:

— «Там есть большой парк. Также там есть красивая набережная»;

— «Также сотрудники НИИ выполняют следующие темы»;

— «Также точному описанию помогают средства словообразования»;

— «Также можно рассуждать о данной проблеме, читая поэму А.Т. Твардовского "Василий Теркин"» (<https://otvet.mail.ru/question/16781430>).

Очевидно, авторы вопросов пытаются использовать приведенные предложения в письменных текстах в основном научного и официально-делового стилей речи, где подобное употребление *также* недопустимо. Однако об уместности этого слова в начале предложений они даже не задумываются.

Употреблению *также* в начале предложения посвящено обсуждение на форуме переводчиков, один из пользователей которого пишет: «Из всего того, в чем мне предстоит переубеждать заказчика, хотелось бы попросить помощи в одном моменте: в результате их "стилистической" правки образовалось предложение с начальным "также", которое выглядит примерно так: ***** [название компании] считается лидером в области дизайна... Также ***** [название компании] реализует инициативы в области охраны окружающей среды.

Я уверен, что начинать предложения с "также" — плохой стиль, и сам так никогда не пишу. Но когда понадобилось найти ссылку на авторитетный источник, который поддержит эту точку зрения, вдруг оказалось, что я такого источника не знаю.

Не может ли мне кто-нибудь подсказать, где написано, что начинать предложения с "также" нехорошо?». Данный вопрос был адресован профессионалам, поэтому и обсуждение получилось довольно содержательным. Среди ответов наиболее точным оказался следующий: «Простая логика: союз "также" имеет значение "и". Чтобы его (союз этот) использовать, нужно его сначала к чему-то прилепить (например, через "..., а также"). Подобное употребление — это просто непрофессиональное калькирование структуры предложения, принятой в английском языке. Едва ли можно отыскать норму, что калька — это нехорошо» (<http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=55&t=54839>). Последнее утверждение, на наш взгляд, является ответом на все вопросы о *также* в начале предложения.

Завершая обзор проблем, связанных с употреблением слова *также* в современном русском языке, отметим, что к давно существовавшей трудности различения омофонов со слитным и раздельным написанием в последнее время прибавилось активное использование *также* в начале предложения. В данном случае актуализировалось анафорическое значение слова *также*, что было поддержано иноязычными образцами. Однако такое употребление разрушает существующее в языке противопоставление: «*тоже* маркирует предшествующую ему часть высказывания как новое, а последующую — как старое: *Гость молчал. Хозяин (новое) тоже молчал (старое); также (и)*, наоборот, маркирует предшествующую ему часть высказывания как старое, а последующую — как новое: *Гость молчал. Молчал (старое) также и хозяин (новое)*» [1; с. 20]. К сожалению, новый порядок слов **Также молчал хозяин* нивелирует эти смысловые оттенки, обедняет язык.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование: сборник научных трудов. М.: Наука, 1988. С. 10-22.
2. [Давыдов И.И.] Грамматика русскаго языка. Издание Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи Наукъ, 1849.
3. Дьячкова Н.А. Также никогда не начинай предложение с *также*. URL: <http://www.uralsky-missioner.ru/doc/445>.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Русский язык : Грамматика. Текст. Стили речи : учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / А. И. Власенков, Л. М. Рыбченкова. 14-е изд. М. : Просвещение, 2008. 383 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. 800 с.

References

1. Апресян Y.D. Types of communicative information for a unilingual dictionary // Language: system and functioning: a collection of articles. Moscow, 1988. P. 10-22.
2. Davydov I.I. Grammatika russkago jazyka. Izdanie Imperatorskoj Akademii nauk [Russian grammar, ed. by Emperor Academy of Sciences]. St.-Petersburg, 1849. (In Russ.)
3. Dyachkova. N.A. Also never start your sentence with *also*. URL: <http://www.uralsky-missioner.ru/doc/445>.
4. Kuznetsov S.A. Great unilingual dictionary of Russian language. St.-Petersburg, 2000. 1536 p.
5. Russian Language. Grammar. Text. Styles of speech. Textbook for 10–11 school grades / A.I Vlasenkov, L.M.Rybchenkova. 14th edition. Moscow, 2008. 383 p.
6. Dictionary of Russian language: in 4 vol. / RAN, Institute of Linguistic Research; Edited by A.P.Evgenyeva. 4th edition. Moscow, 1999. V. 4. С — Я. 800 p.

УДК 801.56

*Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры
доц. кафедры прикладной лингвистики
и этнологии, канд. филол. наук
Назар Р.Н.;
доц. кафедры прикладной лингвистики
и этнологии, канд. филол. наук
Гапонова Т.Н.
Донецкая область, г. Макеевка,
тел.: +380660882611
e-mail: nazar_roman@mail.ru*

*Donbas National Academy of Civil Engineer-
ing and Architecture
The chair of applied linguistics and ethnology
PhD, assistant professor
Nazar R.N.,
PhD, assistant professor
Gaponova T.N.
Donetsk region, Makiyivka,
tel.: +380660882611
e-mail: nazar_roman@mail.ru*

Р.Н. Назар, Т.Н. Гапонова

СТАТУС И СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПОРТАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассмотрены структурно-композиционные особенности репортажного текста. Проанализированы тенденции развития репортажа в системе публицистических жанров. Охарактеризован репортажный текст как разновидность информационного речевого жанра. Представлены этапы становления репортажа в публицистике с точки зрения его особенностей и закономерностей. Исследована типология репортажного текста в современной лингвистике и тенденции его изучения в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Ключевые слова: репортажный текст, структура, композиция, жанр, публицистика.

R.N. Nazar, T.N. Gaponova

STATUS AND STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL FEATURES OF REPORTING IN MODERN JOURNALISM

In the article structural and compositional features of the reporting text are cited. Main trends in the development of reporting in the system of journalistic genres are analyzed. The given text as a type of informative speech genre is characterized. The stages of formation of the report in journalism from the point of view of its characteristics and patterns are presented. The typology of such texts in modern linguistics and its study in the communicative-pragmatic aspect are researched.

Key words: reporting text, structure, composition, genre, journalism.

Языковой жанр и дискурс в современной лингвистике трактуют как соотношение понятий (И.Г. Борисова), связь функционально-стилевых единств и жанроречевого потенциала (М.Г. Кожина, В.А. Салимовский, В.В. Дементьев), языковой жанр как феномен культуры (В.И. Карасик, А. Вежбицка), языковой жанр как элемент в системе риторических знаний (О. Б. Сиротина), языковой жанр и когнитивные процессы (А.Г. Баранов), языковой жанр как феномен социопрагматики (В.В. Дементьев и др.), языковой жанр как коммуникативный феномен (В.Е. Гольдин), языковой жанр как система типологизированных элементов (А.Г. Баранов). Жанры можно классифицировать

по разным признакам, так выделяют информационные, оценочные, фатические, императивные, ритуальные (Т.В. Шмелева, В.В. Дементьев); простые и сложные, первичные и вторичные (М.М. Бахтин).

Большинство лингвистов в определении языковых жанров опирается на концепцию М.М. Бахтина [1], которая основывается на тематическом содержании, стиле и композиционном строении высказывания.

С точки зрения функциональных стилей речи, один языковой жанр может реализоваться в стилистически разнородных текстах, потому что в каждой сфере существуют свои жанры, которые отвечают ее специфическим условиям; с этими жанрами соотносимы и определенные стили, каждый из которых принадлежит к жанровому единству высказывания (М.М. Бахтин).

В публицистическом дискурсе системно-жанровые особенности оформлены в три группы: информационную (хроникальную), аналитическую и художественно-публицистическую, которые разделены на основные жанры: заметка, информация, обзор, комментарий, отчет, репортаж, интервью, корреспонденция, статья, очерк, фельетон, эссе, памфлет. Позже произошло внутрижанровое разграничение: информация – хроникальная, аналитическая; интервью – интервью-портрет, хроникальное и проблемное интервью; репортаж – хроникальный, аналитический, сюжетный, репортаж-раздумье; комментарий – комментарий-справка, комментарий-реплика, информационный комментарий; отчет – развернутый, тематический; очерк – проблемный, портретный; эссе – проблемное, портретное; фельетон – проблемный, портретный. Внутрижанровая дифференциация удостоверяет пластичность авторского сознания относительно истолкования информации, все более и более широкую репрезентацию документально-го уровня творчества журналиста.

Такое разделение, в определенной мере, условно, поскольку элементы аналитического жанра наблюдаются в репортаже, фрагменты репортажа – в корреспонденции, черты художественно-публицистических жанров используют в аналитических жанрах.

Репортаж – это жанр газетно-журнальной публицистики; информация, сообщение, рассказ о текущих событиях, которые публикуются в периодической печати или транслируются по радио и телевидению. К важным характеристикам репортажа относятся документализм изображения действительности. В современном репортаже успешно могут объединяться как информационные, так и художественно-публицистические начала.

Специфика репортажа заключается в том, что общение в нем является дистантным, опосредованным, монологическим, преимущественно имеет устную форму проявления. С точки зрения соблюдения / несоблюдения строгих правил построения целостного текста, различают общение свободное и стереотипное. Коммуникативный режим общения в репортаже реализуется в монологе / диалоге (реже), обращенном к воображаемой аудитории как к получателю продукта массовой коммуникации [3].

В зависимости от предметно-тематического содержания репортаж разделяют на *событийный, актуальный, тематико-познавательный, постановочный, специальный, проблемный, исследовательский*. Как газетно-публицистический текст репортаж является предметом исследования в работах Г.Я. Солганика, С.Г. Гуревич, Л.Д. Кобаля, Л.М. Площадной, М.П. Брандес, М.И. Шостак и др. Языково-композиционные формы репортажа описывает Л.Д. Кобаля, отмечая, что наиболее характерным композиционным элементом его является рассказ [2].

Все изложенные в репортаже события, факты доказаны или опровергнуты с помощью размышления, которое должно быть репрезентировано особенно убедительно. Основу репортажа представляют наиболее важные, характерные, тщательно отобранные факты, из которых составляется событие, а авторские аргументы, соображения предоставляют этим фактам эмоциональную окраску, подтверждают их достоверность и вместе с тем воссоздают целостную образную картину события. Чужая речь в форме монолога или диалога при условии, что говорят другие участники события, воспроизведена документально точно [4].

Композиция репортажа предусматривает фиксацию естественного хода события. Однако очень мало событий, да и то лишь в электронных средствах массовой информации, переданы в режиме реального времени от начала и до конца (футбольный матч, военный парад, инаугурация президента и т.п.). В других случаях время уплотняют за счет отбора эпизодов.

Исследователи выделяют такие три структурно-содержательные части репортажа: а) ядерную (здесь речь идет по обыкновению о фактографическом высказывании, оформленном как „констатация факта”); б) конвенционную (ссылка на источник информации, время и место события); в) комментируемую (в этой части напечатано все, что хоть как-то помогает оценить, объяснить, расширить информацию ядерной части).

Публицистическая речь, по мнению Г.Я. Солганика, имеет одну особенность – общедоступность, коммуникативную значимость [5]. Информация, переданная СМИ, должна быть без ограничений доступной для всех членов общества. Раньше преимущественно этот принцип определял выбор языковых средств. Для лексики репортажа нехарактерными, хотя и возможными, были узкоспециальные слова и выражения, диалектизмы, арготизмы, поэтизмы, варваризмы, индивидуальные неологизмы. Доминировала тенденция к исключению средств, которые находятся на периферии языка и не имеют коммуникативной значимости, но в последние десятилетия тенденции меняют свое направление [6].

Однако, как утверждает М. Халлер, чрезмерная насыщенность репортажа специальной лексикой, а также значительное количество метафор, вероятнее завуалируют конкретные факты, удостоверят непрофессионализм репортера, его неумение четко изложить информацию. Соответственно неуместным является использование в репортаже жаргонизмов, однако в отдельных случаях употребление их может быть оправдано, если на жаргоне говорят непосредственные участники описываемых событий.

Итак, актуализация субстандартной лексики в репортаже последних десятилетий обусловлена влиянием разговорной лексики на публицистический стиль, вхождением неcodифицированного слова в общее употребление. Введенные в репортаж жаргонизмы возникают одновременно и номинативной единицей, и экспрессивной, и социальным, и стилистическим маркером.

Основные тенденции, которые наблюдаем в языке русского репортажа начала XXI в., связаны с обновлением структурных и семантических особенностей языковых единиц, стилистически маркируют их, давая возможность реализовать самобытность публицистического дискурса вообще и репортажа в частности. Эти изменения усилили и экспрессию синтаксических единиц, обусловили более широкое привлечение к употреблению конструкций устно-разговорного синтаксиса.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249-299.
2. Кобалия Л.Д. Темпоральная структура основных жанров газетной публицистики // Функционирование и структура языка в синхронии и диахронии : Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького, вып. 175. М. : Наука, 1981. С. 29-45.
3. Назар Р.Н. Репортаж у призмі інформаційного мовленнєвого жанру публіцистичного дискурсу // Сборник научных трудов SWorld. (Международная научно-практическая Интернет-конференция «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании '2014». База РИНЦ) Выпуск 2. Том 19. Иваново: Маркова А.Д., 2014. С. 76-81.
4. Назар Р.Н. Характеристика репортажу як жанру мовлення // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький національний ун-т; наук. ред. Анатолій Загнітко. Донецьк : ДонНУ, 2009. Вип. 19. С. 209-213.
5. Солганик Г.Я. Стиль репортажа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 75 с.
6. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие [Отв. ред. М.Н. Володина]. М.: Изд. Московского университета, 2003. С. 264-265.

References

1. Bakhtin M.M. The problem of speech genres / M.M. Bakhtin. The author and the hero: To the philosophical foundations of the Humanities. St.-Petersburg, 2000. P. 249-299.
2. Kobalia L.D. Temporal structure of major genres of newspaper journalism // The function and structure of language in a synchronic and diachronic aspects. Vol. 175. Moscow, 1981. P. 29-45.
3. Nazar R.N. Report though the prism of information language genre of publicistic discourse // Collection of scientific works SWorld. (International scientific and practical Internet conference "Modern problems and ways of their solution in science, transport, production and education '2014". Base RISC) ssue 2. Volume 19. Ivanovo: Markova A.D., 2014. P. 76-81.
4. Nazar R.N. Characterization of reporting as a language genre // Linguistic studies CG. Sciences. The Kozhedub / Donetsk national University; Sciences. ed Anatoly Zagnitko. Donetsk: DonNU, 2009. Vol. 19. P. 209-213.
5. Solganik G.J. Reporting style. Moscow State University, 1970. 75 p.
6. Solganik G.J. About newspaper language and style // Mass media language as an object of interdisciplinary research. Tutorial [Ed. by M. N. Volodina]. Moscow State University, 2003. P. 264-265.

УДК 81-116.1

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
доц. кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова,
канд. филол. наук
Виноградова Е.Н.
Россия, Москва, тел: +7-903-661-60-97;
e-mail: ekaterinavin@mail.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
The chair of Russian as a foreign language (for humanities),
PhD, associated professor
Vinogradova E.N.
Russia, Moscow, phone: +7-903-661-60-97;
e-mail: ekaterinavin@mail.ru

Е.Н. Виноградова

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ИЛИ ПРЕДЛОГ? (О РОЛИ СОГЛАСОВАННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ)

В статье рассматривается одна из краеугольных проблем грамматики предлога – категориальный статус предложных сочетаний, способных присоединять согласованное определение; выделяется 2 типа подобных прилагательных (модификаторы и имена актантов) и демонстрируется их различный дифференциальный вес при принятии решения о степени предложности той или иной единицы.

Ключевые слова: предлог, предложное сочетание, предложная единица, прилагательное

E.N. Vinogradova

A NOUN OR A PREPOSITION? (ON A MODIFIER FUNCTION)

One of a corner stones in the grammar of preposition is discussed in the article, namely the status of prepositional complexes able to join adjectives. Two relevant types of adjectives are distinguished and analyzed with relation to their influence to the degree of grammaticalization for prepositional units.

Key words: preposition, prepositional complex, prepositional unit, adjective

Грамматика предлога, как и вся наука о языке, активно развивается, отражая новые подходы к изучению языковых явлений. Вполне естественно, что наибольшие изменения касаются объема понятия предлог. Так, М. В. Ломоносов в 1755 году выделял 24 прямых предлога *во* или *въ*, *возь*, *вы*, *для*, *до*, *за*, *изъ*, *ко* или *къ*, *межъ*, *на*, *надъ*, *низъ*, *о* или *объ*, *отъ*, *по*, *подъ*, *пре*, *предъ*, *при*, *про*, *ради*, *разъ*, *со* или *съ* (не разделяя при этом предлоги и приставки; *вы*, *возь*, *низъ*, *разъ* не употребляются изолированно), а также ряд предлогов, которые одновременно выполняют функции предлогов и наречий: *прежде*, *внутри*, *внѣ*, *блиско*, *противу*, *около*, *подлѣ*, *чрезъ*, *сквозь*, *послѣ*, *мимо*, *кромѣ* и проч. [Россійская грамматика 1755]. В. В. Виноградов в середине XX века включает в разряд предлогов не только непроизводные и отнаречные предлоги, но и отыменные, отлагольные, а также сложные типы предложных сочетаний. В состав отыменных попадают предлоги *посредством*, *путем*, *по мере*, *по части*, *в части*, *по линии*, *насчет*, *наподобие*, *с помощью*, *по случаю*, *под видом*, *в пользу*, *в силу*, *ввиду*, *в течение*, *в продолжение*, *вследствие*, *по причине*, *при посредстве*, *в лице*, *вроде*, *в деле*, *в области*, *в отношении*, *в целях*, *на путях*, *по пути*, *со стороны*, *в сторону*, *по поводу*, *в смысле*, *в видах*, *за счет*, а к сложным предложным сочетаниям отнесены: *независимо от*, *впредь до*, *в отношении к*, *применительно к*, *в связи с*, *согласно с*, *следом за*, *вслед за*, *по направлению к*, *глядя по*, *несмотря на*, *не взирая на*, *не говоря о* и т. п. [Виноградов 1986]. В Академической грамматике-80 [Русская грамматика 1980] сохраняется разделение предлогов на первообразные и непервообразные (отыменные, отлагольные и отнареч-

ные), однако состав производных предлогов значительно расширен, так, перечислено 93 отыменных предлога, среди которых *без сопровождения кого-чего-н., в границах чего-н., в ипостаси кого-н., в пределах чего-н., в продолжение чего-н., в смысле чего-н., вне рамок чего-н., за исключением кого-чего-н., на предмет чего-н., по образцу кого-чего-н., со стороны кого-чего-н., через посредство кого-чего-н., в ответ на что-н., в отличие от кого-чего-н., в содружестве с кем-н., в сторону от кого-чего-н., в унисон с кем-чем-н., в уровень с чем-н., на пути к чему-н.* (Но не *на путях*, упомянутый в [Виноградов 1986].), и т.д. В Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой список предлогов и единиц, маркируемых “в значении предлога”, еще обширнее, однако не все предлоги из [Русская грамматика 1980] включаются в него. Таким образом, представляется, что в современной лингвистике наблюдается отчетливая тенденция к расширению объема понятия предлога. В “Материалах к словарю русских предлогов и единиц предложного типа” [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2013] представлено около 6 тысяч единиц, способных выполнять функции предлогов.

В то же время такая широкая трактовка предлога неизбежно вызывает вопрос о критериях категоризации, о том, каким образом можно объективно решить, к какой части речи относится та или иная единица. В данной статье мы рассмотрим одну из проблем трактовки предлога как части речи, а именно: может ли предлог принимать согласованное определение.

Еще Н. Ю. Шведова [Русская грамматика 1980], описывая предложную систему русского языка, принципиально разводит 2 случая:

- *вести себя в границах дозволенного – в установленных границах дозволенного,*
- *выступает в роли умиротворителя – в сомнительной роли умиротворителя,*
- *летал в условиях полярной ночи – в неблагоприятных условиях полярной ночи,*
- *не принял посетителя под предлогом занятости – под неубедительным предлогом занятости,*
- *приехали с целью помощи – с благородной целью помощи,*
- *действует в зависимости от обстоятельств – в непосредственной зависимости от обстоятельств,*
- *работают в содружестве с инженерами – в тесном содружестве с инженерами,*
- *находится на пути к успеху – на верном пути к успеху.*

При этом в тех случаях, когда имя, входящее в предложное сочетание, сохраняет способность принимать согласуемое прилагательное, предложное сочетание утрачивает свою служебную функцию, и имя, получающее определение, восстанавливает все свои предметные свойства.

Трудно не согласиться с выводом, сделанным в академической грамматике, однако представляется необходимым выделить два различных вида согласованных определений:

- 1) модификатор: *в тяжелых условиях севера, в комфортной атмосфере дружбы, в темных глубинах моря, в строгом духе пуританства, в исключительных интересах государства, в теплом кругу семьи, в сложный период подготовки, в продуктивное русло экономики, из странной среды подростков, из престижного статуса столицы, из плохо оплачиваемой сферы обороны, в редкие моменты счастья* и т.д. – к этому типу относятся все случаи, приведенные в [Русская грамматика 1980];
- 2) имя актанта: *в северных условиях, в дружеской атмосфере, в морских глубинах, в пуританском духе, в государственных интересах, в семейном кругу, в подготовительный период, в экономическое русло, из подростковой среды, из столичного статуса, из оборонной сферы, в счастливые моменты* и т.п.

Возможность присоединения прилагательного-модификатора, действительно, характеризует предложное сочетание как не полностью грамматикализованное, не перешедшее в разряд предлогов. Такая возможность является одним из объективных операциональных критериев, позволяющих оценить степень определенности единицы (подробнее см. [Vinogradova 2014]).

Во втором случае, при присоединении прилагательного-имени актанта мы имеем дело с семантически той же предложной единицей, однако актант выражен не существительным, а прилагательным: *в условиях севера – в северных условиях, в атмосфере дружбы – в дружеской атмосфере, в духе пуританства – в пуританском духе, в интересах государства – в государственных интересах* и под. Более того, отметим, что прилагательное имя-актанта может употребляться даже в тех случаях, когда по данным [Русская грамматика 1980] согласуемое слово уже не может быть введено в состав предложного сочетания; например: *в знак чего-н., в отношении кого-чего-н., в продолжение чего-н., в результате чего-н., на предмет чего-н., по мере чего-н.*: **Альбом в музыкальном отношении** представляет зрелый и неконъюнктурный ответ на творчество таких «братьев по оружию», как... (Инт. – Пример взят из сети Интернет. – Е.В.) = в отношении музыки. **Данный вопрос в коммерческом отношении** сопряжен для газодобывающей компании с рядом проблем (Инт.) = в отношении коммерции. **Открывается возможность наращивания полезных в медицинском отношении** клеточных линий прямо в организме животных (Инт.) = в отношении применения в медицине. **В зале присутствовали и мрачные дельцы, и злобная «продвинутая» в компьютерном отношении** хакерская молодежь (Корпус – Пример из Корпуса текстов Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. – Е.В.) = в отношении владения компьютером.

Влияет ли тип согласуемого определения на степень определенности единицы?

Работа над «Материалами к словарю русских предлогов и средств предложного типа» [Всеволодова и др. (в печати)] показала, что для целого ряда единиц возможно употребление как существительных, так и прилагательных в качестве актантов, например:

Новгород отбился от шведов без литовской помощи (Инт.) = **без помощи Литвы**;

Узнав от матери, что сестра ушла с подругами без мужского сопровождения, мальчик специально бегал в город следить за ее поведением (Инт.) = **без сопровождения мужчины**;

Новый партнер ЦСКА готов поделиться своим богатым опытом в финансовой области (Инт.) = **в области финансов**;

В аспекте религиозном набожные русские не заслуживали осуждения... (Инт.) = **в аспекте религии**.

В результате анализа было выявлено, что значительное влияние на выбор типа актанта (имя существительное или имя прилагательное) оказывает форма числа предложнообразующего существительного. Так, к выражению актанта именем прилагательным тяготеют предложные единицы, включающие существительное в форме множественного числа:

Вы просвещаете неискушенных граждан, Вы говорите с коллегами из банковских сфер, разделяя их озабоченность, чаяния и надежды (Инт.);

Драка длилась почти час, и в результате охранники, набранные в основном из силовых структур, были вдрызг разбиты издателями [НКРЯ. 1997. – Пример из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). – Е.В.];

В студенческие годы он снимал картину «Транспорт в СССР» (Инт.);

Эта индифферентность и секуляризм сразу выражаются в болезненных формах; как Достоевский писал, если Бога нет, то всё позволено! [НКРЯ. 1992];

И не только из патриотических чувств: он прекрасно знал, что, едва органы контрразведки узнают о его измене, за его жизнь он сам не даст и гроша [НКРЯ. 2000].

Подобные существительные имеют корреляты-предложные единицы, включающие существительные в форме единственного числа, для которых предпочтительнее актант-существительное:

Среди наиболее крупных, которые начали пользоваться услугами корпоративной связи от «Билайн», можно назвать компании из сферы банков, финансов и ритейла (Инт.);

Мы просто сменили подчиненность, перейдя из структуры МВД в ведение МЧС России [НКРЯ. 2002].

В 1632 году, в год поступления в мушкетёры, Д'Артаньян участвовал в дуэлях с гвардейцами кардинала и другими противниками вдвое чаще, чем Арамис (Инт.);

И пусть читатель не подумает, что "подражания", о которых я веду рассказ, – это что-то в форме дружеских пародий или переделок сочинений известных авторов на новый лад [НКРЯ. 2003];

Финны взяток не дают, а русские из чувства патриотизма дают их, только если с ними говорят на их родном языке [НКРЯ. 2001];

Кроме того, можно говорить и о словообразовательных потенциях актантов, которые заставляют выбрать ту или иную частеречную форму:

Неужели думаешь, она пригласила тебя на дискуссию из лирических чувств, чтобы только сентиментально посмотреть на тебя, мило повздыхать? [НКРЯ. 1975] → *из чувств(а) лиричности.

Вряд ли им окажется и один из «Сильных мира сего», который, разумеется, из чисто отцовских «чувств» довел сына до самоубийства [НКРЯ. 1965] → *из чувства отца;

Потом, когда мы начали восстанавливать уволенных людей на работе, меня вызвали в Отдел науки ЦК и посоветовали (из дружеских чувств, как мне сказали) не связываться с городским комитетом партии... [НКРЯ. 2001] → *из чувства друга.

Ср. также: *Нам ЕС с лицом Квасъневского и Адамкуса совершенно не интересен* [НКРЯ. 2004] → *с Квасъневским лицом; *Нам ЕС с турецким лицом гораздо более симпатичен* [НКРЯ. 2004] → *с лицом Турции.

С другой стороны, необходимо выделить и группу предложных единиц, которые не имеют вариантов в форме единственного числа (подобно, например, вышеупомянутым из сферы чего – из сфер чего, в форме чего – в формах чего, из структуры чего – из структур чего, в год чего – в годы чего):

Это был не обычный оборонительный или наступательный бой, а рывок из вражеских тисков (Шолохов-Синявский, [Словарь 1981-1984]);

Женский образ в мужских глазах оказался ничуть не лучше (Кор.);

Мы даем слово лично генералу Рохлину, поскольку хочется все услышать из первых уст (Корп.);

Из школьных стен выходят юноши и девушки с уже развращенными душами, а зачастую и телами [НКРЯ. 2003];

Хорошо известные британские автомобильные фирмы «Ягуар» и «Ровер» уже давно находятся в иностранных руках (Инт.);

Продажа автоматического оружия в частные руки запрещена американским законодательством в 1994 году (Инт.);

Вы несколько раз не замечали меня, это, вероятно, из конспиративных соображений (Горький, [Словарь 1981-1984]).

Таким образом, представляется принципиально важным разграничить 2 типа прилагательных, которые могут входить в состав предложных единиц. Возможность присоединения прилагательного-модификатора, безусловно, демонстрирует, что данная единица еще не предложилась. Что же касается прилагательных – имен актантов, то оказалось, что здесь нет бесспорного решения: с одной стороны, в условиях севера и в северных условиях абсолютно изофункциональны; более того, думается, что выбор прилагательного в качестве имени актанта часто обусловлен морфологической формой предлообразующего существительного, а также некоторыми словообразовательными потенциями, которые являются, на наш взгляд, чисто формальными условиями дополнительной дистрибуции и не могут влиять на категориальный статус предложного сочетания в целом.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
2. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 304 с.
3. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц. А – В РЯДАХ (кого-чего) (объективная грамматика). М.: Книжный дом «Либроком», (в печати).
4. Российская грамматика Михаила Ломоносова печатана в Санктпетербурге При Императорской Академии Наукъ 1755 года. URL: <http://feb-web.ru/>
5. Русская грамматика. В 2-х томах / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 25 000 экз.
6. Словарь русского языка. Тт.1-4. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд.2. М., 1981 – 1984. 200000 экз.
7. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1992. 955 с.
8. Vinogradova E. The Grammaticalization Paths (New Prepositions in Russian language) // Linguistic Studies: international collection of scientific papers. Vol. 29. Donetsk: DonNU, 2014. P. 50-56.

References

1. Vinogradov V.V. The Russian language (A word grammar doctrine): Textbook / Ed. by G. A. Zolotova. Moscow, 1986. 640 p.
2. Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polykarpov A.A. Russian prepositions and prepositional means. Materials on functional and grammatical description of real use of language. Book 1. An introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units. Moscow, 2013. 304 p.
3. Vsevolodova M.V., Vinogradova E.N., Chaplygina T.E. Russian prepositions and prepositional means. Materials on functional-grammatical description of real use of language. Book 2. A list of Russian prepositional units. A – V RYADAKH (objective grammar) M. (publishing).
4. Russian Grammar by Mikhail Lomonosov, printed in Saint-Petersburg by Imperial Academy of Sciences, the year of 1755. URL: <http://feb-web.ru/>
5. Russian Grammar. 2 volumes / Ed. by N.J. Shvedova. Moscow, 1980. 25 000 copies.
6. Dictionary of Russian language. Volumes 1-4. / Ed. by A.P. Evgenjeva. Moscow, 1981 – 1984. 200000 copies.
7. Explanatory dictionary of Russian language / S.I. Ozhegov, N.J. Shvedova. Moscow, 1992. 955 с.
8. Vinogradova E. The Grammaticalization Paths (New Prepositions in Russian language) // Linguistic Studies: international collection of scientific papers. Vol. 29. Donetsk: DonNU, 2014. P. 50-56.

УДК 801.56

*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
доц. кафедры прикладной лингвистики
и этнологии, канд. филол. наук
Чернышова Л.И.
Донецкая область, г. Макеевка
тел.: +380954053185
e-mail: svitlicja@ukr.net*

*Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture
The chair of applied linguistics and ethnology,
PhD, associate professor
Chernyshova L.I.
Donetsk region, Makiyivka,
tel.: +380954053185
e-mail: svitlicja@ukr.net*

Л.И. Чернышова

ПРЕДМЕТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СИСТЕМЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ)

В статье рассматриваются типы словесных оппозиций, возникающие в лексической группе предметных существительных, которые функционируют в украинской строительной терминологии и профессиональной речи. Проанализированы оппозиции тождества, привативные и эквиполентные оппозиции.

Ключевые слова: предметные существительные, оппозиция, тождество, омонимия, синонимия, антонимия.

L.I. Chernyshova

SUBJECT NOUNS IN THE SYSTEM OF PARADIGMATIC RELATIONS (ON THE MATERIAL OF UKRAINIAN SCIENTIFIC SPEECH)

This article considers the types of verbal opposition appearing in lexical group of subject nouns which function in Ukrainian civil engineering terminology and professional speech. In the article oppositions identities, private and equipollent oppositions are analyzed.

Key words: subject nouns, opposition, identity, homonymy, synonymy, antonymy.

Слова как самостоятельные единицы лексической системы языка в их основной, номинативной функции связаны парадигматическими отношениями между собой, сущность которых заключается в схожести единиц по одним компонентами, формальными или содержательными, и противопоставлении по другим.

Парадигматически структурированный характер имеют все лексические группы слов, включая терминосистемы и даже тематические группы, однако степень их структурно выраженной системности, то есть степень регулярности противопоставлений, находящаяся в основе системности, неодинакова [1; с. 127].

Парадигматические отношения между предметными существительными, являющимися терминами и профессионализмами строительной сферы, выражаются в существовании словесных оппозиций в пределах лексико-семантической группы (ЛСГ). Наша задача состоит в характеристике ЛСГ предметных существительных, которые, образуя семантическую или формальную оппозицию, могут быть связаны различными видами отношений. В соответствии с этим, оппозиции могут квалифицироваться как оппозиции тождества, привативные и эквиполентные оппозиции [3; с. 54].

Оппозиция тождества прослеживается в связи слов, похожих в одном отношении (формальном или семантическом), причем сходство это является полным. Такие отношения воспроизводятся формулой АБ-АБ (ср.: формальное тождество слов *заготовка* (материала) и *заготовка* (предмет для дальнейшей обработки)).

Привативная оппозиция, или оппозиция включения, предусматривает такое соотношение компонентов двух слов, когда одно из слов будто повторяется в другом,

«включается» в него, и вообще прослеживается сходство двух слов. При этом в слове, включающем в себя другое, кроме совместной семы, есть еще специфическая, дифференциальная, поэтому значение определенного слова оказывается более содержательным. Такие отношения складываются по формуле АБ-АБВ, где АБ обозначает общие компоненты, а В – дифференциальные: *пересуватись – летіти*, где общим компонентом слов является значение «передвижение», и оно полностью входит в значение глагола *летіти*, но не исчерпывает его (в значении глагола *летіти* есть еще компоненты «с помощью крыльев», и «в воздухе») [3; с. 48].

Эквиполентные оппозиции, или оппозиции сечения, схематично выражаются формулой АБВ-АБГ; эти оппозиции связывают слова, в которых, кроме общих, имеются специфические компоненты, по которым они противопоставляются друг другу. Слова будто «пересекаются» друг с другом, частично совпадая и частично отличаясь (*освітлювач - затемнювач*).

Далее рассмотрим словесные оппозиции тождества по форме (омонимия) и тождества по содержанию (синонимия).

Омонимы достаточно широко представлены в лексике строительной сферы, что объясняется влиянием на лексическую систему законов словообразования, которые обуславливают наличие в словарном составе научной речи так называемых словообразовательных омонимов. Последние представлены производными словами, основы которых состоят из внешне идентичных морфем, но морфемы благодаря собственной омонимичности или (чаще) многозначности приносят в слова разные значения.

Достаточно часто в строительных текстах встречаются омонимы, образованные от одной основы, но первое производное слово означает действие или процесс, второе – предметное значение. Проследим, как проявляется предметность в значениях производных слов. В оппозициях, где первый компонент называет опредмеченное действие или процесс, омонимический ему второй компонент имеет более широкий семантический диапазон. Так, слово *зіна* обозначает действие и группу рабочих; *розшивка* – действие и инструмент; *прокладка* – действие, промежуточный слой чего-то и конкретный предмет; *сплав* – действие (*сплав лісу*) и общее название материала, который является результатом металлургического процесса производства; *штукатурка* – действие и раствор для выполнения строительных работ; *насадка* – действие и деталь инструмента (*фільтрувальна, змінна насадка*).

Полная омонимия присутствует в оппозициях *вал* как земляная насыпь и *вал* как агрегат, механизм; *ключ (арки)* характеризует внешнюю форму предмета, а *ключ (гайковий, електричний)* называет инструмент; *мат* обозначает конкретный предмет и признак предмета (матовость); форма бывает бетонная, передвижная, называющая конкретный предмет, и архитектурная, касающаяся внешнего вида предмета.

С распадом многозначности связаны омонимические оппозиции *майстер* (должность на производстве) и *майстер* (художник), *панель* (определенного размера предмет) и *панель* (тротуар) и др.

Следует заметить, что словообразовательные омонимы органично связаны с многозначностью образующей основы и формантов, поэтому во многих случаях решение вопроса о том, что перед нами – два самостоятельных слова или два значения одного слова – оказывается достаточно сложным, а для нас, в общем, не имеет принципиального значения.

Предметная строительная лексика, лишь частично являясь терминологической, в определенной степени представлена семантическими оппозициями тождества, то есть синонимами. Словесные оппозиции семантической тождественности выражены так называемыми абсолютными, или номинативными, синонимами, которые полностью совпадают по своим значениям. Это слова – названия конкретных предметов (инструментов, объектов, веществ), например: *гострозубці / кусачки; кліщі / обценьки; крюк / гак; цвях / гвіздок; завіса / запона; купол / баня; балка / брус; бак / чан; комиш / очерет; жерсть / бляха; штукатурка / тиньк; воронка / лійка*. Деревянный молоток обозначают слова *мушкель* и *кьянка*, тождество значения наблюдается между словесными оппо-

зиями *помешкання / житловий будинок, мур / кам'яна огорожа, котельна / паровичня, зруб (колодязя) / ряж*.

Абсолютные, номинативные синонимы встречаются не только в собственно семантических оппозициях, но и в оппозициях формально-семантического типа, когда семантическая тождественность слов сопровождается их частичным морфемным сходством, например: *масло / мастило, рудник / рудня, дно / днище, дверці / дверцята, повсть / повстина, щєбінь / щєбінка, засув / засувка / заслінка* и т. д. Незначительное количество составляют словесные оппозиции, в которых одно из слов относится к заимствованным, например: *демпфер / заспокоювач, думпкар / вагон-самоскид* и т. д.

Существование абсолютных синонимов в языке науки противоречит как общим принципам построения знаковых систем, так и стремлению научного стиля речи к точности, однозначности в номинации предметов объективной действительности. Их наличие в языке обусловлено экстралингвистическими и внутриязыковыми факторами. К первым относятся заимствования слов, в результате которых в языке сосуществуют слова *демпфер / заспокоювач, думпкар / вагон-самоскид* и т. д., значительное количество дублетных наименований присуще терминологии. Внутриязыковые факторы связаны с изменением значения слова в процессе развития многозначности [2; с. 43].

Присутствие в лексической системе языка двух слов с тождественным значением создает в ней определенную избыточность средств, частично нейтрализующуюся в процессе функционирования синонимов в речи. Одним из способов избежать синонимии в языке науки является постепенное ограничение употребления одного из синонимов, что со временем заканчивается полным выходом его из лексической системы стиля. Такой процесс наблюдается с лексемами *бляха* (синоним лексемы *жерсть*), *ціва* (т. е. *труба*), *линва* (т. е. *трос*), *повзун* (т. е. *движок*), *тиньк* (то есть *штукатурка*), *жорсттва (гравій)* и др.

В системе парадигматических связей предметных существительных значительное место занимают семантические привативные оппозиции, которые играют важную роль в организации лексической системы научного языка и обуславливают иерархический характер его внутренней структуры. Чаще всего привативные семантические оппозиции лексем наблюдаются в соотношениях слов, связанных между собой смысловыми родо-видовыми отношениями: *огорожа – паркан, мур*. Все содержание родового слова *огорожа* включается в значение каждого видового (*паркан, мур*), но в последних имеются и специфические компоненты значения: *паркан* – ограда из досок, *мур* – ограда из камня.

В этих оппозициях находят свое выражение отношения общего и частного, представленные соответственно основным и маркированным членами таких оппозиций, ср.: *об'єкт – будинок, споруда, приміщення, помешкання; підлога – поміст* (дерев'яна підлога), *долівка* (земляна підлога), *стяжка* (цементна підлога); *труба – ринва* (водостічна труба), *димар* (димова труба). Каждое слово может входить в такие оппозиции как в функции основного, так и в роли маркированного, уточняющего члена, ср.: *матеріал – деревина, деревина – тес, дошка, шпон* и т. д.

В строительных текстах типична трехчленная семантическая привативная оппозиция, где действует схема: родовое понятие – видовое понятие – подвидовое понятие, последнее из которых может составлять десятки подвидовых названий предмета (материала, конструкции, системы, вещества и т. п.), например: *смола – смола штучна – смола: 1) полімерна, 2) епоксидна, 3) конденсаційна, 4) сечовино-формальдегідна, 5) фенольна, 6) поліефірна, 7) поліхлорвінілова* и т. д. Слово при помощи привативных оппозиций, как отмечает Е. В. Кузнецова, уточняется в двух направлениях: за счет соотношенности с более общим словом и за счет соотношенности с менее общим, конкретизирующим словом [3; с. 70]. В этом реализуются закономерности человеческого мышления, в котором тенденция к обобщению органично сочетается с тенденцией к конкретизации мысли.

Эквивалентные семантические оппозиции предметных существительных представлены словами, значения которых осмысливаются как противоположные, то есть

антонимами. Семантические антонимы связаны между собой отношениями «пересечения», которые характеризуются объединением обоих членов оппозиции совместными семами и противопоставлением специфическими.

В ЛСГ предметных существительных находит распространение один из типов антонимов, так называемые антонимы-комплиментативы, в содержании которых имеются взаимоисключающие противоположные признаки, между которыми не может существовать градуальных переходов. Полная несхожесть антонимов в формальном плане, а отсюда – только семантическая соотнесенность компонентов оппозиции, обуславливает существование достаточно специфических антонимичных пар в ЛСГ предметных существительных. По этому поводу Ф. П. Филин отмечал, что «не имеют антонимов слова предметного значения и лексические единицы, которые не обозначают качественных признаков или противоположной направленности чего-то» [5; с. 222]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что стоит выделять семантические антонимичные предметные существительные, учитывая при этом своеобразие этих оппозиций, семантическую специфику эквивалентных отношений между членами оппозиции.

К антонимичным парам предметных существительных относим оппозиции существительных для обозначения вещества, материала по его функциональной принадлежности: *затемнювач – освітлювач, ущільнювач – розпушувач, окислювач – відновлювач, утеплювач – охолоджувач, розчинник – адсорбент* и т.п. Антонимические пары образуют лексемы для обозначения частей помещения, здания: *підлога – стеля, фундамент – дах / покрівля, підвал – горище; верх – низ, поверхня – під, уступ – ніша*; слово *кут* при противопоставлении по принципу «внутренний – внешний» реализуется в лексемах *куток* (в комнате) – *ріг* (дома) и др. Среди названий механизмов, устройств эквивалентные оппозиции образуют существительные *збуджувач – демпфер / заспокоювач, заглиблювач – виштовхувач* и тому подобное.

Таким образом, предметная лексика украинского научного стиля формирует общую систему семантико-парадигматических отношений, выражающуюся в существовании формальных и семантических словесных оппозиций на уровне минимальных парадигм.

Библиографический список

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
2. Іващишин О. Структурні особливості та семантична диференціація термінів – словосполучень у науково-технічних текстах // Іноземна філологія. 1996. Вип. 109. С. 41-44.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. шк., 1982. 152 с.
4. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семасиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
5. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.

References

1. Vasiliev L.M. Modern linguistic semantic: study guide for high school. Moscow, 1990. 176 p.
2. Ivashyshyn O. Structural features and semantic differentiation of term word combinations in scientific and technical texts // Foreign philology. 1996. № 109. P. 41-44.
3. Kusnetsova E.V. Russian language lexicology: study guide for philological faculties. M Moscow, 1982. 152 p.
4. Stepanov Y.S. Names. Predicates. Sentences: Semasiological grammar. Moscow, 1981. 360 p.
5. Filin F.P. Essays on the theory of linguistics. Moscow, 1982. 336 p.

УДК 811.111-26

Московский институт инженеров транспорта

ст. преп. кафедры «Языкознание»

Баранова А.В.

Россия, г.Москва, тел. 8(903)672-33-48

e-mail: arnib@yandex.ru

Moscow State University of Railway Engineering

The chair of Linguistics, senior teacher

Baranova A.V.

Russia, Moscow, 8(903)672-33-48

e-mail: arnib@yandex.ru

А.В. Баранова

СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы связности и целостности текста, особенности и сравнение английского и русского языков с точки зрения вышеуказанных характеристик, а также приводятся несколько примеров перевода предложений с английского на русский язык с учётом различий между языками.

Ключевые слова: связность, целостность текста, логическая связка.

A.V. Baranova

TEXT COHESION

The article is devoted to text cohesion and integrity as well as comparison the English and Russian languages according these characteristics. There are also some translations of sentences from English into Russian with regard to the differences of the languages.

Key words: text cohesion and integrity, structural constants.

Информацию по вопросам связности и целостности как конструктивных признаков текста можно найти в работе Н.С. Валгиной «Теория текста». В данной работе она определяет текст, прежде всего, «как информационное и структурное единство, как функционально завершённое речевое целое» [3; с. 37]. Некоторые исследователи различают локальную связность и глобальную связность. Локальная связность - это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Глобальная связность - это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность. Локальная связность определяется межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и т.д.). Глобальная связность (а она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст и его фрагменты. Связность текста проявляется через внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста. Целостность же текста усматривается в связи тематической, концептуальной, модальной. Другими словами, понятие цельности текста ведёт к его содержательной и коммуникативной организации, а понятие связности - к форме, структурной организации. Структурная связь может быть эксплицитной и имплицитной, для русского языка характерно наличие связок, союзов с целью объединения предложений в один связный текст, в то время как в английском языке они часто только подразумеваются [7]. Следующие друг за другом высказывания соединены различными видами логической связи: одно высказывание вытекает из другого, поясняет

его, устанавливает с ним причинные, временные, пространственные и т.п. отношения. Эта особенность выявляется в английском оригинале, что и учитывается в русском переводе. Однако в английском языке логические связи между отдельными высказываниями часто обнаруживаются лишь в самом их содержании и особо не выражаются. В русском языке предпочтительно использовать специальные слова и вводные обороты, указывающие на тот или иной тип связи. Поэтому в переводе часто обнаруживаются подобные дополнительные уточнения, отсутствующие в оригинале.

Выражение смысловых отношений, доказательность и аргументированность изложения, в частности, связаны с употреблением сложных предложений с развернутой союзной связью. В научном стиле возможны длинные сложные предложения, которые способствуют высокой информативности: достаточно полной и подробной передаче информации. Предложения часто состоят из нескольких предикативных структур. Нередко предложения осложнены причастными оборотами, вводными структурами и т.п., увеличивающими их емкость. Большую роль при этом играют связочные элементы. В связи с последовательностью и доказательностью научного изложения в английском и русском широко используются причинно-следственные союзы и логические связки *since, therefore, it follows, так, таким образом* и др.

Для этого служат союзы и союзные слова, наречия и наречные выражения, вводные слова, частицы. Они выражают: дополнение информации: *кроме того; также; тоже; там же; туда же; сюда же; здесь же; тогда же; в частности; между тем; вместе с тем*; сопоставление информации: *наряду с этим; при этом; и..., и; так же; то же; так же, как (и)...; столько (же), сколько (и)...; ср. (сравни)*; противопоставление информации: *но; однако; зато; хотя; при том, что...; вопреки...; в отличие от ...; несмотря на...*; причинно-следственные связи: *поэтому; в силу; ввиду; вследствие; в результате; в связи с; благодаря; из-за этого; по причине; дело в том, что...; пояснительные отношения: например; так*; порядок следования: *прежде всего; в первую очередь; во-первых; во-вторых...; вначале; затем; далее; в дальнейшем; наконец; в продолжение; вывод: следовательно; таким образом; итак*; внутритекстовые отсылки: *как уже говорилось выше; как было показано выше; как будет сказано ниже; см. (смотри) об этом выше /ниже*.

Существуют также и другие способы межфразовой связи, которые выражают различные виды координации предложений между собой. Способом неоднократного выражения одного и того же понятия служат повторы слов в предложениях, связанных друг с другом по смыслу. В силу необходимости точной идентификации повторяющихся понятий лексический состав научного текста характеризуется относительной однородностью и замкнутостью, использование синонимов в нем ограничено. Объем текста в научном стиле увеличивается не столько за счет употребления различных слов, сколько за счет многократного повторения одних и тех же. Эти слова пронизывают весь текст, помогают связывать его в одно целое. Переводчик должен помнить, что при переводе ключевых слов необходимо найти в русском языке соответствующий эквивалент, который на протяжении всего текста переводится одинаково, тем самым не затрудняет восприятие и понимание текста. Рассмотрим несколько примеров практического применения вышеизложенных теоретических изысканий при переводе с английского на русский язык.

Характер связи в английских предложениях может быть явно не выражен, а только подразумеваться. Поэтому переводчику приходится устанавливать связь между предложениями и вводить в перевод логические связки, необходимые для выражения именно этого вида связи.

Financial innovation could reduce the pivotal role of banks by providing an alternative channel for firms and households to access financing, one that depends less on the collateral

constraints faced by borrowers and the adverse impact of financial stresses on the cost of capital for banks. **Благодаря** финансовым инновациям и за счёт предоставления компаниям и населению альтернативных способов доступа к кредитованию, решающее значение банков может уменьшиться, поскольку **эти способы** менее зависимы от требований по обеспечению кредита, с чем сталкиваются заёмщики, и негативного влияния периодов нехватки капитала на его стоимость, с которыми, в свою очередь, сталкиваются банки.

В английском тексте причинно-следственная связь не выражена в явной форме, а в переводе была использована связка «благодаря». В английском предложении может присутствовать недостаточность в выражении связи (например, отсутствует союз, союзное слово, связка), но, учитывая особенности научного стиля русского языка, а именно логичность, последовательность, целостность, использование связки, союза является обязательным условием. К тому же, за счёт экспликации и добавления указательного местоимения «эти» была произведена замена слова-заместителя, что способствовало усилению связности не только между данными предложениями, но и на уровне текста.

Overall, 113 financial stress episodes were identified by the FSI in the sample of countries considered in this paper over the last 30 years. В целом, в выборке стран за последние 30 лет, рассматриваемых в настоящей работе, с помощью ИНК выделено 113 эпизодов недостаточности капитала.

Given the quality and quantity of financial data, financial economics was a fertile area of research where event studies have been used extensively.

Многообещающей областью научных исследований, изобилующей качественными и количественными данными, где подробно изучаются события, стала экономика финансов.

В некоторых случаях при переводе недостаточно установить характер связи между предложениями, но нужно сохранить и ремо-тематическую связь, к тому же, в научной речи используется простой, но строгий порядок слов, прямо соответствующий процессу познания: от известного к новому. При выборе же характера связи между предложениями необходимо помнить, что цепная связь понимается читателем наиболее легко благодаря непосредственному контакту предложений, соотносимых между собой, так новая информация тяготеет к концу предложения, затем в следующем предложении эта же информация идёт в начало предложения и т.д.

Looking in detail at the country-specific FSI, for the set of countries considered in this paper the peaks of the FSI—corresponding to periods of financial stress—generally overlap accurately with well-known financial stress episodes in these countries over the past three decades, including the most recent episode.

Рассматривая более подробно ИНК, характерный для отдельных стран, представленных в настоящей работе, **заметим**, что высокие показатели ИНК, соответствующие периодам экономической нестабильности, в большинстве случаев точно совпадают с эпизодами широко известных экономических кризисов, которые происходили в этих странах в течение последних 30 лет, включая самые последние эпизоды.

Английские простые предложения, в которых преобладают причастия, входят в состав сложного и не соединяются с помощью союзов, союзных слов и других связок. При переводе на русский необходимо добавить связку, как возможный вариант глагол «заметим», к которому и будет относиться причастие.

Pure securities market stress episodes, especially on a cross-country basis, have not been examined as comprehensively, although studies for single countries are instructive. - **При этом** существуют информативные исследования по отдельным странам, но все-

стороннего изучения кризисных эпизодов, связанных только с рынком ценных бумаг, особенно такое, которое бы охватывало несколько стран, не проводилось.

Для обозначения смежных действий в русском языке часто применяется логическая связка «при этом», которая в английском предложении не выражена, но является необходимым элементом при переводе на русский язык для выражения связи между двумя сложными предложениями, что также способствует восприятию текста на русском языке как единого целого.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: МГУП «Мир книги», 1998. 173 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Самиздат, 2007. 144 с.
3. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: Учебник. М.: Логос, 2007. 432 с.
4. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. Учебник для ВУЗов. М.: Флинта, 2008. 464 с.
5. Космарская И.В., Рощина Л.М., Руденко А.К., Яковлева М.П. Культура русской речи. М.: Рема, 2007. 244 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
7. Супрун А.Е. Лекции по лингвистике. Минск: БГУ, 1980. 144 с.
8. Фирсов О.А. Перевод с английского языка на русский и его комментарий. М.: ЦАТ-Полиграф, 2006. 198 с.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. М.: URSS, 2009. 284 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода (Статус, проблемы, аспекты). М.: 1988. 216 с.
11. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. 472 с.

References

1. Valgina N.S. Text theory: study guide. M., 1998. 173 p.
2. Galperin I.R. Text as an object of linguistic studies. M., 2007. 144 p.
3. Golub I.B. Russian language and speech culture. M., 2007. 432 p.
4. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A. Russian language stylistics. M., 2008. 464 p.
5. Kosmarskaya I.V., Roschina L.M., Rudenko A.K., Yakovleva M.P. Russian speech culture. M., 2007. 244 p.
6. Komissarov V.N. Translation theory (linguistic aspects). M., 1990. 253 p.
7. Suprun A.E. Linguistic lectures. Minsk, 1980. 144 p.
8. Firsov O.A. Translation from English into Russian language with commentaries. M., 2006. 198 p.
9. Chernyavskaya V.E. Text linguistics. M., 2009. 284 p.
10. Shveytser A.D. Text theory (State, problems, aspects). M., 1988. 216 p.
11. Schirova I.A., Goncharova E.A. Text multidimensionality: comprehension and interpretation: St-P., 2007. 472 p.

УДК 801.56

*Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры
доц. кафедры прикладной лингвистики
и этнологии, канд. филол. наук
Гапонова Т.Н.;*
*доц. кафедры прикладной лингвистики
и этнологии, канд. филол. наук
Назар Р.Н.
Донецкая область, г. Макеевка
тел.: +380955662660
e-mail: nazar_roman@mail.ru*

*Donbas National Academy of Civil Engineer-
ing and Architecture
The chair of applied linguistics and ethnology,
PhD, associate professor
Gaponova T. N.,*
*PhD, associate professor
Nazar R.N.
Donetsk region, Makiyivka,
tel.: +380955662660
e-mail: nazar_roman@mail.ru*

Т.Н. Гапонова, Р.Н. Назар

**ВЫДЕЛЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ПРЕДЕЛАХ
АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ
В ИНФОРМАЦИОННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

В статье рассматривается один из синтаксических способов выразительности – парцелляция. Приводятся примеры мнений ученых по этой проблеме. Детально анализируется явление парцелляции в сложносочиненном предложении в аспекте актуального членения.

Ключевые слова: парцелляция, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, тема, рема, актуальное членение.

T.N. Gaponova, R.N. Nazar

**THE ALLOCATION OF THE THEMATIC COMPONENT WITHIN
THE ACTUAL DIVISION COMPOUND SENTENCES WITH PARANIRVANA
STRUCTURES IN INFORMATIONAL AND NONFICTION TEXTS**

The article considers one of the syntactic expressions called parcelling. Examples of the scientists' views on this issue are given. The phenomenon of parcelling in a compound sentence in the aspect of actual division is analyzed in detail.

Key words: parcelling, compound sentence, complex sentence, theme, rheme, actual division.

Одним из основных направлений развития современного синтаксиса является тенденция к аналитизму. В таких условиях активно используются приемы экспрессивного синтаксиса: парцелляция, лексический повтор, сегментация (ее проявление – именительный темы), эллипсис, антиэллипсис и т.п. Сегодня большинство ученых признают парцелляцию одним из синтаксических средств выразительности (В.А. Белошапкова, А.А. Загнитко, Ю.В. Ванников, В.П. Ковалев). Однако существует и другой подход к анализу этого явления. Так, П. Дудик, И. Белодед не разграничивают явления парцелляции и присоединения, квалифицируя их как присоединительные конструкции. Мы же исходим из того, что это два разных явления, которые имеют свои семантико-синтаксические и коммуникативные особенности.

Присоединение рассматривают как разновидность синтаксической связи, соотно-

шение двух синтаксических единиц на основе семантико-грамматической независимости одной из них (опорного предложения) и смыслового и грамматического тяготения к ней другой (присоединительной конструкции). А парцелляция является способом оформления одной синтаксической единицы (предложение) несколькими коммуникативными единицами (фразами).

«Парцеллятом нужно считать часть простого или сложного предложения, образующую при его членении на несколько высказываний в связи с определенной коммуникативной идеей и вынесенную за границы синтаксической структуры предложения. Между частями расчлененного предложения сохраняются отношения и формы связи, характерные для частей непарцеллированной конструкции» [1; с. 201]. Одна из частей члененного предложения будет структурно основной, стержневой. Такой, по мнению А.А. Загнитко, является, например, главная часть сложноподчиненного предложения или часть простого, которая осталась после парцеллирования. То есть этот ученый придерживается взгляда на явление парцелляции как на такое, в котором доминируют среди сложных предложений лишь сложноподчиненные. Парцелляция, по его мнению, связана с коммуникативно-функциональным планом предложения, выступает продолжением его сути. А в случае сочинительной связи необходимо говорить о присоединении, которое принадлежит к статическому плану предложения (находится в одном ряду с разделительными, причинными отношениями) [1; с. 202]. Таким образом, предложение типа *Я пришел. Но тебя не было дома* исследователь относит уже не к одному сложносочиненному парцеллированному предложению, а к разным предложениям в пределах одного сложного синтаксического целого.

«Различие между парцелляцией и присоединением состоит в смысловом и грамматическом аспектах обоих лингвистических явлений. Парцеллят зависит от основного компонента предложения в смысловом и грамматическом аспектах, а значит, и в этой позиции он является членом предложения. При необходимости и определенных условиях его можно вернуть к соответствующей структуре предложения: *Я рад за тебя. И за Веру. – Я рад за тебя и за Веру.* Для присоединительной конструкции такое преобразование невозможно, поскольку предыдущее предложение выступает законченным в смысловом и грамматическом аспектах» [1; с. 206]. В связи с этим стоит вопрос, можно ли считать два (и более) предложения, объединенных сочинительными отношениями и формальными языковыми средствами, но разделенных синтаксически и пунктуационно, настолько зависимыми в смысловом и грамматическом аспектах, чтобы считать их одним парцеллированным сложносочиненным предложением.

Понятно, что сложносочиненное предложение не является механическим объединением простых предложений, на общность этой единицы указывает семантика союза. Это единство поддерживается и интонационно. Соответственно отличие между сложносочиненным предложением и связным текстом лежит в плоскости интонационных, а не синтаксических отличий, которые оформляют большую или меньшую связность, слитность синтаксических единиц. Большая мера связности при условии интонационной завершенности первой предикативной единицы образует сложносочиненное предложение, а меньшая мера связности – при условии интонационной завершенности каждой предикативной части – связный текст [4; с. 250]. Однако семантика сложносочиненного предложения складывается еще и из совокупности значений его составных частей в целом: содержание одной части раскрывается в неразрывной связи с содержанием другой. В нашем случае, безоговорочно утверждая, что в сложносочиненном предложении наблюдается лишь явление присоединения, которое, в свою очередь, предусматривает грамматическую и смысловую завершенность первой части и факультативность второй, присоединенной, мы тем самым игнорируем контекст, отрываем предложения друг от друга, в результате чего теряется истинное содержание предложения. Поэтому, по нашему мнению, вполне возможно рассматривать явления парцелляции в пределах сложносочиненного предложения. У.М. Каранская определяет парцелляцию и присоединение как встречные явления [3; с. 350-354]. По ее мнению, они присущи как сложноподчиненным, так и сложносочиненным предложениям. В.А. Белошапкина закрепляет за парцелляцией статус самостоятельного явления и так-

же считает, что оно присуще как сложноподчиненным, так и сложносочиненным предложениям. Другое дело, все ли сложносочиненные предложения подпадают под это явление. Мы предполагаем, что сложносочиненное предложение открытой структуры нужно квалифицировать как парцеллированное / непарцеллированное (отдельное предложение) в зависимости от интонационной завершенности (как это отмечалось выше). В предложениях же закрытой структуры, которые выявляют скрытое подчинительное свойство, следует рассматривать парцелляцию. Но при этом нужно обращать особое внимание на семантику второй части: если это семантика объяснения, которая разворачивает утверждение в главном предложении, то следует квалифицировать такую часть как присоединительную, независимо от того, к какой структуре относится предложение. В таком случае средствами связи выступают присоединительные союзы, омонимические сочинительным: *Согласно нововведениям, Президент назначать Премьер-министра уже не сможет – это право предоставлено Верховному Совету. Однако не просто Верховному Совету, а парламентской коалиции* [Украина молодая. – 2006].

Несомненным является тот факт, что парцелляция связана с коммуникативной стороной речи, в частности, с актуальным членением предложения. Исследовательница О.С. Зверева считает, что парцелляции присуща информационная, логическая, эмотивная, прагмакоммуникативная функции [2; с. 14]. Функцию актуального членения наряду с другими функциями парцелляции в публицистическом стиле (общая экспрессивность, усиление иронии) выделяет и А.П. Сковородников [5; с. 172-175]. На связь парцелляции с актуальным членением указывала также В.А. Белошапкина.

Итак, выясним, как явление парцелляции в сложносочиненном предложении влияет на его актуальное членение.

В сложносочиненном предложении парцеллированная сочинительная часть, хотя и оказывается структурно полной, однако характеризуется смысловой неполнотой, что и позволяет рассматривать первую сочинительную часть и парцеллят как одну коммуникативную единицу: *Дополнительных вступительных экзаменов в высшие учебные заведения не будут проводить. Но есть исключения* [Голос Украины. – 2008]. Специфика парцеллята такова, что он актуализируется, характеризуется большей коммуникативной нагрузкой по сравнению с тем, если бы он был в составе сложносочиненного предложения непарцеллированным, а поэтому он всегда является выразителем ремы высказывания. Однако отдельного яруса членения предложения не образует. Соответственно тема в сложносочиненных предложениях с парцеллированными частями репрезентуется всегда, независимо от структурно-семантического типа предложения, всей первой сочинительной частью. Например: *Старожилы Варвинского, Лохвицкого, Роменского районов (соответственно Черниговская, Полтавская, Сумская области) свидетельствуют, что эта местность и до сих пор «по непонятным причинам» называется Римом или Римской дорогой. И принадлежит этот Рим Мармызовскому сельсовету Варвинского района* [Голос Украины. – 2008]. Учитывая наличие подчинительной части, а также парцеллята, определим его актуальное членение следующим образом:

1 уровень	T: T1 / P1. / I P: T2 + P2
П + Пр/Пч. / I Пр+П / К	
2 уровень	T 1.2 / P1.2
	П / Д + Пр

Между парцеллятом и первой частью сложносочиненного предложения устанавливается семантико-синтаксическая связь: парцеллят с легкостью можно превратить в полноправный компонент сложносочиненного предложения. Например: *В 1769-1787 гг. русские снова штурмуют Хотынскую крепость. / Но лишь после русско-турецкой войны 1806-1812 гг. / Хотын вошла в состав России и стала уездным центром Бессарабской губернии* [Украина казацкая. – 2007]. *В 1769-1787 гг. русские снова штурмуют Хотынскую крепость, / но лишь после русско-турецкой войны 1806-1812 гг. / Хотын вошла в состав России и стала уездным центром Бессарабской губернии.* Актуальное членение исходного сложносочиненного предложения (с парцеллятом) и трансформи-

рованного совпадает. Это предопределяется структурно-семантическим типом анализируемого предложения (сопоставительно-противопоставленное, закрытой структуры).

Явление парцелляции может наблюдаться и в полипредикативных предложениях (как с сочинительной, так и с подчинительной связью между компонентами. Сегодня это не входит в круг наших интересов, но попутно на этом остановимся). Рассмотрим предложение *За первым тостом, не чокаясь, помянем Андрея Самойловича. И я прочитаю наизусть несколько его стихотворений из знаменитого цикла «Украина моя». А все секретари отделов поймут украинскую поэзию, придут в умиление и горячо будут аплодировать* [Голос Украины. – 2008]. Актуальное членение этого полипредикативного предложения содержит тему (Т), представленную первой сочинительной частью, и две ремы (Р і Р'), выраженные парцеллированными частями, однако это актуальное членение линейное. Иерархичность проявляется на втором уровне, когда РЗ в составе Р' членится на ремы РЗ.2+РЗ.2'+РЗ.2'':

1 уровень:	Т.: Т1 / Р1. / И Р: Т2 / Р2. / А Р': Т3 / РЗ
2 уровень:	Д / ГЧОРП+Пр/До П / Пр+Пр+Пр РЗ.2+РЗ.2'+РЗ.2''

Итак, парцелляцию сложносочиненного предложения используют в информационно-публицистической речи как средство членения информации на части, что придает парцелляту особый информативно-экспрессивный характер и способствует сосредоточению внимания читателя на главном.

Библиографический список

1. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови : Синтаксис : монографія. Донецьк: ДонНУ, 2001. 662 с.
2. Зверева О.С. Функціонування парцельованих конструкцій в сучасному російському поетичному мовленні (у порівнянні з українським) : дис... канд. філол. наук : 10.02.02 «Російська мова» К., 1998. 180 с.
3. Каранська М.У. Синтаксис сучасної української літературної мови: Навч. посібник. К. : НМК ВО, 1992. 440 с.
4. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М. : Просвещение, 1976. 239 с.
5. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981. 256 с.

References

1. Zagnitko A.P. Theoretical grammar of Ukrainian language: Syntax: monograph. Donetsk, 2001. 662 p.
2. Zvereva O.S. Functioning of parcelling constructions in modern Russian poetical speech: dis... kand. FLA. Sciences : 10.02.02 "Russian languages". Kiev, 1998. 180 p.
3. Karanska M.W. Syntax of modern Ukrainian languages: Coursebook. Kiev, 1992. 440 p.
4. Kovtunova I.I. Modern Russian language. The order of words and actual division of the sentence. Moscow, 1976. 239 p.
5. Sovorodnikov A.P. Expressive syntax of modern Russian language. Tomsk University, 1981. 256 p.

УДК 81.37

*Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры
доц. кафедры прикладной лингвистики
и этнологии, канд. филол. наук
Ковалева Н.А.
Украина, г. Макеевка, тел +380502631671
e-mail: lyubov22000@mail.ru*

*Donbass National Academy of Civil Engi-
neering and Architecture
The chair of applied linguistics and
ethnology, PhD
Kovalyova N.A.
Ukraine, Makeyevka, tel. +380502631671
e-mail: lyubov22000@mail.ru*

Н.А. Ковалева

ЗНАЧЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ УСТУПИТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В статье рассматривается значение семантического субъекта в составе односубъектного и двухсубъектного уступительных предложений в русском научном языке. Определены семантические функции субъектов этих предложений, их коммуникативная направленность и взаимосвязь с другими компонентами уступительных предложений.

Ключевые слова: уступительное предложение, семантика, субъект, объект, предикат.

N.A. Kovalyova

THE MEANING OF THE SEMANTIC SUBJECT IN CONCESSIVE SUBORDINATE CLAUSE

The paper deals with the meaning of the semantic subject in one-subject and two-subject concessive subordinate clause in Russian scientific style. Semantic functions of the subjects of the sentences, their communicative orientation and relationship with other components of concessive clauses are determined.

Key words: concessive clause, semantics, subject, object, predicate.

Как показывает анализ лингвистических работ [3; с. 352], роль семантических функций компонентов уступительного предложения в настоящее время полностью не изучена. Это обуславливает актуальность проведения исследований в этом направлении. Целью этой работы является всестороннее изучение значения семантического субъекта в составе односубъектного и двухсубъектного уступительных предложений в русском научном языке.

Семантический субъект представляет собой одну из важнейших категорий семантической структуры предложения, отражающих языковыми средствами определенную (конкретную или абстрактную) субстанцию реальной или воображаемой действительности с соответствующим ей понятием.

Значение семантического субъекта, как и понятия, которое соотносится с ним, имеет свою структуру, для выяснения которой ведутся лингвистические поиски [4; с. 26].

В своей работе мы исходили из того, что структура каждого значения семантического субъекта непосредственно связана со структурой соответствующего понятия. В односубъектных и двухсубъектных предложениях субъекты отражают понятие конкретного или абстрактного, единичного или обобщенного характера. Например: *Несмотря на то, что с социологической точки зрения эта концепция правдива, решение ее, предлагаемое Кулишом, в малой степени соответствует диалектике истории* [4; с. 255].

Исследования лексического выражения субъектных компонентов уступительных предложений в общественно-политических текстах показало, что количество предметной лексики у них ограничено, а большинство лексических единиц для обозначения

субъектных компонентов может определять абстрактные субстанции или различные признаки конкретных субстанций. Это очень важно при выяснении значения семантического субъекта и его связи с семантическими предикатами, поскольку в абстрактных лексемах становится актуализированным десигнат, то есть понятийный, а не денотативный аспект. Возникает необходимость отметить также разницу между значением слова вне контекста и значением семантического компонента, который выражен той же лексемой: слово вне контекста отражает понятие о субстанции, в результате чего значение слова оказывается более узким чем понятие; значение же субъектного компонента предложения научного языка всегда является более узким, чем значение лексемы, которая его выражает, поскольку в предложении актуализируется не вся система признаков субстанции, реализованной словом, а только некоторые из них, дополняемые в предложении новыми признаками, которые эксплицируются предикатной информацией, например: *И хотя сюжет имел юмористическое направление, он отражал и состояние дел* [2; с. 145].

Субъект предложения «сюжет» выражает конкретную субстанцию, имеющую систему определенных признаков, а не все значения понятия "сюжет". Предикаты "имел юмористическое направление" и "отражал и состояние дел" эксплицируют соотношение двух конкретных "алогичных" признаков субъекта, прогнозируя наличие в его понятии таких уже известных адресату признаков, как: сюжет – содержание произведения, сюжет имеет адресата, сюжет отражает события и т. п.

Семантика как односубъектного, так и двухсубъектного уступительного предложения способствует расширению значения субъектного компонента, активизируя круг его признаков и эксплицируя два из них, которые выражены семантическими предикатами. Возвращаясь к вопросу о зависимости значений семантических компонентов от коммуникативной функции уступительного предложения, можно отметить, что своей информацией о двух обратно обусловленных признаках субъекта оно способствует расширению знаний о субстанции реальной или воображаемой действительности, представленной в предложении семантическим субъектом.

Итак, вокруг признаков, составляющих структуру понятия, "запрограммирован" круг ситуаций, в которых они могут проявляться. Например, для выражения последовательности проявления признаков характерна временная ситуация, для выражения обусловленности динамического признака при наличии соответствующего статического признака – причинная, для необусловленности, например, динамического признака какому-то определенному статическому признаку – уступительная, то есть выражению отдельных признаков соответствует набор ситуаций, который на синтаксическом уровне обслуживает различные формы предложений.

В предложении с одним субъектом при двух предикатах, к которым относятся и уступительные предложения, представлены обычно один или два статических признака субъекта, или два динамических, или один статический и один динамический признак. Причем если прямая обусловленность признаков субъекта выражена структурами предложений с семантикой условия или причины, то уступительные предложения служат для выражения необусловленности признаков, а точнее, их обратной обусловленности. О сочетании в смысле одного слова обусловленных и разнонаправленных признаков писал еще В.В. Виноградов: «Общественно-закрепленный смысл слова может быть однородным, единственным, но может представлять собой внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных "кусочков действительности", между которыми в системе определенного языка устанавливается смысловая связь» [1; с. 10]. Именно такая связь и характерна для предложений уступительной семантики при одном субъекте, когда в смысле субъекта объединены два обратно обусловленных признака.

В связи с тем, что каждое предложение, в том числе и односубъектное уступительное, несет конкретную информацию о субстанции реальной или воображаемой действительности, можно сказать, что оно эксплицирует и потенциальные признаки соответствующего ей понятия. В предложении, а шире – в тексте, происходит движение объема понятия субстанции: оно или расширяется, или раскрывается в зависимости от

передачи информации от одного источника к другому, от адресанта к адресату. Причем один источник (адресант) сообщает об отдельных признаках субстанции, частично реализуя ее понятие, а другой (адресат) – воспринимает, обогащая свои знания о ней новыми данными и распространяя круг своего представления о понятии названной субстанции. Значение субъекта имплицитно прогнозирует объекты и предикаты предложения, а на эксплицитном уровне предикаты реализуют потенциальные возможности субъекта, обогащая знания о нем и о понятии.

В двухсубъектном предложении складывается несколько иная ситуация – в нем эксплицируется связь двух субстанций реальной или воображаемой действительности. Причем субъектные позиции могут занимать как две различные субстанции, так и различные проявления, формы или состояния одной – общей для них. Например: *Хотя Зиммель проводит границу между формами социации и ее содержанием (желания, ценности, интересы), его работы показывают, что это было аналитическим разделением дополнительных аспектов* [5; с. 104].

Наблюдая и анализируя связи субъектов с объектами, можно отметить, что в системе признаков соответствующего объекта понятие "объект" запрограммировано как субстанция, с которой возможны связи субъекта. А на уровне конкретного предложения эти связи выражены одним из предикатных компонентов или обеими предикатами сразу. Таким образом, значение семантического субъекта и объекта обусловлены значениями отображаемых субстанций, понятиями о них и актуализированы в предложении семантикой отношений предикатных компонентов (в односубъектном) и предикативных центров (в двухсубъектном).

Библиографический список

1. Борисенко В.И. Курс украинской истории: С древнейших времен до XX века. 2-е изд.: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1998. 616 с.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3 – 29.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
4. Иваненко З.И. Семантическая структура предложных конструкций. Языкознание. 1978. № 1. С. 13 – 26.
5. Луцкий Ю. Между Гоголем и Шевченко / Ред. совет: В.О. Шевчук и др. М.: Время, 1998. 255 с.
6. Покропивный С.Ф., Колот В.М. Предпринимательство: стратегия, организация, эффективность: Учеб. пособие. М.: КНЭУ, 1998. 352 с.

References

1. Borisenko V.I. The course of Ukrainian history: From ancient times to the 20th century. 2nd ed.: Textbook. Moscow, 1998. 616 p.
2. Vinogradov V.V. Main types of lexical meanings. Problems of Linguistics. 1953. № 5. P. 3 – 29.
3. Zolotova G.A. Essay on functional syntax of Russian language. Moscow, 1973. 352 p.
4. Ivanenko Z.I. Semantic structure of prepositional constructions. Linguistics. 1978. № 1. P. 13 – 26.
5. Lutsky Y. Between Gogol and Shevchenko / Ed. tip: V.O. Shevchuk etc. Moscow, 1998. 255 p.
6. Pokropivny S.F., Kolot V.M. Entrepreneurship: strategy, organization, efficiency: Textbook. Moscow, 1998. 352 p.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный университет
асп. кафедры русского языка
Кудрявцева Т.Ю.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-906-670-12-51
e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru*

*Voronezh State University
Post-graduate Student of Department of Russian Language
Kudryavtseva T.Y.
Russia, Voronezh, 8-906-670-12-51
e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru*

Т.Ю. Кудрявцева

ОБОСОБЛЕНИЕ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена актуальным вопросам обособления деепричастного оборота, составляющим одну из наиболее проблемных областей современной русистики. Рассмотрение исследуемого синтаксического явления в семантическом аспекте позволяет не только выявить основания обособления деепричастий, но и расширить представление о функциях деепричастия в высказывании.

Ключевые слова: обособление, деепричастие, деепричастный оборот, семантическое осложнение, коммуникативное осложнение, высказывание.

T.Y. Kudryavtseva

ISOLATION OF ADVERBAL PARTICIPLE STRUCTURE: SEMANTIC ASPECT

The article is devoted to the up-to-date questions of isolation of adverbial participle structure, which is considered as one of the greatest problems of the modern Russian philology. The research of the given syntax structure in the aspect of semantic leads not only to its explanation but also expands the ideas of adverbial participle functions in the utterance.

Key words: isolation, adverbial participle, adverbial participle structure, semantic complication, communicative complication, utterance.

Несмотря на строгую кодифицированность правила, согласно которому деепричастный оборот на письме всегда графически выделяется, количество исключений и *особых случаев*, «разрушающих» эту норму, столь велико, что вопрос обособления/необособления деепричастий по-прежнему вызывает трудности.

Как представляется, одна из причин подобной «исключительности» кроется не только в особом синтаксическом статусе деепричастия [1], но и в расхождении основополагающих, базовых принципов теории и практики, когда «сущность осложненного предложения как синтаксической единицы раскрывается с учетом структурно-семантического подхода, а конкретное описание реализации – с опорой на функциональный принцип» [6; с. 87].

Так, *обычай* отделять деепричастный оборот запятой связывают прежде всего с его конструктивными особенностями – многокомпонентностью, сближающей деепричастный оборот с придаточным предложением [3; с. 91], синтаксической функцией и двойной связью – с глаголом-сказуемым, с одной стороны, и предметом-подлежащим, с другой [4; с. 261].

Усложнение структуры предложения предопределено способностью деепричастия выражать добавочное сообщение. Исследуя соотношение полупредикативности с обособлением, О.М. Чупашева приходит к выводу о нетождественности этих явлений, но их взаимной обусловленности [5]. Вместе с тем полупредикативность не всегда выступает непременно условием обособления.

Известно, что деепричастный оборот, стоящий в постпозиции и тесно примыкающий по смыслу к глаголу-сказуемому, может пунктуационно выделяться либо не

выделяться: *Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь (М. Горький) – Лиза это сразу заметила и даже рассмеялась, знакомясь с ней. (Л. Дворецкий)*. При этом его синтаксическая функция остается неизменной, как и конструктивный состав предложения в целом, – меняется тема-рематическое членение, что на письме отражается в изменении графического облика высказывания. Лишившись пунктуационного знака, деепричастный оборот входит в качестве составляющего элемента в блок основной ремы и утрачивает функции ремы дополнительной, приобретая большую выразительность, смысловую нагруженность: *Он шел с трудом передвигая правую ногу (М. Горький)*. В подобных структурах внимание акцентировано не на действии, а на характере его протекания, на свойствах действия. В итоге два предложения, идентичные в аспекте номинативном, получают различное коммуникативно-прагматическое осмысление, а обособление деепричастного оборота носит характер коммуникативно ориентированного.

В ряде случаев дополнительным условием графического выделения деепричастного оборота становится его семантическая усложненность вследствие совмещения двух разнофункциональных элементов высказывания. Речь идет прежде всего о смысловом наложении деепричастного оборота с так называемыми «особыми явлениями» синтаксиса, статус которых остается дискуссионным [2].

Деепричастный оборот может приобретать дополнительное уточняюще-пояснительное значение, предполагающее выделение из структуры высказывания и, следовательно, обособление: *Я вскочила, забормотала, простирая руки, именно простирая, в сторону двери (И. Грекова); Лиля уехала с ним в Москву, жила так, как хотела, то есть читая книги, задумчиво прогуливаясь, дожидаясь мужа со службы (А. Славовский)*. Формальными показателями таких отношений служат союзы «именно», «то есть», «или» и примыкающие к ним слова и словосочетания «иначе», «по-другому», «иными словами», «по-иному», «особенно», «даже», «в частности», «в том числе» и др. При этом значение пояснения накладывается на заключенную в деепричастном обороте семантику дополнительного действия, не нарушая статуса деепричастного оборота, что составляет существенное отличие от других поясняюще-уточняющих членов предложения, лишенных значения полупредикативности.

В случае, когда и поясняемый, и поясняющий члены представлены деепричастиями, выражаемые ими понятия равнообъемны и представляют собой наименования-дуплеты: *Высадив меня, то есть избавившись от мямли, я поехал бы... куда бы я поехал? (О. Зайончковский)*. Второй деепричастный оборот «расшифровывает» содержание первого, давая более подробную характеристику действия, расширяя представления о предмете речи.

Благодаря морфологической и семантической емкости деепричастие связано не только с субъектом и предикатом, но и со словами с обстоятельственным значением. Уточняются чаще наречия со значением места и времени, а также образа действия. Однако точный характер отношений, возникающих между деепричастием (деепричастным оборотом) и наречием, при отсутствии формальных грамматических показателей дифференцировать довольно затруднительно.

Близость в обстоятельном значении деепричастия и наречия позволяет предположить наличие между ними отношений, подобных тем, что связывают однородные члены. На формальном уровне они действительно обнаруживают себя – через интонацию и сочинительные союзы: *Она стояла прямо, опустив руки, не вытирая быстрых слез, и говорила тихо... (Ф.К. Сологуб)*. Однако при такой «однородности» не наблюдается использование обобщающих слов, следовательно, полное объединение признаков, выражаемых деепричастием и наречием, под одно общее понятие невозможно, что позволяет сделать вывод о частичной – семантической – однородности деепричастий и наречий. Считать такие члены однородными в собственном смысле слова ошибочно. Функционально оба компонента оказываются близки – с той разницей, что наречие характеризует действие статично, а деепричастие дает динамичную характеристику. Компонент значения деепричастного оборота, привносящий обстоятельную семантику, накладывается на значение наречия, чем создает подобие параллельной свя-

зи, когда два понятия, не пересекающиеся друг с другом, совместно дают характеристику основного действия.

Семантика сравнения актуализируется благодаря сравнительным союзам «как», «будто», «словно» и др.: – *Знаете, что я вам скажу? – медленно, как очнувшись, произнесла она, беря стакан. – Вот что было бы лучше всего...* (Ю. Трифонов). Однако она вторична и лишь усложняет основное значение добавочного действия (деепричастие никогда не рассматривается в ряду единиц, участвующих в формировании сравнительного оборота). Отношения сравнения реализуются между компонентами двойного сказуемого в составе базисной пропозиции либо между двумя деепричастиями в составе пропозиции небазисной.

Нередко в русском языке деепричастный оборот становится средством репрезентации присоединительных конструкций. Отношения присоединения обнаруживают себя через присоединительные союзы «а и», «да и», «но и»: *Ахматова, выслушав однажды мой сбивчивый рассказ, да и наблюдая кусок моей жизни, сказала: «Вы похожи на стакан, закатившийся в щель во время взрыва в посудной лавке»* (Л.К. Чуковская). Деепричастный оборот в подобных структурах фиксирует сопутствующее замечание либо разъяснение, дополняющее основную мысль. Как правило, в основе присоединения лежит ассоциативный принцип интерпретации.

Дополнительные оттенки смысла, привносимые в значение деепричастного оборота, не только существенно преобразуют синтаксическую и семантическую структуру предложения, но и служат надежным основанием для обособления.

При разрушении семантической связи деепричастия с субъектом утрачивается односубъектность (непременное условие нормативного функционирования деепричастия) и деепричастие (деепричастный оборот) переходит в разряд вводных конструкций, выполняя метатекстовую функцию, – подобные случаи целесообразно квалифицировать уже как коммуникативное осложнение-обособление.

Библиографический список

1. Кудрявцева Т.Ю. Синтаксическая функция деепричастия с позиций современных лингвистических воззрений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2012. № 2. С. 65–67.
2. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 400 с.
3. Овсянко-Куликовский Д.Н. Грамматика русского языка. Москва, 1907, 128 с.
4. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. 352 с.
5. Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 2010. 44 с.
6. Шубина Н.Л. Пунктуация как объект лингвистического описания // Русский язык в школе. 1997. № 3. С. 82–88.

References

1. Kudryavtseva T.Y. Syntactic function of gerunds from the standpoint of modern linguistic views // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. Voronezh, 2012. № 2. Pp. 65-67.
2. Lomov A.M. Russian syntax in alphabetical order: Conceptual Reference Dictionary. Voronezh: VSU, 2004. 400 p.
3. Ovsyaniko-Kulikovskii. D.N. Russian Grammar. Moscow, 1907, 128 p.
4. Raspopov I.P., Lomov A.M. Fundamentals of Russian grammar. Morphology and syntax. Voronezh: Voronezh State University, 1984. 352 p.
5. Chupasheva O.M. Grammar of Russian participles: Author. diss . ... Doctor. Philology. Sciences. Moscow, 2010. 44 p.
6. Shubina N.L. Punctuation as an object of linguistic description // Russian language at school. 1997. № 3. P. 82–88.

УДК 801.56

*Софийский университет им. Св. Климента
Охридского
доц. кафедры русского языка, доктор филологии*

*Градинарова А.А.
Болгария, г. София, тел. +359 2 8272388;
e-mail: algra@abv.bg*

*Sofia University named after St. Climent of
Ohrid*

*The chair of Russian language
Doctor of Philology, associate professor
Gradinarova A.A.*

*Bulgaria, Sofia, tel. +359 2 8272388;
e-mail: algra@abv.bg*

А.А. Градинарова

БОЛГАРСКИЕ БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ИЗЪЯСНЕНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ

Объектом сопоставительного описания в статье являются болгарские и русские бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями между предикативными частями. Описываются условия, обеспечивающие допустимость болгарских конструкций, а также ограничения на их употребление, не присущие русскому языку.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, изъяснительные отношения, ограничения на употребление.

A.A. Gradinarova

BULGARIAN COMPOUND SENTENCES WITHOUT COORDINATING CONJUNCTION, WITH COMPLEMENTARY SEMANTICS, COMPARED TO RUSSIAN

The object of the comparative description in the article are Bulgarian and Russian compound sentences without coordinating conjunctions which display complementary relations between the two clauses. Described are the conditions providing the possibility of Bulgarian constructions, as well as the restrictions in their use that are not inherent in the Russian language.

Key words: compound sentences without coordinating conjunctions, complementary relationships, use restrictions.

Многие структурно-семантические типы бессоюзных сложных предложений (БСП) распространены в болгарском языке так же широко, как и в русском, или вполне соответствуют соотносительным с ними русским конструкциям по степени распространения. Такими являются бессоюзные структуры с пояснительными, причинными, противительными, сопоставительными отношениями между предикативными частями, с отношениями следствия, обобщения, вывода. Вместе с тем степень представленности в болгарском языке определенных типов БСП может быть значительно меньшей по сравнению с аналогичными типами в русском. Это касается конструкций с временными и особенно условными отношениями. Ограничения могут касаться только отдельных условий употребления болгарских структур. Это утверждение сделано относительно конструкций с изъяснительными отношениями между предикативными частями. О таких конструкциях пойдет речь далее.

Источниками привлеченного к исследованию языкового материала послужили составленные нами Корпус оригинальных болгарских художественных текстов XIX-XXI вв., Корпус русских и болгарских художественных произведений и их переводов на соответственно болгарский и русский языки (общий объем текстов из этих корпусов

превышает 20000 страниц), а также созданный на кафедре русистики Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия Корпус параллельных русских и болгарских текстов (Успореден корпус на руски и български текстове – <http://rbcorpus.com/index2.php>) и Корпус Ц.Николовой (Корпус от разговорен български език, събран от Цветанка Николова – <http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Nikolova/>). Были использованы также материалы различных по содержанию и назначению болгароязычных сайтов.

Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями между предикативными частями в целом очень активно используются во всех болгарских функциональных стилях (О широком распространении предложений этого типа в болгарском литературном языке и их структурно-семантических особенностях см. в работе [2; с. 160-179]). Как и в русском языке, одна из предикативных частей обычно соотносится с расположенными в другой глаголами восприятия, речи, мысли, а также предикативными наречиями. См. примеры:

Ручка была медная, и я слышал: такой же медный у меня голос (Е. Замятин) – *Дръжката беше от кована мед и аз чух: от същата мед бе и гласът ми* (перевод Р. Бырдарской); *Только теперь братья заметили – мужик-то без ноги* (А. Приставкин) – *Чак сега братята забелязаха – беше без крак* (перевод З. Петровой); *И мне показалось: я совершенно ясно увидел завернутое в тонкую ткань этой улыбки слово – букву – имя, единственное имя...* (Е. Замятин) – *И ми се стори: съвсем ясно видях увитата в тънката тъкан на тази усмивка дума – буква – име, единственото име...* (перевод Р. Бырдарской); *Я сказал – надо быть верным Христу* (Б. Пастернак) – *Казах: човек трябва да бъде верен на Христос* (перевод С. Бранц); *Вы же понимаете – мы добились определенных успехов...* (С. Лукьяненко) – *Та вие разбирате – постигнахме определени успехи...* (перевод З. Петкова); *Умора! Он затрясся в приступе злобного хохота, и стало окончательно ясно: мерзавец издевается* (Б. Акунин) – *Смях! – и злобно се изкиска, та им стана ясно: мерзавецът се гаври с тях* (перевод С. Бранц).

В той же мере, что и в русском языке, в болгарском представлены и бессоюзные конструкции, вторая предикативная часть которых описывает воспринимаемую субъектом ситуацию, но в первой предикативной части отсутствует глагол восприятия, с которым вторая часть могла бы соотноситься. Ср.:

Обернулся: в глаза мне – белые – необычайно белые и острые зубы, незнакомое женское лицо (Е. Замятин) – *Обърнах се: пред очите ми – бели – необикновено бели и остри зъби, непознато женско лице* (перевод Р. Бырдарской); *Шарок наклонился к ней, потрогал лоб, лоб был холодный, прислушался – дышит* (А. Рыбаков) – *Шарок се навее над нея, пипна челото ѝ, беше студено, вслуша се – дишаше* (перевод З. Петровой).

Как стилистический прием эти конструкции активно используются болгарскими писателями. Ср., например, их обилие у Й. Йовкова: *Влязоха в собата – хубави светли черги, приятна топлина, бяло кюмбе, бели стени; Излезе навън – тънкият сърп на месеца беше се спрял току над чертата на черните баури; Обърнах се: оградата на метника беше на няколко крачки* и т. п.

Функционирование в болгарском языке БСП с изъяснительными отношениями поддерживается некоторыми условиями. К таким условиям в первую очередь относится пауза после препозитивной модусной части перед постпозитивной диктумной частью при нисходящей интонации (см. приведенные выше примеры). В следующих русских предложениях отсутствие указанных интонационных характеристик маркировано запятой вместо более сильных двоеточия или тире, что не позволяет переводчицам использовать в качестве функционального эквивалента бессоюзную структуру, и они выбирают сложноподчиненную с союзом *че*:

Я слышал, вы бумажки старые покупаете, – сказал посетитель, не представившись (Б. Акунин) – *Чух, че купувате стари писаници – каза посетителят, без да се представи* (перевод С. Бранц); *Сергей Николаевич, я слышал, у вас какие-то нелады с*

командиром «Богатыря»? (В. Пикуль) – *Сергей Николаевич, чувах, че имате някакви търкания с командира на «Богатир»?* (перевод Ю. Пеневои-Павловои).

Сравните также отсутствие болгарских бессоюзных соответствий у приводимых в «Русской грамматике» конструкций: *Моя жена говорит[, –] вы с ней танцуете?* (К. Федин); *Я слышал[,] печка дымит?* (С. Антонов); *Они видели[,] я стою, и не пряталась* (из газет) и т. п., демонстрирующих возможность интонационного слияния (поэтому знаки препинания помещены в скобки) частей БСП, связанных изъяснительными отношениями [3; с. 648].

Сомневаясь в наличии необходимых условий (характерной интонации и паузы), переводчики используют сложноподчиненные конструкции и независимо от пунктуационного оформления русского предложения, ср.:

Я видел: некоторые дворяне уже открыто прогуливаются перед своими домами (А. и Б. Стругацкие) – *Аз видях, че някои дворяни вече открито се разхождат пред домовете си* (перевод С. Владимирова); *Тут Колька услышал: возки гремят впереди* (А. Приставкин) – *В този момент Колка чу, че някъде напред трополят каруци* (З. Петровои) и под.

Другим условием, обеспечивающим допустимость бессоюзной конструкции с изъяснительными отношениями в болгарском языке, является функциональная близость модусной части к вводной. Эта характеристика связывается обычно с интерпозицией модуса. Ср.:

Сквозь темные окна глаз – там, внутри у ней, я видел, пылает печь, искры, языки огня вверх, навалены горы сухих, смоляных дров (Е. Замятин) – *През тъмните прозорци на очите – вътре у нея, видях, пламти пеиц, искри, извити нагоре огнени езици, струпани купища сухи, насмолени дърва* (перевод Р. Бырдарскои); *И старший, вижу, ведет себя по-умному* (Б.Акунин) – *И старшият, виждам, се държи мъжки* (перевод С. Бранц); *У ней клавикорды стоят; я ведь, ты знаешь, бренчу маленько* (Ф. Достоевский) – *Тя има пиано; аз, нали знаеш, дрънкам малко* (перевод Г. Константинова); *Это вам, я думаю, очень легко* (И.Тургенев) – *Това за вас, мисля, е много лесно* (перевод Г. Константинова); *Ну, ранка, я надеюсь, заживет за два-три дня...* (А. Рыбаков) – *Е, раничката, надявам се, ще заздравее за два-три дена...* (перевод З. Петровои).

См. также аналогичное, хотя и более редкое, использование модусной части в постпозиции:

Да она ведь и вас тоже пригласила, я слышал (Ф. Достоевский) – *Та тя нали и вас покани, аз чух* (перевод Г. Константинова). Ср. постпозицию типичных вводных компонентов: *Мы с вами попутчики, кажется?* (М. Лермонтов) – *Ние с вас сме спътници, струва ми се?* (перевод Х. Радевскои); *Жил у них на квартире ссыльный кавказец, красавец, говорят* (А. Рыбаков) – *У тях живял на квартира заточен кавказец, красавец бил, разправят* (перевод З. Петровои).

Если говорить о препозитивной модусной части, то возможность представить ее как вводную в болгарских текстах используется редко. См., например:

Аз мисля, хората се поизмориха, въпросите са ясни, тъй че, ако решите, да не ги четем. А? (перевод В. Райчева) – ср. оригинал: *Я думаю, народ устал, вопрос ясный, так что разрешите не оглашать?* (М. Кольцов); *Смятам, добре ви е известно, че съдът присъди наследството в полза на Елза Глюк...* (перевод А. Траянова) – ср. оригинал: *Как вам должно быть хорошо известно, суд присудил наследство в пользу Эльзы Глюк...* (А. Беляев); *Леля Зина ги видяла. Вика, замалко щяла да умре от страх* (перевод З. Петровои) – ср. оригинал: *Тетка Зина видела. Говорит, чуть не померла со страха* (А. Приставкин); *Московчанин. Разправят, в министерство работел* (перевод В. Райчева) – ср. оригинал: *Москвич. Говорят, в министерстве работал* (А. Солженицын). (Что касается глагольных форм *казва* и *вика*, для которых типична функция вводных слов, указывающих на передачу чужой речи, то в спонтанном разговоре в

инициальной позиции они встречаются чаще. См. примеры (пунктуация источника): **Казва** ще те викнат да го платиш; **Вика**, едва изтъпявам, вика и под. [1].)

В абсолютном же большинстве случаев при препозиции модусной части, позволяющей вставить подчинительный союз, и отсутствии характерной паузы используется сложноподчиненная структура, ср.:

Думаю, ты веришь, и потому новая тебе работа (В. Суворов) – *Мысля, че вярваш, и затуй ще ти бъде възложена нова работа* (перевод Б. Мисиркова); *Я полагаю, главное – никого не трогай, и тебя не тронут, а?* (А. и Б. Стругацкие) – *Смятам, че най-главното е – никого не пипай, за да не те пипат* (перевод С. Владимиров); *Говорит, кто-то ему пистолет подменил* (Т. Полякова) – *Казва, че някой му е подменил пистолета* (перевод И. Митевой); *Говорят, постороннее строительство затеял?* (А. Рыбаков) – *Разправят, че бил захванал странично строителство?* (перевод З. Петровой) и т.п.

Ограничения на препозитивное употребление не затрагивают лишь отдельные модусные части в функции вводных компонентов. Так, регулярно отмечается в препозиции без изъяснительного союза *надявам се*:

Надявам се, не бихте възразили да уведомите пресата, че фирма «Страна на съветите» ви е помогнала да идентифицирате находката? (перевод С. Бранц) – ср. оригинал: *Надеюсь, вы не будете возражать, если пресса узнает, что идентифицировать находку вам помогла фирма «Страна советов»?* (Б. Акунин); *Надявам се, подробностите са ви известни* (перевод Ю. Пеневои-Павловой) – ср. оригинал: *Надеюсь, подробности вам известны.* (В. Пикуль).

Тем не менее, и здесь материалы корпусов показывают значительное преобладание конструкций с союзом, ср.:

Надеюсь, у тебя серьезные намерения? – *осведомила се Ритка* (Т. Полякова) – *Надявам се, че твоите намерения са сериозни?* – *осведоми се Рита* (перевод И. Митевой); *Надеюсь, вы ее оставили в этом приятном заблуждении...* (М. Лермонтов) – *Надявам се, че сте я оставили в това приятно заблуждение...* (перевод Х. Радевского) и т. п.

Таким образом, в целом широко распространенные в болгарском языке БСП с изъяснительными отношениями между предикативными частями имеют и некоторые ограничения на употребление, не присущие русскому языку.

Библиографический список

1. Корпус от разговорен български език, събран от Цветанка Николова. URL: <http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Nikolova/>
2. Недев И. Безсъюзните сложни изречения в съвременния български книжовен език. Силистра: РИТТ, 2006. 383 с.
3. Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. 710 с.

References

1. The corpus of spoken Bulgarian language collected by Cvetanka Nikolova. URL: <http://folk.uio.no/kjetilrh/bulg/Nikolova/>
2. Nedev I. Compound sentences without coordinating conjunctions in modern Bulgarian literary language. Silistra: RITT, 2006. 383 p.
3. Russian grammar. T. II. Moscow, 1980. 710 p.

УДК 81 – 13

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры ино-
странных языков*

Лукина Л.В.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 252-58-04;
e-mail: kaf_in_yaz@vgasu.vrn.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering The chair of foreign
languages,*

*Ph.D. (Linguistics), associate professor
Lukina L.V.*

*Russia, Voronezh, tel.+7(4732)252-58-04;
e-mail: kaf_in_yaz@vgasu.vrn.ru*

Л.В. Лукина

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются проблемы изучения межъязыковых соответствий. Описывается использование формализованных параметров, представленных в виде индексов, для выявления степени сходства межъязыковых соответствий.

Ключевые слова: межъязыковые соответствия, индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, эквивалент, сопоставительно-параметрический метод.

L.V. Lukina

THE STUDY OF LEXICAL LANGUAGE CORRESPONDENCES IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article is devoted to the study of language correspondences. The use of formalized parameters in the form of indices is described to identify the degree of similarity of language correspondences.

Key words: language correspondences, indices of denotational, connotational and functional identity, equivalent, comparative and parametric method.

Понятие межъязыкового соответствия существует в сопоставительном языкознании на протяжении долгого времени и является не только объектом внимания ученых-лингвистов, но и инструментом ряда лингвистических исследований. Необходимость самого пристального изучения межъязыковых соответствий приобретает в настоящее время особую актуальность, так как при работе над переводом одного языка на другой обнаруживается большое количество разных типов межъязыковых соответствий, изучение расхождений и сходств которых способствует изучению иностранных языков и служит потребностям перевода. Межъязыковые соответствия, по определению И.А. Стернина – это единицы разных языков, имеющие сходство в семном составе; это сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах [5; с. 34].

Понятие межъязыкового соответствия является центральным понятием контрастивной лексикологии. Основным предметом контрастивного анализа является контрастивная пара, состоящая из двух лексических единиц сравниваемых языков, которые и выступают как межъязыковые соответствия. Однако в ходе контрастивного исследования и описания лексики встает вопрос разграничения эквивалентов и соответствий, так как и те, и другие, по сути, являются межъязыковыми соответствиями.

Степень эквивалентности может определяться национальной спецификой и своеобразием развития отдельного языка. Различную степень эквивалентности приводит А.И. Смирницкий между русским словом *дерево* и английским *tree* [4; с. 4]: *дерево* и

tree являются частичными эквивалентами, так как одним из значений русской лексемы *дерево* является значение «*строительный материал, древесина*» и этой лексеме соответствуют две английских лексемы: *wood* и *timber*. Английской лексеме *wood* соответствуют две русские *лес* и *дрова*, а русская лексема *лес*, в свою очередь, соотносится не только с *wood* и *timber*, но также и со словом *forest*.

Свое понимание понятия эквивалентности предложили известные лингвисты, родоначальники лингвокультурологии Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров: «слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, называются эквивалентными: они легко переводятся, и при их усвоении вполне допустим семантический перенос» [1; с. 55-56]. Межъязыковое лексическое соответствие, по их мнению, «присутствует в двух (трех и т.д.) этнокультурных и языковых общностях (скажем в русской и английской) и без потерь информации адекватно передается на двух (трех и т.д.) языках» [там же, с. 56]. Например, со словами *школа* и *school* ассоциируются межъязыковые лексические понятия, но в речи обнаруживается их расхождение. Для русского *школа* может быть начальной, средней, общеобразовательной, музыкальной, спортивной, художественной, а англичанин различает *infant* (т.е. для малышей), *junior* (буквально: младшая), *modern* (современная), *grammar* (грамматическая), *technical* (техническая), *public* (общественная). Таким образом, на лексико-семантическом уровне лексическое понятие слов *школа* и *school* совпадает, т.е. они эквивалентны: учебное заведение (в первую очередь для детей) для получения образования, но на синтаксическом уровне они различаются.

Следует отметить, что к единому мнению относительно того, что можно считать эквивалентами, ученые до сих пор не пришли. Часто под эквивалентом понимают любое правильно найденное соответствие микроединицы перевода. Так, Я.И. Рецкер под эквивалентами понимает постоянные, «равнозначные», не зависящие от контекста соответствия между единицами исходного языка и языка перевода. Помимо эквивалентов, в предложенную Я.И. Рецкером классификацию закономерных соответствий входят аналоги (иногда называемые вариантными соответствиями) и адекватные замены. В случае аналогов или вариантных соответствий многозначной единице одного языка соответствуют разные единицы в другом языке, выбор каждой конкретной пары соответствий определяется контекстом. К адекватным заменам прибегают тогда, когда для точной передачи мысли оригинала нужно использовать неточные словарные соответствия. Однако последняя группа не представляет собой соответствия в чистом виде, так как предполагает не подбор соответствующих друг другу единиц, а действия переводчика по определению соответствия между единицами исходного языка и языка перевода, т.е. использование приемов перевода. Что касается эквивалентов, то, по мнению Я.И. Рецкера, они могут быть полными и частичными. Полными эквивалентами ученый считает такие единицы двух языков, которые эквивалентны во всех своих значениях, а не только в каком-то одном. Что касается частичных эквивалентов, то это единицы, которые эквивалентны в одном или нескольких значениях, но не во всех [3; с. 15].

В нашем понимании эквивалент – это не любое достаточно устоявшееся межъязыковое соответствие, а полное соответствие, предусматривающее полную семную эквивалентность [2; с. 19]. Таким образом, при семном описании контрастивной пары те семы, которые не имеют различий в семном составе, признаются нами эквивалентными. Остальные соответствия, имеющие различия в семном составе, мы считаем частичными.

При установлении межъязыковых соответствий, необходимо выявить факторы, по которым осуществляется сопоставление. Такими факторами, по нашим наблюдениям, может быть сопоставление по денотативным, коннотативным и функциональным семам. При анализе контрастивных пар семное описание проводится нами в следующем порядке: денотативные, коннотативные и функциональные семы. Для удобства и наглядности в перечне семы приводятся разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами, функциональные семы приводятся курсивом). При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная се-

ма английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак **0**, что означает, что сема безэквивалентна.

В качестве примера приведем семное описание контрастивной пары *беседа – conversation*.

БЕСЕДА – conversation

• обсуждение	• обсуждение
• устное	• устное
• 0	• неформальное
• в виде дружеского или делового разговора	• в виде дружеского разговора
• с целью обмена мнениями	• с целью обмена мнениями
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Проведенный семный анализ данной контрастивной пары показывает полное совпадение по коннотативным и функциональным семам и частичное расхождение по денотативным семам. В русском слове *беседа* не выделяется отмеченное в английской лексеме *conversation* сема «неформальное». Выделенная же в обоих языках сема «в виде дружеского разговора», в русском языке имеет вариативную часть представленную лексемой «деловой».

Приведем еще один пример контрастивной пары:

ЖАЛОБА – complaint

• сообщение	• сообщение
• устное	• устное
• выражающее недовольство по поводу неприятностей, боли и т.п.	• выражающее недовольство по поводу неприятностей, боли и т.п.
• с целью получить помощь, сочувствие	• с целью получить помощь, сочувствие
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Семный анализ данной контрастивной пары показывает полное совпадение денотативных, коннотативных и функциональных сем, вследствие чего мы вправе сделать вывод, что английская лексема *complaint* является эквивалентным соответствием лексеме русского языка.

За последние несколько лет сложилось новое направление в развитии сопоставительных исследований, основанное на разработке и использовании в сопоставительных и контрастивных исследованиях системы формализованных параметров [6]. Вследствие чего современные методы описания языковых подсистем приобрели по

сравнению с ранее использовавшимися приемами более объективный и формализованный вид.

Для выявления степени сходства межъязыковых соответствий в рамках сопоставительно-параметрического метода нами были предложены следующие формализованные параметры, представленные в виде индексов:

Индекс денотативной идентичности лексем - отношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре. (Вычисляется в процентах).

Индекс коннотативной идентичности лексем - отношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре. (Вычисляется в процентах).

Индекс функциональной идентичности лексем - отношение совпадающих функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре. (Вычисляется в процентах).

Отметим, что расчет данных индексов производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5.

Покажем работу перечисленных индексов на конкретном лексическом материале. Так русская лексема *разговор* имеет два соответствия в английском языке – *talk* и *conversation*.

РАЗГОВОР – talk

• обсуждение	• обсуждение
• устное	• устное
• в виде беседы	• в виде неформальной беседы
• с целью обмена мнениями	• с целью обмена мнениями
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 88%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

РАЗГОВОР – conversation

• обсуждение	• обсуждение
• устное	• устное
• О	• неформальное
• в виде беседы	• в виде дружеской беседы
• с целью обмена мнениями	• с целью обмена мнениями
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 70%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

Проведенный семный анализ данных контрастивных пар показывает, что индексы коннотативной и функциональной идентичности обеих лексем совпадают и равны 100%, денотативно же ближе всего к лексеме русского языка оказалась лексема *talk*. Поскольку денотативный компонент значения признается нами доминирующим, данная лексема может быть признана оптимальным соответствием.

На основании анализа перечисленных индексов для каждой контрастивной пары какой-либо группировки слов может быть определено оптимальное переводческое соответствие конкретной лексеме русского языка.

Таким образом, в ходе контрастивного исследования в процессе попарного семного анализа лексических единиц может быть установлена семантическая эквивалентность - выявление эквивалентных соответствий при сопоставлении семантики слов.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
3. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Изд-во «Р. Валент», 2004. 240 с.
4. Смирницкий А.И. Курс лекций по лексикологии современного английского языка. М.: Изд. МГУ, 1959. 457 с.
5. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М: АСТ: Восток-Запад, 2007. 288 с.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития / М.А. Стернина, И.А. Стернин // Сопоставительные исследования 2010: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2010. С. 3-9.

References

1. Vereshchagin E.M. Lingocultural word theory. Moscow, 1980. 320 p.
2. Lukin L.V. National specifics of word semantics and the problem of language correspondences (based on the lexical group "Speech Events" in Russian and English): Dis. ... Cand. philol. Sciences. Voronezh, 2008.
3. Retsker J.I. Theory of translation and practice of translation. Essays on linguistic theory of translation. Moscow, 2004. 240 p.
4. Smirnitsky A.I. Lectures on modern English Llexicology. Moscow State University, 1959. 457 p.
5. Sternin I.A. Contrastive linguistics. Problems of the theory and methodology of the study. Moscow, 2007. 288 p.
6. Sternina M.A. Comparative and parametric method: a new stage of development / M.A. Sternina, I.A. Sternin // Comparative studies 2010: collection of scientific papers. Voronezh, 2010. P. 3-9.

УДК 81'276.45

*Военно-воздушная академия имени проф.
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина
канд. филол. наук, преп. кафедры ино-
странных языков
Ускова А.И.
Россия, г. Воронеж
email: uskanna@mail.ru*

*Military Air Academy named afier professor
N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin
The chair of foreign languages,
PhD, lecturer
Uskova A.I.
Voronezh, Russia
email: uskanna@mail.ru*

*курсант факультета авиационных
средств связи
Кореев И.В.
email: whitedar@mail.ru*

*Department of air means of communications,
cadet
Koreev I.V.
email: whitedar@mail.ru*

А.И. Ускова, И.В. Кореев

ФЕНОМЕН АРГО В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается проблема арго как лингвистического феномена в современном русском и английском языках. Особое внимание уделяется способам пополнения словарного состава арго, а также сферам его функционирования.

Ключевые слова: арго, феня, кэнт, словообразование, сферы функционирования.

A.I. Uskova, I.V. Koreev

ARGOT PHENOMENON IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

This article is devoted to the analysis of the argot as a linguistic phenomenon in modern Russian and English languages. Considerable attention is paid to the ways of replenishment of the argotic vocabulary, as well as to the main spheres of its functioning.

Key words: argot, fenyа, cant, spheres of functioning.

Арго как языковой феномен, безусловно, присутствует как в английском, так и в русском языках. Арго представляет собой своеобразный социальный маркер, указывающий на принадлежность говорящего к криминальному миру, а также является неотъемлемой частью криминальной субкультуры. Актуальность изучения арго только повышается в связи с увеличением частотности его употребления в обществе. При этом важным аспектом становится проникновение арго в различные сферы языка: от языка художественных произведений до публичной речи известных политиков.

Язык представляет собой средство общения между людьми со своими законами функционирования и развития. «Не вызывает сомнения тот факт, что любой национальный язык в полной мере отражает особенности социальной организации и дифференциации общества, уровня экономического развития, а также степени культурного развития общества» [5; с. 140]. В любом языке ядро словарного состава занимает нейтральная лексика, которую возможно применять в широком диапазоне ситуаций. Также существуют и стилистически окрашенные слова, которые применяются в отдельных случаях. Они образуют собой нестандартную лексику, одним из компонентов которой является арго.

Арго – специфический язык, который используется в криминальных кругах, он является неизбежным спутником преступной «профессии». Зарождение арго уходит своими корнями в глубокую древность, однако точную дату возникновения данной формы существования языка определить сложно, т.к. «несомненно, что с того момента,

как первый профессиональный вор или мошенник вступил в беседу с себе подобным, возник и воровской язык» [2].

Благодаря аргю существует возможность отличить «своих» от «чужих», т.е. маргиналов от гражданского общества, указать на принадлежность к закрытой социальной группе, сохраняя предмет разговора в секрете. При этом уровень владения аргю также отражает «место», отводимое тому или иному человеку в криминальной иерархии. Зачастую носителями аргю становятся наиболее деклассированные элементы общества – воров, проститутки, бомжи, наркоманы и грабители.

В русском языке для обозначения языка деклассированных элементов существует множество названий: феня, блатная музыка, воровской язык и т.п. Наиболее часто исследователи русского уголовного аргю связывают его традиционное название – «феня» – с «офенским» языком, т.е. языком бродячих торговцев-коробейников XIX века. Многие слова действительно переключались из «офенского» языка в аргю преступников. Данная социальная группа людей использовала особые секретные, непонятные для окружающих слова для «обмена опытом», передачи сведений о местах, наиболее благоприятных для мошенничества. [4].

Пополнение словарного состава аргю происходит за счет внешних и внутренних процессов. Под внешними процессами подразумеваются заимствования из различных языков. Для русского аргю характерно большое количество заимствований как из языков соседствующих стран (финских, турецких и т.п.), так и языков центральной Европы (французского, немецкого, английского). При этом особую категорию заимствований занимают лексемы из цыганского и еврейского языков. Так, например, цыганизмами являются глаголы *хавать* – «есть» и *тырить* – «красть», заимствованиями из немецкого языка *блат* – «доверенный», *фрайер* – «жертва шулера». Из английского языка в русское аргю попали следующие арготизмы: *гарри* – т.е. героин от англ. арготизма *Harry* с тем же значением, *айс* – «метамфетамин» от англ. *ice* – «лёд», который представляет собой белое кристаллическое вещество.

Пополнение словарного состава идет и за счет внутренних процессов, т.е. строится по словообразовательным моделям литературного языка, например, суффиксальным способом: *беспредел* – *беспредельщик* – «тот, кто занимается беспределом»; префиксально-суффиксально-постфиксальным: *скурвиться* – «стать курвой».

Также интересной представляется группа арготизмов образованных путем разнообразных метафорических переосмыслений: *жало* – «игла от шприца», *аквариум* – «камера», *игрушка* – «пистолет».

Что касается области распространения аргю, то необходимо отметить, что криминальный язык давно вышел за границы использования сугубо в местах лишения свободы, а также в рамках криминальной/околокриминальной среды. Для создания атмосферы мест лишения свободы и характеристики персонажей аргю используется в художественной литературе, кинофильмах, текстах песен. Для русского аргю характерно частое употребление в прессе и даже в публичных высказываниях известных политиков (ср. высказывания В.В. Путина «*шакалить по сторонам*», «*мочить в сортире*», «*быдло*») [3]. Допуская подобные выражения в своих выступлениях, В.В. Путин, во-первых, подчеркивает адресность своей аудитории, становится со своим народом наравне, а во-вторых, привлекает внимание слушателей как отечественной, так и зарубежной аудитории, переводчицам которой приходится усердно работать над интерпретацией подобных фраз. Все вышеперечисленное свидетельствует о широком распространении аргю среди разнообразных слоев населения, пик которого пришелся на 90-е годы XX века, а также о валидности аргю как механизма отражения процессов, протекающих в современном обществе.

Рассматривая феномен аргю в английском языке, необходимо отметить особую роль общественно-политической составляющей в становлении аргю в США. По данным Sentencing Project на 2013 год, в России на 100 тысяч населения приходится 475 заключенных. В то же время в некоторых штатах Америки ситуация иная: в Луизиане на 100 тысяч жителей приходится 893 заключенных, в Миссисипи – 717, в Алабаме – 650, в

Оклахоме – 648 и в Техасе – 601 человек. В целом, сообщает издание, в американских тюрьмах содержится около 25% всех заключенных планеты, в то время как на территории США проживает всего лишь 5% от мирового населения [6].

Вполне естественно, что такое большое количество заключенных, являющихся носителями английского арго, при выходе из мест заключения начинает «транслировать» свой язык на законопослушных граждан. Результатом является постепенное изменение границ литературного стандарта, а также высокая частотность употребления аргоизмов в обиходной речи.

Древнее английское арго имеет название кэнт. Кэнт – это старое британское арго, возникшее на рубеже 15-го и 16-го веков, которое так же служило средством коммуникации для воров, проституток, заключенных и т.д. Процесс урбанизации XIX-XX веков, активная миграция из стран Европы в США, повышение уровня безработицы, политические волнения, аграрный кризис в Европе, оставивший огромное количество крестьян без земель, а соответственно, без средств к существованию, привели к увеличению числа маргиналов.

«Политические, экономические причины становления нации обусловили распространение арго в национальные варианты английского языка: британский, американский, канадский, австралийский, индийский, новозеландский и южноафриканский» [5; с. 53].

Рабовладельчество, угнетение прав чернокожих привело к еще большей криминализации американского общества. Создание гетто-районов с наибольшим показателем преступности по сравнению с остальными частями городов и штатов служит тому доказательством. Характерным языком на улицах гетто является арго. Мафиозные войны, образ жизни гангстеров и их последующая «реклама» в детективном жанре и кинематографе еще больше увеличили долю населения, которое использует криминальный жаргон в своем повседневном лексиконе. Большое количество жаргонной лексики передается через различные музыкальные каналы. Исполнители поют свои песни на том языке, который понятен молодежи. Благодаря гангста-рэперам происходит смешение молодежного жаргона с криминальным. Слушатели привыкают к подобной лексике и воспринимают ее как нормированную. Показательным на этом фоне является тот факт, что американские и английские политики в своей речи не используют арго, в отличие от российских политиков, для которых отклонение от официального стиля в какой-то мере допустимо.

Основным способом пополнения криминального жаргона являются разнообразные переосмысления, метафоризация, заимствования из общепотребительного лексикона, из других видов жаргона, а также из других языков. Наиболее продуктивными способами являются аффиксации и основосложение, особо распространенные в англоязычных странах. Например: *junper* – «вор, проникающий через окно», «форточник» (от глагола – *to jump*), *hayhead* – «человек, курящий марихуану». При этом необходимо отметить сугубо специфические суффиксы, участвующие в создании аргоизмов, в американском варианте английского языка: *-aroo*, *-eroo*, *-roo*. Указанные суффиксы имеют испано-американское происхождение и соответствуют стандартному суффиксу *-er*: *bonaroo* – «умный», *conneroo* – «профессиональный мошенник», *nanoo* – «героин».

Криминальное арго может отличаться в зависимости от тюрьмы, где «сидел» заключенный. Таким примером служат две крупнейших враждующих группировки «*Strips*» и «*Bloods*», у каждой из которых имеется свой собственный видоизмененный алфавит, свое арго, свои жесты и символы. Кличками фиксируются положение в криминальной иерархии, статус бандита, его репутация. Клички являются также одним из обязательных атрибутов в преступном сообществе, как в англоязычных странах, так и на территории России и СНГ. У американской группировки «Арийское братство», соответственно, иные клички, свои «порядки», которые значительно отличаются от афроамериканских банд. Такого феномена российское арго не имеет – криминальный жаргон во всех регионах страны практически одинаков.

Популяризация криминальных разборок в игровой индустрии еще больше вызвала интерес среди молодежи к воровскому миру, следовательно, и к преступному языку.

GTA 3: San-Andreas явила широкой публике геймеров «жизнедеятельность» в американском гетто. Там в полной мере используется арго в диалогах персонажей. В целом, можно говорить о том, что как и российское общество, так и американское, испытывает влияние преступного языка, этого низкого пласта лексики. Это влияние наглядно проявляется в СМИ: в целях наиболее четкой, яркой характеристики какого-либо события, происшествия, ради придания новостям особой экспрессивной окраски, а заголовкам газет – шокирующих названий, применяется арго.

Таким образом, можно судить о том, что феномен арго практически развивается параллельно как в России, так и в США. Различие в пиках становления арго заключается в глобальных изменениях общественно-политической жизни анализируемых стран, это подтверждает тот факт, что язык существует, эволюционирует вместе с обществом, выражает его состояние и потребности. Процесс арготизации обуславливается, прежде всего, самой сущностью арго, его особой выразительностью, образностью, метафоричностью. Арго в полной мере проявляет социальный потенциал языка, скрытый в стандартной лексике.

Библиографический список

1. Елистратов В. С. Словарь русского аргю. М.: Русские словари, 2000. 696 с.
2. Лебедев В. Воровской язык [Электронный ресурс]. URL: <http://vyrazheniya.ru/vorovskoj-yazyk>
3. Самые жесткие высказывания Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://smotretvideo.com/putin/6318-narezka-zhestkih-vyskazyvaniy-putina.html>
4. Сидоров А. Из истории русского уголовно-арестантского аргю [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/argo.txt
5. Ускова А.И. Статус аргю в английском языке и художественной речи: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Воронеж, 2014. 174 с.
6. Huff Post: В американских тюрьмах сидит больше людей, чем в России и Китае. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-10-23/Huff-Post-V-amerikanskih-tyurmah>
7. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. Routledge, 2007. 740 p.

References

1. Elistratov V. S. Dictionary of Russian argot. Moscow: Russian Dictionaries, 2000. 696 p.
2. Lebedev V. Thiev's language. URL: <http://vyrazheniya.ru/vorovskoj-yazyk>
3. Putin's harshest phrases. URL: <http://smotretvideo.com/putin/6318-narezka-zhestkih-vyskazyvaniy-putina.html>
4. Sidorov A. From the history of Russian criminal argot. URL: http://lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/argo.txt
5. Uskova A.I. Status of the argot in the English language and literature: dissertation ... candidate of philology: 10.02.04. Voronezh, 2014. 174 p.
6. Huff Post: In American prisons there are much more people than in Russia and China's. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-10-23/Huff-Post-V-amerikanskih-tyurmah>
7. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. Routledge, 2007. 740 p.

УДК 81'276.45

Военно-воздушная академия имени проф.
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина
канд. филол. наук, преп. кафедры ино-
странных языков
Ускова А.И.
Россия, г. Воронеж,
email: uskanna@mail.ru
курсант факультета радиотехнического
обеспечения
Мирошниченко Д.В.

Military Air Academy named after professor
N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin
The chair of foreign languages,
PhD, lecturer
Uskova A.I.
Voronezh, Russia
email: uskanna@mail.ru
Department of radio technical support,
cadet
Miroshnichenko D.V.

А.И. Ускова, Д.В. Мирошниченко

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ТЕХНИКИ И ВООРУЖЕНИЯ В ВОЕННОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются основные принципы обозначения вооружения и техники ВС России и стран блока НАТО. Особое внимание уделяется национально-культурной специфике их наименований. Ключевые слова: военный сленг, техника, виды вооружения.

A.I. Uskova, D.V. Miroshnichenko

PECULIARITIES OF DESIGNATION OF THE EQUIPMENT AND ARMAMENT IN THE MILITARY SLANG (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

This article is devoted to the analysis of the basic principles of designation of the equipment and armament of Russian and NATO's Armed Forces. The considerable attention is paid to their national and cultural specificity. Key words: military slang, equipment, armament.

Изучение военного сленга представляет собой один из способов приобретения знаний о воинском коллективе, видах вооружения и т.д., а также является инструментом передачи и хранения информации, используемой в ходе воинской деятельности. Специфичный язык военных, будучи неотъемлемой частью, орудием познания секретов ратного труда, играет, таким образом, важную роль в осмыслении мира и своего места в нем на период службы [3]. Широкое использование военного сленга как в русском, так в и английском языках обусловлено сходными причинами:

1) языковой экономией, т.е. необходимостью сокращения слов или замены одним словом целого понятия (*афганка* – летняя полевая форма современного типа (разработанная в период афганской войны); *blockbuster* – мощное взрывное устройство для разрушения обширных районов (например, городского квартала);

2) сложившимися военно-профессиональными традициями, а также прочно вошедшей в практику языкового употребления терминологией (*дембель* – демобилизация из армии, увольнение; *Bren* – ручной пулемет, *Sten* – автомат).

Необходимо отметить, что военный сленг относится к категории постоянно обновляемой и изменяемой лексики. Самые сильные толчки к развитию военного сленга дают какие-либо военные кризисы или конфликты. В целом можно сказать, что для обновления военного сленга потребуются новая война, и что современный английский военный сленг – это сленг, появившийся в период войн в Персидском заливе, Югославии, Афганистане и Ираке, которые значительно обновили англоязычный военный социолект. Так, например, словосочетание “*smart bombs*” означающие беспилотные бомбы, отличающиеся высокой точностью наведения, стало широко использоваться после войны в Персидском заливе. Что касается русского военного сленга, то здесь складывается

несколько иная ситуация, т.к. наша страна не ведет активных военных действий против какого-либо государства. Поэтому именно благодаря реформам и реорганизации в военной сфере, а также созданию новых видов вооружений и происходит обновление и формирование русского военного сленга.

Основным путем пополнения и расширения военного сленга является лексико-семантическое словообразование. Наибольший интерес представляет метафоризация. Военному сленгу русского и английского языков присуща метафоричность. Это объясняется тем, что военная лексика в целом в большей мере (по сравнению с другими типами нестандартной лексики) ориентирована на общеупотребительную лексику, где метафора является одним из основных способов наименования.

В нашей работе мы рассматриваем особенности наименования военной техники и вооружения ВС России и ВС НАТО. Так как современная ситуация в мире далека от стабильности, а военный сленг отражает разнообразные стороны воинского социума, в том числе и постоянное разрабатывающуюся технику и вооружение, совершенно естественно, что в военном сленге появляется все больше лексем для обозначения различных видов вооружения. При этом следует различать кодовые и условные обозначения моделей вооружения и военной техники, присваиваемые в конструкторских бюро со сленговыми обозначениями техники в вооруженных силах.

В ВС России присвоение наименований моделям (изделиям) типов и видов вооружений обычно производится в соответствии с одной из установившихся традиций:

- по литере модификации: «Ангара» – С-200А, «Вега» – С-200В, «Дубна» – С-200Д и т.п.;

- аббревиатурно: «Корд» – Ковровские ОРУжейники-Дегтярёвцы; «Нона» – Новое Орудие Наземной Артиллерии и т.п.;

- по логике серии: САУ – «цветочная серия»: «Гиацинт», «Тюльпан», «Пион»; средства ПВО – «речная серия»: «Шилка», «Тунгуска», «Двина», «Нева»; РСЗО – стихийные явления: «Град», «Смерч», «Ураган»;

- ассоциативно: переносные зенитные ракетные комплексы – «Стрела», «Игла»; комплекс постановки помех – «Мошкара»; маскировочные костюмы снайпера – «Леший», «Кикимора»;

- в честь создателей: танк «Владимир» (по имени главного конструктора); зенитный ракетный комплекс «Антей-2500» (по названию фирмы-разработчика) [3].

В обозначении техники и вооружения НАТО традиция существенно отличается. Единицам техники присваиваются грозные названия хищных животных, птиц и т.п. Однако, в большинстве случаев, в обиходе используют номенклатуру, данную на заводе-производителе. Необходимо отметить, что Министерство обороны США расширяет кодовые обозначения НАТО в нескольких случаях. Например, если НАТО ссылается на системы ракет «земля–воздух», которые размещаются и на кораблях с теми же именами, как и для систем наземного базирования, невзирая на несколько незначительных отличий (и в одном случае – на отсутствие соответствующих систем), министерство обороны США использует разные серии номеров с другим суффиксом (например, SA-N- вместо SA-) для этих систем. Однако названия сохраняют соответствие системам наземного базирования – для удобства. В случаях, когда нет никакой системы соответствий, используются новые названия. Транспортные самолёты имеют обозначения, начинающиеся с буквы С, что привело к появлению названий «Careless» («беспечный») и «Candid» («искренний»), так как имена даются по алфавиту [3].

В связи с тем, что употребление в войсках кодовых обозначений военной техники не является повсеместным, универсальным и закреплённым служебными инструкциями, и как следствие представляется трудным для запоминания, подобные названия часто заменяются аббревиатурами или «прозвищами» на основании какого-либо характерного признака. При этом авторы неологизмов демонстрируют не только оригинальность своего мышления, но и юмор.

Сленговые наименования самолетов и истребителей за высокую скорость и быстроту реакции зачастую принято ассоциировать с хищниками семейства кошачьих, поэтому многоцелевой истребитель F-21 носит имя *Lion* («Лев»), многоцелевой истребитель GR.1B – *Jaguar* («Ягуар»), ударный истребитель JH-7A – *Flying Leopard II* («Леопард»). За легкость маневрирования и развитие высокой скорости в полете воздушные

судна получают названия хищных птиц: советский истребитель Mig-15 – *Falcon* («Сокол»), ударный тактический истребитель F-15 – *Eagle* («Орел»), ударный вертолет Sikorsky S-67 – *Blackhawk* («Ястреб») и предназначены для ведения активного воздушного боя с истребителями и бомбардировщиками противника, уничтожения наземных целей, а также выполнения задач разведки и контроля боевых действий.

В ВС России нередкими являются наименования летательных аппаратов на основе сходства формы и окраски с представителями пернатых. Так, авиационная группа высшего пилотажа ВВС России носит название «*стрижи*». Подобное наименование высокоманевренных самолетов МиГ-29 возникло в связи с ассоциативным представлением о самолете, как о труженике неба, быстрой и ловкой птице, за которой приятно наблюдать. Также сверхзвуковые бомбардировщики Ту-160 носят название «*Белые лебеди*» за красоту, изящность и белый окрас корпуса самолета. Однако характерно и то, что по классификации НАТО указанный тип самолетов, оснащенный грозным вооружением, именуется “Black Jack”, что переводится со сленга как «избивать дубинкой».

Отдельный интерес представляет мотивированность именования ракет и бомб. Так, например, первая удачно взорванная бомба, которая была использована в качестве оружия и была сброшена США в 1945 году на японский город Хиросима носила прозвище *Little Boy* (Мальш). Также бомба, сброшенная на Нагасаки, имела название *Fat Man* (Толстяк). Натовцы дали название SS-18 *Satan* («Сатана») семейству русских ракетных комплексов с тяжелой межконтинентальной баллистической ракетой наземного базирования. «Сатаной» американцы назвали эту ракету по той причине, что сбить её трудно, а на огромных территориях США и Западной Европы эти русские ракеты устроят ад [1].

Присвоение американскому оружию звучных и «устрашающих» названий (ср.: американская ракета класса «воздух-поверхность» *Hellfire* (адский огонь), американский переносной зенитно-ракетный комплекс *Stinger* (жалящий), 30-миллиметровая семиствольная авиационная пушка *Avenger* (мститель), 20-мм скорострельная шестиствольная авиационная пушка *Vulcan* (вулкан) и т.п.) преследует свои особые, в том числе и коммерческие цели. Американцы активно поставляют разнообразное оружие и технику в другие страны, поэтому они ориентируются на субъективное мнение покупателя, который чаще отдаст предпочтение оружию именно с подобным названием. Наименование оружия и техники отечественного производства носит отпечаток русской ментальности и неповторимого чувства юмора, непонятного для представителей зарубежных стран. Именно поэтому межконтинентальная баллистическая ракета РТ-23 УТТХ носит имя «*Молодец*», один из самых мощных мире самоходных огнеметов ТОС-1 – «*Буратино*», артиллерийский радиолокационный комплекс обнаружения целей – «*Зоопарк*», а граната для подствольного гранатомета 7П24 – «*Подкидыш*».

Библиографический список

1. Выставка «Технологии в машиностроении – 2012» [Интернет-ресурс]. URL: http://ria.ru/trend/technology_engineering_Zhukovsky_27062012/
2. Девнина Е.Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь. М.: Живой язык, 2011. 512 с.
3. Сайфутдинов Р.А. Военный сленг в контексте современной российской армейской субкультуры : диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Сайфутдинов Рафаэль Амирович. Саранск, 2011. 154 с.
4. Википедия [Интернет-ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org>

References

1. Exposition «Engineering technologies-2012». URL: http://ria.ru/trend/technology_engineering_Zhukovsky_27062012/
2. Devnina E.N. Great English-Russian and Russian-English aviation dictionary. Moscow, 2011. 512 p.
3. Saifutdinov R.A. Military slang in the context of contemporary Russian military subculture: dissertation ... candidate of cultural studies: 24.00.01 / Saifutdinov Rafael Amirovich. Saransk, 2011. 154 p.
4. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org>

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

*Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and crosscul-
tural communication*

*PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, tel. 89204697860;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

САМОБЫТНЫЙ ГОВОР ХУТОРА ТЮНИКОВО БУТУРЛИНОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе проводится исследование фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говора хутора Тюниково, выявленных в ходе беседы с коренной жительницей данного населённого пункта. Отмечены диалектные слова и формы, названы фонетические процессы, проанализированы морфологические и синтаксические уровни местной речи.

Ключевые слова: говор (диалект), языковые особенности, фонетика, морфология, синтаксис, самостоятельные и служебные части речи, система взаимовлияний, русско-украинская основа, особенности речи, близкородственные языки.

L.V. Nedostupova

ORIGINAL DIALECT OF THE FARM TJUNIKOVO LOCATED IN BUTURLINIVSKY DISTRICT, VORONEZH REGION

The paper sites the research of phonetic, morphological and syntax peculiarities of the dialect spoken in the farm Tjunikovo, which were revealed talking with a native habitant of the area. Some vernacular words and forms and phonetic processes are mentioned, morphological and syntax levels of the local speech are analyzed.

Key words: dialect (local speech), language peculiarities, phonetics, morphology, syntax, major and auxiliary parts of speech, interference system, mixed Russian and Ukrainian basement, speech peculiarities, closely-related languages.

Охранник земель графа Бутурлина, основанных в 1740 году, Тюник Г.Ш. в конце XIX века получил за отличную службу несколько десятин земли к востоку от районного центра в собственность и решил на ней основать хутор.

Григорий Штилевич ранее проживал в Бурлаке Харьковской губернии и поэтому на заселение местности приглашал своих родственников и знакомых, проживающих в Малороссии. Всего на новые земли переехало 25 семей. Каждый переселенец на своём участке рубил деревья и строил себе жильё и надворную постройку, осваивал землю для огорода и посева. После строительства церкви в 1872 году Тюником хутор стал называться Тюниково [1].

В настоящее время здесь проживает около 100 человек, из жителей остались только представители старшего поколения.

Целью настоящей статьи является изложение наблюдений об особенностях говора хутора Тюниково. Предметом внимания стали фонетическая, морфологическая и синтаксическая системы диалекта. В качестве языкового материала использована речь местной жительницы Пяточенко Прасковьи Леонтьевны (1930 года рождения). Запись

произведена в 2015 году.

В современных условиях в фокус исследовательского внимания попадает специфика диалекта как особой формы коммуникации. Говор (синоним термина «диалект») – выразитель народной речевой культуры. Понятие речевой культуры в её отношении к разным формам национального языка впервые было введено Н.И. Толстым, выделившим элитарную культуру, выразителем которой является литературный язык, и народную (крестьянскую) речевую культуру, выражаемую на диалекте [2; 5].

Обращение к анализу украинских говоров на территории Воронежской области осуществили учёные: В.И. Собинникова, Е.И. Сьянова, М.Я. Запрягаева, В.Ф. Филатова и др. Самым большим исследованием явился «Словарь украинских говоров Воронежской области» (2008 и 2012 г.в.), составленный М.Т. Авдеевой [3].

В данной работе мы попытались выделить ряд особенностей речи, свойственных представителям данного населённого пункта.

Рассмотрим фонетические черты говора хутора Тюниково (в статье используется упрощённая транскрипция. – Л.Н.).

Фонетика

1. В Тюниково, как и на всей территории южнорусского наречия, господствует γ-фрикативный: бо[γ]áто, в дру[γ]óе, [γ]óда, [γ]олодова́ли, [γ]де, до́ро[γ]и, дру[γ] у дру[γ]а, со[γ]лашаю́тся, тры́цáто[γ]о, у ко[γ]о, фля́[γ]ой.

2. Широко распространено оканье: б[о]ти́нки, в[о]йна́, в В[о]ро́нэже, в Сэ́рик[о]в[о], в к[о]лхо́зи, в к[о]нто́ри, д[о]я́рку, закреплён[о], к[о]му́, к[о] мнё́, м[о]л[о]дэ́жи, [о]бра́т, [о]бува́ю, [о]дна́, [о]ста́л[о]сь, [о]те́ц, [о]т М[о]к[о]го́н[о]в[о], п[о]луча́ю, п[о]йду́, п[о]сади́ть, п[о]то́м, ра́н[о], р[о]ссы́льн[о]й, р[о]скл[о]ду́, с[о]ло́му, Тю́ник[о]в[о], х[о]р[о]шо́, че́твир[о].

3. Имеет место иканье в словах под ударением: за[и]тоб[и́]ду, коп[и́]ик; и в словах без ударения: зв[и]нийво́й, на св[и]клé, п[и]шкóм, пр[и][и]жжа́ит, п[и]р[и]шлá, пом[и]рлá, подм[и]ня́ла, с[и]ло́, ты́с[и]ч, ч[и]во́, ч[и]ты́рнаца́ть.

4. Наблюдается ыканье (использование *ы* вместо *и*) в словах под ударением: воз[ы́]ла, го́ршк[ы́], доя́рк[ы́], жу́к[ы́], нап[ы́]иши́шь, он[ы́], плат[ы́]лы, помо́ул[ы́], сам[ы́], тр[ы́], ход[ы́]лы; и в словах без ударения: го́товил[ы́], да́л[ы́], жи́л[ы́], за́был[ы́], зап[ы́]сва́ишь, кра́л[ы́], лю́д[ы́], мида́л[ы́], нан[ы́]ма́л[ы́], пособ[ы́]ра́ю, по́строил[ы́], поста́вил[ы́], пок[ы́]да́ть, при́ехал[ы́], св[ы́]на́рку, ско́тн[ы́]к[ы́], сто́ял[ы́].

5. Выявлены 2 случая ассимилятивно-диссимилятивного яканья: яда́ть, бяру́ть.

6. Отмечено функционирование приставки пид- вместо под-: пидми́няю, приставки по- вместо у-: помирлá.

7. На месте приставки со- употребляется з-: збира́ла.

8. Отмечено окончание -ого в родительном падеже единственного числа числительных и отрицательных местоимений: тры́цáтою, ничо́ю.

9. Буквы *е* и *ё* в говоре различаются: оте́ц, дед, рождéнья, фэ́рму; ничо́ю, живё́ть, молодё́жи, сё́стры.

10. Наблюдается переход гласных: *и* в *э*: свэ́на́рку, *о* в *и*: пидто́м, *у* в *и*: чи́уны́.

11. Имеет место изменение в в *у* перед согласными: усё́, устану́.

12. Выявлены случаи употребления *д* вместо *ж* в глаголах: ходи́ю, сади́ть (сажа́ть).

13. В некоторых словах окончание *о* заменяется на *у*: ма́слу, ё на *ю*: фсю́.

14. Зафиксирован случай использования в речи *х* на месте *к*: тра́хтор.

15. На месте литературного [ш'] встречается и [ш'] и [ш]: [*тыш'ш'а*], [*иш'ш'б*] [*вош'е*], [*навиш'ш'айит*], [*заведушэй*], однако в говоре всё же мягкий согласный произносится чаще.

16. Наблюдается использование твёрдых согласных вместо мягких: *сэстры́* – сестры, *зэктáр* – гектар, *зэмли* – земли, *нэ будэте*, *тэбэ́* – тебе, *нэ на́до* – не надо, *у мэ́нэ* – у меня, *ны зна́ешь* – не знаешь, *врэ́ма* – время, *в Вэ́лыком* – в Великом, *в Ворóнэже* – в Воронеже, *по сы́лу* – по селу.

17. Отмечен случай употребления *а* вместо *я* после мягких согласных: *в я́слах*.

18. В родительном падеже личного местоимения (мы) на конце произносится [з]: *на́з* (вместо *у нас*).

19. Выявлена тенденция к переносу ударения среди существительных и глаголов: *было́* – было, *дояро́к* – дойрок, *закреплёно* – закреплено, *кило́метра* – километра, *раскла́дью* – раскладываю, *роди́лась* – родилась.

Морфология

Самостоятельные части речи

Существительное

1. Функционируют варианты употребления существительных с предлогом в родительном, винительном и творительном падежах: *у печэ́* и *у пэ́чке*, *за побéду* и *за побéду*, *на свикли́* и *на свёкли*.

2. Наблюдается разрушение категории среднего рода в местоимениях и существительных: *всю вре́мя*, *по сили́* (вместо *всё вре́мя*, *по селу́*).

3. Отмечено окончание *-ою* вместо *-ой* у существительных в творительном падеже: *нянько́ю* (нянжкой).

4. Вместо слова *деньги* используется лексическая единица *урби́ш*.

Прилагательное

1. Зафиксировано выпадение гласного [а] в начале слова в лексеме *люми́нвы* (алюминиевые).

2. Вместо прилагательного *никаких* используется слово *ниакі́х*.

3. Отмечены укороченные формы прилагательных во множественном числе с окончанием *-ы* вместо *-ый*: *люми́нвы* (алюминиевые), *у́линяны* (глиняные); и в единственном числе с окончанием *-а* вместо *-ый*: *колхо́зна* (колхозный).

Глагол

1. Выявлено удлинение основы за счёт *-ва-* в глаголах: *прожива́ла* (прожила), *поуостива́ть* (погостить) и, наоборот, усечение основы: *зараблá* (заработала), *робы́ла* (работала), *раскла́дью* (раскладываю).

2. На месте *-сь* на конце глагола отмечено произношение *-ся*: *пострби́лися*.

3. Формы глагола в 3-м лице множественного числа употребляются с *-ть*: *жи-вуть*, *поставя́ють*, *выно́сють*, *даю́ть*, *розбира́ють*, *иду́ть*, *принэсу́ть*; в 3-м лице единственного числа с *-ть* и без *-ть*: *памау́дить*, *принысэ́*, *ку́пя*, *возмэ́*, *прие́дя*.

4. Формы инфинитива оканчиваются на *-ть*: *убира́ть*, *кра́сть*, *прожива́ть*, *поуостива́ть*, *рабо́тать*.

5. Отмечены 3 варианта употребления глагола *работать* в прошедшем времени: *работала*, *робы́ла* и *зрблá*.

6. Вместо лексической единицы *требуется* функционирует слово *трэ́ба*.

7. Глагол прошедшего времени *говорил* имеет форму *казáл*.
8. Вместо слова *умер* функционирует лексема *пóмер* (ед.ч.), а во множественном числе - *пóмерли*.
9. Глагол *были* бытует в форме *булы́*, *знаешь* в форме *бáчив*.
10. Вместо слова *есть* функционирует лексическая единица [e].

Местоимение

1. В определительном местоимении *каждый* наблюдается переход согласной *д* в *н*: *ка́жн^ый*.
2. Личные местоимения преимущественно имеют формы: *у мэ́нэ, минэ́, тэбэ́, вин* (вместо *у меня, мне, тебе, он*).
3. Вопросительное местоимение *что* отмечено в 2-х вариантах: *шо, чи*; местоимение *какую* в форме *яку́*.
4. В неопределённом местоимении *какую-нибудь* при произношении *ю* утрачивается: *каку́-нибу́ть*.
5. Конструкция *не во что* бытует в форме [н'и́ ф чим].

Числительное

1. Количественное числительное *две* имеет форму *д^ви*.

Наречие

1. Отмечены 2 варианта употребления наречия *сейчас*: [ш'ш'ас] и [сич'áс].
2. Лексемы *после* и *потом* употребляются в форме *посля́*.
3. Слово *никогда* отмечено формой *ныко́лы*; *тогда* – словом *тоды́*.
4. В наречии *так* добавляется -э: *такэ́*.
5. Лексическая единица *больше* существует в двух вариантах: *би́льши, би́вши*.

Служебные части речи

Предлог

1. Предлоги *в* и *у* по функциям не различаются: *у колхо́зи, у Воло́ди, у печэ́; в Вэ́лыком, в дэ́рэвнэ, в дру́бе*.
2. Предлог *с* чаще произносится как *з*: *з девэ́ти, з му́жом, з ива́ном*.
3. Предлог *до* используется в значении *к*: *до двора́*.

Союз

1. Союз *как* имеет форму *як*.
2. Союзы *да* и *и* функционируют в форме *та*.
3. Союз *когда* бытует в форме *кады́*.
4. Разделительный союз *или* представлен лексемами: *и́лы* и *абу́*.

Частица

1. Отрицательная частица *не* с глаголами употребляется в формах *нэ́, не, ны*: *нэ́ было, нэ́ нанима́лы, не живё́ть, нэ́ знаётэ́, нэ́ бу́дэте, нэ́ соулаша́ются; не́ было; ны зна́ишь, ны ходы́ла*.
2. В отрицательной частице *нет* добавляется -у: [нэ́ту].

Синтаксис

Отметим некоторые яркие черты, свойственные данному говору.

1. В предложениях наблюдается усечение подлежащего: [ж^ила́ ф^околхо́з'и / б'э́дно жылы́ / ^олодováл'и фс'у вр'эм'а / ходы́лы ф^ошко́лу / роскладу́ на^оф'эрми].

2. Широко представлены неопределённо-личные предложения: [*пáлоч'ку по-стáв'ут' / зэрно́ дајут' / выно́с'ут' молоко́ / стоја́лы заУро́ши / поУсылу́ ходы́лы / дајут' и ма́слу / но́с'ут' заУоб'ёду*].

Таким образом, говор хутора Тюниково представляет собой совершенно само-бытное явление. Его особенности прослеживаются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

В связи с тем, что хутор заселялся выходцами из Украины, можно с уверенностью сказать, что за 275 лет существования этого населённого пункта в языке сложилась уникальная система взаимовлияний. С одной стороны, в общении с жителями соседних деревень носителям данного говора приходилось использовать в речи русские слова, с другой, в общении между собой преимущественно сохраняли родную речь. Так диалект хутора прошёл особый путь развития.

Следует отметить, что сельский образ жизни не позволял тюниковцам далеко и надолго отлучаться от дома, поэтому контакты с представителями других поселений были немногочисленны. Это и сохранило до настоящего времени исследуемый диалект в материнской, украинской исторической основе.

Перечисленные факты позволяют нам считать его русско-украинским говором, который представляет ценность для диалектологов и историков языка. Таких, можно сказать, вымирающих населённых пунктов, находящихся вдали от областного центра, остаётся достаточно мало. В прошлое вместе с его жителями исчезнет с карты Воронежской области хутор, которому почти 300 лет.

Изучение лексики русско-украинских говоров даёт возможность установить закономерности в истории развития словарного состава родственных языков и их говоров, уяснить особенности развития основных говоров в близкородственной языковой среде, определить характер и специфику взаимодействия диалектов близкородственных языков [4, 504-505].

Библиографический список

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
3. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области в 2 т. Т. 1, 2008; т.2, 2012. Воронеж, ВГУ. Филол. ф-тет. Каф. слав. филологии.
4. Сьянова Е.И. О некоторых принципах составления «Словаря русско-украинских говоров Воронежской области» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 496-559.

References

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Tolstoy N.I. Language and vernacular culture. Sketches on Slavonic mythology and ethnical linguistics. Moscow, 1995. 509 p.
3. Avdeeva M.T. The dictionary of Ukrainian dialects of Voronezh region: in 2 vol. Vol. 1, 2008; vol. 2, 2012. Voronezh State University, philological department, the chair of Slavonic languages.
4. Sianova E.I. On some principles of compilation of the dictionary of Russian and Ukrainian dialects of Voronezh region // Lexical atlas of Russian dialects, 2013. St.-Petersburg, 2013. P. 496-559.

УДК 811.13+811.16

*Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет
выпускница кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного
Дашкевич Д.В.
Россия, г. Москва, тел. +7(916) 872-06-29;
e-mail: dada-sha@yandex.ru*

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Philological department,
the chair of didactic linguistics and theory of teaching Russian as a foreign language, graduate
Dashkevich D.V.
Russia, Moscow, tel.: +7(916) 872-06-29;
e-mail: dada-sha@yandex.ru*

Д.В. Дашкевич

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО АКЦЕНТА В ОБЛАСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКИХ ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РОМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В русском консонантизме наиболее нагруженной, как известно, является область переднеязычных согласных. Произношение данных звуков нередко вызывает трудности у иностранных учащихся. Однако ошибки, которые делают инофоны, различны. Данная работа содержит анализ фонетического акцента носителей романских и славянских языков в области произношения русских переднеязычных шумных согласных, выделение универсальных трудностей, типологических и специфических ошибок в речи иностранцев.

Ключевые слова: фонетический акцент, фонетическая интерференция, родной и изучаемый язык, универсальное, типологическое, специфическое.

D.V. Dashkevich

FEATURES OF THE PHONETIC ACCENT IN THE PRONOUNCIATION OF RUSSIAN CORONAL NOISY CONSONANTS IN THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF ROMANCE AND SLAVIC LANGUAGES

The domain of noisy coronal consonants is the most loaded in the Russian language. Very often foreign speakers find it difficult to pronounce these sounds properly, no matter what their first language is. Nevertheless, the mistakes are different. In this work, difficulties and mispronunciations typical for native speakers of Spanish, French, Portuguese, Italian, Bulgarian, Croatian, Polish and Czech are discussed.

Key words: phonetic accent, phonetic interference, native and target language, universal, typological and specific learning problems.

Данная работа направлена на анализ ошибок в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей романских и славянских языков.

Обычно исследователи определяли фонетический акцент как подчинение чужой фонетики фонологическим навыкам своего языка.

Существует два взгляда на иностранный акцент: "внешний" и "внутренний". "Внешний" взгляд – это взгляд с позиции слушающего, в этом случае отмечаются черты акцента, зафиксированные в речи инофона, вне зависимости от того, каким является его родной язык. "Внутренний" взгляд – взгляд с позиции говорящего, когда при анали-

зе акцента учитывается проявление фонетической интерференции – совокупности взаимосвязанных отклонений от системы изучаемого языка, возникших в результате взаимодействия родного и изучаемого языков. Фонетическая интерференция проявляется как фонетический акцент в речи человека, владеющего двумя и более языками [11; 432-434].

Известно, что интерференция локализована в говорящем, тогда как акцент существует лишь для слушающего. Два взгляда на акцент дополняют друг друга, позволяя выявить фонологические, то есть влияющие на нарушение и разрушение смысла, и нефонологические ошибки в речи учащихся, и последовательно устранить их [3; 1971].

Согласно А. А. Реформатскому, в зависимости от соотношения фонологических систем своего и чужого языков могут проявляться две тенденции в усвоении системных категорий изучаемого языка.

Первая – подгонка разного чужого под одно своё, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный материал чужого языка. Так, в большинстве языков отсутствует противопоставление по твердости – мягкости согласных звуков, что сказывается на акценте в русском языке. Например, одной из распространенных ошибок является произнесение на месте русских переднеязычных зубных [л] и [л'] европейского альвеолярного [l]: *n[l]oxo (плохо).

Вторая тенденция проявляется тогда, когда фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы. В этом случае носители более богатого фонетического репертуара начинают выделять в пределах более бедного фонетического репертуара несущественные нефонологические признаки [6; 117-118]. Например, в болгарском языке аффриката [ц] имеет мягкую пару [ц'], отсутствующую в русском языке. Как следствие в интерферированной русской речи болгар может встретиться ошибка, связанная с произнесением мягкой аффрикаты [ц'] на месте русской твердой [ц].

Н. С. Трубецкой писал, что “слушая чужую речь, мы при анализе слышимого произвольно используем привычное нам "фонологическое сито" всего родного языка. А поскольку наше "сито" оказывается неподходящим для чужого языка, постольку и возникают многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через "фонологическое сито" нашего родного языка” [8; 59]. Следовательно, главная задача – не освоение произношения чужого, а "борьба" со своим [7; 506].

Исследователи неоднократно подчеркивали, что самое опасное – это ориентировка на кажущиеся "схожести": они почти всегда провокационны, и их-то и надо больше всего бояться. “Стоит только уловить что-то похожее, как сейчас же явится соблазн на почве "звукового типа" отождествлять и системно, и физически разное”. [6; 145]. Л. В. Щерба отмечал, что “особые трудности кроются даже не в тех звуках, которым нет аналогичных в родном языке учащегося, а как раз в тех, для которых в этом последнем имеются сходные звуки” [9; 128].

В связи с этим положением наиболее интересные результаты дает изучение акцента носителей славянских языков, так как близость фонетических систем этих языков с русской системой может отразиться на фонетическом акценте: зная, что языки являются родственными и похожими, студенты могут уделять мало внимания различиям в произношении определенных звуков, что может повлечь за собой устойчивые ошибки.

В ходе данного исследования были выявлены основные отклонения в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей романских и славянских языков: как общие для всех испытуемых, так и индивидуальные. Для этого был проведён эксперимент, в ходе которого на диктофон была записана интерфе-

рированная русская речь иностранных учащихся – носителей испанского, французского, португальского, итальянского, болгарского, хорватского, польского и чешского языков.

Выбор данных языков обуславливается их принадлежностью к разным языковым группам, что позволяет выделить как типологические черты акцента, характерные для групп испытуемых, так и специфические, наблюдаемые у носителей конкретного языка.

Для проведения эксперимента были созданы специальные материалы, которые состояли из слов и словосочетаний, вызывающих у испытуемых трудности в области произношения переднеязычных шумных согласных. Материалы отличались друг от друга степенью фонетической, лексической и грамматической сложности и предназначались для студентов разного уровня. Испытуемым было предложено прочитать слова, словосочетания и предложения на русском языке, в которых присутствовали переднеязычные шумные согласные в различных позициях в синтагмах (в начале, в середине и в конце слова, в вокалическом и консонантном окружении).

В ходе анализа полученных данных были обнаружены общие трудности, характерные для всех испытуемых, а именно – некорректное употребление согласных, противопоставленных по признаку твердости/мягкости: **ve[s]* (*весь*), **[s]ейчас* (*сейчас*), **хо[t]* (*хоть*). Несмотря на то, что трудность для всех испытуемых была общая, причины ошибок такого типа различны. У носителей романских языков подобные ошибки обусловлены тем, что система переднеязычных согласных звуков в их языках беднее системы русских переднеязычных согласных, система противопоставления согласных по признаку твердости/мягкости в их языках отсутствует.

В случае с носителями славянских языков проблема некорректного употребления согласных, противопоставленных по признаку твердости/мягкости, возникшая у всех испытуемых, имеет разную природу. Наиболее похожая ситуация на ту, что мы наблюдаем в романских языках, наблюдается в чешском и хорватском. В чешском языке в области переднеязычных шумных согласных мягкие пары имеют только согласные [т] и [д], соответственно, ошибки во всех остальных звуках подобны ошибкам носителей романских языков.

Хорватский язык отличается более богатым фонемным репертуаром в области переднеязычных шумных согласных, чем русский, однако признак твердости/мягкости не является в нем дифференциальным. Например, хорватские [ć] и [č], по мнению некоторых ученых, различаются не по твердости/мягкости, а по месту образования. Это подтверждается анализом хорватского акцента: мягкий [ć] не отождествляется хорватами с русским мягким [ч]. В ходе проведенного эксперимента носитель хорватского языка произносил твердый [ч] в русских словах, например, в слове *точно*, так как по способу артикуляции хорватский звук [ć] более похож на русский звук [ч], чем хорватский [č].

В болгарском языке пары, противопоставленные по мягкости и твердости, есть у всех переднеязычных согласных, кроме [ш] и [ж], однако последние два звука произносятся в болгарском языке мягче, чем аналогичные звуки в русском языке. В связи с этим у испытуемого болгарина были обнаружены следующие ошибки: **[ж]ивёт* (*живёт*), **боль[ш']ой* (*большой*), **куки[ш']* (*кукиш*).

У носителя польского языка причиной ошибок, связанных с некорректным употреблением твердых и мягких согласных (**хо[t]*, **чу[t]* в словах *хоть*, *чуть*) связана с тем, что польские [д], [т], [з], [с] не имеют мягких пар, они лишь немного смягчаются в заимствованиях.

В области произношения русских переднеязычных шумных согласных можно также обозначить типологические ошибки, характерные лишь для носителей романских языков, связанные с неразличением русских переднеязычных шумных согласных. Помимо противопоставления по твердости/мягкости, в системах переднеязычных соглас-

ных звуков романских языков часто отсутствует противопоставление по месту и способу образования, а также по глухости/звонкости. В связи с этим были обнаружены подобные ошибки: *то[ʃ]но (точно), *но[ɟʒ] (нож), *[z]ивёт (живет), *[s]ека (щека), *[z]лов (слов).

Помимо универсальных трудностей, характерных для всех испытуемых, и типологических ошибок, отличающих группы носителей родственных языков, в ходе данного эксперимента были выделены ошибки, отличающие носителей конкретных языков, то есть специфические.

Так, испаноговорящие сводят русские шипящие звуки [ш] и [ш':] к аффрикате [tʃ]: *e[tʃ]ё (ещё), * [tʃ]ека (щека), *[stʃ]умае[tʃ] (считаешь). Помимо этого, была обнаружена ошибка, связанная с позиционными закономерностями употребления испанских согласных звуков: в испанском языке существует запрет на произнесение звука [tʃ] на конце слова, поэтому незнакомый шипящий звук в конце слова заменяется не на [tʃ], как во всех остальных случаях, а на [s]: *[itʃes] (ищешь).

В итальянском языке отсутствуют шумные щелевые согласные [ш], [ш'] и [ж], и носители итальянского языка произносят на их месте знакомые им [s] и [z]: *[z']ивьём (живьём), *[z]ен[s]ина (женщина), *[s]ека (щека).

Носители португальского языка часто прибегают к замене неизвестных им русских свистящих согласных на полумягкий шипящий [ʃ]: *[ʃ]ешино (смешно), *ино[ʃ]транные (иностранные).

Таким образом, ошибки, сделанные носителями славянских языков, имеют более общий характер, нежели ошибки представителей романской группы языков, у которых были обнаружены яркие специфические особенности в произнесении определенных русских переднеязычных шипящих звуков.

Исследование акцентных черт носителей языков, относящихся к разным языковым группам, позволяет нам шире рассмотреть проблему преподавания русской фонетики иностранцам. Материалы, полученные в ходе проведенного эксперимента, могут помочь в создании новых учебно-методических курсов и пособий по русской фонетике, а также помогут усовершенствовать лингвометодические основы обучения русскому произношению.

Библиографический список

1. Бархударова Е.Л. Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. – 2012. – № 6. С. 57 -70.
2. Бархударова Е.Л. Русский консонантизм. Типологический и структурный анализ. – М., 1999. – 160 с.
3. Виноградов В.А. Консонантизм и вокализм русского языка. Практическая фонология. – М., 1971. – 81 с.
4. Гливинская В.Н., Платонова И.В. Давайте вместе учить болгарский. – М., 2004. – 273 с.
5. Колесникова С.С. Переднеязычные согласные в русском языке и их аналоги в хорватском в контексте обучения хорватов русскому языку. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев,

А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2012. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см.

6. Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. – 1959. - № 2. – С. 145 – 156.

7. Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк; Хрестоматия. – М., 1970. – С. 506 – 515.

8. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Высшая школа, 1960. – 372 с.

9. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. – М., 1974. – 111 с.

10. Польский язык: учеб. пособ. для студ. филол. фак. / Казан. гос. ун-т, Филол. фак.; сост.: Е.И. Колосова, М.О. Новак, Р.Н. Сафин. – Казань, 2007. – 76 с.

11. Программа-минимум кандидатского экзамена по специальности 13.00.02. // Русский язык и его история: программы кафедры русского языка для филологических факультетов государственных университетов. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2007. – 480 с.

12. Чешский язык. Учебник-самоучитель для начинающих. Под. ред. А. И. Изотова. – М., 2002. – 175 с.

References

1. Barkhudarova E.L. Methodological problems in the analysis of the foreign accent of Russian speech // Gazette of Moscow University. Series 9. Philology. – 2012. – № 6. P. 57 - 70.

2. Barkhudarova E.L. Russian consonantism. Typological and structural analysis. – М., 1999. – 160 p.

3. Vinogradov V.A. Consonantism and vowelism of the Russian language. Practical phonology. – М., 1971. – 81 p.

4. Glivinskaya V.N. Platonova I.V. Let's learn Bulgarian together. – М., 2004. – 273 p.

5. Kolesnikova S.S. Coronal consonants in the Russian language and their counterparts in the Croatian in the context of teaching Croats the Russian language. The materials of the International Youth Scientific Forum "Lomonosov-2012" / Ed. by A.I. Andreev, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov, K.K. Andreev, M.V. Chistyakov. [Electronic resource] – М.: MAX Press, 2012. – 1 electron. disk (DVD-ROM); 12 см.

6. Reformatskiy A.A. Teaching pronunciation and phonology // Philology. - 1959. - № 2. - P. 145 - 156.

7. Reformatskiy A.A. Phonology in service of teaching pronunciation of non-native language // Reformatskiy A.A. From the history of Russian phonology: Essay; Reader. - М., 1970. - P. 506 - 515.

8. Troubetskoy N.S. Fundamentals of phonology. – М.: High School, 1960. – 372 p.

9. Scherba L.V. Teaching of foreign languages in high school: General methods. - М., 1974. - 111 p.

10. The Polish language: textbook for students of philological faculties / Kazan State University Press, Philological department; Ed. by: E.I. Kolosova, M.O. Novak, R.N. Safin. - Kazan, 2007. - 76 p.

11. The minimum programme for candidate examination in the specialty 13.00.02. // Russian language and its history: the program of the department of Russian philology for faculties of public universities. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2007. – 480 p.

12. The Czech language. Tutorial for the beginners. Ed. by A.I. Izotov. - М., 2002. - 175 p.

УДК 81'36

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
доц. кафедры дидактической лингвистики
и теории преподавания русского языка как
иностранного филологического факультета
д. филол. наук*

Панков Ф.И.

*Россия, г. Москва, тел. +7(495)939-43-97;
+7(903)753-69-70
e-mail: pankovf@mail.ru*

*Moscow State University named after
M.V. Lomonosov
Philological department,
the chair of didactic linguistics and theory
of teaching Russian as a foreign language
Doctor of philological sciences, associated
professor*

Pankov F.I.

*Russia, Moscow, tel. +7(495)939-43-97;
+7(903)753-69-70
e-mail: pankovf@mail.ru*

Ф.И. Панков

ГРАММАТИКА НАРЕЧИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена проблемным вопросам грамматики наречий как фрагмента функционально-коммуникативного описания русского языка.

Ключевые слова: функционально-коммуникативная грамматика, наречие, русский язык.

F.I. Pankov

GRAMMATIC PROBLEMS OF RUSSIAN ADVERBS

The article focuses on grammar of adverbs as a part of the functional and communicative description of the Russian language.

Key words: functional and communicative grammar, adverbs, Russian language.

Обобщение коллективного опыта преподавания русского языка как неродного продиктовало насущную необходимость создания не только множества узконаправленных аналитических исследований, но и фундаментальной синтетической грамматики, которая объединила бы достижения русистов последних десятилетий и стала бы серьёзным этапом на пути адекватного представления лингводидактической модели русского языка в целом.

Такая функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ) отражает полевой характер языка [1; с.12]. Несмотря на многолетнее поуровневое его описание (фонетическое, лексикологическое, морфологическое и т.д.), функционально-коммуникативный подход свидетельствует, что привычные границы между языковыми уровнями – лишь дань традиции, в языке же с его полевой устроенностью реально существует глубокое взаимопроникновение явлений разного уровня. При этом по-прежнему актуальным остается внимание к отдельным категориальным классам слов – как к самостоятельным, так и к служебным, тем более что за последнее время в лингвистической теории и практике преподавания русского языка усилилось внимание к тем из них, которые традиционно считались периферийными. Это касается, в частности, таких единиц с «бедной» морфологией, как наречия, модальные слова, предлоги,

союзы, частицы, междометия, «дискурсивные», «структурные» слова и др. Однако эти неизменяемые лексические единицы богаты своим семантическим, текстовым, коммуникативным, позиционным потенциалом.

Сейчас назрела необходимость в рамках целостной грамматики русского языка создания грамматик отдельных частей речи – существительного, прилагательного, глагола, предлога и т. д. Цель настоящей статьи – очертить контуры одного из фрагментов лингводидактической модели языка – грамматики русского наречия, охватывающей и формальный, и семантический, и коммуникативный, и денотативный уровни языковой системы, а также речевые реализации наречий как строевых элементов языка.

Примечание. Сам термин «грамматика», как известно, имеет несколько значений. Во-первых, грамматикой называют «строй языка», т. е. один из его уровней, включающий морфологию, синтаксис, словообразование: «*строй языка, т. е. систему морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства ... это категории и все явления формального, собственно строевого уровня языка*» [2; с.113]). Во-вторых, грамматика – описание этого уровня, т. е. раздел лингвистики, изучающий грамматический строй языка («*раздел языкознания, изучающий такой строй...*» [2; с. 113]). В-третьих, термин «грамматика» употребляют также для обозначения описания грамматических особенностей определённых языковых единиц, «*для обозначений функций отдельных грамматических категорий или лексико-грамматических множеств. Так, говорят о грамматике той или иной части речи (например, грамматике имени, грамматике глагола) или о грамматике того или иного падежа, инфинитива, отдельных предлогов*» [2; с.113]). Можно, например, говорить о грамматике существительного, о морфологии прилагательного, синтаксисе глагола и т. д. В словосочетании «грамматика наречия» термин употреблён в третьем значении.

Понятие «грамматика наречия» включает анализ семантической системы этой категории (выявление разрядов наречий, систем значений адвербиальной темпоральности, локативности, каузальности, квантитативности и др.), синтаксических позиций наречий, их коммуникативной роли в актуальном членении высказывания, синонимии и вариативности, выявление их морфосинтаксических типов. Группа наречий как один из видов распространителей глагола представляет особый интерес и в силу своей связи с функционированием глагольного вида. Такое рассмотрение вызвано потребностями как теории: дать целостное описание особенностей определённого фрагмента языковой системы, предопределяющих его речевое воплощение, – так и практики описания русского языка в целях его сопоставительного изучения с другими языками, необходимого для создания адекватных частных грамматик для нерусских. Грамматика наречия предполагает описание парадигматики и синтагматики этой категории. В парадигматическом плане анализ наречий связан с рассмотрением формального и содержательного аспектов.

Учёт формальной стороны данной категории предопределил внимание к наречиям как грамматическому (морфологическому и синтаксическому) классу слов, а также к адвербиальным группам, их специфике по отношению к другим средствам выражения аналогичных значений – именным группам, прилагательным, глаголам, предлогам, союзам и т. д. В настоящее время составление реестра русских адвербиальных лексем дало возможность расширить наши представления и об их морфосинтаксической структуре. Приведём несколько примеров. В самом общем виде среди наречий условно выделим, во-первых, так называемые десубстантивные (образованные от имени существительного) наречия: 1) модель «**N_T**» в следующих конкретных реализациях: а) **N_T sing**, т. е. из творительного беспредложного имени существительного в единственном числе: *днём, часом, порой*; б) **N_T pl**, т. е. из творительного беспредложного имени существительного во множественном числе: *временами*; 2) модель «**Pr (pref) + N_K**», т. е. из сочетания предлога (выступающего в адвербиальной лексеме как префикс) с именем существительным в косвенном падеже, во множестве конкретных реализаций: *извека, сроду, поутру, вмиг, вместе, накануне* и др. В-вторых, это деадъективные (образованные от

имени прилагательного) наречия: 1) модель «**Adj + suff**», т. е. из сочетания основы имени прилагательного с суффиксом: *долго, искренне, периодически* и др.; 2) модель «**Pr (pref) + Adj_к**», т. е. из сочетания предлога с формой того или иного косвенного падежа нечленного краткого или полного имени прилагательного: *изредка, смолоду, сызнова, задолго, зачастую, вслепую, подчистую, напропалую, вскоре* и др. В-третьих, это депрономинальные (образованные от местоимения) наречия: 1) модель «**Pron**», т. е. от условно непроизводного местоимения: *когда, где, куда, тогда, там, туда* и др.; 2) модель «**Pr (pref) + Pron**»: *откуда, зачем, почему* и др.; 3) модель «**Part (pref) + Pron**»: *никогда, кое-как* и др.; 4) модель «**Pron + Part (suff)**»: *когда-то, как-нибудь, где-либо* и др. В-четвёртых, это деадвербиальные (образованные от наречия) наречия: 1) модель «**Adv**», т. е. условно непроизводное наречие: *вчера, завтра, прежде, ныне* и др.; 2) модель «**Pr (pref) + Adv**»: *назавтра, отныне, поныне, доныне, послезавтра, позавчера* и др. В-пятых, это девербальные (образованные от глаголов) наречия, в частности модель «**V_{past n}**», т. е. от глагола в форме прошедшего времени среднего рода, выступающего в функции вводного слова: *бывало*. В-шестых, это компаративные (образованные от сравнительной степени) наречия: 1) модель «**comp**»: *раньше, позже, дольше* и др.; 2) модель «**Pr (pref) + comp**»: *заранее*. В-седьмых, это денумеральные (образованные от числительного) наречия, служащие для обозначения кратности: 1) модель «**Num + suff**»: *однажды, дважды, трижды, многожды* и др.; 2) модель «**Num_т**»: *пятью, шестью, семью, восемью* и др. В-восьмых, это партикулярные (образованные от частиц) наречия: 1) модель «**Part**», т. е. лексемы, способные употребляться то как наречия, то как частицы: *уже, уж, всё, ещё, едва* и др.; 2) модель «**Part + Part**», т. е. наречия-редупликации, образованные путём удвоения частиц: *вот-вот, только-только* и др. Кроме того, имеются и синтетические, в том числе полилексемные типы. Это, в-девятых, прономинально-субстантивные (образованные от сочетания местоимения с существительным) наречия, в частности модель «**Pron + N_к**»: *сейчас, тотчас, сегодня* и др. В-десятых, адъективно-адвербиальные (образованные от сочетания имени прилагательного с наречием путём редупликации) наречия, в частности, модель «**Adj_т + Adv**»: *давным-давно, раным-рано, полным-полно* и др. В-одиннадцатых, это адвербиально-адвербиальные (образованные от сочетания двух наречий путём редупликации) наречия, в частности модель «**Adv + Adv**»: *быстро-быстро, далеко-далеко, близко-близко, высоко-высоко, низко-низко* и др. Анализ структуры адвербиальных лексем и выделение их морфосинтаксических типов, безусловно, поможет выявить внутреннюю форму, семантические особенности русских наречий, влияющие в целом на характер их функционирования в речи [3; с.190-197].

Содержательным аспектом категории наречия является, во-первых, внешнеситуационный компонент семантики наречий (т. е. значение времени, пространства, причины, цели, образа действия, степени), место адвербиальных средств в соответствующих функционально-семантических полях (ФСП) в их отношениях пересечения и взаимодействия с другими, смежными ФСП (темпоральности, аспектуальности, локативности, каузальности, компаративности, количественности и другими). Во-вторых, содержательная сторона включает и свойственное наречиям выражение оценки, модусных смыслов, субъективных характеристик действий или событий, т. е. к содержательной стороне отнесём не только «объективную» информацию, заложенную в семантике наречий, но и те «субъективные» смыслы, которые вносятся говорящим: отношение к тому или иному положению дел, оценка внешнего мира, цель сообщения и т. д.

Взаимодействие формального и содержательного аспектов воплощается в понятии так называемой контекстуальной парадигмы (КП) наречия. КП – это ряд изофункциональных словоформ, противопоставленных друг другу грамматически и в

то же время объединённых денотативно. КП включает исходное слово и его контекстуальные корреляты, имеющие тот же или другой категориальный статус. По отношению к наречию как неизменяемой части речи использование понятия парадигмы на первый взгляд кажется нонсенсом. Однако речь идёт не о морфологической парадигме с рядом противопоставленных друг другу форм словоизменения, а о парадигме принципиально иного рода. Очевидно, что КП имеет полевую устроенность. Исходное слово КП, её ядро – это изосемическое слово, функционирующее в составе изосемической изоморфной конструкции. Его контекстуальные корреляты – изосемические слова в составе изосемических неизоморфных конструкций (приядерная область), изосемические слова в составе неизосемических конструкций (ближайшая периферия), а также неизосемические слова (отдалённая периферия). Исходным словом КП могут быть слова разных частей речи – и самостоятельные (имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие), и несамостоятельные, служебные (например, предлог), однако, по-видимому, не любое слово способно иметь КП. Другими словами, текстовый потенциал разных слов может различаться. Очевидно, что ограничения кроются в трансформационных, деривационных возможностях каждого конкретного слова.

Само исходное слово и его контекстуальные корреляты характеризуются несколькими релевантными признаками – частеречной принадлежностью, морфологической формой и синтаксической (членопредложенческой) позицией. Кроме того, следует иметь в виду, что членом КП может быть не только собственно слово, но и сочетания слов, или дескрипции. Главный признак, объединяющий разные члены КП слова, – это общность передаваемого ими денотативного содержания, т. е. явления внеязыковой действительности. При этом разные категориальные классы слов могут оказываться изофункциональными. Простейшим примером служит КП наречия *бегло*, которая включает, во-первых, исходное слово – само наречие *бегло* в составе изосемической изоморфной конструкции, например: *Девочка читает бегло*; во-вторых, имя прилагательное в составе неизосемической конструкции: *У девочки беглое чтение*; в-третьих, имя существительное *беглость* в именительном падеже: *Беглость чтения у девочки высокая*; *Чтение у девочки – сама беглость*; а также дескрипция в составе неизосемической конструкции: *Чтение у девочки отличается беглостью*. Таким образом, КП наречия *бегло* включает по крайней мере четыре члена: 1) Adv (исходное наречие *бегло* в позиции обстоятельства – образа действия), 2) Adj (прилагательное *беглый* в позиции согласованного определения или сказуемого), 3) N_и (существительное в именительном падеже *беглость* в позиции подлежащего) и 4) дескрипция *отличается беглостью* (на формальном уровне включающая сказуемое плюс дополнение). Очевидно, что члены КП представляют собой не случайное образование, а группируются в строгую систему на основе системы парадигм предложения. КП тесно связана с целым рядом других парадигм слова и предложения: словообразовательной парадигмой слова, синтаксической и коммуникативной парадигмой предложения. Понятие КП на уровне слова помогает выявить трансформационные возможности русского языка.

В синтагматическом плане ФКГ наречий предполагает анализ их функционирования, т. е. позиционного потенциала, особенностей лексической и синтаксической сочетаемости, связи с видовыми и временными характеристиками глаголов, коммуникативной роли в актуальном членении высказывания. Функционально-коммуникативный анализ наречий, взаимодействие их парадигматики и синтагматики позволило сформулировать понятие актуализационной парадигмы слова, которая представляет собой совокупность его коммуникативных ролей, т. е. способности словоформы занимать ту или иную позицию в коммуникативной структуре высказывания. Опираясь частично на концепцию Т.Е. Янко [4; с.417-431], для повествовательного предложения мы выделяем семь типов коммуникативных ролей, каждый из которых имеет свой план выра-

жения: собственно тема, атоническая тема, фокус ремы, модальная рема, диктальная рема, атоническая рема и парентеза.

Наречия в составе высказывания, как и другие лексические единицы, представлены на уровне не лексем, а лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов. Так как каждый из ЛСВ выбирает свой тип контекста, в том числе и позицию по отношению к распространяемому компоненту, наречие рассматривается в контексте как сфере реализации данного ЛСВ, и определяется не только его значение, но и специфика контекста, организуемого наречием. При этом учитываются, в частности, и коммуникативная роль словоформы. Так, наречие *однажды*, как известно, может быть реализовано в предложении двояко: во-первых, как ЛСВ *однажды₁* 'неопределенное прошлое или будущее', который в системе значений адвербиальной темпоральности находится в одной «ячейке» с наречиями *когда-то, некогда, как-то*, и, во-вторых, как ЛСВ *однажды₂* 'однократность', который занимает место в другом фрагменте системы, будучи противопоставленным наречиям *дважды, трижды, четырежды* и др., и находится в одной «ячейке» с лексемами *единожды, однократно*. Различия в значениях ЛСВ закреплены на уровне их употребления. Первый ЛСВ способен занимать в предложении лишь синтаксическую позицию собственно темы (*Однажды я был в Киеве*), а второй – позицию фокуса ремы (*В Киеве я был лишь однажды*), причём для второго ЛСВ характерно присоединение модальных ограничительных частиц *лишь* и *только*. Как видим, понятие актуализационной парадигмы помогает выявить коммуникативный потенциал не только целого высказывания, но и отдельных слов.

Таким образом, грамматика наречия имеет непосредственный «выход» в лингводидактику. Представление фактов русского языка в функционально-коммуникативной грамматике не является лишь отражением и механическим перенесением выводов формально-описательной грамматики. Речь идёт об описании прикладной, лингводидактической модели русского языка в единстве его письменной и устной форм.

Библиографический список

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 502 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990.
3. Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика как основа лингводидактической модели русского языка // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Том 1 / Под ред. А.А. Градинаровой. Sofia: Heron Press, 2007. С. 190–197.
4. Янко Т.Е. Коммуникативный статус бенефактивных конструкций // Московский лингвистический журнал. Том 2. – М.: РГГУ, 1996. С. 417–431.

References

1. Vsevolodova M.V. Theory of the functional and communicative syntax: The textbook. – M., 2000. 502 p.
2. Linguistic encyclopedic dictionary / Ed. V.N.Yartseva. M., 1990.
3. Pankov F.I. Functional and communicative grammar as the basis of the linguistic and didactic model of the Russian language // The world of Russian word and Russian word in the world. Materials of the XI Congress of MAPRJAL. Volume 1 / Ed. A.A. Gradinarova. Sofia: Heron Press, 2007. P. 190-197.
4. Yanko T.E. Communication status of benefactive constructions // Moscow linguistic journal. Volume 2. M., 1996. P. 417-431.

УДК 81. 373. 21

*МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №7»
учитель русского языка и литературы
Шарифуллина Л.В.
Россия, г. Набережные Челны,
тел. +7(960)071-26-16;
e-mail: sto3@bk.ru*

*МВЕI «Secondary comprehensive school № 7»
The teacher of Russian language and literature
Sharifullina L.V.
Russia, Naberezhnye Chelny,
tel. +7(960) 071-26-16;
e-mail: sto3@bk.ru*

Л.В. Шарифуллина

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АФФИКСОВ В СТРУКТУРЕ ТОПОНИМОВ

В статье рассматривается проблема обусловленности значения аффиксов, входящих в структуру топонимов, которые используются в иноязычной среде, местонахождением в производящей или производной основе.

Ключевые слова: топонимы, аффиксы, производящие и производные основы.

L.V. Sharifullina

THE FUNCTIONAL SIGNIFICANCE AFFIXES OF STRUCTURE TOPONYMS

The problem of conditionality affixes values, transforming them into place-names, operating in a foreign environment, located in the producing or derivative basis is sited in the article.

Key words: place names, affixes, derivatives and producing base.

Исследования, проводимые учёными-топонимистами на протяжении последних десятилетий, показали, что большое внимание уделяется морфемике и словообразованию.

Большой вклад в изучение структурных типов топонимов внесли И.А. Воробьёва, А.В. Суперанская, Н.К. Фролов, Ф.Г. Гарипова, И.С. Карабулатова.

Так, Н.К. Фролов, исследовав на ономастическом материале способы топонимического словообразования и морфемный спектр русской топонимии, пришел к выводу, что, по его наблюдениям, морфемный спектр представлен более чем тридцатью топонимантами суффиксального типа, отличающимися различной степенью продуктивности на тех или иных этапах формирования региональной топонимии [8; с. 160].

Структурный анализ топонимов, основанный на морфологическом принципе, то есть на принадлежности того или иного топонима к определенной части речи, проводит И.С. Карабулатова в работе «Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте» (2002). При этом рассматриваются и другие аспекты характеристики структуры топонимов: количество корневых морфем или количество слов в составных наименованиях; способ образования; тип словосочетания, составляющий тот или иной топоним; слитность или неслитность входящих в название элементов. Исследователь топонимов считает, что данные аспекты, образуют сложное многоступенчатое единство, в котором на разных ступенях анализа выступает только один из указанных признаков [6; с. 18].

Итак, словообразовательный анализ предполагает выяснение модели производного слова, установление факта и способа мотивации в процессе словопроизводства, т.е. описание структуры слова как системы производящих основ, словообразовательных и формообразовательных аффиксов. Морфемный анализ предполагает установление морфемного состава слова.

Большую роль играет установление производной и производящих основ, так как

весомая доля топонимов функционирует в чужой языковой среде и изначальная основа с течением времени дополняется иноязычными аффиксами.

Обратившись к письменным источникам, можно увидеть прежде всего внешние изменения, которые происходили с данными топонимами на протяжении нескольких веков и попытаться найти объяснение этому языковому явлению.

Начиная с XVII века современный ойконим *Бергамак* претерпевает ряд изменений: *Биргамацкая слобода*, *Баргаматска*, *Бергамакское*, *Бергамак село*.

Морфемы, входящие в производную основу (*Биргамацкая слобода*, *Баргаматска*, *Бергамакское*, *Бергамак село*) в большей мере свидетельствуют об исторических изменениях.

Топонимы отражают историю заселения территории. Так, на одной из карт, входящих в «Атлас Азиатской России», название села *Бергамак* значит как *Биргамацкая слобода*.

Биргамацкая слобода – топоним, служащий названием поселения, основанного в XVII веке на берегу реки *Биргамак*.

Слово *слобода*, входящее в название, свидетельствует о том, что это село являлось наиболее крупным среди появившихся в указанное время. Впоследствии вокруг *Биргамацкой слободы* стали образовываться новые, более мелкие поселения.

Карта «В течении Иртыша от Омской крепости до Тобольска (1780 г.)» отражает данный процесс.

К 1780 году вокруг *Биргамацкой слободы*, которая теперь обозначена как *Баргаматска*, появляются деревни *Страшева*, *Мезенцова*, *Алметова*, *Каргатаны*, *Чаны*, *Атахумалова*, *Самагалова*.

Представленные ойконимы представляют собой образования от личных имён и фамилий и от гидронимов.

Отантропонимными можно считать следующие из них: *Страшева* – *Страшев*, *Мезенцова* – *Мезенцов*, *Алметова* – *Алмет*, *Атахумалова* – *Атахумал*, *Самагалова* – *Самагал*.

Каргатаны и *Чаны* – отгидронимные именованья, образованные от названий, скорее всего, небольших водоёмов, которые имели определяющее значение при заселении места, что и сыграло роль в выборе названия ойконима.

Нужно отметить, что среди представленных топонимов преобладают ойконимы тюркского происхождения (*Алметова*, *Атахумалова*, *Самагалова*, *Каргатаны*, *Чаны*). Судя по характеру происхождения ойконимов, можно утверждать, что данная территория в более ранний период была заселена в большей степени тюрками.

В I половине XVIII века *Баргаматска слобода* превратилась в обычное село. Но окончательное её преобразование из слободы в село произошло в конце XIX века.

Карта Тобольской губернии является наглядным тому подтверждением. Теперь на карте фигурирует ойконим *Бергамакское*. Данное название подразумевает изменение административно-территориального статуса населенного пункта, который к этому времени является селом *Бергамакским*, окружённым деревнями *Лисина*, *Кокшенева*. Нельзя не заметить тот факт, что карта представляет отантропонимные ойконимы славянского происхождения.

Современная карта Омской области, фиксирует последнее, современное, название населённого пункта, а именно, село *Бергамак*.

Аффиксы, входящие в производную основу, в данном случае корневая морфема, берут на себя нагрузку свидетельствовать о функционировании онама в иноязычной среде (*Биргамацкая слобода*, *Баргаматска*, *Бергамакское*, *Бергамак село*). Истинное значение топонима, как и любого другого слова, содержится в корне – морфеме, заключающей в себе лексическое значение ряда однокоренных слов.

Русские крестьяне значение гидронима *Бергамак*, принадлежащего по своему происхождению к тюркскому пласту, вряд ли знали. Поэтому корневая морфема переживает несколько трансформаций и имеет следующие варианты: *-бирга-*, *-барга-*, *-берга-*.

Данный ойконим отразил и другую причину его трансформаций. Существование названия в иноязычной среде может приводить к возникновению нескольких вариантов его написания: *Биргамацкая слобода*, *Баргаматска*, *Бергамакское*, *Бергамак село*.

Другим примером подобного рода изменений может служить название *Китлинского болота*. Корневая морфема данного лимнонима -кит- на протяжении длительного времени сохраняет данную форму.

Следует отметить, что в языке сибирских татар имеются слова *тет* («лиственница»), *тетле* («имеющий лиственницу»), которые в употреблении славянами видоизменились и приобрели форму *кит* и *китлы*.

Следовательно, топоним *тетле* для сибирских татар обозначает место, где растут лиственницы.

Справедливость данного утверждения подтверждает одна из карт XIX века, указывающая на существование деревни *Тетлейка*.

Кроме того, аффикс, входящий в производную основу, -инск-, свидетельствует о языковой адаптации тюркского ойконима в русской топонимической системе.

В русском языке данный суффикс служит для образования топонимов. В таком случае он имеет притяжательное значение. Китлинский, то есть «относящийся к определённому месту».

Следовательно, морфемно-словообразовательный анализ топонимов позволяет установить внешний и внутренний характер трансформации и её причины. Причём особое внимание следует уделять характеру основы, так как аффиксы, входящие в производящую и производную основу, выполняют разные функции.

Библиографический список

1. Воробьева И.А. Язык Земли. Названия населенных мест. URL:<http://sh-kray.narod.ru/arhive/2003/29/pol8.htm>.
2. Воробьева И.А. Загадки названий рек. URL: <http://www.rusfam.ru/>.
3. Гарипова Ф.Г. Исемнәрдә – ил тарихы = Имена – история земли: Монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 264 с.
4. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии: монография. Казань: ИЯЛИ, 1998. 571 с.
5. Карабулатова И.С. Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 228 с.
6. Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихоллингвистическом аспекте. Краснодар: Изд-во КГУ, 2002. 34 с.
7. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
8. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Т. 2. Топонимика и этнонимика. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 520 с.

References

1. Vorobiev I.A. Language of the Earth. Names of populated places. URL: <http://sh-kray.narod.ru/arhive/2003/29/pol8.htm>.
2. Vorobyov I.A. Mysteries of rivers names . URL: <http://www.rusfam.ru/>.
3. Garipova, F.G. Isemnәrdә - Iltarihy = Names are the history of the earth: Monograph. Kazan, 1994. 264 p.
4. Garipova F.G. Tatar waternames: Questions of etnogenez of Tatar people according to hydronymy: monograph. Kazan, 1998. 571 p.
5. Karabulatova I.S. Regional ethnolinguistics: Modern ethnolinguistic situation in the Tyumen region (based on toponymy). Tyumen: Publishing House of the TSU, 2001. 228 p.
6. Karabulatova I.S. Russian names in ethnical, psychological and linguistic aspects. Krasnodar, KSU Publishing House, 2002. 34 p.
7. Superanskaya, A.V. What is toponymy? Moscow, 1984. 182 p.
8. Frolov N.K. Selected works on linguistics: in 2 vol. Vol. 2. Toponymy and ethnonymic. Tyumen State University Publishing House, 2005. 520 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 371.31

<i>Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Филологический факультет. зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, проф. Клобукова Л.П. Россия, г. Москва, тел. +7-903-189-82-53; e-mail: klobukov@list.ru</i>	<i>Moscow State University named after M.V. Lomonosov Philological department. The head of the chair of Russian as a for- eign language (for humanities), full professor Klobukova L.P. Russia, Moscow, tel. +7-903-189-82-53; e-mail: klobukov@list.ru</i>
---	---

Л.П. Клобукова

КОМПЛЕКСНЫЙ ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ИСТОРИИ РОССИИ И ОСНОВАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ: КОНЦЕПЦИЯ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Статья посвящена характеристике концепции «Комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ», а также анализу основных нормативно-методических документов, лежащих в основе сертификационного тестирования иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент, разрешение на временное проживание или вид на жительство.

Ключевые слова: сертификационный экзамен, нормативно-методический документ, требования к содержанию комплексного экзамена, типовые тесты, изучение коммуникативных потребностей, электронное тестирование.

L.P. Klobukova

COMPLEX EXAM ON RUSSIAN LANGUAGE, HISTORY OF RUSSIA AND FOUNDATION OF LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION: CONCEPTION AND SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL MAINTENANCE

The article is devoted to the characteristics of the conception of “Complex exam on Russian language, history of Russia and foundation of legislation of Russian Federation” and to the analysis of main normative and methodical documents which refer to certification tests for foreign citizens, permission for work or temporary residence, giving a license for work or a Russian passport.

Key words: certification exam, normative and methodical documents, demands for the content of the complex exam, standard tests, study of communicative needs, electronic testing.

Разработка концепции «Комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ» (в дальнейшем – Комплексный экзамен) для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент, разрешение на временное проживание или вид на жительство, осуществлялась с учетом

опыта организации подобного тестирования в целом ряде развитых зарубежных стран. Введение в 2015 году данного экзамена как обязательного призвано познакомить прибывающих в Россию иностранных граждан с базовыми культурными ценностями российского общества, задать их поведенческую траекторию в соответствии с правовыми основами РФ. Другими словами, Комплексный экзамен является своеобразным тестом на знание российского образа жизни, реальным инструментом оценивания готовности иностранных граждан интегрироваться в российское общество.

Разумеется, организация такого масштабного проекта требует адекватного научно-методического сопровождения: разработки и издания целого ряда нормативно-методических документов, а также соответствующих учебных пособий. Важным этапом в этом направлении явилась публикация в 2015 году «Требований к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент» (т.е. для первого из трех целевых контингентов, названных выше) [2].

Как известно, «Требования...» являются базовым документом любой системы тестирования, поскольку обеспечивают достижение тех целей, которые преследует проведение сертификационного экзамена.

Прежде всего, «Требования...» служат унификации учебного процесса, потому что они делают сопоставимыми результаты обучения русскому языку, истории России и основам законодательства РФ, где бы это обучение не проводилось. Подчеркнем, что важной является свобода выбора не только **места обучения** – «Требования...» делают сопоставимыми результаты обучения, в каких бы **формах** оно не осуществлялось. Иностранец может заниматься в специальных учебных центрах, он может заниматься дистанционно или очно-дистанционно, он может также готовиться к сертификационному экзамену самостоятельно. Наличие такого нормативно-методического документа, как «Требования...», делает возможными все эти варианты: «Требования...» едины и не зависят от форм, методов, сроков и места обучения. И это полностью отвечает тем характеристикам, которые предъявляются к организации подобной работы в других странах.

Подготовленные «Требования» следует рассматривать как исходный нормативно-методический документ, конкретизация содержания которого будет в ближайшей перспективе осуществляться в других важных документах и средствах обучения. Именно «Требования» будут служить основой для разработки программ и учебных планов, предназначенных для разных форм обучения (очных, заочных, дистанционных), а также для создания различных учебников и учебных пособий. «Требования...» являются надежным ориентиром при конструировании контрольных тестов, позволяющих сертифицировать знания и умения иностранных граждан, а также для разработки тренировочных тестовых материалов, с помощью которых можно подготовиться к комплексному сертификационному экзамену. Таким образом, «Требования» реально помогают осуществлять взаимосвязь программ, учебников, учебных материалов, самого процесса обучения и унифицированного сертификационного контроля. В то же время они создают предпосылки для реализации вариативных форм и методов обучения, применения гибких моделей и современных технологий обучения.

Не менее важным шагом в плане научно-методического оснащения процесса подготовки и проведения сертификационного комплексного экзамена явилась публикация такого нормативно-методического документа, как «Типовые тесты к комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент» [1].

Роль «Типовых тестов...» в системе обучения и тестирования невозможно переоценить. Их функции весьма многоплановы.

Прежде всего, «Типовые тесты...» знакомят пользователей со структурой и содержанием комплексного экзамена, который включает три модуля: модуль I «Русский язык как иностранный», модуль II «История России», модуль III «Основы законодательства Российской Федерации». В свою очередь модуль «Русский язык как иностранный» состоит из 5 специализированных субтестов, каждый из которых ориентирован на определённый укрупнённый объект тестирования:

- Субтест 1. Лексика. Грамматика.
- Субтест 2. Чтение.
- Субтест 3. Аудирование.
- Субтест 4. Письмо.
- Субтест 5. Говорение.

Модули «История России» и «Основы законодательства Российской Федерации» содержат по одному тесту.

«Типовые тесты...» демонстрируют пользователям типы и формы тестовых заданий, которые будут использоваться во время сертификационного экзамена, дают информацию относительно условий его проведения и оценивания результатов тестирования.

Кроме того, «Типовые тесты...» призваны предоставить иностранным гражданам, изучающим русский язык, историю России и основы законодательства РФ, возможность для самооценки. Поэтому в структуре данного нормативно-методического документа представлены ключи к предлагаемым заданиям [1; с. 36 – 37, 46, 54], образцы порождаемых на данном уровне текстов [1; с. 38] и др.

«Типовые тесты...» помогают также преподавателям русского языка как иностранного, истории России и юриспруденции в их практической работе, поскольку организуют процесс обучения, унифицируют формы и содержание итогового контроля.

И конечно, «Типовые тесты...» необходимы специалистам, участвующим в разработке новых тестовых материалов (как контрольных тестов, так и тренировочных): их ориентация на «Типовые тесты...» обеспечит необходимую унификацию процесса сертификационного тестирования.

Необходимо особо подчеркнуть, что создание охарактеризованных выше нормативно-методических документов проводилось на основе детального изучения коммуникативных потребностей иностранных граждан, оформляющих в РФ разрешение на работу или патент. Данное исследование позволило выявить,

- в каких сферах и ситуациях общения должны использовать трудовые мигранты русский язык;
- какие социокоммуникативные роли они будут при этом выполнять,
- на какие темы они будут общаться,
- какие коммуникативные задачи они должны уметь решать с помощью русского языка,
- какие типы текстов на русском языке они должны уметь воспринимать и порождать,
- с помощью каких функционально-стилевых (лексико-грамматических) подсистем современного русского языка это общение будет осуществляться.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день комплексный экзамен для первой из названных выше категорий иностранных граждан (а именно, для иностранцев, желающих получить разрешение на работу или патент) оснащен мини-

мальным набором необходимых нормативно-методических документов. «Требования...» и «Типовые тесты...» для иностранцев, желающих получить разрешение на временное проживание, подготовлены и сданы в издательство «Златоуст»; к концу текущего года, они, по-видимому, тоже будут опубликованы. Что же касается научно-методического оснащения комплексного экзамена для иностранцев, желающих получить вид на жительство, то это задача, которая еще ждет своего решения.

Отметим, что к перспективным направлениям научно-методического оснащения комплексного экзамена относятся такие проекты, как создание «Лексических минимумов» для каждой группы пользователей, а также подготовка тестовых материалов для лиц с ограниченными возможностями здоровья – тяжелыми нарушениями слуха и зрения.

Актуальными являются разработка и апробация методики проведения комплексного экзамена в электронной форме, поскольку грамотно организованное электронное тестирование повышает качество этого процесса, упрощает процедуру проверки, устраняет влияние элементов субъективизма в оценке знаний и умений кандидатов, способствует удобству хранения результатов тестирования.

Библиографический список

1. Типовые тесты к комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент / Под ред. А.В. Должиковой, Л.П. Клобуковой, В.М. Козьменко, А.Ю. Зоточкина. Санкт-Петербург - Москва: «Златоуст» - РУДН, 2015. 54 с.
2. Требования к содержанию комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент / Под ред. А.В. Должиковой, Л.П. Клобуковой, В.М. Козьменко, Е.В. Киселевой. Санкт-Петербург - Москва: «Златоуст» - РУДН, 2015. 45 с.

References

1. Standard tests for the complex exam on Russian language, history of Russia and foundation of legislation of Russian Federation for foreign citizens legalizing permission or a license for work / Ed. by A.V. Dolzhikova, L.P. Klobukova, V.M. Kozmenko, A.J. Zotochkin. St.-Petersburg – Moscow, 2015. 54 p.
2. Demands for the content of the complex exam on Russian as a foreign language, history of Russia and foundation of legislation of Russian Federation for foreign citizens legalizing permission or a license for work / Ed. by A.V. Dolzhikova, L.P. Klobukova, V.M. Kozmenko, E.V. Kiseleva. St.-Petersburg – Moscow, 2015. 45 p.

УДК 371.31

*МБОУ гимназия №5,
учитель русского языка и литературы
Ахмадиева Е.Ф.
Россия, г. Екатеринбург,
тел. +79028791217,
e-mail:ahmadef@mail.ru*

*Grammar school № 5
the teacher of Russian language and literature
Akhmadieva E. F.
Russia, Ekaterinburg,
tel. +79028791217,
e-mail:ahmadef@mail.ru*

Е.Ф. Ахмадиева

МЕТОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

На материале действующих программ и учебников по русскому языку для основной школы рассматривается возможность формирования информационной компетентности при работе с учебно-научным текстом, представленном в учебниках.

Ключевые слова: информационная компетентность, формирование информационной компетентности, учебно-научный текст, виды учебно-научных текстов, методический аппарат учебников по русскому языку, задания и упражнения учебников русского языка.

Е. F. Akhmadieva

METHODICAL SYSTEM OF FORMATION OF INFORMATION COMPETENCE IN THE STUDY OF ACADEMIC- SCIENTIFIC TEXT ON THE RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

On the material of existing programs and textbooks on Russian language for primary school considers the possibility of formation of information competence when working with the educational and scientific text presented in the textbooks.

Key words: information competence, formation of information competence, academic text, the types of educational-scientific texts, the methodological apparatus of textbooks on the Russian language, tasks and exercises textbooks of the Russian language.

В Федеральных стандартах второго поколения для основной школы уделяется отдельное внимание работе с информацией: «При изучении учебных предметов обучающиеся совершенствуют приобретённые на первой ступени навыки работы с информацией и пополняют их. Они смогут работать с текстами, преобразовывать и интерпретировать содержащуюся в них информацию, в том числе:

- систематизировать, сопоставлять, анализировать, обобщать и интерпретировать информацию, содержащуюся в готовых информационных объектах;

- выделять главную и избыточную информацию, выполнять смысловое свёртывание выделенных фактов, мыслей; представлять информацию в сжатой словесной форме (в виде плана или тезисов) и в наглядно-символической форме (в виде таблиц, графических схем и диаграмм, карт понятий — концептуальных диаграмм, опорных конспектов)» [3, с.25]. Формирование информационных умений обозначено как одно из требований планируемых результатов освоения учебных и междисциплинарных программ

основной школы.

Для того чтобы составить представление о современном состоянии работы с информацией при изучении учебно-научного текста на уроках русского языка, нами было проанализировано содержание программ и учебников по русскому языку для основной школы.

Было проанализировано пять учебно-методических комплексов по русскому языку для основной школы авторских коллективов В.В. Бабайцевой, С.Н. Пименова и др.; М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др.; Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой и др.; С.И. Львовой, В.В. Львова и др.; М.М. Разумовской, В.И. Капиноса и др. Все они имеют гриф Министерства образования и науки РФ.

В программах данных авторских коллективов предполагается работа с учебно-научными текстами. Но не всеми авторами заявлены специальные задачи, направленные на формирование информационной компетентности при работе с учебно-научным текстом.

В программе под редакцией В.В. Бабайцевой отмечено, что в процессе изучения русского языка совершенствуются и развиваются такие общеучебные умения, как информационные: умение осуществлять библиографический поиск, извлекать информацию из различных источников, умение работать с текстом [4, с.5].

В авторской программе для общеобразовательных учреждений под редакцией М.Т. Баранова [5] и М.М. Разумовской [8] не выделены специальные задачи, связанные с формированием информационных умений при работе с учебно-научным текстом, но эта работа входит в круг тем, формирующих текстовые умения.

В пояснительной записке к программе по русскому языку под редакцией Р.Н. Бунеева особое внимание уделяется работе с информацией; выделены основные содержательно-целевые направления (линии) развития учащихся средствами предмета «Русский язык», одно из которых – овладение функциональной грамотностью. «Под функциональной грамотностью мы понимаем способность учащегося свободно использовать навыки чтения и письма для целей получения информации из текста, т.е. для его понимания и преобразования, и для целей передачи такой информации в реальном общении» [6, с.7]. В программе в соответствии с требованиями стандарта второго поколения обозначены информационные умения, которыми должны овладеть учащиеся 5-9 классов при работе с учебно-научным текстом.

Автор программы по русскому языку для общеобразовательных учреждений С.И. Львова [7] пишет о том, что «разработанная методическая система нацелена на формирование умений, обеспечивающих овладение речемыслительными способностями метапредметного уровня, например, способностью организовывать свою речемыслительную деятельность, направленную на полноценное получение и понимание информации» [1]. В программе заявлены информационные умения, которыми должны овладеть учащиеся 5-9 классов.

Таким образом, мы можем сказать о том, что в программах по русскому языку под редакцией В.В. Бабайцевой, Р.Н. Бунеева, С.И. Львовой особое внимание уделяется работе с информацией: выделены специальные задачи, направленные на формирование информационной компетентности при работе с учебно-научным текстом, заявлены информационные умения, которыми должны овладеть учащиеся 5-9 классов.

В методическом аппарате учебников различна форма знакомства с теоретическим материалом. Авторы учебников перед чтением учебно-научных текстов включают в аппарат учебников задания, способствующие формированию информационной компетентности.

При изучении нового языкового явления работа начинается с информационного запроса, на который учащиеся должны найти ответ по материалам наблюдений (УМК

под редакцией В.В. Бабайцевой), или с ряда вопросов на повторение и упражнений для наблюдений (УМК под редакцией Р.Н. Бунеева, М.М. Разумовской).

Задания, предваряющие чтение учебно-научных текстов, следующие: «Подумайте, о чем может идти речь в этом тексте?»; «Прежде, чем читать текст, прочитайте его заголовок. Что вам уже известно?» (УМК под редакцией В.В. Бабайцевой); «Перед чтением текста составь и запиши вопросы, на которые ты надеешься получить ответ»; «Прочитай тему урока. Как ты думаешь, какой материал необходимо вспомнить, чтобы перейти к изучению данной темы?» (УМК под редакцией Р.Н. Бунеева). В УМК под редакцией С.И. Львовой изложение сведений в большинстве параграфов начинается с вопросов на припоминание, после которых следуют учебно-научные тексты.

Такая форма знакомства с новым материалом позволяет научить школьников самостоятельно получать информацию, анализируя языковой материал; лингвистическая теория предстает как результат обработки информации, что способствует пониманию, а не механическому воспроизведению прочитанного.

Следовательно, в методическом аппарате учебных комплексов по русскому языку перед чтением учебно-научных текстов проводится работа, способствующая формированию информационной компетентности, но не все авторы представляют данную работу в системе. Так, в УМК М.Т. Баранова и др. изучение нового материала начинается с информационного запроса лишь в части параграфов: 35% в 5 классе, 33% в 6 классе, 8% в 7 классе, 16% в 8 классе, 8% в 9 классе.

Вопросы и задания после теоретических сведений также способствуют формированию информационной компетентности, осознанному и целенаправленному процессу аналитико-синтетической деятельности. Во всех учебно-методических комплексах представлены следующие задания, формирующие умения, обеспечивающие поиск и понимание информации учебно-научных текстов: «Определите тему и основную мысль», «Озаглавьте текст», «Разделите текст на части», «Подберите примеры .../ На примерах докажите...», «Передайте своими словами главную мысль», «Составьте и запишите план текста», «Какую новую информацию ты получил?».

Более детальная работа с информацией представлена в УМК под редакцией С.И. Львовой: «Определите, какие высказывания верны (истинны), а какие неверны (ложны)», «Используя материал упражнений, отметьте сходство и различие в...»; а также в УМК под редакцией Р.Н. Бунеева: «Какие слова в этом тексте являются ключевыми?», «Какая информация в этом тексте противоречит информации, которой ты владеешь?», «Сравни информацию, полученную тобой в результате наблюдений, и предлагаемую в рамке».

Изучение приемов чтения способствует усвоению информации. Систематическая работа, связанная с изучающим чтением представлена только в УМК под редакцией Р.Н. Бунеева.

В учебниках всех комплексов представлены следующие задания, способствующие формированию информационных умений, направленных на переработку и представление информации учебно-научного текста: «Разделите текст на части. Озаглавьте каждую часть», «Перескажите текст», «Составьте простой/сложный/тезисный/вопросный план», «Сжато изложите содержание текста», «Подготовьте устное выступление/сообщение на тему», «Составьте конспект текста».

В методическом аппарате учебников содержатся задания, связанные с сочинением на лингвистическую тему: «Напиши небольшой текст-рассуждение по данному началу...», «Напиши небольшое сочинение-рассуждение, используя любое высказывание» и т.п.

Во всех УМК с 5 класса теоретические сведения в учебниках излагаются в виде *схем, таблиц и рисунков*, иллюстрирующих лингвистические явления. Работа с инфор-

мацией, представленной в нетекстовом виде, учит анализировать информацию, производить структурно-смысловой и логический анализ текста: «Рассмотрите таблицу/схему и ответьте на вопрос/ расскажите о...», «Озаглавьте таблицу/схему».

Авторы всех УМК знакомят учащихся с невербальными способами изложения материала, но систематическая работа со структурированием информации отсутствует.

Для эффективной работы с информацией учебно-научного текста учащиеся должны знать их особенности (содержание, язык, структуру). В УМК представлены следующие задания, способствующие формированию умений, связанных с дифференциацией учебно-научного текста: «Определите стиль, тип текста», «Докажите, что данный текст является образцом научного стиля» и др. Особенности стиля усваиваются учащимися при выполнении заданий типа: «Как вы считаете, какие признаки лексики и синтаксиса данного текста характерны для научной статьи?» (см. УМК под редакцией Р.Н. Бунеева) или «Без имен существительных невозможно дать точное описание предмета в научном стиле. Чтобы убедиться в этом, опишите...» (см. УМК под ред. С.И. Львовой).

Работая с учебниками, школьники встречаются с различными видами учебно-научных текстов: текст-определение, текст-описание, текст-объяснение, текст-рассуждение, текст-правило (о видах учебно-научных текстов см. [9]). Указанные тексты обладают определенными структурными и языковыми особенностями и выполняют определенные функции. На уроках учащиеся практически путем знакомятся с особенностями этих текстов. На это направлены задания: «Дайте определение...», «Попробуйте сформулировать правило», «Сформулируйте самостоятельно определение», «Докажите, что...».

Учащиеся встречаются с разными видами учебно-научных текстов на протяжении всего курса обучения, но в методическом аппарате учебников практически не отражены отличия в организации деятельности учащихся при восприятии учебно-научных текстов различных видов.

Таким образом, в современных учебниках «Русский язык» для 5-9 классов уделяется достаточно серьезное внимание работе по формированию умений, которые составляют основу информационной компетентности: уделяется внимание восприятию, пониманию, переработке и созданию учебно-научного текста. Но результаты анализа учебно-методических комплексов показали, что специальные задачи, связанные с формированием информационной компетентности при работе с учебно-научным текстом выделены только в УМК под редакцией Р.Н. Бунеева и С.И. Львовой; в остальных УМК учебно-научные тексты не являются предметом специального анализа в учебном процессе. В методическом аппарате учебников задания, благодаря которым действия учащихся обобщались бы как действия, связанные с информацией, представлены не систематически; не всегда отдельные умения обобщаются как информационные. В проанализированных УМК практически не отражены различия в организации деятельности учащихся при восприятии учебно-научных текстов различных видов. Следовательно, работа по формированию информационной компетентности на материале учебно-научных текстов на уроках русского может быть скорректирована.

Библиографический список

1. Львова С. И. Учебник русского языка как основа образования, развития и воспитания современного школьника. // <http://www.mnemosina.ru/>
2. Методика преподавания русского языка в школе: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, М.Р. Львов; под ред. М.Т. Баранова. М.: Академия, 2000, с. 139-144

3. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / [Сост. Е. С. Савинов]. – (Стандарты второго поколения). – М.: Просвещение, 2011, 25с.

4. Программа по русскому языку. 5–9 классы. Авторы программы В.В. Бабайцева (редактор), А.Ю. Купалова, Е. Я. Никитина, Т.М. Пахнова, С.Н. Пименова, Л.Д. Чеснокова // Программы для общеобразовательных учреждений: Русский язык. 5–9 кл., 10–11 кл. / Сост. Е. И. Харитонов. – М.: Дрофа, 2011, с. 3-47.

5. Программы общеобразовательных учреждений: Русский язык. 5-9 классы. Авторы: М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Н.М. Шанский. – 11-е изд., М.: Просвещение, 2010. – 46 с.

6. Программа по русскому языку для основной школы. 5-11 кл. Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, Л.Ю. Комиссарова. // Образовательная система «Школа 2100». Сборник программ. Основная школа. Старшая школа / Под науч. ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Баласс, Изд. ДОМ РАО. – 2010. – 320 с.

7. Программы по русскому языку для общеобразовательных учреждений. 5-11 классы: основной курс, элективные курсы / [Авт.-сост. С.И. Львова]. 3-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2008.

8. Программы по русскому (родному) языку, 5–9 классы, авторы программы: М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов, Г. А. Богданова //Рабочие программы. Русский язык. 5–9 классы», сост. Е. И. Харитонов. М.: Дрофа, 2012.

9. Тронина Т.С. Формирование у учащихся IV класса умения воспринимать и воспроизводить учебно-научную речь (текст учебника) // Работа над умениями и навыками по русскому языку в 4-8 классах / Сост. И.В. Галлинер, С.И. Львова. М.: Просвещение, 1988. С. 146-158.

References

1. Lvova S.I. Textbook of Russian language as the basis of education, development and education of modern students. // <http://www.mnemozina.ru/>

2. Methods of teaching Russian language at school: textbook for students at higher teaching universities /М.Т. Баранов, N.A. Ippolitov, Т.А. Ladyzhenskaya, M.R. Lvov; ed. by М.Т. Баранова. М. : Academy, 2000, pp. 139-144.

3. Approximate basic educational program of an educational institution. Primary school / [sost. E. S. Savinov]. — (Second generation standards).— М.: Education, 2011, 25 p.

4. The program of the Russian language. Grades 5-9 .The authors of the program Vladimir Stanislavbabitsau (the editor), A. J. Koupalova, E.Y. Nikitin, Т.М. Panova, S.N. Pimenov, L.D. Chesnokov // Programs for teaching institutions: Russian language. 5-9 grades, 10-11 grades / Comp. by E. I. Kharitonov. Moscow: Drofa, 2011.

5. Program educational institutions: Russian language. Grades 5-9. Authors: М.Т. Баранов, V.A. Uraltseva, N. M. Shansky. 11th ed., М.: Education, 2010. 46 p.

6. The program on Russian language for the primary school. 5-11 grades. R.N.Buneev, E.V. Buneeva, L.Y. Komissarov. // Educational system "School 2100". The collection of programs. Basic school. High school / Ed. By D. I. Feldstein. – М.: Balassa, Ed. HOUSE RAO. – 2010. – 320 p.

7. Program on Russian language for General educational establishments. 5-11 classes: maijor course, elective courses / [Comp. by S.I. Lvov]. М.: Mnemosyne, 2008.

8. Program on Russian (native) language, grades 5-9, the authors of the program: М.М. Razumovskii, S.I. Lvov, V. I. Kapinos, V. Lvov, G. A. Bogdanov //Work programs. Russian language. Grades 5-9", comp. by E. I. Kharitonov. Moscow: Drofa, 2012.

9. Tronina T. S. Formation at pupils of class IV of the ability to perceive and reproduce the educational-scientific speech (text tutorial) // Work on Russian language skills of in grades 4-8 / Comp. by I.V. Gallinger, S.I. Lvov. М.: Education, 1988. P. 146-158.

УДК 808. 2 (075)

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского доц. кафедры русского языка

Богданова С.А.

Россия, г. Смоленск, тел. +7-906-66-75-723; e-mail: bogdanovasa24@rambler.ru

Air Defense Military Academy of Russian Federation Army named after Marshall of the Soviet Union A.M. Vasilevsky

The chair of Russian language, associate professor

Bogdanova S.A.

Russia, Smolensk, tel. +7-906-66-75-723; e-mail: bogdanovasa24@rambler.ru

С.А. Богданова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы обучения иностранных военнослужащих языку специальных дисциплин на занятиях по русскому языку. Автор разрабатывает систему заданий, обеспечивающих тренировку употребления терминов в устной и письменной речи обучающихся, контроль усвоения терминов при использовании компьютерного тестирования.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; язык специальности; обучение иностранных военнослужащих, компьютерные технологии в обучении языку, компьютерное тестирование.

S.A. Bogdanova

USE OF INFORMATION COMPUTER TECHNOLOGIES IN TEACHING PROFESSIONAL VOCABULARY TO FOREIGN MILITARY SPECIALISTS

This article presents issues of teaching special vocabulary to foreign military specialists at Russian language classes. The author has developed a system of tasks ensuring practice of terminology in oral speech and writing of the trainees, and control of digestion of terminology using computer-aided testing.

Key words: Russian as a foreign language; professional vocabulary; teaching of foreign military specialists; computer technologies in teaching professional vocabulary; computer-aided testing.

Для формирования речевой готовности иностранных военных специалистов к получению образования в военных вузах Российской Федерации при изучении русского языка проводятся занятия по аспекту «Язык специальности». Центральным элементом языка специальности, носителем основного предметного содержания является терминология, поэтому обучение языку специальности в основной части состоит в усвоении специальной терминологии.

В соответствии с «Требованиями к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль» [3] к концу учёбы на подготовительном курсе словарный запас иностранца должен включать 2300 слов. 25 % словаря, примерно 500 – 700 слов, составляет специальная лексика.

Овладение языком специальности осуществляется на основе военных учебно-научных текстов, подготовленных преподавателями профильных кафедр, и обеспеченных преподавателем русского языка методически организованной системой заданий для развития коммуникативных навыков и умений иностранных военных специалистов (далее ИВС).

Перед обучающимися стоит целый комплекс сложных языковых и речевых задач, связанных с овладением специальной терминологией, поэтому преподавателю необходимо организовать учебный процесс максимально эффективно и рационально. Поскольку для развития речевых умений и навыков на основе специального текста необходимо качественное усвоение терминологии, следует отметить необходимость последовательной системы работы, обеспечивающей а) ознакомление с терминологией; б) организацию её усвоения; тренировку употребления терминов в устной и письменной речи обучающихся; в) наблюдение за функционированием изученной лексики в предложении и тексте, развитие умения понимать специальный текст г) контроль усвоения терминов.

Для успешной реализации данной схемы требуется достаточное учебное время, позволяющее выполнить различные виды заданий для привития умения употреблять терминологическую лексику в устной и письменной речи обучающихся. В связи с этим целесообразно максимально эффективно использовать время самостоятельной работы. Задачи по усвоению языка специальности должны быть распределены между учебными занятиями и самостоятельной работой.

В современной педагогике основой учения признаётся активная самостоятельная познавательная деятельность обучающихся при отказе от доминирующего воздействия преподавателя как транслятора знаний [2; с. 13]. Обучение осуществляется на основе преобладания самостоятельных действий ИВС при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия.

Для полноценного и качественного усвоения терминологии необходима регулярная обучающая и тренировочная работа со специальной лексикой. Многократное повторение и употребление в устной и письменной речи ИВС лексики, составляющей понятийную базу текста, способствует правильности произнесения звуков, интонирования фразы, оформления речи в соответствии с нормами языка; извлечению из долговременной памяти обучающихся терминологической лексики, удержанию в кратковременной памяти определённых слов и словосочетаний [2; с. 201].

В связи с этим важнейшей задачей преподавателя русского языка является подготовка методически целесообразной системы заданий, обеспечивающей формирование указанных навыков. Одной из форм работы по усвоению специальной лексики является выполнение заданий обучающе-контролирующей компьютерной программы на основе лексического материала специального текста.

Ресурсы Интернета предоставляют возможности для создания специальных тренировочных и тестовых упражнений и заданий на основе авторских оболочек, позволяющих без знания языков программирования и привлечения специалистов самостоятельно создавать интерактивные задания с использованием текстовой, графической, аудио- и видеоинформации.

Преподаватель русского языка может, используя типовые задания оболочек, соотнести их с традиционными для методики преподавания русского языка как иностранного тренировочными учебными заданиями.

Для тренировки употребления в речи изученных терминологических словосочетаний могут применяться различные виды заданий с использованием компьютера. Например, традиционные для русского языка как иностранного имитативные задания. Методисты отмечают, что для автоматизации использования той или иной единицы обучения её необходимо сначала воспринять, а затем воспроизвести, имитируя образец. Особенно важны подобные упражнения для формирования навыков письменной речи. Данное задание может быть использовано с целью обучения письму, тренировки использования в письменной речи терминологических словосочетаний изучаемого специального текста.

Имитативные задания могут выполняться при использовании такого вида тестовых заданий программных оболочек, как ввод текстовой строки. Задание на ручной ввод текста предполагает введение текстовой строки или нескольких строк в качестве ответа. Обучающийся воспроизводит предъявляемый объект усвоения, например, слово, словосочетание или предложение письменно. Текстовая строка может вводиться обучающимися с опорой на зрительный и звуковой образец.

Обучающимся предлагается внимательно прочитать предложенное для усвоения терминологическое словосочетание, постараться запомнить его, а также его написание, самостоятельно набрать (написать) его в текстовой строке, после чего проверить правильность сделанной записи, внести исправления, если это необходимо. Таким образом формируются навыки правильного употребления букв на письме, навыки безошибочного письма, обучающиеся усваивают правильное написание изученных терминов и терминологических словосочетаний и тренируются в употреблении её в письменной речи [2; с. 63].

Также должны быть организованы эффективные действия обучающихся по овладению фонетическим обликом вводимой лексики. С этой целью выполняются задания с использованием лингафонного оборудования для развития умения осуществлять правильное звуковое, ритмическое и интонационное оформление высказывания, не допускающая фонематических ошибок; а также умения записывать со слуха словосочетания, предложения.

ИВС знакомятся с эталоном звучания новых слов, повторяют их вслед за диктором с опорой также на зрительный образ слова, стараются имитировать правильное произношение. Осуществляется многократное прослушивание и воспроизведение вслед за диктором терминологических словосочетаний и предложений, что ведёт к их автоматизации.

Задание 1. Слушайте словосочетания, читайте их.

Задание 2. Слушайте и повторяйте за диктором словосочетания.

Задание 3. Слушайте и пишите словосочетания. Проверьте их по ключу.

В результате многократного и осознанного выполнения подобных заданий происходит усвоение фонетического облика вводимой лексики, развитие способности правильно воспринимать услышанный звуковой образец (ассоциировать с его значением) и адекватно его воспроизводить, а также доведение указанной способности до автоматизированного (безошибочного, быстрого, стабильного) восприятия и воспроизведения [2; с. 236].

Кроме того, для усвоения терминологической лексики необходимы задания, способствующие развитию навыков, обеспечивающих правильное (безошибочное) употребление грамматических форм в речи.

С целью тренировки грамматически правильного употребления изучаемых терминологических словосочетаний могут использоваться традиционные для русского языка как иностранного подстановочные задания. Подстановочные задания, нацеливают обучающихся на качественное, грамматически правильное усвоение терминологии и могут быть направлены на контроль усвоения глагольных окончаний, падежных форм имён существительных, прилагательных, местоимений в структуре терминологических словосочетаний. Задание на подстановку пропущенного слова направлено на тренировку и контроль знания лексики.

Задание. Вставьте (напишите) пропущенные окончания.

Задание. Вставьте (напишите) пропущенные слова (существительные, прилагательные, глаголы, ...)

Данный тип заданий соответствует возможностям компьютерных тестов и может также иметь два варианта исполнения. Первый вариант исполнения – ввод текстовой строки. В этом случае задание формулируется следующим образом:

Задание. Наберите (напишите) пропущенные слова (существительные, прилагательные, глаголы, ...)

Задание выполняется обучающимся самостоятельно, без опоры на предлагаемые варианты ответа. Они набирают в строке для ввода текста пропущенное слово, исходя из имеющихся знаний. Но можно использовать также и другой вариант данного задания. Второй вариант исполнения подстановочного задания при использовании компьютера – задание на одиночный выбор правильного ответа. Данный вариант является более лёгким для обучающихся, так как даёт опору на предлагаемые варианты ответа, среди которых находится один правильный ответ.

Задание. Прочитайте словосочетание (предложение); выберите пропущенные окончания из предложенных вариантов.

Задание. Прочитайте предложение. Выберите пропущенные глаголы (прилагательные, существительные) из предложенных вариантов.

Задание на ввод текстовой строки может использоваться также для контроля усвоения терминов и дефиниций, для контроля понимания содержания текста.

Задание. Прочитайте дефиницию. Выберите из предложенных вариантов соответствующий термин.

Задание. Читайте вопрос. Выберите из предложенных вариантов правильный ответ на вопрос.

Специальный класс составляют игры со словами. Например, анаграмма – задание на перестановку букв – может использоваться для запоминания слов, терминов. Формулировка задания может составлять вопрос по содержанию текста, может свободно варьироваться в зависимости интересов преподавателя (например, прочитайте глагол, назовите однокоренное существительное). Буквы, представленные в случайном порядке, зашифровывают ответ на данный вопрос. Тестируемый может, щёлкая мышью, переставлять буквы, но для этого он должен знать ответ на вопрос, поскольку по набору букв угадать правильный ответ очень сложно. Выполняя данное задание, иностранный обучающийся усваивает содержание текста и запоминает правильное написание терминов текста.

Типовое задание компьютерных тестов на сопоставление вариантов целесообразно применять для развития лексических навыков: автоматизированных действий по выбору лексических единиц адекватно замыслу; их правильному сочетанию с другими единицами в продуктивной речи; автоматизированного восприятия и ассоциирования со значением в рецептивной речи [2; с. 133]; а также тренировки и контроля усвоения многокомпонентных терминологических словосочетаний. Задание на сопоставление вариантов соотносится с традиционным для русского языка как иностранного лексическим заданием: Найдите соответствия и составьте словосочетания. Слова расположены в два столбика, для каждого слова из первого столбика необходимо указать соответствующее слово из второго столбика. В каждом столбике может быть до десяти вариантов. Выбирая соответствующие друг другу словосочетания из двух столбиков, ИВС восстанавливают предложенные для активного усвоения.

Задачи обучения видам речевой деятельности на основе специального текста, чтению, аудированию, письму и говорению должны решаться на практическом занятии, то есть при непосредственном участии преподавателя. Компьютер целесообразно применять для эффективного контроля усвоения содержания специального текста, тестирования знания его специальной лексики. В этом случае могут применяться следующие виды заданий.

Задание на множественный выбор правильных ответов из предложенных вариантов. Оно позволяет во многих комбинациях группировать внешне сходный языковой материал, что способствует выделению дифференциальных признаков новой единицы; многократное предъявление одного и того же материала легко регулируется, а помещение его то в положение искомого, то в положение отклоняемого позволяет привлечь и активизировать его произвольное запоминание.

Задание на указание истинности или ложности утверждений позволяет проконтролировать знание терминологии, умение понимать текст с изучаемой терминологией, знание содержания текста и знание фактической информации по теме текста.

Выполнение задания с использованием компьютера стимулирует иностранных обучающихся многократно обращаться к изучаемому тексту, тем самым способствует его лучшему усвоению. При этом следует учитывать, что выполняемые с помощью компьютера задания могут иметь тренировочный, обучающий характер (в этом случае выполняемая компьютерная программа является тренажёром для закрепления изучаемой темы. В другом случае компьютерное тестирование выполняется с целью контроля усвоения темы.

Необходимо отметить, что возможности компьютерного тестирования достаточно разнообразны. Преподаватель русского языка может использовать их по своему усмотрению, формулируя задания с учётом тех задач, которые стоят перед обучающимися при изучении языка специальных дисциплин. Один из немаловажных моментов в использовании компьютерного тестирования – предоставить обучающимся возможность многократно выполнять предлагаемые задания. Первоначально тестирование выполняется с целью тренировки в употреблении изучаемой специальной лексики. После того как иностранные обучающиеся уверенно овладеют лексикой изучаемого текста данные тестовые задания выполняются ими с целью оценивания качества и результатов проделанной работы по изучению специального текста для получения итоговой оценки.

Проведение компьютерного тестирования позволит преподавателю решить важнейшие задачи по овладению языком специальных дисциплин: обеспечивает многократную тренировку в употреблении специальной лексики, что, несомненно, будет способствовать её лучшему запоминанию и усвоению; контроль и объективное оценивание знаний, умений и навыков; стимулирует обучающегося незамедлительно принять неотложные меры по коррекции усвоения нового материала, более качественно изучить материал. В результате проделанной работы и по итогам проведения учебных занятий ИВС должны усвоить термины текста и оказываются готовыми к восприятию специального текста, развитию речевых умений и навыков его основе.

Таким образом, полноценное и качественное усвоение терминологии специального текста является результатом предварительной самостоятельной работы обучающихся со списком терминов и терминологических словосочетаний, составляющих понятийную базу текста, включающей в себя семантизацию лексики и снятие произносительных трудностей её употребления; помощи преподавателя при проведении учебных занятий в целях снятия возможных лексико-грамматических трудностей употребления специальной лексики в структуре многокомпонентных терминологических словосочетаний и предложений, а также трудностей понимания текста; организации преподавателем самостоятельных действий обучающихся с терминами с целью многократного повторения лексики при выполнении заданий для СР, в том числе с использованием компьютерных технологий.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб: Златоуст, 1999. 471 с.
2. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / Сост. Т.Г. Мухина. Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. 97 с.
3. Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. СПб.: Златоуст, 2011. 63 с.

References

1. Azimov E.G., Schukin A.N. Dictionary of methodological terms (theory and practice of teaching languages). St.-Petersburg, 1999. 471p.
2. Active and interactive educational technologies (types of classes) in higher educational institutions: training manual / Comp. by T.G. Moukhina. Nizhny Novgorod: NNGASU, 2013. 97p.
3. Requirements to the first certification proficiency level of Russian as a foreign language. General proficiency. Professional module. St.-Petersburg, 2011. 63 p.

УДК 81' 271

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
ст. преп. кафедры русского языка*

*Тимошенкова Г.Ю.
Россия, г. Воронеж, тел. +79204156544
e-mail: g.timoshenckova@yandex.ru
ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
преп. кафедры русского языка*

*Федотова Н.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79107385320
e-mail: Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

*Military training and research center Air
force «Air force Academy named after Pro-
fessor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin»
The chair of Russian language, senior
teacher*

*Timoshenkova G.Y.
Russia, Voronezh, tel. +79204156544
e-mail: g.timoshenckova@yandex.ru
Military training and research center Air
force «Air force Academy named after Pro-
fessor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin»
The chair of Russian language, teacher
Fedotova N.V.
Russia, Voronezh, tel. +79107385320
e-mail: Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

Г.Ю. Тимошенкова, Н.В. Федотова

**КОММУНИКАТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ИНОЯЗЫЧНОЙ И РОДНОЙ КУЛЬТУР
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕГРАТИВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ
УМЕНИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ**

В данной статье рассматривается влияние коммуникативных особенностей поведения вьетнамских военнослужащих на процесс формирования их коммуникативной компетенции, а также сопоставляются некоторые речевые формулы русского и вьетнамского языков.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, речевые формулы, межкультурное общение.

G.Y. Timoshenkova, N.V. Fedotova

**THE COMMUNICATIVE-ORIENTATION STUDY A FOREIGN LANGUAGE
AND NATIVE CULTURES IN THE FORMATION OF THE INTEGRATIVE
COMMUNICATION SKILLS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

This article examines the influence of communicative peculiarity of the behavior servicemen from Vietnam on the process formation of their communicative competence, and also compares some verbal formulas of Russian and Vietnamese languages.

Key words: communicative behavior, verbal formulas, intercultural communication.

Под коммуникативным поведением в современной лингвистике понимается совокупность особенностей общения людей какой-либо национальности [4; с. 98]. Безусловно, каждый представитель любого народа имеет свои собственные коммуникативные привычки. Но, говоря о социально-культурной общности в целом, можно выделить определенные доминирующие черты коммуникативного поведения, считающиеся национальными.

При сопоставительном описании коммуникативного поведения разных народов необходимо понимать, что несходные, а подчас и диаметрально противоположные качества не могут быть квалифицированы как положительные или отрицательные: они отражают

разные исторические условия развития, разницу в национальном укладе жизни, национальной психологии, национальном характере. В конкретных ситуациях общения некоторые национальные особенности коммуникативного поведения могут облегчать или, наоборот, затруднять решение тех или иных задач. Поэтому особое значение в процессе обучения имеет учет национального коммуникативного поведения, который помогает предупредить различные недоразумения, возникающие между преподавателем и обучаемыми.

Так, несмотря на то, что коммуникативные особенности поведения вьетнамцев достаточно хорошо описаны в научной литературе, возникает необходимость обратиться к изучению поведения вьетнамцев, которые обучаются в военных вузах РФ.

Во-первых, отметим, что во Вьетнаме поступить в военный вуз, где обучение бесплатное, очень сложно, потому что обучение во всех гражданских вузах этой страны осуществляется только на платной основе. Абитуриенты проходят серьезный отбор по возрасту, по физическим данным, и особенно по уровню подготовки по математике, физике и химии. Однако если при поступлении в российский военный вуз большое внимание уделяется сдаче нормативов по физической культуре, то во Вьетнаме экзамен по этой дисциплине не сдается. Далее вьетнамские курсанты один год проходят обучение в своей стране, а затем проходят еще более тщательный отбор. Только после этого лучшие из них приезжают в Россию для получения образования в военных вузах.

Такой отбор существенно отличает уровень подготовки вьетнамских курсантов по техническим наукам от уровня иностранных обучаемых некоторых других государств. Кроме того, вьетнамцы очень дисциплинированы, трудолюбивы и ответственны, поэтому они всегда выполняют задания на самоподготовку, активно работают на занятиях. К сожалению, в интернациональной группе не только хороший уровень первоначальной подготовки вьетнамских курсантов, но и их высокая работоспособность и исполнительность часто вызывают раздражение и насмешки у других иностранных обучаемых.

Во-вторых, при формировании интернациональной группы в военном вузе следует учитывать недружественные отношения между Вьетнамом и Китаем и, наоборот, дружественные между странами Индокитая (Вьетнамом, Лаосом и Кампучией). С другой стороны, вьетнамские обучаемые неприязненно относятся ко всему, что связано с американцами. Учитывая историческое прошлое Вьетнама и связанное с этим негативное отношение вьетнамцев ко всему, что связано с США, не следует инициировать контакты курсантов из Вьетнама и американских граждан, и более того: в общении с ними следует стараться не упоминать ни о чем, что было бы связано с этим государством.

В-третьих, следует правильно оценивать то, что во время разговора вьетнамцы редко смотрят прямо в глаза собеседнику. По их мнению, это является проявлением вежливости, и поэтому они почти не смотрят в глаза тем, кто имеет более высокий ранг (в том числе преподавателю).

В разговоре вьетнамцы стараются не показывать сразу цель беседы: это означает проявить отсутствие такта и деликатности. Прямота высоко ценится в западном мире, но не во Вьетнаме. Вьетнамцы не любят говорить «нет». Отказ в разговоре выражается в виде мягкого отрицания, например: «Отложим этот вопрос до следующего раза», так как открытое несогласие с человеком, также как и критика его поведения, считаются во Вьетнаме оскорблением. У вьетнамцев очень подвижная мимика, все чувства отражаются на их открытых лицах. Поэтому во время разговора можно легко определить те эмоции, которые испытывает ваш вьетнамский собеседник. Важно обращать на это внимание, так как у вьетнамцев не принято делать замечания, даже если вы случайно в разговоре подняли неприятную для них тему.

И наконец, на занятиях с вьетнамскими курсантами лучше избегать религиозных тем, так как во Вьетнаме существуют сложности с определением религиозного статуса населения: большая часть населения не может точно указать, к какой конфессии принадлежит.

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Во вьетнамской языковой традиции в зависимости от отношений, степени уважения к собеседнику и речевой ситуации в разговорной (а иногда и в письменной) речи употребляется множество различных вспомогательных слов-вокативов. Перед именем обычно добавляют нижеследующие слова.

При обращении к мужчине это могут быть *anh* – старший брат; *ong* – господин; *txang* – слово, подчеркивающее фамильярность обращения, носящее пренебрежительный оттенок. При обращении к женщине – *ti* (старшая сестра); при обращении к младшим – *em*; при обращении к старшим – *cu* (дедушка или бабушка). Иногда добавляются слова со значением «дядя», «тетя», «товарищ».

Нужно подчеркнуть, что употребление личных имен во Вьетнаме ограничено рамками этикета. Использовать имена допускается только в кругу родственников или близких друзей, а также при обращении к младшим. Например, по имени могут называть друг друга дети, молодежь; молодые люди могут обращаться друг к другу по имени, если они хорошо знакомы, а также юноша и девушка, любящие друг друга, муж и жена (но никогда в присутствии посторонних!) – до рождения детей.

Классификация вьетнамских речевых формул была проведена в 1964 году, когда была издана «Грамматика вьетнамского языка» [1]. Кроме этого, существуют исследования, которые называются «Сохранение чистоты вьетнамского языка» и «Развитие и расширение вьетнамской культуры» («Giu gin su trong sang cua tieng viet» и «Phat trien va nang cao an hoa viet»). По мнению их авторов, вьетнамские речевые формулы делятся на 6 типов (в зависимости от стиля, в котором они преимущественно используются): формулы разговорной речи; формулы научного стиля; офисные формулы; формулы литературного стиля (художественной литературы); формулы публицистического стиля; формулы законодательного стиля [1; с. 18].

Формулы разговорной речи – это прежде всего формулы традиционного речевого этикета, которые применяются в ежедневной коммуникации. Они тесно связаны с коммуникативной ситуацией и служат для выражения различных интенций в беседах с близкими, друзьями, соседями, коллегами: средств привлечения внимания и обращений, приветствий и прощаний, поздравлений и пожеланий, благодарностей и просьб. Национальные характерные особенности вьетнамского разговорного этикета могут быть определены следующими обязательными качествами: речь должна быть выразительной и уважительной по отношению к собеседнику.

Приведем примеры [5; с. 44].

1. Tôi cười nhạt, nghe anh nói, tôi nản quá. Như vậy là tèo à? 2. Không mô, tôi chưa nản vì tôi còn tin vào ông cụ (Hò) tôi cho rằng cuộc cách mạng tháng chỉ ăn nhau người lãnh đạo thôi. 3. Ông tiếp! Ông cụ làm những việc nó cừ quá, đến nỗi tôi cho rằng ấy, dù dân tộc mình có tở đi nữa, ông cụ vẫn cứ xoay đợc rồi lại độc lập như thường (Nam Cao).

В переводе: 1. *Друг мой, я слегка улыбнулся, послушав тебя: я очень разочарован! – Простите, это уже конец?* 2. *Прощайте, но не отчаивайтесь, я всегда верю в человека (Хо Ши Мин).* – *Извините, но августовская революция заключается в том, что лидеры просто съедят друг друга.* 3. *Я так скажу: старик творит чудеса! – Спасибо, но я утверждаю, что даже если наш народ станет жить хуже, он найдет способ спасти родину от врага и освободить ее.*

Во вьетнамском этикете строго соблюдается родовая и семейная иерархия. Обязательна бытовая вежливость к старшим: в общественных местах с незнакомыми старшими разговаривают подчеркнуто вежливо, ведут себя по отношению к ним с соблюдением всех этикетных норм. Дети обязаны слушать родителей, однако родители могут не соблюдать все нормы речевого этикета, вежливого общения по отношению к своим детям. Например, родители учат своих детей, используя довольно жесткие формы об-

ращения и интонации: *Tai sao con dao nay hoc hanh chenh mang the, the thi sau nay dinh nen song nen can gi ha?! Это можно примерно перевести так:*

– Почему ты все это время не занимался, бездельник, а кем же ты будешь, если у тебя нет никаких знаний?!

Еще одним существенным различием характеристик русского и вьетнамского речевого этикета является выбор местоимения для устного обращения в официальной обстановке. Россияне в этом случае обращаются друг к другу по имени и отчеству или по фамилиям, при этом они могут называть собеседника на «вы» (в реальной коммуникации – иногда на «ты»): *-Иван Петрович, ты сдал отчет?*). Вьетнамцы обязательно должны при обращении учитывать иерархическое положение собеседника в обществе. Это значит, что только старшие могут называть младших по имени, младшие же ни в коем случае не могут обратиться к старшему по имени. Поэтому вьетнамцу трудно преодолеть национальный стереотип и назвать своего русского преподавателя по имени и отчеству. Кроме того, для вьетнамца запретным является упоминание имени отца в названном контексте.

Если русские при знакомстве в первую очередь называют свое имя, то вьетнамцы считают такое поведение некорректным. По причине своей внутренней скромности они крайне редко представляются первыми, делая это лишь в том случае, если их об этом просят.

Вьетнамские имена трехчленны и состоят из семейного имени (аналог русской фамилии); среднего, или промежуточного, имени; имени индивидуального: Нгуен Ван Минь, Нгуен Ван Тиен, Ле Ван Хао. Следует учитывать, что в официально-деловых документах записывают все три имени, а при общении не принято употреблять фамильное и среднее имя. Как исключение из этого правила существует старинная традиция – называть великих вьетнамских деятелей всеми тремя именами: Хо Ши Мин (первый президент страны), Во Нгуен Зиан и Ле Чонг Тан (генералы армии), Чинь Конг Чон (композитор).

Друг к другу обращаются только по индивидуальному имени: Минь, Тиен, Хао.

Преобладание в языке того или иного принципа именования и обращения к собеседнику отражает специфический подход разных народов к вопросу «человек и его место в общественной иерархии». На этом фоне система именования и обращения в России выглядит контрастной: большое количество вариантов имени и преобладание именования в обращении. Из сказанного можно сделать вывод, что уважение к иерархии в обществе является чертой национальной философии вьетнамцев. При этом, как считают социологи, слишком большая «иерархизированность» общества имеет и свои плюсы: строгая иерархия предотвращает ненужные конфликты, т. к. каждый знает свое место [3; с. 50].

Итак, во вьетнамском языке существует довольно богатая система речевых обращений. Если в европейских языках и в китайском языке в общении в основном используются личные местоимения, то во вьетнамском языке вместе с личными местоимениями наличествует еще целая система существительных, указывающих на социальные и родовые отношения между участвующими в коммуникации. По мнению многих вьетнамских исследователей, наблюдается тенденция постепенной замены личных местоимений родовыми существительными во вьетнамском языке [2; с. 107].

Обычно речевые формулы привязаны к конкретным ситуациям, при этом эмоциональные оттенки могут существенно различаться. Приведем пример из вьетнамского романа 19 века [5; с.45].

- Lay ông, ông làm phúc tha cho con. Mai con phải đi làm trừ nợ cho ông Nghi, kéo ông ấy đánh chết ông lý cau mày, kê mày. Ông lác đầu, giờ roi song to bằng ngón chân cái dọa nạt.

В переводе:

- Господин, сделайте меня счастливым, отпустите меня завтра. Мне надо зарабатывать на жизнь у Nghi, и если завтра меня там не будет, то выхода для меня тоже не будет.

Господин Лу хмурится и говорит:

- Меня не интересуют твои проблемы, мальчишка!

(Потом он качает головой, поднимает розгу толщиной в палец и громко кричит, пугая работника).

Таким образом, одной из важнейших характеристик вьетнамских речевых формул является интонационно-фонетическое оформление. Считается, что в определенных ситуациях произношение и интонация важнее вербальных этикетных форм. Вьетнамец не только имеет богатый арсенал названных вариантов оформления этикетных формулировок, но сопровождает высказывание своеобразной жестикуляцией. В семейном обиходе эти элементы весьма популярны и разнообразны [2; с. 22].

Во время разговора нельзя близко подходить к собеседнику, касаться руками его головы или плеча – это может потревожить душу человека и привлечь к нему беду, так как голова считается для вьетнамцев символом духа, плечо – также место, требующее защиты, ведь в нем, по поверью, существует дух покровителя. Если вы все-таки дотронулись до плеча вьетнамца, то обязательно нужно дотронуться до другого плеча, как бы отгоняя неудачу.

В заключение отметим, что человек, находящийся в обществе, склонен к приобретению взглядов, точек зрения и привычек тех людей, в общении с которыми он заинтересован. Он стремится к образцу, сложившемуся в сознании носителей языка, пытается действовать по правилам коммуникативных ролей говорящего и слушающего. Он пытается овладеть устными и письменными формами общения так, как это делают носители языка. Принятые нормы и условности общественной жизни самым непосредственным образом влияют на характер речевого поведения, это учитывают все участники коммуникации.

В любом обществе одни речевые действия и выражения допускаются, другие – ограничиваются или табуируются. Но в каждой конкретной ситуации говорящие должны стремиться не оскорбить другого человека, не унижить его достоинство, а напротив, выражать ему уважение, проявлять доброжелательность.

Библиографический список

1. Динь Тхонг Лак. Грамматика вьетнамского языка. Ханой: Giao trinh viet ngu, 1964. 457 с.
2. Ле Дык Тху. Некоторые особенности вьетнамского этикета в сопоставлении с русским // Русский язык за рубежом, 2003. № 1. С. 106-107.
3. Сорокин Ю.А. Русские, вьетнамцы и китайцы: особенности ментосферы // Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып.1. Воронеж: Истоки, 2002. С. 50-52.
4. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Рус.яз. 1996. С. 97-112.
5. Тимошенкова Г.Ю., Нгуен Суан Чьонг. Особенности происхождения и значения русских и вьетнамских фамилий // Ижевск, Материалы всероссийской научно-практической конференции «Молодёжь. Наука. Современность», т.2. 2014. С. 43-45.

References

1. Dinh Thong Lac. Grammar Vietnamese language. Hanoi: Giao trinh viet ngu, 1964. 457 p.
2. Le Duc Thu. Some features of the Vietnamese etiquette in relation to the Russian // Russian language abroad, 2003. № 1. P. 106-107.
3. Sorokin Y.A. Russian, Vietnamese and Chinese: mentosfery especially// Russian and Chinese communicative behavior. Issue 1. Voronezh: Origins, 2002. P. 50-52.
4. Sternin I.A. Communicative behavior in the structure of national culture // Ethnocultural specificity of language consciousness. M.: Rus. lang. 1996. P. 97-112.
5. Timoshenkova G.Y., Nguyen Xuan Truong. Features of the origin and significance of Russian and Vietnamese names // Izhevsk, Materials of All-Russian scientific-practical conference "Youth. Science. Modernity", v.2. 2014. P. 43-45.

УДК 808.2(1-87):371.32 ББК 81.2Рус-96

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации*

*Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;
e-mail: oljanovik@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication, candidate of philological sciences, associate professor
Novikova O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: oljanovik@mail.ru*

О.В. Новикова

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ВЬЕТНАМСКИМИ АСПИРАНТАМИ–ЗАОЧНИКАМИ

В статье говорится о заочной форме обучения русскому языку вьетнамских аспирантов, которая требует специфических приёмов работы, особого внимания к технике чтения и аудированию.

Ключевые слова: вьетнамские аспиранты, методика РКИ, чтение, аудирование.

O.V. Novikova

THE SPECIFICS OF THE DISTANT WORK ON THE RUSSIAN LANGUAGE WITH VIETNAMESE POST-GRADUATE STUDENTS

The article concerns distant form of learning Russian language by Vietnamese post-graduate students, which requires specific methods of work and special attention to the technique of reading and listening .

Key words: Vietnamese post-graduate students, methods of teaching Russian as a foreign language, reading, listening.

Вьетнам – исторически дружественная России страна. Несмотря на период отсутствия активных политических и экономических связей между нашими странами, вьетнамские студенты всегда составляли значительную часть иностранных учащихся российских вузов. В последние десятилетия наблюдается тенденция к активизации отношений между Россией и Вьетнамом. В связи с более тесными экономическими связями вновь возникает интерес к изучению русского языка. Увеличивается не только количество студентов, изучающих русский язык, получающих образование в вузах России, но и количество вьетнамских аспирантов. В аспирантуру поступают не только магистры, закончившие российские университеты, но и вьетнамские преподаватели, окончившие вузы Вьетнама, имеющие большой опыт работы и часто занимающие руководящие должности у себя на родине.

Как правило, такие преподаватели уже имеют научные статьи, опубликованные во вьетнамских периодических изданиях, имеют определенную сферу научных интересов, опыт выступления на внутривузовских конференциях. Самой удобной формой обучения для них является заочное обучение. Однако подобная форма требует значительных усилий по изучению русского языка как со стороны аспирантов, так и со стороны преподавателей русского языка.

Как правило, элементарный курс русского языка аспиранты проходят на родине с вьетнамским преподавателем. Дальнейшее обучение идёт под руководством русского преподавателя в двух формах: аудиторные занятия во время приезда вьетнамских аспирантов в Россию (обычно один раз в год, реже – два раза) и дистанционные занятия с

использованием программы «Skype». Изучение русского языка вне языковой среды затрудняет достижение конечной цели – свободного владения русским языком. Поэтому преподаватели ставят более узкие цели: владение языком своего диссертационного исследования, подготовка к защите диссертации. Данные цели требуют определённой коррекции программы и приёмов обучения языку.

Чтобы за короткий срок сформировать навыки устной речи и чтения, преподаватель должен чётко представлять, что русский и вьетнамский языки имеют значительные различия на всех уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, а также культурном. По сути, это два противоположных полюса: русский – это в основном флективный язык синтетического строя с силовым ударением, а вьетнамский является тоновым моносиллабическим (границы морфем обычно совпадают с границами слога) и изолирующим (грамматические отношения выражаются преимущественно порядком слов и служебными словами) языком. [1, с.285-328]. Это различие необходимо постоянно учитывать при работе с вьетнамскими аспирантами.

Текст своей диссертации на защите аспирант, как правило, читает, и его речь должна быть понятна слушателям. Поэтому овладение техникой чтения является важной задачей при изучении русского языка. Чтобы правильно артикулировать звуки, слова и предложения, учащиеся должны понимать различия звуковой и интонационной систем русского и вьетнамского языков. Так, русские звуки [с] и [ш], [з] и [ж] соответствуют одному звуку во вьетнамском языке, поэтому их произнесение требует значительных усилий и постоянной тренировки. Трудности возникают и при произношении звуков [щ], [ч], [р], мягких согласных, начального [j] (*её, юридический*), сочетаний *дэ – де – дье*, конечного [х] (*их, любых*), при произношении групп согласных в середине (*остаток, восток, мостик, здесь, воздействие, производство*) и в конце слова, (н-р, суффикс *-ость*, который часто встречается в научном стиле речи: *надёжность, актуальность, значимость, ценность, прочность*), которые во вьетнамском языке как бы «схлопываются».

Названные трудности связаны с особенностью интонирования и строения слога во вьетнамском языке. Слог (а слог равен слову) может произноситься с шестью разными тонами. Максимальный состав слога: «согласный + полугласный + гласный + согласный». Гласные представлены монофтонгами и дифтонгами. В пределах слога идёт чередование высокого и низкого голосового тона, которые к тому же отличаются длиной, интенсивностью, сжатием голосовых связок [б]. Вьетнамский слог похож на открытый слог русского языка, поэтому произнесение русского закрытого слога вызывает трудности. Исходя из этого, сложные и длинные русские слова для удобства произношения лучше разбивать на части при первом чтении (*гидро электро станция; градо строительный; взаимно связанный; методом логический; функции онирование*).

Задания на отработку данных звуков и трудных сочетаний идут на протяжении всего курса обучения, особенно они эффективны в лабораторных работах. Полезны скороговорки и специально составленные тексты, например:

У крошки матрёшки пропали серёжки.

Серёжка серёжки нашёл на дорожке.

Щи да каша – пища наша.

Счёт, считать, расчёт, рассчитывать, счастье.

Мы едем, едем, едем в далёкие края,

Хорошие соседи, счастливые друзья.

Нет двух, трёх, четырёх рублей.

Говорим о двух, трёх, четырёх рублях.

Едем на двух, трёх четырёх машинах.

Ах! Ох! Сделай вдох! Эх! Ух! В воду плюх!

Хи-хи-хи, ха-ха-ха, мы купили петуха!
Ах, петух! Ох, петух! Испустил он сразу дух!
Ух, петух! Эх, петух! Нам оставил лёгкий пух!
Ща-ща-ща, ща-ща-ща
Дождь идёт – я без плаща.
Ще-ще-ще, ще-ще-ще
Нет дождя, а я в плаще.
Щу-щу-щу, щу-щу-щу
Я тебя не отыщу.
ЩИ-щи-щи, щи-щи-щи
Ты иди, меня ищи!

Не менее важный аспект – фонетическое оформление потока речи. В составе вьетнамского предложения образуется связанная цепочка разных тонов, создавая его общий мелодический рисунок – интонацию [3]. Русское предложение строится не только на мелодике, но и на ударении, что не характерно для вьетнамского языка. Это создаёт совершенно другой интонационный рисунок. Так, конец русского повествовательного предложения характеризуется плавным понижением голоса и паузой. Во вьетнамском предложении такого понижения голоса в конце не происходит, голос не становится тише, нет и паузы. Поэтому русские предложения вьетнамские студенты произносят по-своему, не по-русски, не акцентируя конец предложения. Надо отметить, что паузы играют важную роль не только в оформлении конца предложения, но и синтагмы. Деление предложения на синтагмы также важный момент в обучении техники чтения. Поэтому полезны задания, типа: *Прочитайте предложение, делая паузы:*

В современных условиях // одно из приоритетных направлений российской экономики // – выработка основных теоретических // и методологических позиций // по применению менеджмента // в различных сферах деятельности, // в том числе и в строительстве. //

Ещё одна особенность обучения чтению заключается в том, что для того, чтобы научиться быстро читать, нужно овладеть умением прогнозировать: узнавать слова по первым буквам или отдельным элементам, по первым словам предвидеть окончание предложения, на основе части текста угадывать дальнейшее развитие сюжета. Примеры заданий, формирующие навык прогнозирования: 1) *Прочитайте слова с пропущенными буквами.* 2) *Составьте предложения из данных слов.* 3) *На основе заголовка или первого предложения скажите, о чем пойдет речь в тексте.*

Кроме отработки техники чтения, для вьетнамских аспирантов заочного обучения не менее важно умение понимать на слух вопросы по теме диссертационного исследования, поэтому формированию навыков аудирования отводится много времени. Чтобы сформировать навык аудирования необходимо развитие

- **оперативной памяти:** (многократное проговаривание слов, словосочетаний, предложений; н-р, упражнение «Снежный ком»);
- навыка **эквивалентных замен** («Скажите по-другому»);
- **прогнозирования** («Составьте словосочетания», «Закончите предложение», «Из слов и словосочетаний составьте предложение»);
- **потенциального словаря** (задания на знание частей речи: «Разделите слова на 4 группы: что? кто? какой? как?»; на знание структуры предложения: «Постройте предложение по модели: Кто? делает что? как? где?»; структуры слова: «Образуйте наречия от прилагательных, выделите суффикс»; «С помощью суффикса *-тель-* образуйте существительные со значением *человек*»).

Не менее важно создание ситуации общения, приближенной к естественной. Принять участие в деловой беседе аспирантам помогут два типа упражнений:

- **языковые:** чтение диалогов и заучивание их наизусть;

– **речевые упражнения**, которые задают определенную ситуацию, в которой происходит диалог, например: составить диалоги по предложенному образцу, меняя слова; восстановить реплики диалога; продолжить диалог; перевести монолог в диалог; составить диалог по картинке и т. п.;

– **коммуникативные упражнения** – творческие задания, например: подготовить диалог на тему «Разговор с оппонентом»; составить анкету, подвести итоги; подготовить вопросы для защиты и провести её.

Ситуативность – один из важнейших принципов **коммуникативно-направленного метода обучения**, или **обучения в сотрудничестве** [2], который занимает ведущее место среди современных технологий обучения устной речи. Ситуативность как принцип означает, что все обучение говорению происходит на основе и при помощи ситуаций. В связи с этим целью обучения следует считать не язык и не речь, а речевые ситуации.

Чтобы создать естественную ситуацию общения, преподаватель должен обладать способностью перевоплощаться из человека обучающего в человека беседующего. Для этого нужно владеть техникой вербального и невербального общения, быть естественным, искренним, быть выразительным интонационно, в жестах, мимике, уметь двигаться во время общения, уметь слушать, уметь держать в поле зрения сразу несколько объектов, быть тактичным, доброжелательным.

Ситуативное обучение – это всегда коллективная работа. Поэтому наиболее эффективными формами обучения говорению являются ролевая игра, интервью, проблемные задания, составление инструкций, дискуссии и т. д. Ролевая игра обучает спонтанному говорению. В ее основе лежат суггестопедические принципы обучения – использование скрытых возможностей человеческой памяти. Когда аспирант говорит не от своего имени, а от имени вымышленного героя, происходит снятие коммуникативных барьеров (что особенно важно для взрослой аудитории), увеличивается объём речевой практики, появляются элементы неожиданности, которые характерны для реального спонтанного общения.

Чтобы овладеть устной речью, необходимы не только развитый слуховой и речевой аппарат, способность к смысловой догадке и прогнозированию, но и знание речевых клише, национальных стандартов поведения, типичных тем и их выражения в речи.

Запомнить и правильно называть имена собеседников – один из секретов доброжелательных отношений. Называя человека по имени и отчеству, мы выражаем свое уважение к собеседнику. Запомнить русские имена и особенно отчества вьетнамцам очень сложно, приходится учить их наизусть, многократно повторять. Чтобы это было легче сделать, необходимо познакомить аспирантов с традициями русского этикета, показать способы образования мужских и женских отчеств. Воспринимая суффиксы – *ович/евич* и *-овна/евна* как отдельные слова, вьетнамцы лучше запоминают.

Вьетнамцы – очень вежливая, уважительная нация. В их языке существует много способов выражения уважения к собеседнику, которые они стараются перенести и в русский этикет, иначе чувствуют себя дискомфортно. Так, обращение к собеседнику предполагает добавление к имени сопровождающего слова, обозначающего профессию, должность, социальное положение. Обращения «преподаватель», «профессор» или «он», «она» по отношению к присутствующим, свойственные для вьетнамского этикета, для русского этикета некорректны [4 с. 147].

Говоря об этикете, стоит обратить внимание ещё на один момент. Вьетнамцы в ответ на «спасибо» говорят «ничего», а не «пожалуйста» или «не за что», как русские [4, с. 149]. В результате при общении на русском языке они, как правило, испытывают трудности в использовании таких слов, как «ничего», «не за что» и «пожалуйста».

Различия в языковых картинах мира и речевом этикете носителей русского и вьетнамского языков приводят к ещё одной ошибке, связанной с вопросом «*Как де-*

ла?». Вьетнамский этикет предполагает другие вопросы: «Куда ты?», «Что ты делаешь?», которые не предполагают ответа, являясь формой вежливости. Русский вопрос требует ответа, он более интимен, поэтому задаётся только близко знакомым людям и, конечно, невозможен при обращении аспирантов к своим руководителям.

Кроме того, преподаватель русского языка должен иметь в виду, что вьетнамское «да» не эквивалентно русскому. Кроме выражения согласия, оно обозначает также уважение к собеседнику и послушание [5, с. 338].

В статье названы лишь некоторые аспекты, которые требуют особого внимания при работе с вьетнамскими аспирантами-заочниками. При дистанционном обучении большая роль отводится самостоятельной работе аспирантов, но её эффективность зависит не только от обучающихся, но и от преподавателя, сумевшего правильно составить задания и проконтролировать их выполнение.

Библиографический список

1. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М: Просвещение, 1979.
2. Науменко И.В. Ситуативность как один из главных принципов обучения говорению на иностранном языке // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2008. – № 7. – С. 105-108.
3. Новикова О.В., Нгуен Динь Хоа. Интонация как залог взаимопонимания. // Вісник Донбаської національної академії будівництва і архітектури: Збірник наукових праць. Випуск 2005–4(52).– Макіївка, 2005, с.
4. Чан Динь Лам. Особенности обучения русскому речевому этикету вьетнамских студентов. // Педагогические науки. – 2014. – № 4. – С. 146 -150.
5. Шерина Е.А., Нгуен Тхи Хоанг, Бак Лиен. Трудности вьетнамских студентов при обучении русскому языку. // Филологические науки: Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований– 2015. – № 7. – С. 337-339.
6. Вьетнамский язык // Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Вьетнамский>

References

1. Koduhov V.I. Introduction to linguistics. – M: Education, 1979.
2. Naumenko I.V. Pragmatism as one of the main principles of teaching speaking on a foreign language. // Siberian trade and economic journal. – 2008. – № 7. – P. 105-108.
3. Novikova O.V., Nguen Dinh Hoa. Intonation as the key to understanding. // Scientific herald Donbass national Academy of civil engineering and architecture: Collection of scientific works. Edition 2005–4(52).– Makeevka, 2005, p. 72-74.
4. Chan Dinh Lam. The peculiarity of teaching Vietnamese students Russian speech etiquette. // Pedagogical science.– 2014. – № 4. – P. 146 -150.
5. Sherina E.A., Nguen Thi Hoang, Bac Lien. The difficulties of Vietnamese students in learning Russian language. // Philological science: International journal of applied and fundamental research. – 2015. – № 7. – P. 337-339.
6. Vietnamese language // Wikipedia: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Vietnamese>

УДК 811.161

*Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина
доц. кафедры русского и французского языков, канд. филол. наук
Токарева Г.В.
Россия, г. Иваново, тел. 89065104397;
e-mail: galina.tokareva@gmail.com*

*Ivanovo State Power University
Department of Russian and French languages,
PhD, associate professor
Tokareva G.V.
Russia, Ivanovo, tel. 89065104397;
e-mail: galina.tokareva@gmail.co*

Г.В. Токарева

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПО РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «Я СТУДЕНТ ИГЭУ»

В статье обобщается опыт организации совместной деятельности преподавателей русского языка Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина и иностранных студентов разных этапов обучения по созданию учебного пособия «Я студент ИГЭУ». Показана эффективность использования проектной деятельности для развития творческих инициатив иностранных студентов, формирования общекультурных компетенций, расширения возможностей изучения русского языка как иностранного в техническом вузе. Отмечен интегративный характер данного метода обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, проектная деятельность, общекультурные компетенции студента.

G.V. Tokareva

FROM THE EXPERIENCE OF THE PROJECT ACTIVITIES OF FOREIGN STUDENTS IN THE DEVELOPMENT OF THE TEXTBOOK «I AM A STUDENT ISPU»

The article generalizes the experience of organization of joint activity of teachers of Russian language Ivanovo state power University named after V.I. Lenin and foreign students of different stages of learning for creation of a training textbook "I am a student at ISPU". The efficiency of the project activities for the development of creative initiatives of foreign students, the formation of cultural competence, empowerment of abilities for learning Russian as a foreign language at a technical university are demonstrated. The integrative nature of this method is noted.

Key words: Russian as a foreign language, project work, cultural competence of the student.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.» отмечается, что в основу развития современной системы образования должны быть положены принципы проектной деятельности [1, с.27]. Проектная деятельность определяется сегодня как одно из приоритетных направлений развития системы образования и в высшей российской школе [2, с. 26-29]. В связи с этим во ФГОС ВПО обращается внимание на важность формирования у будущих специалистов таких общекультурных компетенций, как наличие способностей к использованию на практике умений и навыков проектных работ, владение современными технологиями проектирования и деятельности.

Метод проектов считают приоритетным в своей работе и преподаватели русского языка Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина (далее – ИГЭУ), активно используя его в первую очередь при организации внеучебной деятельности студентов [3]. В данной работе речь пойдет о нашем опыте использования данного метода при изучении русского языка как иностранного.

Вслед за Е.С. Полат мы рассматриваем метод проектов как определенную совокупность учебно-познавательных приемов и действий, которые позволяют обучаемым самим решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий и предполагают презентацию этих результатов в виде конкретного продукта деятельности [4, с. 10].

Проектирование в высшей школе, на наш взгляд, должно быть обязательно практической деятельностью. Вот почему, когда в 2014 году иностранные студенты ИГЭУ выступили с инициативой создания учебного пособия «Я студент ИГЭУ» для обучающихся на подготовительном факультете и первом курсе, они получили активную поддержку преподавателей русского языка, один из которых стал куратором данного проекта.

Содержанием пособия «Я студент ИГЭУ» стала информация, актуальная для иностранных студентов на начальных этапах обучения в российском вузе и помогающая им адаптироваться в новых условиях межкультурной коммуникации. Разработчиками проекта выступили иностранные бакалавры и магистры, обучающиеся на разных факультетах ИГЭУ. Предполагается издание данного пособия по одному макету в нескольких вариантах: для иностранных студентов, говорящих на французском, английском, португальском, а также арабском языках. Таким образом, учитывались потребности студентов ИГЭУ, где обучаются в основном носители данных языков. В настоящее время завершается работа над первой частью – для франкоговорящих студентов, подобран видеоряд к тематическим разделам пособия.

В ходе совместного обсуждения студенты – участники проекта, исходя из своего личного опыта, определили следующие основные разделы будущего пособия:

1. Приветствие. Знакомство. Прощание.
2. Страны и жители дальнего зарубежья.
3. Россия и страны ближнего зарубежья
4. Семья.
5. Обозначение человека на разных этапах жизни.
6. В общежитии.
7. В университете.
8. В буфете.
9. В супермаркете.
10. В торговом центре.
11. В кафе.
12. В Макдональдсе.
13. Вкус еды.
14. В банке.
15. Здоровье.
16. Путешествия по России.
17. Время. Названия месяцев. Дни недели. Сезоны.

Помимо актуальной лексики, пособие содержит монологи и диалоги, с точки зрения студентов наиболее востребованные в каждой тематической группе, а также минимум таблиц с грамматическим материалом. Каждый раздел выстраивается с учетом реалий жизни и обучения иностранных студентов ИГЭУ. Например, в разделе «Россия

и страны ближнего зарубежья» речь идет о тех странах, из которых в ИГЭУ реально обучаются студенты на факультете по подготовке иностранных специалистов:

Страна = pays	Житель = habitant	Жительница = habitante	Жители = habitants
Армения = arménie	армянин	армянка	армяне
Белоруссия = biélorussie	белорус	белоруска	белорусы
Казахстан = kazakhstan	казах	казашка	казахи
Киргизия = Kirghizistan	киргиз	киргизка	киргизы
Молдавия = Moldavie	молдаванин	молдаванка	молдаване
Приднестровье = Transnistrie	житель Приднестровья	жительница Приднестровья	жители Приднестровья
Россия = Russie	россиянин	россиянка	россияне
Татарстан = Tatarstan	татарин	татарка	татары
Таджикистан = Tadjikistan	таджик	таджичка	таджики
Туркмения = Turkménistan	туркмен	туркменка	туркмены
Узбекистан = Ouzbékistan	узбек	узбечка	узбеки
Украина = Ukraine	украинец	украинка	украинцы

Монологи и диалоги для соответствующих разделов пособия создаются студентами также с опорой на свой опыт проживания в общежитии и обучения в конкретном ивановском вузе. Приведем пример монолога студента, обращенного к коменданту общежития, в котором проживают иностранные студенты ИГЭУ:

Здравствуй, Елена (Elena) Владимировна (Vladimirovna)!	Bonjour commandant!
Меня зовут Армел.	Je m'appelle Armel.
Я живу в 73 комнате.	Je vis dans la chambre 73.
Мне нужен... (genre masculin) ➤ стол	J'ai besoin s'il vous plait... ➤ tabl
Мне нужно... (genre neutre) ➤ новое одеяло	➤ nouveau drap
Мне нужны... (pluriel) ➤ новая подушка и новое одеяло.	➤ nouveau oreiller et nouveau drap

Наиболее востребованной темой общения иностранных студентов в общежитии, по мнению разработчиков проекта, является просьба что-либо одолжить, что и отразилось в монологах, представленных в пособии в разделе «В общежитии»:

Привет! Ты не мог бы мне одолжить...

- *томатную пасту (tomate pâte), помидор (tomate), соль (sel), перец (poivre), масло (huile), лук (oignon), морковь (carotte), капусту (chou);*
- *чай (thé), сахар (sucre), кофе (café).*

При создании учебного пособия «Я студент ИГЭУ» был реализован проектный цикл. Студенты в совместной деятельности (в том числе и с куратором проекта) осуществили следующие виды деятельности:

1) осознали проблему (необходимость создания условий для расширения возможностей изучения русского языка иностранными студентами за счет внеучебной деятельности);

2) выработали представление о конечном продукте своей проектной деятельности (издание учебного пособия);

3) определили цели и задачи проекта (создали рабочую группу, определили структуру и содержание учебного пособия, характер оформления и презентации пособия, распределили функции между участниками проекта);

4) осуществили анализ доступных и оптимальных ресурсов деятельности, в первую очередь возможностей временных ресурсов с учетом занятости студентов, наличия необходимых языковых знаний и навыков перевода у разработчиков проекта;

5) создали план деятельности по реализации проекта, отразивший этапы работы над пособием;

б) осуществляли собственно проектное действие по реализации проекта (включая его осмысление и рефлексию результатов деятельности на каждом этапе и по завершении проекта).

Для реализации проекта была организована новая форма сотрудничества иностранных студентов и преподавателя русского языка – творческая мастерская, где осуществлялась проектная коммуникация и были созданы условия для развития творческих инициатив иностранных студентов.

Проектная деятельность по созданию учебного пособия «Я студент ИГЭУ», на наш взгляд, носила интегративный характер, что позволило ей стать эффективной формой развития у иностранных студентов общекультурных компетенций. Она объединяла не только коммуникативную, но познавательную, преобразовательскую, исследовательскую, учебную и другие виды деятельности.

В процессе проектной деятельности наиболее успешно, на наш взгляд, у её участников формировались следующие умения и навыки:

1. Коммуникативные:

- умение инициировать эффективное взаимодействие с преподавателем и другими студентами (вступать в диалог, задавать вопросы и т.д.);
- умение вести дискуссию,
- умение отстаивать свою точку зрения,
- умение находить компромисс,
- навыки диалогического общения.

2. Информационные:

- развитие навыков работы на компьютере (MS Office, Power Point), работы с переводными онлайн-словарями; толковыми словарями русского языка;
- использование возможностей Интернета для поиска значимой информации;
- участие в научных конференциях, презентациях.

3. Исследовательские:

- умение самостоятельно генерировать идеи, искать способ действия, привлекая знания из различных разделов науки о языке (лексика, грамматика в первую очередь), других областей знаний (в частности экономики);
- умение самостоятельно искать недостающую информацию в Интернете;
- умение запросить недостающую информацию у преподавателя русского языка;
- умение выдвигать гипотезы (например, о том, что издание пособия в карманном формате будет более востребованным студентами).

4. Умение работы в сотрудничестве:

- коллективное планирование работы над проектом,
- взаимодействие с преподавателем, с другими студентами,
- взаимопомощь в группе при решении общих задач,
- навыки делового партнерского общения.

5. Презентационные:

- навыки монологической речи,
- умение уверенно держать себя во время выступления,
- умение использовать различные средства наглядности при презентации проекта,
- умение отбирать видеоряд для оформления проекта,
- умение отвечать на вопросы.

6. Рефлексивные:

- умение осмыслить цель деятельности и задачи, для решения которой недостаточно имеющихся знаний и умений;
- умение определять, чему нужно научиться для решения поставленных задач;
- навыки восприятия внешней оценки (оценка качества и эффективности проекта преподавателем-куратором, другими преподавателями и студентами во время презентаций проекта, представления промежуточных и итоговых результатов на научных студенческих конференциях);
- навыки самооценки;
- умение находить и исправлять ошибки в работе других студентов-участников группы.

7. Менеджерские:

- умение проектировать деятельность по созданию пособия,
- умение планировать время, ресурсы (особенно в связи с этим пригодились навыки студентов факультета экономики и управления);
- умение принимать решения и прогнозировать их последствия,
- навыки анализа собственной деятельности (ее хода, промежуточных и итоговых результатов).

Таким образом, проектная деятельность по созданию учебного пособия «Я студент ИГЭУ» показала эффективность этого интегративного вида деятельности для развития творческих инициатив иностранных студентов, формирования у них общекультурных (универсальных) компетенций, расширения возможностей изучения русского языка как иностранного в техническом вузе.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008г. № 1662-р). URL: http://txts.mgou.ru/05.02.2015/13.Raspor_Pravitelstva_RF.pdf, 126 с.
2. Антюхов А.В. Проектное обучение в высшей школе: проблемы и перспективы //Высшее образование в России. – 2010. – №10. – С. 26-29.

3. Токарева Г.В., Фалина В.А. Использование эффективных технологий развития творческих инициатив иностранных студентов в целях расширения возможностей изучения русского языка // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Том 4/ (2013). Выпуск 4. С.333-335; Токарева Г.В. Новые возможности изучения русского языка как иностранного в условиях развития студенческой инициативы в техническом вузе // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Выпуск №1 (15). Воронеж, 2015, С. 36-41; Токарева Г.В. Конкурс ораторов среди иностранных студентов как эффективная форма расширения возможностей изучения русского языка //Международное образование и сотрудничество: сборник материалов международной научно-практической конференции «Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан». Т.3. М.: МАДИ, 2015. С.202-204; Токарева Г.В. Содержание и технология реализации программы формирования межкультурной и межъязыковой компетентности студентов технического вуза//Материалы Международной научно-технической конференции «Состояние и перспективы развития электро- и теплотехнологии» (XVIII Бенардосовские чтения) Т.4. Современные инструменты менеджмента. Гуманитарные проблемы развития общества. Иваново, 2015. С.169-173.

4. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2010. 368 с.

References

1. The concept of long-term social and economic development of Russian Federation up to 2020. URL.: http://txts.mgou.ru/05.02.2015/13.Raspor_Pravitelstva_RF.pdf, 126 p.

2. Antuhov A.V. Project-based teaching in higher education: problems and prospects //Higher education in Russia. – 2010. – Vol. 10. – P. 26-29.

3. Tokareva G.V., Falina V.A. Introduction of effective technologies of activity development of international students for optimization of Russian language studying // Izvestia of Liberal Art. V.4 (2013). Issue 4. P. 333-335; Tokareva G. V. New possibilities of learning Russian as a foreign language in the conditions of development of student initiatives in technical education // Scientific Herald of the Voronezh state University of architecture and construction. Series: «Linguistics and intercultural communication». Issue №1 (15). Voronezh, 2015. P. 36-41; Tokareva G. V. The competition among speakers of foreign students as an effective form of empowerment of studying the Russian language //International education and cooperation: proceedings of the international scientific-practical conference «Professionally oriented teaching Russian language for foreign citizens». Vol. 3. Moscow: MADI, 2015. P. 202-204; Tokareva G. V. The content and technology of realization of the program of formation of intercultural and inter-language competence of students of technical universities//proceedings of International scientific-technical conference «State and prospects of development of electricity and heat technologies» (XVIII, Boardsource reading) Т. 4. Modern management tools. Humanitarian problems of the society development. Ivanovo, 2015. P. 169-173.

4. Polat E. S. Modern pedagogical and information technologies in the education system. М.: Academy, 2010. 368 p.

УДК 808.2(1-87):371.32 ББК 81.2Рус-96

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
ст. преп. кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: luvax@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, senior lecturer
Sychova L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: luvax@inbox.ru*

Л.В. Сычева

РОЛЬ ПИСЬМА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Статья посвящена проблеме методики обучения письму и письменной речи иностранных студентов. В ней рассматриваются группы различных письменно-речевых упражнений, направленных на формирование у студентов письменных навыков и умений.

Ключевые слова: методика, русский язык как иностранный, речевая деятельность, письмо, письменная речь, система упражнений.

L.V. Sychova

WRITING IN METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article is devoted to the methods of teaching writing to foreign students. The groups of various exercises aimed at forming of written skills are cited.

Key words: methods, Russian as a foreign language, speaking activity, writing, written speech, system of exercises.

Современная теория и практика подготовки специалистов нового типа, обладающих высоким профессионализмом и способных к творческой деятельности, поставлены перед необходимостью улучшения и систематизации самостоятельной работы студентов по всем учебным дисциплинам. Её значимость подкрепляют такие тенденции современного учебного процесса как динамизм, дифференциация обучения [1]. Русский язык, как и любой другой учебные предмет, должен быть существенным, формирующим личность фактором, который необходим для разностороннего развития студентов и полноценной реализации их возможностей.

Развитие речевой деятельности иностранных студентов предполагает выработку умений слушать, говорить, читать и письменно излагать свои мысли. Письмо в методическом плане длительное время считалось «золушкой методики» и было почти полностью устранено из процесса обучения, что, по мнению Е.И. Пассова [2], было стратегическим просчётом. В последнее время роль письма в обучении иностранному языку постепенно повышается, и, в некотором смысле, письмо начинают рассматривать как резерв в повышении эффективности обучения. Нужно учитывать и практическую значимость письменного речевого общения в связи с активным развитием современных

средств коммуникации, таких как электронная почта, интернет и т.п. Обучение в России иностранных студентов и аспирантов предполагает умение делать записи на русском языке, заполнять анкеты, писать заявления о приёме на учёбу или на работу, писать краткую и развёрнутую автобиографию, писать личные и деловые письма, употребляя нужную форму русского речевого и делового этикета.

Письмо и письменная речь в методике обучения русскому языку как иностранному выступают не только как средство обучения, но и как цель обучения иностранному языку. Письмо – это технический компонент письменной речи. Письменная речь наряду с говорением представляет собой так называемый продуктивный (экспрессивный) вид речевой деятельности и выражается в фиксации определённого содержания письменными знаками. Психофизической основой письменной речи является взаимодействие двигательного, зрительного и слухового и речемоторного анализаторов. Опора на все анализаторы в обучении даёт значительно лучший эффект. По данным психологов, услышанный материал усваивается на 10%, увиденный на 20%, услышанный и увиденный на 30%, записанный на 50%, при проговаривании на 70%, при обучении другого на 90%. Психологи считают, что базой письменной речи является устная речь. И говорение, и письмо можно проследить от замысла (что говорить) к отбору необходимых средств (какие необходимы слова, как их сочетать в высказывании) и до реализации замысла средствами языка устно или письменно.

Как известно, письмо тесно связано с чтением. В их системе лежит одна графическая система языка. При письме идёт кодирование или зашифровка мысли с помощью графических символов, при чтении – их декодирование или расшифровка.

Если правильно определить цели обучения письму и письменной речи, учитывая роль письма в развитии других умений, использовать упражнения, полностью соответствующие цели, выполнять эти упражнения на подходящем этапе обучения, то устная речь постепенно становится богаче и логичнее.

Вспомогательную роль письмо выполняет при выработке грамматического навыка, при выполнении письменных заданий от простого списывания до заданий, требующих творческого подхода, что создаёт необходимые условия для запоминания. Без поры на письмо студентам трудно удержать в памяти лексический и грамматический материал.

Вся система языковых и условно-речевых упражнений, выполняемых в письменной форме, относится к учебной письменной речи. Письменные изложения, сочинения, творческие диктанты, составление планов и тезисов для сообщения на заданную тему, написание личного и делового письма, то есть письменные рассказы по заданным ситуациям, относятся к коммуникативной письменной речи

Письменная речь рассматривается в качестве творческого коммуникативного умения, понимаемого как способность изложить в письменной форме свои мысли. Для этого надо владеть орфографическими и каллиграфическими навыками, умением композиционно построить и оформить в письменном виде речевое произведение, составленное во внутренней речи, а также умением выбрать адекватные лексические и грамматические средства.

Обучение письменной речи включает различного рода упражнения: речевые упражнения для обучения составлению письменного сообщения; письменно-речевые упражнения для работы с печатным текстом; письменно-речевые упражнения, обусловленные процессом чтения, аудирования и устного общения.

Письменно-речевые упражнения для работы с печатным текстом, помимо известных всем упражнений, могут содержать, как считает Е.А. Маслыко [3], следующие:

- перепишите текст, исключая из него второстепенные слова и предложения;
- составьте письменное сообщение потенциальному, реальному или воображаемому адресату, используя содержание письма;

- подготовьте план-конспект устного выступления, используя подборку текстов по теме или проблеме сообщения.

При чтении (просмотровом, ознакомительном, изучающем) интерес представляют, по мнению Е.А. Маслыко, письменные упражнения типа:

- найдите в тексте и выпишите необходимую информацию;
- сделайте письменный обзор по теме или проблеме, используя при этом различные источники на русском языке;
- составьте аннотации по статьям специального журнала;
- по аналогии со статьёй (её структурой) подготовьте материал для предполагаемой публикации в специальном журнале;
- в процессе чтения литературы (текстов) сделайте письменные заметки для последующей работы с материалом [3].

При восприятии иностранной речи на слух (аудировании) студенты могут сделать записи: 1) составить конспект аудиотекста по заранее предложенному плану (по ключевым словам); 2) сделать записи к отпечатанным опорным сигналам в процессе прослушивания аудиотекста; 3) в соответствии с заданной коммуникативной ситуацией выделить из аудиотекста информацию и записать её.

Можно использовать свободный диктант. В этом случае преподаватель читает аудиотекст по абзацам, студенты записывают то, что запомнили; для облегчения выполнения задания заранее даются план и ключевые слова.

Практика письменной речи позволяет сделать переложение печатного текста или аудиотекста по памяти, по плану или сделать письменные предложения по решению определённого вопроса или определённой проблемы. Цикл занятий по теме завершается домашним сочинением (самодиктантом – письменным пересказом части текста или всего текста).

Способность изложить в письменной речи свои мысли на иностранном языке следует развивать последовательно и постоянно. Для решения этой задачи существует ряд упражнений репродуктивно-продуктивного характера. Упражнения, предлагаемые, например, немецким методистом Герхардом Нейнером, составлены в определённой последовательности от простого к сложному, от репродукции к составлению собственного мнения, позиции. Все упражнения выполняются письменно. Интерес, на наш взгляд, представляют, например, такие задания:

- восстановите начало и конец истории;
- восстановите диалог по отдельным «направляющим» репликам;
- измените вид текста (сообщение на разговор, диалог на описание);
- неоднозначную ситуацию опишите в различных текстах и диалогах;
- поясните противоречие между текстовой и иллюстративной информацией;
- ответьте на письмо письмом, телефонным разговором, разговором и т.д.

В современной западной методике по обучению письму и письменной речи на иностранном языке получило распространение так называемое «креативное письмо». Под «креативным письмом» подразумеваются упражнения продуктивного характера самой различной степени сложности, разнообразные по форме и содержанию, часто в игровой форме. Отличительные черты этих упражнений состоят в том, что они выполняются непременно в письменной форме, по содержанию носят речевой творческий или полутворческий характер, интересны и увлекательны как для студентов, так и для преподавателей. В них обыгрываются стихи известных поэтов, используются монограммы, коллективно пишутся весёлые истории, пишутся письма в адрес вымышленных персонажей [4].

Не следует забывать три важнейших условия при введении на занятиях креативного письма: цели обучения, принципы, методы и приёмы обучения, а также учебный контроль.

В российских официальных учебниках по русскому языку как иностранному есть некоторое количество творческих письменных заданий, например, написание письма, заполнение анкеты. Они выполняются частично по опорам, частично по аналогии.

Написание письма – очень удачная форма упражнений, носящих полифункциональный характер. Для обучения написанию письма необходимо начать с ряда речевых упражнений. На первом этапе могут быть предложены упражнения на запоминание речевых формул, клише, используемых в письме, формы письменного обращения к адресату, способы выражения благодарности и т.д. Далее следует просмотр текстов писем, определение схем различных писем, выделение отдельных фраз, опорных мыслей, ключевых слов. Студенты делают анализ текстов писем, дают характеристику их авторов, определяют характер письма (личное, семейное, деловое, проблемное; письмо с выражением благодарности, поздравлением, приглашением и т.д.), анализируют средства изложения мыслей в разных по стилю письмах, средства перехода от одной мысли к другой и т.д.

На втором этапе можно предложить составить план письма, используя образцы фраз и ключевых слов. Формы обращения и другие клише должны соответствовать содержанию, структуре и стилю письма.

На следующем этапе работы студентам предлагается составить коллективное письмо, затем тематические письма по заданным ситуациям, письма разнотемного характера (личное, семейное, деловое), письмо-ответ на просьбу или пожелание адресата. Возможно составление писем разным адресатам с разными целевыми установками, но с одинаковым содержанием или с внесением изменений в один и тот же текст сообщения. Следует поработать над составлением вопросов к адресату, определить их место в письме [4].

Таким образом, научить фиксировать устную речь, в том числе научить писать личные и деловые письма, заполнять анкеты, писать краткую и развёрнутую автобиографию, заявление о приёме на учёбу или на работу и т.п. – всё это составляет основные цели обучения письму, выполняющего к тому же вспомогательную роль при обучении чтению, устной речи, грамматике, лексике.

Библиографический список

1. Зайцева И.В., Зарицкая Л.А. Самостоятельная работа студентов при обучении иностранному языку. М., 2002.
2. Пассов Е.И. Беседы об уроке иностранного языка. СПб., 1991.
3. Маслыко Е.А. Настольная книга преподаватель иностранного языка. Минск, 2004.
4. Басова А.В. К вопросу о письме и письменной речи в обучении иностранному языку // Язык. Культура. Образование: Сб. матер. междунар. науч. конф. «Чтения Ушинского». Вып. 2. Ярославль, 2006.

References

1. Zaitseva I.V., Zaritskaya L.A. Self-study in foreign language learning . Moscow, 2002.
2. Passov E.I. Conversations about the lesson of foreign language. St.-Petersburg, 1991.
3. Maslyko E.A. Handbook of a foreign language teacher. Minsk, 2004.
4. Basova A.V. To the question of writing and written speech in teaching foreign language // Language. Culture. Education. Num. 2. Yaroslavl, 2006.

УДК 378

*Воронежский государственный педагогический университет
канд. пед. наук, доц. кафедры английского языка*

Гревцева В.Ф.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732) 2-25-42-08;
e-mail: grevtseva5@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of English language,
PhD, associate professor*

Grevtseva V.F.

*Russia, Voronezh, tel. +7(4732)2-25-42-08;
e-mail: grevtseva5@yandex.ru*

В.Ф. Гревцева

СОДЕРЖАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

Статья посвящена проблеме профессионально-личностного развития будущих учителей. Рассматриваются содержательные характеристики развития будущих специалистов, а также технологии, способствующие их реализации.

Ключевые слова: профессионально-личностное развитие студентов, рефлексия, диалог.

V.F. Grevtseva

CORE COMPONENTS AND FACTORS OF PROSPECTIVE TEACHERS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT

The article deals with the necessity of prospective teachers' development in professional training. The author looks at the core components of professional development and technologies providing the effectiveness of this process.

Key words: students' professional development, reflexion, dialogue.

В современном мире глобальная цель образования – сделать человека не столько знающим, сколько понимающим, чувствующим, культурным, то есть подготовить к реальной жизни в сложном противоречивом мире. Необходимо построить такую модель учебного процесса, которая позволила бы личности раскрыть и развить свой творческий потенциал. К основным чертам современного образования исследователи относят гибкость, разнообразие и доступность во времени и пространстве [1; с. 17].

В настоящее время общество предъявляет новые требования к образованности выпускника, который должен:

- быть готовым к проявлению ответственности за выполняемую работу, способным самостоятельно и эффективно решать проблемы в области профессиональной деятельности;
- быть способным научно организовывать свой труд, готовым к применению компьютерной техники в сфере профессиональной деятельности;
- быть готовым к постоянному профессиональному росту, приобретению новых знаний;
- обладать устойчивым стремлением к самосовершенствованию (самопознанию, самоконтролю, самооценке, саморегуляции и саморазвитию);
- стремиться к творческой самореализации и др.

В то же время, как показали исследования в ряде европейских стран, при переходе из средней школы в университет, от 20 до 60% вчерашних школьников не справляются с университетскими учебными задачами и показывают неудовлетворительные

результаты в первую экзаменационную сессию. Основной причиной данной ситуации, по мнению Е.Н. Солововой, является то, что в школе ученики привыкли быть «ведомыми» учителем, а в университете им необходимо самим определять и планировать свою учебную жизнь, а именно:

- выбирать что, когда, в каком объеме изучать;
- соблюдать сроки сдачи тестов и экзаменов;
- справляться с большим объемом текстовой информации, определять главное и второстепенное, а затем выборочно использовать для составления собственных конспектов, тезисов, докладов;
- проводить самооценку эффективности своей учебной деятельности и т.д. [3].

Теоретический анализ позволяет определить содержание профессионально-личностного развития будущего педагога, которое может быть представлено в виде взаимосвязанных компонентов: деятельностно-практического, рефлексивно-творческого, эмоционально-ценностного и регулирующего.

Деятельностно-практический компонент определяется характером участия студента в учебно-познавательной деятельности, уровнем сформированности его профессионально-педагогических умений, познавательной позиции, степенью социальной активности будущего педагога, умениями ее самоорганизации.

Рефлексивно-творческий компонент выражается в ориентации будущего педагога на активное творчество, в способности к рефлексии, положительной «Я-концепции», сформированности адекватной самооценки; самостоятельности в принятии решений и ответственности за них, осознанном выборе средств для разрешения профессионально-личностных проблем; потребности познания и самопознания, в постоянном самосовершенствовании.

Эмоционально-ценностный компонент характеризуется эмоционально-положительным отношением к учебно-познавательной и педагогической деятельности, способностью к самовыражению; осознанным принятием духовных и культурных ценностей и ориентацией в них; эмпатийными установками, способностью переживать чувство совести, моральной и профессиональной ответственности; потребностью в реализации эмоционально-эстетического потенциала.

Регулирующий компонент включает профессиональные знания и умения самоуправления и саморегуляции; способность к самообладанию, самодисциплине; способность преодолевать противоречия между сознанием и поведением; способность к предвидению последствий своих действий и поступков; волевые процессы и усилия личности, направленные на самоконтроль и коррекцию поведения.

Все отмеченные выше компоненты профессионально-личностного развития студентов представляются важными, но особо стоит отметить значимость рефлексивных умений, наличие которых предусматривается требованиями к выпускнику вуза (бакалавру) по направлению «Педагогическое образование» (2011 г.).

Важно так организовать учебный процесс, чтобы студенты постоянно рефлексировали по поводу того, **что** и **как** они делают. В ходе рефлексии происходит коллективная интеграция опыта, расширяется плоскость понимания и осмысления проблемы или ситуации, шлифуются профессионально-коммуникативные умения и формируется готовность к проектированию действий в аналогичных ситуациях [3].

Казалось бы, представления о рефлексии, самоорганизации, самоконтроле и саморегуляции предполагают полную самостоятельность и свободу. Однако образование не может быть целиком самоопределяемо индивидами и группами. Определение целей и способов их реализации – совместное творчество преподавателей и студентов.

Переход к новой модели образования ставит проблему готовности преподавателей педвуза к выбору и применению адекватных средств и технологий его осуществления. Возникает множество проблем, связанных с тем, что старые схемы преподавания уже не срабатывают, а новые еще не созданы.

Представляется, что одним из направлений работы в этом плане может выступать обучение через диалог. Вследствие своей универсальности диалог – не фрагмент учебного занятия, он не заканчивается той или иной учебно-познавательной ситуацией

(хотя и подготовлен ею). Содержание диалога не может быть задано извне, оно рождается в результате смыслового взаимодействия субъектов друг с другом и объектом изучения. В центре такого взаимодействия – ценности, которые должны обрести смысл. Сама личность в диалоге есть своеобразное воплощение мира ценностей.

Каждый участник диалога, включая преподавателя, вносит в него часть себя, т.к. общается с остальными на уровне своего «Я». Для личности это момент самораскрытия. При таком подходе чувства и знания сливаются в единое целостное переживание, которое происходит во взаимодействии с другими людьми за счет реконструкции ранее имеющегося опыта. В этом процессе трудно провести грань между обучением и воспитанием.

Диалогическое взаимодействие на уровне смыслов возможно тогда, когда его участники умеют и хотят слушать друг друга, уважительно относятся к мнению другого (даже если оно ошибочно), стремятся критически осмыслить собственную позицию. При этом важно, чтобы преподаватель мог выступать в качестве своего рода эталона, безупречно и логично выстраивающего аргументацию, оперирующего разнообразными контраргументами, стимулирующего тем самым дальнейшую дискуссию. Следует признать, что не каждый преподаватель педвуза может выступать в качестве такого эталона.

Мы далеки от мысли о том, что преподавателю в такой модели образования будет отведена второстепенная роль, но очевидным становится тот факт, что от современного преподавателя высшей школы требуется адаптация к новым условиям работы; в какой-то степени меняются его функции. Все больше акцентируется роль преподавателя как фасилитатора, коммуникатора, консультанта, к которой он еще психологически не готов, т.к. выполнение подобных функций требует специальной подготовки.

Сущность педагогического консультирования заключается в сопровождении обучающегося в образовательном процессе и в оказании ему консультационной помощи в разрешении проблем, связанных с учебно-познавательной деятельностью и личностным развитием в целом [2; с. 11]. Консультирование как один из приемов, обеспечивающих развитие потенциала познавательной самостоятельности личности, способствует преодолению сложных ситуаций в обучении, помогает управлять учебной деятельностью студентов и сохранять устойчивость личности в учебном процессе, способствует эффективному продвижению студента по индивидуальной образовательной программе. При разработке технологий подготовки преподавателя как консультанта зарубежные источники зачастую ссылаются на исследования в области психотерапии и педагогической психологии.

К сожалению, российский студент в отличие от своего зарубежного сверстника не всегда имеет возможность выбора учебного курса и преподавателя и вынужден мириться с тем, что некоторые занятия проходят в атмосфере, не способной «задеть за живое», заставить прочитать не предусмотренный программой источник или просто подумать над обозначенной проблемой. Поэтому приходится констатировать тот факт, что личность преподавателя, его стремление к самосовершенствованию и саморазвитию играет огромную роль в создании благоприятной учебно-воспитательной среды образовательного учреждения, особенно такого, как педагогический вуз.

Другим средством развития студента является технология портфолио. По мнению ряда специалистов, данная технология способствует формированию ключевой компетенции – «самоменеджмента» и позволяет сместить акцент с оценки на самооценку.

Применение данной технологии требует тщательной разработки и поэтапного внедрения, включающего мотивацию студента к его созданию, определение вида портфолио и его компонентов, выбора критериев и показателей оценивания индивидуального прогресса, а также оформления содержания и презентации (защиты) портфолио.

Некоторые работодатели уже сегодня требуют от соискателя должности предъявления «портфеля» личных достижений, а в будущем это, скорее всего, наряду с представлением резюме станет обязательным условием приема на работу и признаком конкурентоспособности специалиста на рынке труда. Этот факт можно рассматривать как потенциальный стимул студенту к созданию портфолио, способного отразить самые разнообразные результаты его академической деятельности: собственно учебные, научные, творческие, коммуникативные, социальные и т.д.

Кроме того, значительный потенциал личностного роста заключен в различных формах исследовательской, творческой, педагогической и рекреационной деятельности студентов, совершенствование которых также заслуживает пристального внимания.

В качестве основных критериев оценки результативности профессионального развития студента выступают такие характеристики как профессионально-педагогическая направленность, педагогическая культура (система ценностей), позитивная «Я-концепция», потребность к саморазвитию и самосовершенствованию.

К комплексу основных педагогических условий, актуализирующих внутренние факторы профессионального развития, мы относим следующие:

- диагностические условия: изучение и критическая оценка динамики формируемых свойств и качеств личности;

- ориентировочно-содержательные: ориентация на формирование ключевых компетенций студентов в учебной деятельности, осознание студентами личностной значимости овладения профессионально-педагогическими знаниями;

- рефлексивно-сотворческие: опора на «внутреннюю позицию» студента, развитие способов самовыражения; включение будущих учителей в рефлексию и самооценку результатов учебно-творческой деятельности; создание атмосферы сопереживания и сотворчества;

- сочетательные: использование инновационных средств обучения специальности в оптимальном сочетании с традиционными методами, выбираемыми в зависимости от конкретных целей и содержания обучения.

Таким образом, профессионально-личностное развитие студентов российских вузов – многогранный процесс, сопряженный с определенными проблемами, ряд которых должен быть решен на государственном уровне в рамках разработки стратегии развития отечественной высшей школы. Перечисленные выше позиции наряду с уже накопленным опытом могут стать связующим звеном между теорией и практикой.

Библиографический список

1. Гальченко В.Т. Культура и образование // Методология и технология воспитания и проблемы подготовки учителя. М.: МГПУ, 2002. С. 17-20.
2. Педагогическое консультирование: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / М.Н. Певзнер, О.М. Зайченко, С.Н. Горычева и др. М., 2006. 320 с.
3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: АСТ: Астрель, 2008. 272 с.

References

1. Galchenko V.T. Culture and education / Methodology and technology of upbringing and problems training to be a teacher. Moscow State Pedagogical University, 2002. P. 17-20.
2. Pedagogical consulting: Coursebook for students of higher educational establishments. Moscow, 2006. 320 p.
3. Solovova E.N. Methods of teaching foreign languages: advanced course: coursebook for students of pedagogical universities and teachers. Moscow, 2008. 272 p.

УДК 378

*Воронежский государственный педагогический университет
ст. преп. кафедры английского языка
Клевина М.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)224-25-27
e-mail: mar-klevina@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of English language,
senior teacher
Klevina M.N.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)224-25-27
e-mail: mar-klevina@yandex.ru*

М.Н. Клевина

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ПЕДВУЗА

В статье рассматривается необходимость психолого-педагогической поддержки и кураторство как средство повышения эффективности адаптации студентов младших курсов к учебной деятельности в вузе.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, адаптация, кураторство.

M.N. Klevina

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT AS A FACTOR OF PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF FIRST AND SECOND-YEAR STUDENTS

The article discusses the need for psycho-pedagogical support and supervisory control as a means of improving the efficiency of adaptation of first and second year students to educational activity at the University.

Key words: psychological and pedagogical support, professional and personal development, adaptation, supervisory control.

В настоящее время критериями качества профессионально-педагогической подготовки, наряду со знаниями и умениями, выступают профессиональные качества личности, черты характера, способность самостоятельно и творчески добывать и применять знания. В связи с этим образовательный процесс в педагогическом вузе должен быть направлен не только на развитие когнитивной сферы студентов, но и развивать их познавательную активность, самостоятельность, способствовать овладению методами самообразования, формирования и совершенствования личностных качеств, необходимых для успешного осуществления профессионально-педагогической деятельности.

Организация психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса – неотъемлемая часть современного российского образования, которая направлена на повышение качества и эффективности образовательного процесса. По мнению Э.Ф. Зеера, суть психологического сопровождения профессионального становления состоит в движении вместе с изменяющейся личностью, своевременном указании возможных путей, при необходимости – помощи и поддержки. Эта помощь помогает субъекту наметить ориентиры в профессиональном развитии, сформировать ориента-

ционное поле развития, помочь человеку полноценно реализовать себя в профессиональной деятельности, освоить технологии профессионального самосохранения [4].

Психолого-педагогическое сопровождение - это система профессиональной деятельности, направленная на создание социально-психологических условий для успешного воспитания, обучения и развития студента на каждом этапе обучения [6; с. 74-78]. Его необходимость продиктована не только социальным заказом, отраженным в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, но и существующими актуальными проблемами взросления, т.к. основной контингент в вузе – это молодые люди в возрасте 17–22 лет. Именно в этот период происходит апробация новых социальных ролей, кристаллизация ценностей и установок, становление и укрепление «Я» (в том числе и профессионального), развитие таких личностных качеств, как высокий уровень мобильности, гибкости, ответственности за свой выбор, деятельность, качество межличностных отношений и т.п. [5; с. 383-384].

Психолого-педагогическое сопровождение направлено на создание условий для успешного обучения, воспитания и профессионально-личностного развития студента в ситуации вузовского взаимодействия. Построение такой системы учитывает, с одной стороны, педагогические и психологические закономерности образовательного процесса, а с другой - весь опыт практической работы со студентами, наработанные приемы и технологии. Главная цель психолого-педагогического сопровождения студента связана с перспективным направлением его деятельности, ориентированной на максимальное содействие личностному и профессиональному развитию. Эффективное психолого-педагогическое сопровождение студентов обеспечивается комплексной работой педагогов и специалистов вуза и делает возможным оказание наиболее качественной поддержки студентов. В основе метода психолого-педагогического сопровождения лежит личностно-проблемный подход, опирающийся на внутренний потенциал каждого конкретного человека и поддержку его окружения, а также на владение методами разрешения наиболее типичных проблем, с которыми сталкивается человек в процессе профессионального развития [7; с. 92].

Опыт создания системы сопровождения показывает, что это может быть реализовано только тогда, когда достигается «стыковка» начальной и конечной целей деятельности по отношению к личности студента. Начальная цель взаимодействия - определение и формирование готовности студентов к обучению в вузе посредством интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных, поведенческих воздействий, выявление их индивидуальных особенностей как основы развития компетентности на первом этапе обучения в вузе. Конечная цель взаимодействия - формирование у студента психологической, профессиональной, творческой готовности к предстоящей профессиональной деятельности, профессиональному саморазвитию.

Профессионально-личностная подготовка студентов, как известно, имеет двухкомпонентную структуру: предметное обучение, направленное на усвоение основных общетеоретических, профессиональных и специальных дисциплин и специальную дополнительную прикладную подготовку, обеспечивающую формирование личностного и интеллектуального потенциала студентов.

Психолого-педагогическая поддержка профессионально-личностного развития студентов является эффективной, если она соответствует целям, задачам этого развития, проводится систематически и разворачивается по следующим направлениям:

- 1) социально-психологическая адаптация студентов в учебно-профессиональной деятельности и формирование у них позитивной жизненной перспективы;
- 2) коррекция эмоционального состояния студентов – снятие эмоционального напряжения для обеспечения эффективности профессионального развития;

3) обучение умениям и навыкам компетентного общения и эффективного поведения в различных ситуациях бытового и профессионального характера;

4) развитие и формирование личностных качеств, способствующих успешному профессиональному становлению как специалистов [3; с. 97].

Комплексное психолого-педагогическое сопровождение студентов включает 3 этапа: I этап (этап адаптации) - изучение личностного потенциала студентов, когда происходит формирование профессионально-педагогической направленности личности студента. II этап – личностно-профессиональное развитие студентов - формирование творческой готовности к педагогической деятельности. III этап – личностно-профессиональное становление - формирование инновационной профессионально-педагогической позиции.

Этап адаптации личности студента является, на наш взгляд, одной из наиболее значимых проблем. От того, как студент будет подготовлен на первом этапе, зависит уровень его дальнейшей профессиональной подготовки и деятельности. В этой связи особенно важно, чтобы студенты активно включались в процесс овладения знаниями и способами их освоения с начальных этапов обучения и осознавали, что результаты учебно-профессиональной деятельности становятся подлинным достоянием личности.

Проблема адаптации студентов к условиям обучения в высшей школе представляет собой одну из важных задач, исследуемых в настоящее время в педагогике и дидактике высшей школы [1; с. 62]. При этом специфика процесса адаптации студентов в вузах определяется различием в методах обучения средней и высшей школах. Так, например, первокурсникам недостает навыков и умений, которые необходимы в вузе для успешного овладения компетенциями. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент приспособится к новым требованиям обучения. Слабая преемственность между средней и высшей школой, своеобразие методики и организации учебного процесса в вузе, большой объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы вызывают большое эмоциональное напряжение, что нередко приводит к разочарованию в выборе будущей профессии [2; с. 332].

По мнению многих ученых, адаптация должна проходить как активное творческое приспособление студентов к условиям высшей школы, в процессе которой у них формируются навыки и умения организации умственной деятельности, призвание к избранной профессии, рациональный коллективный и личный режим труда, досуга и быта, система работы по профессиональному самообразованию и самовоспитанию профессионально значимых качеств личности. Практика показывает, что только к третьему курсу формируются значимые для студента навыки самоконтроля, организованности, ответственности. Психолого-возрастные особенности студенчества характеризуются эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью, самоидентификацией. В этот период студентам важно именно окружение, в котором они находятся. Часто в одну группу попадают юноши и девушки с разным социальным уровнем, а именно – провинциалы и городские жители. Период адаптации данных категорий будет различным. Вхождение молодых людей в систему вузовского обучения, приобретение ими нового социального статуса студента требуют от них выработки новых способов поведения, позволяющих им в наибольшей степени соответствовать своему новому статусу.

Чтобы помочь студентам младших курсов адаптироваться к новым условиям в Воронежском государственном педагогическом университете существуют кураторство, направленное на формирование гражданско-патриотической позиции, духовной культуры, социальной и профессиональной компетентности студентов, воспитание здорово-

го образа жизни, оказание помощи в организации познавательного процесса, содействие самореализации личности студента. Куратор знакомит первокурсников с законодательством в области образования, Уставом университета, Правилами внутреннего распорядка и проживания в общежитии, правами и обязанностями студента, работой библиотеки, здравпункта, организацией культурно-массовой и спортивно-оздоровительной деятельности; с историей и традициями университета; воспитывает уважение к ценностям, нормам, законам, нравственным принципам, традициям университетской жизни; контролирует текущую и семестровую успеваемость и внеучебную занятость; участвует в развитии различных форм студенческого самоуправления; помогает в культурном и физическом совершенствовании студентов; содействует привлечению студентов к научно-исследовательской работе и различным формам внеучебной деятельности.

На первоначальном этапе кураторы являются идеологическим центром, так как они транслируют ценности образования, формируют у первокурсников активную жизненную позицию, мотивируют их к участию в различных мероприятиях, проводимых в вузе. Большую роль играет также проведение родительских собраний и «часов куратора», которые больше напоминают дружеские беседы на важные темы, а также совместные походы выходного дня.

В рамках программы адаптации студентов 1 курса к вузовской жизни проводятся конкурс «Лучшая студенческая группа» и фестиваль первокурсников «Золотая осень», составляющими которых являются: разработка и реализация социально-значимого студенческого проекта (тематика – патриотизм, профориентация, здоровый образ жизни, толерантность, культура общения, семейное воспитание и др.), учебная деятельность, выездной сбор «Кто ведет за собой», конкурс газет-арт-объектов «Мы-первокурсники», спартакиада первокурсников «Быстрее! Выше! Сильнее!», интеллектуальный турнир «Что? Где? Когда?», конкурс поэтов «Перо», составление визитной карточки на тему «Наш факультет», смотр-конкурс художественной самодеятельности «Осенний концерт» и др. Совместная подготовка к этим мероприятиям под руководством студентов старших курсов и кураторов способствует сплочению коллектива и развитию студенческого самоуправления, выявлению талантов, самореализации студентов как творческих личностей, формирует активную гражданскую позицию и преемственность в студенческой среде. Адаптации также способствуют совместные походы выходного дня и выездной сбор в «Спутнике» «Посвящение в студенты», где с новичками работают студенты старших курсов из педотряда.

Для увеличения эффективности кураторской деятельности предусмотрена совместная деятельность с квалифицированным специалистом - психологом. Кураторы проходят различные тренинги, помогающие им устанавливать контакт с курируемой группой, формировать коллектив, определять ценностные ориентации и внутригрупповые нормы.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса является ведущим условием эффективности процесса адаптации и помогает студентам первого курса почувствовать себя полноценным членом группы, найти свое место в коллективе. Компетентное управление данным процессом позволяет обеспечить переход от одной стадии развития личностных отношений и ценностей к другой, более высокой и совершенной.

Библиографический список

1. Андреева Д.А. О понятии адаптация. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе. // Человек и общество: Уч. записки XIII. Л.: ЛГУ, 1973. С. 62-69.

2. Васильева С.А., Копейна Н.С. Психологическая идентичность как условие успешной адаптации студентов к учебному коллективу. // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Тезисы докладов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 332.

3. Величко Е.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития студентов в период обучения в колледже. // Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 97-100.

4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: Учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 480 с.

5. Кошенова М.И. Психологическая служба как ресурс для становления личностной и профессиональной идентичности студентов. // Психология образования: подготовка кадров и психологическое просвещение: материалы IV Национальной научно-практической конференции. М., 2007. С. 383–384.

6. Ососова М.В. Психолого-педагогическое сопровождение самоопределения подростков в системе образовательного процесса. // Успехи современного естествознания. 2010. № 1. С. 74-78.

7. Психологические аспекты развития человека в современном мире: коллективная монография / Урал. гос. пед. ун-т ; под. общ. ред. С.А. Минюровой. Екатеринбург, 2010. С. 91-100.

References

1. Andreeva D.A. About the concept of adaptation. The research of students' adaptation to the studying process at the University. // Person and society: Scientific notes XIII. Leningrad State University, 1973. P. 62-69.

2. Vasiljeva C.A., Kopeina N.C. Psychological identity as a condition of successful adaptation of students to training staff. // Modern problems of applied sociology and social psychology in the workforce. Abstracts. Leningrad State University, 1984. P. 332.

3. Velichko E.V. Psycho-pedagogical support of professional and personal development of students during the period of study in College. Psychological science: theory and practice: materials of Intern. scientific. Conf. (Moscow, February 2012). Moscow, 2012. P. 97-100.

4. Zeer E.F. Psychology of professional education. Textbook. The 3d edition. Voronezh, 2008. 480 p.

5. Koshenova M.I. Psychological service as a resource for the development of personal and professional identity of students // Educational psychology: training and psychological education: proceedings of the IV National scientific and practical conference. Moscow, 2007. P. 383–384.

6. Ososova M.V. Psychological and pedagogical support of self-determination of adolescents in the educational process // Successes of modern science. 2010. № 1. P. 74-78.

7. Psychological aspects of human development in the modern world: collective monograph / Ural state pedagogical University; under general supervision of S.A. Minjurova. Ekaterinburg, 2010. P. 91-100.

УДК 81' 271.1

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» ст. преп. кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, канд. филол. наук

Садовская Е.Ю.

Россия, г. Воронеж, тел. 8 920 419 58 55;

e-mail: sadovsk@list.ru

Институт международного образования Воронежский государственный университет ст. преп. кафедры русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся, канд. филол. наук

Жидкова Ю.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. 8-910-738-19-80;

e-mail: zhidkova_juliabori@mail.ru

Military Air Academy named after professor N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin The chair of humanitarian, social and economic disciplines, PhD, senior lecturer

Sadovskaya E.Y.

Russia, Voronezh, tel. 8 920 419 58 55,

e-mail: sadovsk@list.ru

Voronezh State University

Institute of International Education

The chair of Russian language for pre-college stage of teaching foreign students, PhD, senior lecturer

Zhidkova J.B.

Russia, Voronezh, tel. 8-910-738-19-80;

e-mail: zhidkova_juliabori@mail.ru

Е.Ю. Садовская, Ю.Б. Жидкова

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Статья посвящена анализу коммуникативно значимых нарушений в речи, которые негативно влияют на эффективность профессионального общения, то есть ведут к коммуникативным неудачам.

Ключевые слова: литературная норма, речевые ошибки, коммуникативные неудачи, культура речи.

E. Y. Sadovskaya, J. B. Zhidkova

SPEECH MISTAKES AS A FACTOR OF COMMUNICATIVE FAILURES IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article is devoted to the analysis of communicatively significant violations in speech which negatively influence the efficiency of professional communication, that is lead to communicative failures.

Key words: literary norm, speech mistakes, communicative failures, culture of speech.

Проблема речевых ошибок важна не только для специалистов по культуре речи, но и для всех людей, пишущих и читающих по-русски. Пользуясь языком в целях общения, люди довольно часто допускают ошибки. Главное требование правильности речи – это соблюдение основных грамматических норм: словообразовательных, морфологических, синтаксических. Это минимальное требование к речи, не выходящее за пределы элементарной грамотности.

Приведем примеры грамматических ошибок, выявленных нами в устной и письменной профессионально ориентированной речи сотрудников нескольких вузов Воронежа:

1) словообразовательные ошибки (заменительное словообразование, проявляющееся в замене какой-либо морфемы (термин Л.О. Бутаковой) [1]), например, особое внимание уделять совершенствованию физической *подготовленности*; показатель *соревновательности*; не всегда обеспечивается *примерность* в дисциплине; *помывку* личного состава осуществлять в муниципальных банях; состояние *травматизма* на факультете;

2) морфологические:

а) ошибки в образовании падежной формы существительных: рапорта, профессоры, из бюллетня;

б) нарушение норм формообразования глаголов: приурочивать, профилактирует;

в) неграмотное образование сравнительной степени наречий: она (система) *более шире* охватывает деятельность, *наиболее хорошо*;

3) синтаксические:

а) некорректное построение предложений: В первом бюллетене выбрать те фамилии, которые они против (пример демонстрирует сочетание синтаксической и морфологической ошибок);

б) нарушение норм согласования: Будем иметь четыре ученых (в данном предложении неудачен и выбор глагола). Категории личного состава, *совершивших* грубые дисциплинарные проступки. В связи с осуществлением многоуровневой подготовки внести изменения в локальные нормативно-правовые акты университета, *регламентирующих* образовательную и научную деятельность кафедр;

в) несоблюдение норм управления: студенты не чувствуют *уверенности в свое будущее; допущен до выполнения задач; согласно положения; решение на формирование* подразделений; *отчислен по неуспеваемости; Подготовиться и качественно пройти* с подтверждением статуса «университет» *процедуры* государственной аккредитации и лицензирования образовательной деятельности, проводимой федеральной службой по надзору в сфере образования и науки;

г) нарушение связи между подлежащим и сказуемым: *приняло* участие в различных олимпиадах 30 студентов; *выступило* с докладами и сообщениями на конференциях 61 человек;

д) неграмотное построение предложений с однородными рядами: *Подготовиться и качественно провести* государственную аттестацию и выпуск студентов. Постоянное *руководство* и систематический *контроль* со стороны должностных лиц *за подготовкой, материально-техническим обеспечением и качественным выполнением работ.*

Выше были квалифицированы все виды грамматических ошибок, которые, безусловно, осложняют общение, что особенно важно в случае профессиональной коммуникации. Но для эффективного делового общения необходимо соблюдение и других типов норм.

В речи часто наблюдаются коммуникативно значимые нарушения, существенно ухудшающие восприятие и понимание речи или отдельного высказывания. К таким ошибкам относятся случаи нарушения акцентологических норм (рапорта, средства, культурно-досуговая работа, принять решение, начата активная работа). Неправильная постановка ударения не только затрудняет понимание, отвлекает слушателей, но и подрывает доверие к говорящему, заставляет сомневаться в его компетентности не только в области речевой культуры, но и в профессионализме в целом.

Важность охарактеризованного нормативного аспекта культуры речи неоспорима, но некоторые исследователи, например, Б.Н. Головин, считают, что грамотность речи не должна обсуждаться, это минимальное базовое требование к общению. Помимо правильности (нормативности), речь должна соответствовать еще одному требованию – коммуникативному аспекту. Поэтому немаловажное значение для хорошей речи имеет богатство, точность, выразительность, логичность, уместность. Необходимо следить за тем, чтобы не допускать ошибок, нарушающих перечисленные коммуникативные качества речи.

Речевые ошибки – это проявление неточности речи, ее засоренности, избыточности, бедности. Такие ошибки являются результатом нарушения лексических норм, то есть неграмотного употребления слов в различных контекстах.

Причинами речевых ошибок, нарушающих точность речи, могут являться:

а) незнание значений слов: к днищу аппарата *приварено* отверстие; *подано заявок* на изобретения; количество обучающихся, *выполнивших* спортивные разряды по

различным видам спорта; *предупреждение* гибели и *травматизма*; варварски относятся к *сбережению* учебной литературы;

б) употребление в одном высказывании однокоренных слов (тавтология): основные усилия в системе *подготовки* сосредоточить на *подготовке*...;

в) канцеляризмы: *по причине недачи сессии*;

г) нарушение лексико-семантической сочетаемости: количество студентов факультета, *отчисленных от обучения*; своевременное выявление, профилактика и *активное предупреждение* негативных явлений и тенденций во взаимоотношениях; несмотря на *повышение* и увеличение *требований*; *улучшить успеваемость*; *теоретические и практические навыки*; *интенсивность контроля*; *пособие изготовлено*; *работа награждена премией*; возьмите уставы и *перепишите их наизусть*.

Точность письменной и устной речи чрезвычайно важна для профессионального общения, но для некоторых специальностей, например, для военных, данное качество особенно значимо. Это предполагает «запрет» на вольное обращение с лексикой и предписывает употребление слов только в прямом значении. Стремясь к точности речи, военный должен заботиться о том, чтобы смысл нельзя было понять приблизительно, неправильно или по-разному. Намеренно сдержанная, строгая, объективная тональность приказов и распоряжений поддерживается точностью, лаконичностью, конкретностью использования языковых средств, приемов и способов их организации в структуре высказывания.

К искажению или неясности смысла высказывания иногда приводит речевая недостаточность, возникающая в результате немотивированного пропуска слов и проявляющаяся в лаконичности изложения в ущерб содержанию: *выполнение задач и мероприятий*.

Неточность может порождаться также недостаточной полнотой и ясностью мысли высказывания. Например, трудно понять, что имелось в виду в следующих фразах: После окончания стрельб боевые и учебные патроны должны быть приведены в исходное состояние; Всех отсутствующих построить в одну шеренгу; количественная характеристика контроля занятий; обеспечение травмобезопасности и увечий ... по вине должностных лиц.

Приведем пример не снимаемой в высказывании многозначности: Учитывать его (обучающегося) активность в учебной и другой жизни; слабое использование силы общественности.

К распространенному типу ошибок относятся и логические. Такие ошибки Л.О. Бутакова называет коммуникативными ошибками, нарушающими нормы, которые регулируют коммуникативную организацию высказывания [1]. Условия логичности на уровне текста предполагают, что ясно выражена связь предложений, обозначены переходы от одной мысли к другой, текст верно разделен на абзацы и имеет четкую структуру, объем предложений адекватен их содержанию. Логичность на уровне предложения требует непротиворечивости значения слов при их сочетании, правильного порядка слов, выраженности логических связей между частями предложения [3; с. 111].

Затрудняют понимание смысла фраз распространенные ошибки, связанные со следующими явлениями:

а) нанизыванием родительного падежа: Успешное решение задач обеспечения заданных характеристик состояния парка ВТС...;

б) нарушением порядка слов: отчисленные студенты по неуспеваемости по итогам осенне-зимнего семестра; нарушение формы одежды курсантами.

Одним из условий логичности речи является употребление в одном контексте слов обозначающих логически несоотносимые понятия, несоблюдение этого требования приводит к алогизмам: *анализ контроля* проведения занятий.

Высказывания, содержащие такие ошибки, свидетельствуют, что нарушение происходит как во внутренней речи, так и при переводе мыслительных образов в словесную форму из-за неумения непротиворечиво оформить высказывание, логично и

точно изложить свои мысли. Все вышеперечисленное относится к собственно лингвистическим, или структурным, условиям логичности.

Мы попытались выявить типичные ошибки в профессиональной речи, проанализировав их с коммуникативной точки зрения, и найти их причину. Соблюдение акцентологических норм – не только необходимый признак культурной, грамотной речи, но и коммуникативно значимое условие взаимопонимания в процессе делового общения. Причины грамматических ошибок заключаются в несоблюдении основных грамматических норм: словообразовательных, морфологических и синтаксических, как следствие, сложности в понимании устных, особенно письменных высказываний, что недопустимо в профессиональной речи. Нарушения точности речи связаны с неправильным употреблением лексики, а логичности речи мешают ложные семантические связи, нарушения понятийно-логической стороны высказывания. Подобные ошибки также коммуникативно значимы и ведут к коммуникативным неудачам.

Под коммуникативной неудачей понимается полное или частичное непонимание высказывания партнером по общению, то есть ситуация, когда процесс речевого взаимодействия не достигает цели. В основу классификации коммуникативных неудач положены причины, которые приводят к непониманию. Эти причины могут быть внешними, экстралингвистическими и собственно языковыми.

К первому типу причин относят различия в представлениях об окружающей действительности (так называемых картин мира), сформированных различиями в национальных культурах, несовпадением оценок явлений представителями одной культуры; неправильное или неполное понимание речевой интенции. Очень важным является осознание намерений и ожиданий коммуникантов, что предполагает анализ условий конкретной ситуации общения.

Безусловно, вышеуказанные причины влияют на эффективность общения, в том числе, и профессионального. Но не менее важны и лингвистические причины коммуникативных неудач. К собственно языковым факторам можно отнести неточность или недосказанность при выражении мысли, нарушение норм литературного языка. Причина коммуникативных неудач может быть обусловлена природой языковых единиц, например, многозначностью, омонимией, паронимией, возможностью метафорического употребления слов.

Итак, для эффективности профессионального общения, в целях минимализации коммуникативных неудач в языковом оформлении высказываний нужно обращать внимание на краткость выражений, простоту синтаксического построения, правильность постановки ударений, точный подбор лексики. Иначе говоря, грамотное употребление языковых средств – основа эффективного профессионального общения.

Библиографический список

1. Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственной письменной речи. [Электронный ресурс] URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998>.
2. Ермакова О.Н. К построению типологии коммуникативных неудач / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. 345 с.
3. Ипполитова Н.А., Князева О.Ю., Саввова М.Р. Русский язык и культуры речи: учеб. М., 2007. 440 с.

References

1. Butakova L.O. The experience of classifications of mistakes typical for written speech. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998>.
2. Ermakova O.N. To the formation of the typology of communicative failures / O.N. Ermakova, E.A. Zemskaya // Russian language in its functioning. Moscow, 1993. 345 p.
3. Ippolitova N.A., Knyazeva O.Y., Savvova M.R. Russian language and culture of speech: textbook. Moscow, 2007. 440 p.

УДК 80

*Муниципальное автономное образова-
тельное учреждение
средняя школа №11
учитель русского языка и литературы,
канд. филол. наук
Маняхин А.В.
Россия, г.Тамбов, тел.:8910-856-57-42
e-mail: manyahinav@mail.ru*

*Municipal autonomous institution
secondary school №11
The teacher of Russian language and litera-
ture,
PhD,
Manyachin A.V.
Russia, Tambov, tel. 8910-856-57-42
e-mail: manyahinav@mail.ru*

А.В. Маняхин

О МЕТОДИКЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ

В статье рассматриваются различные методики работы с художественным текстом с точки зрения использования их в преподавании русского языка и литературы.

Ключевые слова: художественный текст, лингвистический анализ текста, алгоритм анализа.

A.V. Manyachin

ABOUT THE METHODS OF WORK WITH THE ART TEXT

In article various techniques of work with the art text from the point of view of their use in teaching Russian and literature are considered.

Key words: art text, linguistic analysis of the text, analysis algorithm.

Изучение художественного текста (далее ХТ) — актуальная задача современного языкознания. Изучение текста даже вошло отдельным разделом в школьные программы и учебники (см., например, учебники В.В. Бабайцевой, А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой, Г.Ф. Хлебинской, авторского коллектива под руководством Е.В. Бунеевой). Лингвистический анализ текстов различных функциональных стилей и разновидностей языка является одним из умений, которым должны овладеть студенты учреждений среднего профессионального образования (см., например, Примерную программу учебной дисциплины «Русский язык» для профессий начального профессионального образования и специальностей среднего профессионального образования Т.М. Воителевой).

Однако данные учебные пособия и учебные программы ориентированы на знакомство обучающихся с текстом как произведением речи, его признаками и структурой, темой и основной мыслью текста, видами и средствами связи предложений в тексте. Собственно лингвистический анализ текста сводится обычно к его информационной переработке: составление плана, тезисов, конспекта, реферата и аннотации. Поэтому представляется совершенно необходимым выработать универсальный метод лингвистического анализа текста, подходящий и для обучения, и для исследования, и для самостоятельного чтения.

Для того, чтобы выработать (или выбрать) оптимальный алгоритм анализа ХТ или методику работы с ним, сравним несколько вариантов таких алгоритмов и методик.

Вначале проанализируем алгоритм работы с текстом, содержащийся в монографии Е.В. Скворецкой «Языковая организация текста». Пособие заявлено в качестве

учебных материалов для занятий по лингвистическому анализу ХТ. Строго говоря, автор не даёт алгоритма анализа, он выводится из главы «Категория информативности» [4; с.10-11].

1. Анализ заглавия: выяснить словарное значение как предположительно раскрывающее важнейшую тему. Указать, используется ли заглавное слово в тексте стихотворения. Сравнить, какова субъективно-оценочная модальность заглавия.

2. Извлечение содержательно-фактуальной информации: факты, события, лица, место действия, время протекания действия.

3. Извлечение содержательно-концептуальной информации. Ответить на вопрос: «В каком ракурсе автор изображает действительность?» Ответ на данный вопрос следует искать в интерпретации пункта 2.

4. На основании пунктов 2 и 3 можно дать интерпретацию текста, т.е. раскрыть содержательно-подтекстовую информацию.

Первый пункт алгоритма универсален: заглавие часто указывает на тему произведения.

Второй пункт алгоритма ориентирует исследователя на работу только с той информацией, которая заключена в тексте непосредственно.

Третий пункт алгоритма — анализ авторского взгляда на объективный мир.

Четвёртый пункт алгоритма посвящён раскрытию авторской картины мира, отражённой в тексте.

Таким образом, данный алгоритм позволяет исследователю объяснить авторскую картину мира, воплощенную в конкретном тексте. Следовательно, если исследователь ставит перед собой цель — извлечение актуальной информации, то данный алгоритм идеален, потому что не даёт растекаться мыслью по древу, сосредотачивая внимание лишь на содержании произведения. Однако отсутствие в данном алгоритме культурно-исторического комментария не позволяет принять его на вооружение при обучении работе с текстом (по крайней мере, до тех пор, пока не сформирован навык внимательно-го чтения). Кроме того, данный алгоритм ориентирован на анализ семантики текста и оставляет без внимания грамматику и стилистику текста.

Алгоритм комплексного лингвистического анализа ХТ, предложенный в книге Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина «Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика», очень подробный [1; с. 220-221]. А из-за того, что он адресован преподавателям высших учебных заведений, — слишком специальный, слишком лингвистический, хотя авторы и утверждают, что данная методика включает и экстралингвистический комментарий, и жанрово-стилевые характеристики [1; с. 11]. Перечислим только пункты алгоритма.

1. Определение (в общем виде) функционально-стилевой принадлежности художественного текста.

2. Анализ семантического пространства текста.

3. Анализ структурной организации текста.

4. Анализ коммуникативной организации текста.

5. Характеристика используемых в тексте приемов актуализации смысла (выявление текстовых доминант).

6. Обобщение результатов лингвистического анализа художественного текста.

Каждый пункт, в свою очередь, дробится на подпункты.

На наш взгляд, данный алгоритм представляет собой именно анализ, разложение, расчленение, после осуществления которого очень трудно получить новое знание.

Методика работы с ХТ, предложенная Л.Г. Новиковым в книге «Художественный текст и его анализ» включает следующие этапы [2; с. 27-34]: а) чтение художественного текста; б) комментарий к тексту, содержащий пояснения семантических, грамматических и фонетических особенностей данного текста; в) культурно-исторический комментарий (общественная и историческая обстановка и т.п.).

Далее следует собственно анализ текста: а) идейно-эстетическое содержание произведения; б) жанрово-композиционная структура текста; в) разбор изобразительных средств, которые раскрывают идею текста. Анализ движется по пути идея — композиция (образы) — язык.

Остановимся на данной методике подробнее, т.к. главный акцент в книге, по словам автора, «сделан на целостном анализе художественного текста в единстве его различных и взаимосвязанных уровней» [2; с. 2].

Анализ предваряет лингвистический комментарий: выясняются значения незнакомых слов, выражений, грамматических форм; фонетические и интонационные особенности. Культурно-исторический комментарий помогает правильно понять произведение. Анализ идейно-эстетического содержания произведения — это анализ основного содержания произведения, но не с целью собрать фактуальный материал, а с целью понять авторский замысел. Вообще, в ходе анализа делается акцент на образ автора в тексте как на центр произведения. Анализ композиции произведения помогает выявить важнейшее в тексте, то, что раскрывает идейный замысел. И завершает анализ изучение системы изобразительных средств языка в связи с идейно-эстетическим содержанием текста и его образной структуры. Всё это, по мысли автора, позволяет верно интерпретировать творческий замысел писателя.

Используем данную методику для анализа стихотворения А.С. Пушкина «Царско-сельская статуя» [3; с. 478].

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
 Дева печально сидит, праздный держа черепок.
 Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
 Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Анализ ХТ начинается с внимательного чтения. Мы обнаруживаем, что стихотворение, представляющее собой описание статуи в царскосельском парке, очень динамично: оно насыщено глаголами и деепричастиями (четыре и три). При этом только первые действия, обозначенные деепричастием *уронив* и глаголом *разбила* в форме совершенного вида, закончены, а форма несовершенного вида остальных глаголов и деепричастий (*сидит, держа, не сякнет, изливаясь*), вместе с лексемами *вечной, вечно*, подчёркивает вневременное состояние.

Лексический комментарий представляет собой выяснение значений непонятных слов. Их значение выясняется по словарю В.И. Даля.

Царское Село — бывшая загородная резиденция российских императоров с огромным парком, украшенным скульптурами.

Урна — ваза, кувшин, в котором древние хранили прах умерших, зд. кувшин для воды.

Утёс — перен. каменный берег.

Праздный — устар. ненужный.

Черепок — обломок разбитой посуды.

Не сякнет — устар. не истощается; сочась, не иссыхает.

Изливаясь — вытекающая, истекающая.

Грамматический комментарий.

Текст состоит из двух простых двусоставных предложений, осложнённых деепричастными оборотами и одного сложного. Вторая часть сложного предложения осложнена обособленным уточнением (*над вечной струей*). Порядок слов в предложениях в основном прямой. Однако в третьем предложении на первое место вынесено восклицание, передающее крайнюю степень изумления (*Чудо!*), и порядок слов в этом предложении обратный (*не сякнет вода*), служащий демонстрацией непрерывности, бесконечности действия. В деепричастном обороте второго предложения на первое место поставлено определение *праздный*, т.е. 'ненужный', чтобы подчеркнуть драматизм происходящего.

Культурно-исторический комментарий.

Данное стихотворение написано поэтом в 1830 году, т.е. спустя много лет после окончания Лицея.

Интересно, что описание статуи имеет характер повествования. Поэт как бы присутствует при этом событии от самого начала. Перед нами не скульптура, а действие, жизнь, которая, даже застыв, продолжается (на это указывает несовершенный вид глаголов и деепричастий).

Жанрово-композиционная структура текста.

Стихотворение представляет собой тетраметр, построенный по законам повествования: зачин, развёртывание мысли и концовка. Первый стих — зачин, в котором сформулирована тема. Поэтому в этом стихе используются формы совершенного вида. Второй и третий стихи — развёртывание мысли в настоящем времени. Четвёртый стих — концовка, подводящая промежуточный итог развитию действия, т.к. используются формы несовершенного вида глагола.

Изобразительные средства, раскрывающие идею текста.

К данным средствам относится порядок слов в предложениях, использование формы несовершенного вида в качестве преобладающей и возвышенная лексика, упомянутая в лексическом комментарии. Всё это в сочетании с хореем, которым написано четверостишие, придаёт стихотворению философскую глубину: движение, жизнь бесконечны, поэтому не стоит печалиться о разбитом кувшине, символе невозвратимого прошлого, иначе можно застыть навечно.

Итак, мы рассмотрели на практике методику работы с текстом, предложенную Л.А. Новиковым. Данная методика позволяет, на наш взгляд, привить обучающимся навыки внимательного чтения и самостоятельной интерпретации текста. В данной методике присутствует и языковой комментарий, и работа с историко-культурным материалом, и анализ жанрово-композиционной структуры произведения, и трактовка изобразительных средств языка произведения в их связи с идеей и композицией произведения.

В тоже время следует заметить, что важным представляется проверка пригодности всех перечисленных алгоритмов для обучения анализу ХТ. Мы предполагаем, что, если алгоритмы верны, то результаты анализа будут сходными, какую бы методику мы ни избрали. Данный тезис требует проверки коллективом исследователей.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2003. 496 с.
2. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
3. Пушкин, А.С. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. 735 с.
4. Скворецкая, Е.В. Языковая организация текста (Учебные материалы). Новосибирск, 2002. 268 с.

References

1. Babenko L.G. Linguistic analysis of the art text. Theory and practice: Textbook; Practical work. Moscow, 2003. 496 p.
2. Novikov L.A. Art text and its analysis. 2nd edition, corrected. Moscow, 2003. 304 p.
3. Pushkin A.S. Works in 3 vol. Vol. 1. Poems; Fairy tales; Ruslan and Lyudmila: Poem. Moscow, 1985. 735 p.
4. Skvoretzkaya E.V. Language organization of the text (Training materials). Novosibirsk, 2002. 268 p.

УДК 458.49

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
преп. кафедры русского языка, канд. филол. наук
Корнев В.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79092160771;
e-mail: vkornev48@yandex.ru*

*Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
The chair of Russian language
PhD, lecturer
Kornev V. A.
Russia, Voronezh, tel. +79092160771;
e-mail: vkornev48@yandex.ru*

В.А. Корнев

ОСОБЕННОСТИ СТЕРЕОТИПОВ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Задачей данной работы является сравнительное исследование стереотипов речевого поведения детей младшего школьного возраста в английском и русском языках с позиций современной психолингвистики.

Ключевые слова: стереотипы речевого поведения, дети младшего школьного возраста, использование стереотипов в речевой деятельности, психолингвистика.

V.A. Kornev

THE PECULIARITIES OF STEREOTYPES OF CHILDREN'S VERBAL BEHAVIOR IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The target of this work is comparative study of stereotypical speech behavior of children of primary school age in English and Russian languages from the standpoint of modern psycholinguistics.

Key words: stereotypes of speech behaviour, children of primary school age, the use of stereotypes in speech, psycholinguistics.

Одной из наиболее общих проблем лингводидактики является вопрос возможностей повышения лексико-стилистической культуры речи на начальной ступени обучения языку.

В этом плане существенный интерес представляют стереотипы общения – социокультурно маркированные единицы языка, реализуемые в речевом общении в виде определённой выраженной в речи ассоциации со стандартной в данной культуре ситуацией общения – в связи с тем, что эти предсказуемые типические конструкции несут на себе отпечаток особенностей речевого поведения, которое требует социальной регуляции. С теоретической точки зрения было бы полезно классифицировать хотя бы наиболее частотные из них.

Интерес лингвистов к детской речи в последние годы медленно, но неуклонно возрастает. Научная общественность признала правоту В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, А.А. Реформатского, призывавших к изучению этого феномена. Для лингвиста детская речь, по выражению А.М. Шахнаровича, представляет своего рода полигон, на котором проходят проверку существующие лингвистические теории и специально создаваемые концепции речевого онтогенеза [1; с. 17]. «Заслугой советской психологической школы в области изучения детской речи по праву считается положение о том, что овладение значениями слов в онтогенезе представляет собой длительный процесс, в течение которого семантическая структура детского слова подгоняется под структуру взрослого. Мысль о том, что в онтогенезе значение слова не остаётся неизменным и перестраивает свои компоненты, является, по мнению А.Р. Лурия, одним из важнейших открытий советской психологии» [1; с. 4].

Собственно лингвистическое изучение детской речи началось в психолингвистике

развития, рассматривающей детскую речь как речевую деятельность, которой свойственно употребление специфических средств речевого общения. Основные особенности языковых средств детской речи – это детерминизм формы языковых знаков, большее, по сравнению с речью взрослых, число звукоподражаний и изобразительных слов, употребление нерегулярных форм по регулярным моделям, окказиональное словообразование, диффузность употребления лексем, случайности обобщения при номинации. «Факт ситуативной связанности детской речи на раннем её этапе общеизвестен. Содержание речи в этом случае понятно собеседнику лишь при знании и учёте им той ситуации, о которой рассказывает ребёнок, при учёте мимики, жестикюляции, интонации и т.д. Речь здесь ещё не отделена от неречевого поведения...» [6; с. 315].

Детской речи свойствен своеобразный синтаксис. На ранних этапах наиболее употребительны однословные предложения, которые вместе с жестом, мимикой и интонацией оказываются достаточными для полного выражения необходимого содержания, двусловные предложения – следующая ступень развития синтаксиса – знаменуют появление выраженного словесно предиката, а также появление умений ребенка программировать высказывание.

Психолингвистический подход к изучению детской речи позволил решить вопрос о главных закономерностях её развития: формировании грамматических и семантических обобщений в процессе предметной деятельности и общения, а также формировании на этой основе языковой способности – иерархически организованной системы элементов и правил их функционального использования. Компоненты языковой способности – фонетический, лексический, грамматический, семантический – соответствуют определенным уровням языка, но не тождественны им, они представляют собой результат отражения и обобщения соответствующих единиц языка и правил их функционирования.

Ребенок осваивает сложные операции покомпонентно, временно делая какой-то компонент основным, точнее, единственным способом создания данного типа предложения. В английском языке, например, вопрос и отрицание передаются не только интонацией, но и грамматическими средствами, причём по достаточно разветвлённой системе правил. Развитие этой системы правил, вернее, достижение ее ребенком происходит приблизительно следующим образом: сначала ребенок вообще замечает, что для создания вопроса нужно что-то сделать. Он видит, что в некоторых вопросительных предложениях перестраивается порядок слов: сказуемое ставится перед подлежащим. Ребенок обобщает это правило и начинает поступать так во всех случаях (хотя взрослые делают это лишь с очень немногими глаголами). Затем происходит овладение вопросительными словами (*кто? что?* и т. п.), они ставятся на первое место, а умение менять местами глагол и существительное на время пропадает.

Умение выполнять лишь одну синтаксическую операцию на определенном уровне языкового развития проявляется не только при создании собственных высказываний, но и при имитации готовых высказываний взрослых. Во многих случаях ребенок правильно повторяет лишь ту синтаксическую конструкцию, которую он в состоянии построить сам. Если же он этого не может, то при повторении высказывания он искажает его, «подводя» под «работающую» в данный момент собственную синтаксическую систему. Вот что пишет, например, Урсула Беллуджи-Клима по поводу эксперимента, в котором дети должны были повторить за экспериментатором вопросительные предложения в утвердительной и отрицательной формах: «В ответах во всех утвердительных предложениях операция инверсии была выполнена, а во всех отрицательных – нет. Это согласуется с предположением о том, что существует предел допустимой сложности на каждом этапе развития» [9; с. 152].

Ошибки такого рода имеют место и на фонетическом уровне. «Звуки детской речи, как показали исследования, не всегда укладываются в систему взрослого языка, но... они образуют свою собственную, строго упорядоченную систему». Вот несколько образцов произношения ребёнка, записанных американской исследовательницей Велтен [5; с. 20]:

Слово взрослого	Слово ребёнка
bad	ba[t]
cat	[d]at
cap	[d]ap
Lamp	[b]a[.]p

Ребёнок ещё до школы владеет значительным багажом языковых средств и довольно свободно распоряжается ими. Обогащение речи словами и оборотами происходит в процессе наблюдений за природой и трудом людей, общения друг с другом и бесед с учителем, классного и внеклассного чтения, под влиянием речи учителя, чтения учебников и т.п., в процессе обогащения их всё новыми и новыми представлениями и понятиями. На этом же уровне идёт и развитие связной (контекстной) речи.

Дети не понимают значения употребляемых ими слов: «Да и вот так сделали, как будто *фонтан идёт*; Мы с девочками... *рассказывали стишки друг другу*» [3; с. 38].

Ошибки в порядке слов дети допускают и при ответах на вопросы, и при пересказе прочитанного, и при решении задач, и при передаче своих впечатлений, т.е. во всех случаях, когда им приходится выражать свои мысли. Хотя при ответах на вопросы форма вопроса уже сама по себе подсказывает нужный порядок слов в ответе, «учащиеся как I, так и II класса недостаточно владеют умением правильно располагать слова в простом предложении» [8; с. 98].

На уровне словоизменения «в английском языке есть правильные и неправильные глаголы, в большинстве форм которых в прошедшем времени трудно найти сколько-нибудь систематические закономерности. Как только ребёнок открывает какое-либо правило (часто в самом общем виде), оно начинает доминировать в создании речевой продукции вопреки тому, что ребёнок слышит от взрослых, вопреки речевой реальности. Ребёнок на этом этапе не признаёт исключений: он открыл правило и желает действовать в соответствии с этим правилом во всех теоретически возможных случаях его применения. Например, английские дети до какого-то возраста правильно употребляют формы неправильных глаголов в прошедшем времени... И вдруг наступает момент, когда ребёнок начинает заменять эти формы другими, образованными по регулярной модели, по правилу. То же происходит и с русскими детьми, которые начинают говорить ‘зажгал’ свет вместо ‘зажг’ свет» [5; с. 39].

В речи детей имеет место так называемая *shifted reference* («сдвинутая» референция) – феномен расширения, или, напротив, сужения значения слова в детской речи и сверхгенерализация / регуляризация – широко распространённое в детской речи явление, заключающееся в расширении сферы использования языковой единицы: все животные – «аф» / *woof* (собака); все транспортные средства – *broom*.

Кроме того, «в автобиографических произведениях о детстве отмечены многочисленные случаи членения непонятного маленькому герою высказывания на компоненты, которые интерпретируются по аналогии с уже усвоенными словами, формами, сочетаниями и предложениями, построенными по определённым моделям» [5; с. 146]: *флюгеране шумят* (вместо «флюгера не шумят»), *закупит качкачий бой* (вместо «за кибиткой кочевой»), *дарвалдая* (вместо «дар Валдая» – как деепричастие от «дарвал-дать») и т.п.

В английском языке *sociable* вместо *social*, *indiscriminating* вместо *incriminating*, *septic* вместо *sceptic*, *Roadrickeys* вместо *Rodriguez* (испанское имя) [7; p. 191], *corporeality* (*corporeal* + *reality*) и т.п. [7; p. 251]. Или, наоборот, разложение на переосмысленные компоненты: *S.Q. Lapius* вместо *Aesculapius* [7; p. 90], *Prax Italis* вместо *Praxiteles* [33; p. 112], *Benny Veedus* вместо *Benevides* [7; p. 137].

Для детского речевого поведения характерны также такие явления, как инфантильность речи, деформация словосочетаний (например, изменение традиционного следования порядка компонентов), редукция управляемого слова, конкретизация переносного значения и др.

Предпосылками классификации употребления речевых стереотипов детьми могут послужить следующие наблюдения.

Среди стереотипов речи англоязычных литературных персонажей-детей встречаются семантически пустые стереотипизированные формулы, например:

“Smarty! You think you’re some, now, don’t you? Oh, what a hat!” [11; p. 30].

– Ишь, вырядился! Подумаешь, какой важный! Ещё и в шляпе! [4; с. 13].

“O yes – I’ve seen whole families in the same fix” [11; p. 30].

– Ну да – видали мы таких [4; с. 13].

И так далее.

Другая группа стереотипов выполняет функцию отрицательной оценки, нанесения оскорбления:

“What’s your name?” “Tisn’t any of your business, maybe” [11; p. 30].

– Как тебя зовут? – Не твоё дело! [4; с. 13].

“You’re a coward and a pup” [11; p. 31].

– Ты трус и щенок [4; с. 14].

И другие.

Часть стереотипов в английской детской речи представляет собой формулы демонстрации силы:

“...he can thrash you with his little finger...” [11; p. 31].

– Он тебя одним мизинцем поборот [32; с. 14].

“Then I’ll whop yer when I get in,” said the voice; “y just see if I don’t, that’s all, my work’us brat!” [10; p. 56].

– Ну так я тебя вздую, как только войду, – сообщил голос, – помяни моё слово, приходской щенок [2; с. 41].

В речи детей с родным английским языком, как и в речи взрослых, широко распространены стереотипы с национальной спецификой:

“Holler nuff!” said he [11; p. 31].

– Проси пощады! – сказал он [4; с. 15].

“Ben, I’d like to, honest injun...” [11; p. 37].

– Бен, я бы с радостью, честное индейское... [4; с. 19].

Отношение детей к «взрослым» стереотипам проявляется в следующих примерах:

“Boy”, said the gentelman in the high chair, “listen to me. You know you’re an orphan, I suppose?”

“What’s that, sir?” inquired poor Oliver [10; p. 33].

– Мальчик, – сказал джентльмен в высоком кресле, – слушай меня. – Полагаю, тебе известно, что ты сирота?

– Что это такое, сэръ? – спросил бедный Оливер [2; с. 22]

“...What’s the name of the gal?”

“It ain’t a gal at all – it’s a girl” [11; p. 173].

– А как эту девчонку зовут?

– Она вовсе не девчонка, а девочка [4; с. 137].

Изложенное выше подводит нас к выводу о том что, с одной стороны, когда ребёнок овладевает родным языком, слова поступают в его сознание в хаотическом, с точки зрения лингвиста, порядке. В таком накоплении словаря единственная логика – логика общения, которой мы не можем следовать в искусственном обучении. С другой сторо-

ны, высокая степень стереотипизации используемой в ходе повседневного общения разговорной речи (во многих исследованиях языка матери, в частности, указывается на высокую повторяемость высказываний) не позволяет игнорировать стереотипы речевого поведения в процессе обучения как родному, так и иностранному языку. Изучению стереотипов, как в научном, так и в лингводидактическом плане, несомненно, следует уделять большее внимание.

Библиографический список

1. Детская речь: проблемы и наблюдения. Л.: ЛГПИ, 1989. 210 с.
2. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста. М., 1956. 390 с.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
4. Марк Твен. Избранные романы в двух томах. Том 1. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. М.: Художественная литература, 1973. 472 с.
5. Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М.: Наука. 1981. 240 с.
6. Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 239 с.
7. О. Генри. Избранные произведения в 3-х кн. «Благородный жулик» / Пер. с англ. М.: Глагол, Голос, 1993. 416 с.
8. Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики. Тбилиси: Мецниере, 1982. 163 с.
9. Структуры языкового сознания. М.: Наука, 1990. 326 с.
10. Dickens Ch. Oliver Twist / Afterword by E. Le Comte. New York; New American Library, 1980. 494 p.
11. Twain Mark. The Adventures of Tom Sawyer / The Adventures of Huckelberry Finn. M., Foreign Languages Publishing Yjuse, 1956. 588 p.

References

1. Children's speech problems and observations. L.: Herzen State Pedagogical University, 1989. 210 p.
2. Dickens Ch. The Adventures Of Oliver Twist. Moscow, 1956. 390 p.
3. Zhinkin N.I. The speech as a conduit of information. Moscow 1982. 159 p.
4. Mark Twain. Selected novels in two volumes. Volume 1. The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn. Moscow, 1973. 472 p.
5. Negnevitsky E.I., Shakhnarovich A.M. Language and children. Moscow, 1981. 240 p.
6. Optimization of speech influence. Moscow, 1990. 239 p.
7. O. Henry. Selected works in 3 vol. "A noble rogue" / Transl. Engl. Moscow, 1993. 416 p.
8. Psychology of speech and some questions of psycholinguistics. Tbilisi, 1982. 163 p.
9. Patterns of linguistic consciousness. Moscow, 1990. 326 p.
10. Dickens Ch. Oliver Twist / Afterword by E. Le Comte. New York; New American Library, 1980. 494 p.
11. Twain Mark. The Adventures of Tom Sawyer / The Adventures of Huckelberry Finn. Moscow, Foreign Languages Publishing Yjuse, 1956. 588 p.

УДК 801.2

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка
Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-910-342-01-53
e-mail:retaleo@mail.ru*

*Military Air Academy named after professor
N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin
The chair of Russian language,
PhD, associate professor
Revyakina T.L.
Russia, Voronezh, tel. 8-910-342-01-53
e-mail:retaleo@mail.ru*

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Квонг Сай Ван (Вьетнам)
Россия, г. Воронеж*

*Military Air Academy named after professor
N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin
Kwong Sai Wan (Vietnam)
Russia, Voronezh*

Т.Л. Ревякина, К. Сай Ван

ЛЕКСИКА РУССКОГО И ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКОВ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются особенности употребления лексических единиц в русском и вьетнамском языках в зависимости от ситуации и цели общения. Подчеркивается, что для русского языка характерна стилистическая дифференциация словарного состава. Выделяется нейтральная и стилистически окрашенная лексика.

Ключевые слова: стилистическая дифференциация, языковые средства, лексика, функциональный стиль, русский язык, вьетнамский язык.

T.L. Revyakina, K. Sai Wan

RUSSIAN AND VIETNAMESE LEXICS IN THE ASPECT OF STYLISTICS

The article deals with the lexical units in Russian and Vietnamese depending on the situation and purpose of communication. It is emphasized that the Russian language is characterized by stylistic differentiation of the vocabulary. Neutral and stylistically coloured vocabulary is noted.

Key words: stylistic differentiation, language features, vocabulary, functional style, Russian language, Vietnamese language.

Актуальность данной темы заключается в том, что знание закономерностей стилистического расслоения словарного состава любого языка является необходимым условием развития современной языковой личности.

Употребление слова зависит от языковых и неязыковых условий, от истории народа и изменения этой истории, связано с его многозначностью, способностью к синонимии и антонимии, связано с образностью слова, степени его общеизвестности или ограниченной известности. Один смысл слова, одно понятие в различных речевых ситуациях передается синонимами с разной стилистической окраской. При этом стилистика регулирует выбор и употребление слова, семантика которого соответствует конкретной ситуации речевого общения [1].

Ситуация общения связана с определенными видами человеческой деятельности (быт, право, политика, наука, искусство), в соответствии с которыми формируются разные коммуникативные намерения говорящих и складываются функциональные стили в языке.

Функциональный стиль – это функционально обусловленная совокупность языковых средств, исторически сложившаяся в определенной сфере общественной деятельности. Функциональный стиль характеризуется определенным кругом тем и набором

языковых средств. В современном русском языке выделяют пять функциональных стилей: официально-деловой, научный, газетно-публицистический, разговорный, стиль художественной литературы.

Каждый функциональный стиль представляет собой систему с характерными фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, подчиненными выполнению какой-либо коммуникативной задачи (общение, сообщение, воздействие). Знание особенностей стиля позволяет выбирать такой речевой вариант, который наиболее целесообразен и уместен для конкретной ситуации общения, так как в лексике и в грамматической структуре любого предложения заложена информация о социальных ролях говорящего, его эмоциональном состоянии и отношениях с окружающими. Следовательно, определенный функциональный стиль требует «своих» языковых средств выражения и определенного способа их организации.

Для русского языка характерна стилистическая дифференциация словарного состава. Выделяют нейтральную и стилистически окрашенную лексику. На фоне нейтральной лексики, которую также называют общеупотребительной, есть разговорная, научная, официально-деловая, газетно-публицистическая. В зависимости от цели и темы высказывания выбираются необходимые в данной ситуации слова. При этом необходимо помнить о том, чтобы выбор стилистически окрашенных слов был оправданным, чтобы используемые языковые средства принадлежали к определенному функциональному стилю. В противном случае в тексте может возникнуть двусмысленность, информация может быть истолкована неправильно, что будет свидетельствовать о низком уровне речевой культуры.

На практике нередко наблюдается смешение стилей. Особенно часто это происходит в публицистике, разговорной речи и в художественной литературе [2]. Чтобы понять степень допустимости использования разных проявлений языка, нужно хорошо знать нормы и качественные характеристики каждого функционального стиля.

Книжная лексика используется в сфере строго нормированной литературной, главным образом, письменной речи: в художественных, публицистических и научных произведениях, официальных бумагах и деловых документах. Книжный стиль включает три подстиля: официально-деловой, научный и публицистический, каждый из которых характеризуется специфическим составом лексики.

Официально-деловой стиль отличается предельной стандартизацией и унификацией языковых средств, максимальной конкретностью и точностью форм выражения и устойчивостью жанровой тематики (канцелярских, документальных, протоколно-дипломатических, законодательных форм). В связи с этим в этой группе выделяются различные лексико-семантические группы слов. Так, для канцелярско-деловой группы слов типичны клише, т.е. стандартизированное выражение мыслей: нижеследующий, вышестоящий, предоставить отпуск, согласно распоряжению, надлежащие меры, проживать по адресу и т.п.

Научный стиль включает слова, относящиеся к различным областям знания: как гуманитарным, так и техническим. Сюда относятся термины общих и частных терминологических систем, а также некоторые профессионализмы (т.е. значительная часть специальной лексики): перистые облака, роза ветров, антициклон (метеорология); препозиция, транскрипция, семантика, метонимия (лингвистика). В научном стиле часто употребляются слова с абстрактным значением: аргументация, системность, взаимодействие, внедрение, допущение, координация, развитие и т.п.

Публицистический стиль реализуется в публицистических произведениях: газетных и журнальных статьях, очерках, фельетонах, обзорах, интервью. Он характерен как для письменной, так и устной форм речи. Лексика этого стиля неоднородна. В ней можно выделить несколько групп слов: а) слова, имеющие общественно-политическое значение: благосостояние, гражданственность, гуманизм, демократия, мировоззрение; б) слова, характеризующиеся особой возвышенностью и торжественностью (помета высок.), многие из них имеют старославянское происхождение: трибун, возмездие, воинство, всемогущий, грядущий, дерзание, кара, неотвратимый, свершение, твердыня и др.

Лексика книжных стилей неоднородна. В ней выделяется несколько лексико-стилевых разновидностей: официально-деловая, научная, газетно-публицистическая, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на дополнительные подгруппы. К книжной примыкает и лексика языка художественной литературы. Выделение подобных стилиевых разновидностей обусловлено выполнением одной (или одновременно нескольких) из основных социально-значимых функций языка: общения, сообщения и воздействия.

Каждый из трех книжных функциональных стилей характеризуется различительными, стилеобразующими признаками, которые во многом определяют особенности языка вообще и лексико-семантической системы, в частности.

Разговорная речь – это особая функциональная разновидность литературного языка, которая используется для неофициального, повседневного общения в разных сферах деятельности. Разговорная речь – речь некодифицированная, ей свойственны неподготовленность, импровизация, конкретность. В разговорной речи доминирует бытовая тематика. Разговорный стиль не всегда требует строгой логики, последовательности изложения. Но для него характерны выразительность, эмоциональность, образность, наличие субъективной оценки, простота, а иногда даже некоторая фамильярность тона.

Употребление нелитературной лексики (жаргонизмов, вульгаризмов, бранных слов) – это не нормативное явление разговорной речи, а нарушение норм [3].

Вьетнамский язык относится к вьетмыонгской ветви аустроазиатской языковой семьи. Вьетнамский язык – официальный язык Социалистической Республики Вьетнам. На вьетнамском языке разговаривает более 86 процентов населения Вьетнама – это примерно 72 миллиона человек по данным 2005 года. Вьетнамский язык также получил распространение в Камбодже (680 тысяч человек), Лаосе (20 тысяч), Таиланде (100 тысяч), США (около миллиона), Австралии, Франции, Канаде.

До конца 19-го века вьетнамский язык существовал в большой степени как язык бытового общения и художественной литературы. Во II–I веках до нашей эры территория современного Вьетнама была покорена китайцами и находилась под их господством до 10-го века, поэтому логично, что на протяжении веков именно китайский язык обслуживал официальную сторону жизни во Вьетнаме, а китайская письменность была основным инструментом создания документов.

Самостоятельный литературный вьетнамский язык возникает фактически в конце XVII века, когда французский монах-иезуит Александр де Род разработал вьетнамский алфавит на основе латиницы, где тоны обозначались диакритическими значками (позже алфавит получил название *quốc ngữ* – национальное письмо). Во второй половине XIX века, чтобы ослабить традиционное влияние на Вьетнам китайского языка и культуры, французская колониальная администрация всячески способствовала развитию вьетнамского языка. Учитывая простоту в использовании по сравнению с иероглифическим письмом, к 1910 году *quốc ngữ* был назван официальной письменностью Вьетнама.

Современный литературный вьетнамский язык опирается на ханойский говор северного диалекта. В тоже время письменная форма литературного языка базируется на звуковом составе центрального диалекта и тональной схеме северного диалекта. В письменной речи каждый слог отделяется пробелом [4].

Во вьетнамском языке не определена стилистическая дифференциация лексики, как и в русском языке (научный стиль, официально-деловой стиль и т.д.). На вьетнамском языке разговорные, книжные слова, выражения, предложения используются почти одинаково. Поэтому во вьетнамском языке актуальнее рассматривать диалекты, грамматику.

Выделяют четыре основные диалектальные области: Намбо (южная часть Вьетнама), Бакбо (северная часть Вьетнама), север Чунгбо (центральная часть Вьетнама), юг Чунгбо. Слова не только произносятся по-разному. Один и тот же предмет может называться одним словом на севере и совсем другим – на юге. Например, в Ханое «вилка» – *dĩa*, а в Хошимине – *ngà*. Перед выполнением перевода всегда нужно уточнять, с каким диалектом вы имеете дело. Стоит, однако, заметить, что при всех диалектальных отличиях существует понятие современного литературного вьетнамского языка, который соответствует ханойскому говору северного диалекта.

Вьетнамский язык – это язык тоновый. В нем шесть тонов: высокий ровный, нисходящий плавный (или падающий), нисходяще-восходящий (остро-вопросительный), восходяще-нисходящий (вопросительный), восходящий, резко нисходящий (тяжелый). Вьетнамский язык – это язык моносиллабический: границы морфем (или корней) обычно совпадают с границами слога.

Вьетнамский язык – язык изолирующий. Это означает, что грамматические отношения выражаются преимущественно порядком слов и служебными словами.

Части речи во вьетнамском языке не изменяются ни по падежам, ни по лицам, ни по числам. Слова здесь просто не изменяются.

Для образования сравнительной степени прилагательного используется специальная служебная частица: *dep* – красивый, *dep han* – красивее. Подобным же образом образуются глагольные времена: перед глаголом употребляется частица – показатель настоящего, прошедшего или будущего времени: *viet* – писать, *da viet* – писал, *dang viet* – пишу, *se viet* – буду писать. И не думайте об английском с его сложной системой времен или французском с его артиклями женского и мужского рода.

В результате долговременного китайского влияния на Вьетнам большая часть вьетнамской лексики в сфере науки и политики заимствована из китайского языка. До 70 процентов всех слов современного вьетнамского языка имеют китайские корни. Хотя многие из них являются составными и включают исконно вьетнамские слова и китайские заимствования. Большая часть корней заимствована также из тайского языка, что позволило некоторое время назад выдвинуть теорию о родстве вьетнамского и тайского языков. В результате французской колонизации немалая доля слов вьетнамского языка имеет французские корни. Оставили также след во вьетнамском английский и русский языки.

Поскольку во вьетнамском языке используется латинский алфавит, при заимствовании слов из английского, французского и других романских языков нет необходимости переписывать их на катакана (как в японском) или искать похожие по звучанию иероглифы, как поступают в китайском языке. Тем не менее вьетнамский язык выработал собственную систему адаптации иностранных слов к принципам звучания вьетнамского языка. Например: *film* – фильм (англ.), *cafe 'coffee'* – кофе (фр.), *carotte 'carrot'* – морковь (фр.)

Таким образом, для русского языка характерна стилистическая дифференциация словарного состава. Выделяют нейтральную и стилистически окрашенную лексику. На фоне нейтральной лексики, которую также называют общеупотребительной, есть разговорная, научная, официально-деловая, газетно-публицистическая. В зависимости от цели и темы высказывания выбираются необходимые в данной ситуации слова. При этом необходимо помнить о том, чтобы используемые языковые средства принадлежали к определенному функциональному стилю. В противном случае в тексте может возникнуть двусмысленность, информация может быть истолкована неправильно, что будет свидетельствовать о низком уровне речевой культуры.

Во вьетнамском языке, в отличие от русского, не определена стилистическая дифференциация лексики.

Библиографический список

1. Бердичевский А.Л., Соловьева Н.Н. Русский язык: сферы общения: Учебное пособие для студентов-иностранцев. М., 2002. 432 с.
2. Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура русской речи. М., 2000. 345 с.
3. Фомина Н.И. Современный русский язык: лексикология. СПб, 2001. 287 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 248 с.

References

1. Berdichevsky A.L., Solovyeva N.N. Russian language: communication: textbook for foreign students. Moscow, 2002. 432 p.
2. Belchikov J.A. Stylistics and culture of Russian speech. Moscow, 2000. 345 p.
3. Fomin N.I. Modern Russian language: lexicology. St.-Petersburg, 2001. 287 p.
4. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow, 2000. 248 p.

УДК 882

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
доц. филологического факультета
Яценко И.И.
Россия, г. Москва, тел. +7(495) 9391592;
e-mail: irinayat@mail.ru*

*Lomonosov Moscow State University
Associate Professor of the Faculty of
Philology
Yatsenko I.I.
Russia, Moscow, tel. +7(495) 9391592;
e-mail: irinayat@mail.ru*

И.И. Яценко

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА
КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О СТРАНЕ
(В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)**

В статье рассматривается проблема взаимосвязи литературы, истории и других сведений о России в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: современная русская литература, русский язык как иностранный.

I.I. Yatsenko

**MODERN RUSSIAN PROSE AS A SOURCE OF THE KNOWLEDGE
ABOUT THE COUNTRY
(IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE)**

The article is devoted to analysis of literature, history and other information about Russia in their interrelation in the process of teaching Russian as a foreign language.

Key words: modern Russian literature, Russian as a foreign language.

Одним из ведущих мотивов интереса иностранных учащихся к чтению литературных текстов в процессе овладения ими русским/иностраным языком является их (текстов) страноведческая информативность. Русская история, культура, национально обусловленные формы мышления и поведения людей, русский речевой этикет и способы невербальной коммуникации – все это находит воплощение в художественной литературе. Желание иностранных учащихся понять сегодняшнюю Россию и россиян стимулирует их интерес в новейшей русской прозе.

Чтобы ответить на вопрос о роли современной русской литературы в создании образа России, необходимо прежде всего проанализировать темы, идеи, привлекающие писателей, и, соответственно, стоящие за ними реалии.

Новейшая литература на русском языке – это литература постсоветского времени. В ней явно выделяются два периода. Первый – литература 90-х годов, второй – литература начала XXI века.

Русская проза 90-х годов была совершенно очевидно ориентирована на выяснение отношений с недавним советским прошлым. В этот период, начало которого ознаменовалось отменой цензуры и, как следствие, снятием всех барьеров, ограничивавших творчество деятелей искусства в СССР, писатели обрели небывалую свободу. Сдерживающим фактором стал только внутренний самоконтроль автора (не всегда и не всем, к сожалению, эта самоцензура удавалась).

Творческий импульс писателям 90-х годов дают реалии советского времени. Писатели охотно играют с советскими идеологемами, разоблачают советские мифы. То, что еще недавно было неприкосновенно, сакрально, в литературе 90-х годов становится объектом иронии (В. Пьецух, Л. Петрушевская), пародирования (В. Ерофеев, Е. Попов,

В. Пелевин) и иногда даже откровенной издевки (Вл. Сорокин). Писателям 90-х годов удается показать, насколько официальная советская идеология деформировала сознание людей: рабочий-алкоголик считает себя вполне способным разработать план скорого выхода России из экономического кризиса, он же дает любопытное, «фольклорное», толкование текущего исторического момента (герой рассказа В. Пьецуха «Я и перестройка»); писатель-интеллигент показан как человек не лишенный идеалов, однако он признает в себе чувство страха и зависимости от людей, наделенных властью (В. Ерофеев, рассказ Белый кастрированный кот с глазами красавицы»). Советский человек, который был воспет официальным искусством (в том числе, и литературой), на самом деле не «так вольно дышит», как поется в известной песне В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского. Даже когда он не испытывает политического давления системы, он отнюдь не свободен. Он задавлен бытом, скудным, серым, однообразным. Изломанность судеб (особенно женских) под воздействием быта приводит героев к деградации, очерствению души: героиня рассказа Л. Петрушевской «Шопен и Мендельсон» поражается тонкости своего слуха («ну и слух у меня» - лейтмотив рассказа), раздражаясь при этом музицированию за стеной старичков соседей и не задумываясь о происхождении тонкого писка (это умирающий старичок пытался звать на помощь). Тонкость слуха физического и абсолютная душевная глухота. Но героиня Петрушевской вызывает не столько осуждение читателя, сколько сочувствие: все обстоятельства ее жизни говорят о невозможности осуществления самых обычных ее желаний.

Литература 90-х годов позволяет проследить все этапы советской истории, особенно сталинский ее период и то, как «оухамели и оборзели почти на целое столетие, как глумились, как выкамаривались, как мучили людей» (Евг. Попов, рассказ «Феномен»). Не обходит эта литература и тему судьбы художника в тоталитарном обществе (рассказ Ю. Ковалея «Чайник»). Итог литературы 90-х годов – разрушение советского мифа о счастье человека, рожденного в советской стране. Учебный анализ художественных текстов этого периода позволяет реконструировать и осмысливать советский период российской истории.

Однако наступает новый век, тысячелетие – и в русскую литературу стремительно врывается новое поколение писателей, детство и юность которых пришлось на непростые 90-е годы. Это такие авторы, как З. Прилепин, М. Кучерская, А. Геласимов, Д. Быков, М. Степнова, Е. Гришковец, А. Иванов, Р. Сенчин, С. Шаргунов и другие. Для них советское ушло в историю. Они пытаются понять самих себя, свое место в истории. И если они и дают оценку прошлому, то только в контексте оценки своей собственной судьбы. Герои этих писателей в хорошем смысле эгоцентричны: они сфокусированы на собственных чувствах, переживаниях, надеждах и разочарованиях.

Создавая портрет героя времени, сегодняшние авторы не могут не показывать и ту действительность, которая порождает изображаемые ими характеры. Эта действительность часто неприглядна, но именно она определяет мироощущение человека, который становится героем литературных текстов. Например, что формирует судьбу Виктора Служкина, учителя географии из романа А. Иванова «Географ глобус пропил»? Невозможность реализоваться, потерянности в духоте провинциального города, внутреннее одиночество.

А вот драматичная, берящая душу читателя судьба Саша Тишина из романа З. Прилепина «Санька». Движимый идеей сделать мир честным и справедливым, он приезжает в Москву и участвует в деятельности экстремистской патриотической организации. Что подталкивает юного паренька оставить дом и погрузиться в среду национал-большевиков? Осознание несправедливого устройства мира, где сосуществуют заброшенная, забытая, убогая русская деревня и дорогой автомобиль, принадлежащий ровеснику героя. Герой Прилепина идет и гибнет за идею «русским должны все, русские не должны никому», даже не догадываясь о бессмысленности и ненужности своего жертвоприношения. Виктор Служкин и Саша Тишин – герои очень разные и по социальному статусу, и интеллектуально, но демонстрируют они, по существу, одну идею: человеку, причем молодому человеку, который больше расположен к оптимистическому восприятию жизни, в этом мире некомфортно, одиноко. И эти герои, как

истинные романтики, бегут от него. Один – в алкоголь, другой – в страшную красно-коричневую идеологию.

Жесткий реализм Писателя Романа Сенчина тоже изображает героев из русской провинции, которых можно условно называть «потерянным поколением». Его героями могут быть и друзья, бывшие художники, в представлении которых красивая жизнь – это алкоголь, проститутки и наркотики (рассказ «Афинские ночи»), или писатель, по имени Роман Сенчин (не случайно Сенчина называют мастером автопсихологической прозы), из рассказа «Праздник», – всем им свойственны депрессия, тоска, беспокойство, страх, отчаяние, порожденные безденежьем, нищетой, отсутствием жизненных перспектив или творческим застоём.

Однако Р.Сенчин, как и другие его собратья по цеху, способен быть тонким лириком, ему доступна доверительная, проникающая в душу читателя интонация (см., например, роман «Зона затопления», где пронзительно изображено прощание стариков с родной деревней, которая по плану попадает в зону затопления).

Широкий диапазон изображения отечественной действительности представляет и З. Прилепин в романе «Обитель», за который он заслуженно получил в 2014 г. премию «Большая книга». Этот роман воссоздает историю Соловецкого лагеря (СЛОИ) в 20-е годы прошлого века. Прилепину удалось через изображение лагерной жизни и судеб лагерников разной социальной принадлежности, разного культурного уровня и воспитания создать своего рода модель русского мира. В романе показаны вполне узнаваемые типы и поставлены вечные вопросы о месте человека в истории, о судьбе отдельного человека и страны, о чести и предательстве, о любви и ненависти.

Таким образом, при всей ориентированности литературы последних пятнадцати лет на изображение внутреннего мира человека, она достаточно репрезентативно отображает и те процессы, которые происходят в современном российском обществе и определяют мироощущение сегодняшних россиян. Значит, она также является ценным источником знаний о стране изучаемого языка и может занять достойное место на занятиях по русскому языку с иностранными учащимися.

Библиографический список

1. Немзер А. Замечательное десятилетие / О русской прозе 90-х годов // Журнальный зал. Новый мир, 2000, № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/
2. Современная русская проза – XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный. Ч. I / Под общ. ред. Е.А. Кузьминовой, И.В. Ружицкого. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 376 с.
3. Современная русская проза – XXI век: хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный. Ч. II / Под общ. ред. И.В. Ружицкого. М.: «Инфотех», 2013. 326 с.
4. Яценко И.И. Русская «нетрадиционная» проза конца XX века. Пособие для иностранных учащихся. – СПб.: Златоуст, 2004. 168 с.

References

1. Nemzer A. A remarkable decade / About Russian prose of the 90s // Novy Mir, 2000, № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/
2. Modern Russian prose - XXI Century: reader for studying Russian as a foreign language. P.I / Edited by Kuzminova Y., Ruzhitsky I. M. 2009. 376 p.
3. Modern Russian prose - XXI Century: reader for studying Russian as a foreign language. P.II / Edited by Ruzhitsky I. M. 2013. 326 p.
4. Yatsenko I. Russian "non-traditional" prose of the late twentieth century. Handbook for foreign students. SPb. 2004. 168 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК821.161.1

*Воронежский государственный университет,
проф. кафедры русской литературы XX-
XXI вв., теории литературы и фольклора,
д. филол. наук
Бердникова О.А.;*

*Voronezh State University
The chair of Russian literature of the 20-21st
cent., theory of literature and folklore,
doctor of philology, full professor*

Berdnikova O.A.

*доц. кафедры русского языка, канд. филол.
наук
Голицына Т.Н.
Россия, г. Воронеж, тел.+7(473)278-19-
65; тел. +7 (473)255-69-86;
e-mai:l olberd@mail.ru*

*The chair of Russian language, PhD, associ-
ate professor
Golitsyna T.N.*

*Russia, Voronezh, tel.+7(473)2781965; +7
(473)2556986
e-mai:l olberd@mail.ru*

О.А. Бердникова, Т.Н. Голицына

ЛОКАТИВНАЯ СФЕРА РОМАНА ЕВГ. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» (Часть I. Книга познания)

Статья посвящена исследованию локативной сферы романа Евг. Водолазкина «Лавр». Рассмотрены основные локусы первой части романа «Книга познания» и выявлены способы их сакрализации.

Ключевые слова: Водолазкин, «Лавр», локативная сфера, сакральный смысл.

O.A. Berdnikova, T.N. Golitsyna

LOCATIVE FORMS OF THE NOVEL “LAUREL” BY EVG. VODOLAZKIN (Part I. The Book of knowledge)

The article deals with locative forms of novel “Laurel” by E. Vodolazkin. The article is devoted to the dominant images in the first part and main functions of their sacralization.

Key words: Vodolazkin, “Laurel”, locative scope, sacralization.

Литература, как и другие формы современной культурной и общественной жизни, является ареной острой духовной борьбы. Сможет ли современная литература ориентировать человека в его духовно-нравственном становлении, определяющем его общественную и личностную позицию, а, в конечном итоге, и его судьбу? Не приведет ли метафизическая и нравственная «путаница» начала нового тысячелетия к глобальному смещению духовной доминанты русской словесности? Эти вопросы все чаще звучат в литературной критике.

Современная русская литература представляет собой крайне пестрое и разнообразное явление, и, безусловно, далеко не все современные книги предлагают читателю душеполезное чтение. Между тем многие произведения новейшей русской прозы яв-

ляют собой истинное «лицо» русской литературы, не забывшей о своем духовном предназначении. К таким произведениям можно отнести роман Евг. Водолазкина «Лавр», который был удостоен премии «Большая книга»(2012).

Роман Евг. Водолазкина состоит из 4 частей: Книги познания, Книги отречения, Книги пути и Книги покоя, каждая из которых заслуживает особого внимания. Наше исследование посвящено анализу первой части – Книги познания, закладывающей основные нравственные ориентиры всего романа. Как известно, познание – это процесс приобретения знания, постижение законов объективного мира. Познание, таким образом, это ментальный процесс, особое движение мысли, проникновение в действительность, специфическое отношение к ней.

Для главного героя романа Арсения познание – это не только получение информации о мире, это способ бытия человека. Цель познания, по мнению героя, поиск истины, поиск духовного смысла. События первой части романа можно интерпретировать как начало ментального и духовного путешествия героя.

Фактуальная информация Книги познания очевидна. Герой родился известно где – в Рукиной слободе при Кирилловом монастыре на севере Руси; известно когда – 8 мая 6948 года от сотворения мира, в 1440 году от Рождества Христова в день памяти Арсения Великого. Арсений был третьим ребенком в семье, предыдущие дети умирали, но его Господь оставил жить. Символичен эпизод крещения маленького Арсения: «Эти семь дней его мать не ела мяса, чтобы подготовить новорожденного к первому Причастию. До сорокового дня после родов не ходила в церковь и ожидала очищения плоти. Когда плоть ее очистилась, она пошла на раннюю службу. Пав ниц в притворе, лежала несколько часов и просила лишь одного: жизни»[1; с. 12]. По молитвам матери Господь даровал Арсению жизнь. Более того, в Арсении проявилась Божия Благодать: его будущее представлялось выдающимся, поражали его ранняя зрелость, сосредоточенность. Это внутреннее состояние героя передается автором с помощью ряда вербальных характеристик: «недетский взгляд», «дитя задумчиво смотрело», «задумчиво целовал», «особая сосредоточенность», «мальчик несомненно одарен». У четырехлетнего ребенка обнаруживается подлинный интерес к таким трудно определяемым и трудно постигаемым явлениям, как смерть, загробная жизнь, интерес к небу как высшей сфере бытия. Это психологическое состояние героя воссоздается с помощью номинации «неодолимое влечение». Семантика предиката «неодолимый» усиливает значение всего сочетания в целом: «В тот день Арсений решил долететь до неба. Небо давно его привлекало... Сообщение о пребывании там невидимой им бабушки сделало это влечение преодолимым» [1; с. 23].

Раннее стремление героя к познанию и постижению действительности передается автором с помощью вопросительных структур: собственно-вопросительных конструкций («Что такое смерть?», «Зачем же тогда эта семечка?»), удостоверительно-вопросительных («Вода растопится? Вот так?», «Потому что знал, что этот человек воскреснет?»). Как известно, вопрос – это проявление интереса к какой-либо информации или к ее отсутствию. Мотивом вопроса, как правило, является ситуация осознаваемой неопределенности, неуверенности субъекта в чем-либо, его стремление упорядочить знания. Но самое главное в образе Арсения – это то, что его любили люди. Благодарное свойство Арсения передается с помощью высказываний: «Появление ребенка поднимало настроение», «Его руку не хотелось отпускать», «Когда целовали его в волосы, им казалось, что они припадали к роднику». Люди были благодарны *ребенку*. Становится очевидно, что «Арсений сподобился таинственно приять Благодать Божию сокровенную» (св. Симеон Новый Богослов).

Подтверждением этому может служить эпизод встречи с волком. Однажды, собирая травы в лесу, Арсений и его дед Христофор увидели волка, который, по народным поверьям, ассоциируется с жестоким началом, злом. В славянской мифологии определяющим в символике волка является признак «чужой». Волк соотносится с чужими, другими, отличающимися от своих. Опытный Христофор обращается даже с молитвой за помощью с великомученику Георгию. Симптоматична реакция Арсения: предвосхищая события, он говорит, что волк не уйдет: «Он же пришел, чтобы быть с нами». Этот фрагмент текста отсылает читателя к эпизодам Священного Писания, Ветхого Завета периода до грехопадения человека и житиям святых, когда люди и животные жили в единении и мире.

Локальная сфера пребывания героя в первой части романа – это дом Христофора, деда Арсения, травника и целителя. В тексте романа этот дом имеет свое назначение и свою историю. История дома представлена серией номинаций, своеобразно последовательно чередующимся рядом лексем, объединенных общим семантическим признаком «места». Внешние локативные признаки создают зловещую картину: брошенный дом расположен около кладбища, на котором похоронены зачумленные.

Между тем обитатели сруба любили свое жилище. В восприятии Арсения образ дома воссоздается на уровне чувственного восприятия. Для него дом – это, прежде всего, запах, ароматы сушившихся там трав: «И такого запаха не было больше нигде» [1; с. 34]. На наш взгляд, дом Христофора не случайно назван срубом. Сруб – бревенчатая постройка, дом из деревьев, а само слово «сруб» есть дериват мотивирующей основы «сруби» (срубить). Ближайший ассоциативный ряд – деревья, растения, травы, лес. Арсений, таким образом, да и Христофор, воспринимают свой дом как часть природы. Он органично вписывается в природный ландшафт и полностью соответствует жизнедеятельности его обитателей.

Находящееся вблизи дома кладбище нисколько не противоречит одухотворенному локусу дома, поскольку, во-первых, это место инобытия любого земного человека, во-вторых, Христофор осознанно стремился жить рядом с погостом, в-третьих, кладбище – это символ покоя и тишины.

Сакрализация образа дома осуществляется благодаря иконе святого мученика Христофора, которая висела в доме под образом Спасителя. В тексте описанию иконы уделено несколько строк, но они становятся основополагающими для понимания и интерпретации образов Арсения и Христофора, да и всей Книги познания. Это отражается в последовательном выборе предикатов, высказываний и темпоральных характеристик: «Ему нравилась икона святого мученика Христофора», «Дитя часами рассматривало икону», «трогательный облик», «сквозь трогательный образ просматривались черты деда». Таким образом, дед Христофор по своей духовной сущности уподоблен своему святому, и это интуитивно открывается его внуку. Икона притягивает Арсения к себе, приближает к пониманию четкой иерархии высоких духовных ценностей.

Глубокий символический смысл имеют эпизоды, в которых Арсений как бы взаимодействует с иконой, вступает с образом святого Христофора в личностный духовный контакт. Мальчик касался кончиками пальцев изображения святого, тактильно изучая его, и «таинственные токи иконы перетекали в его руки». Именно по сенью иконы святого Христофора его дед, так похожий на своего святого, становится учителем Арсения. Он учит его «травяному делу», законам врачевания, искусству преодоления болезней. Именно здесь, в срубе рядом с кладбищем, Арсений начинает постигать врачебное дело – в будущем главное дело своей жизни.

Вторым локусом, значимым для формирования героя, становится лес. Мальчик с помощью деда Христофора начинает познавать мир природы. Образ леса, на наш взгляд, запечатлен автором в восприятии Христофора – травника, целителя, знатока

растений. В его ощущениях лес представлен утилитарно, Христофор «читает» лес как книгу, как древний справочник лекарственных растений. Он объясняет Арсению значение и назначение каждой травы: «вдоль рек и ручьев собирали одолень – красно-желтые цветы с белыми листьями – против отравы. Там же, у рек, находили траву баклан. Христофор учил узнавать ее по желтому цвету, круглым листьям и белому корню. Этой травой лечили коров и лошадей» [1; с. 64]. Изображаемый природный мир, преломленный сквозь призму восприятия наблюдателя (Христофора), фиксируется в тексте достаточно конкретно, дается описание внешних признаков растений: цвет, форма листьев, назначение, не только лечебное, но и магическое.

В своих комментариях Христофор часто указывал время и место сбора трав: «На опушках собирали траву пострел, растущую только весной. Рвать ее следовало 9, 22 и 23 апреля» [1; с. 65]. С одной стороны, описание локативной сферы леса отличается точностью, материальностью, конкретностью. С другой стороны, образ леса, данный авторов в переживаниях Христофора, поэтичен, светел и загадочен. Поэтичны названия трав, которые представлены фитонимами, некоторые названия экзотичны и образны: «воронье сало», «царевы очи», «адамова голова». «Христофор не то, чтобы верил в травы, скорее, он верил в то, что через всякую траву идет помощь Божия на определенное дело. Так же, как идет эта помощь и через людей. И те, и другие суть лишь инструменты. О том, почему с каждой из этих трав связаны строго определенные качества, он не задумывался, считая это вопросом праздным. Христофор понимал, кем эта связь установлена, и ему было достаточно о ней знать» [1; с. 68]. Исследуя логику рассуждений и действий Христофора, автор дает понять читателю, что лес познаваем, а природа, с помощью Господа, постигаема.

Таким образом, в Книге познания представлены две локальные сферы, два топоса бытия героев – дом и лес, которые в тексте романа приобретают сакральные признаки, так как становятся для героев не только местом обитания, но и местом постижения Божественной Воли. В первой книге романа «Лавр» начало духовного пути Арсения изображено автором в единстве чувственного и мистического познания Божественного замысла о мире, а герои становятся носителями христианского начала: не случайно символика имени Христофора – «несущий Христа».

Вместе с тем уже в первой книге дает о себе знать модернистская поэтика романа [2]. Аллюзивность, пересечение временных планов, языковые вкрапления из современной эпохи, игровые формы взаимодействия автора с читателями – все это делает роман современным произведением, в котором интересно взаимодействуют реалистические и модернистские художественные приемы.

Библиографический список

1. Водолазкин Евг. Лавр. Москва: АСТ: редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.
2. Басинский П. Возвращение (реализм и модернизм в конце XX века) // Подъем. 2000. №4. С. 185-192.

References

1. Vodolazkin Evg. "Laurel". Moscow: AST: reduction by Elena Shybina, 2015. 440 p.
2. Basinskiy P. Return (realism and modernism in the end of the 20th century) // Podjem. 2000. №4. P. 185-192.

УДК 81'367'38

*Воронежский государственный университет
асп. кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета
Маслова А.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7 (905) 651-60-16
e-mail: antonina.maslova@gmail.com*

*Voronezh State University
Philological department
The chair of general linguistics and stylistics
Post-graduate student
Maslova A.V.
Russia, Voronezh, tel. +7 (905) 651-60-16
e-mail: antonina.maslova@gmail.com*

А.В. Маслова

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С КНИЖНЫМИ СТИЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются особенности взаимодействия русских функциональных стилей. Исследуется динамика использования производных компаративных предлогов в русских художественных произведениях XIX-XXI веков, обусловленная поздним и постепенным проникновением новых производных предлогов из деловой, научно-технической и газетно-публицистической письменности.

Ключевые слова: функциональные стили русского языка, производные компаративные предлоги, динамика взаимодействия стилей, специфика художественного стиля.

A.V. Maslova

FEATURES OF INTERACTION OF LANGUAGE WORKS OF ART WITH THE BOOK STYLE OF RUSSIAN LANGUAGE

The article analyzes the peculiarities of interaction of Russian functional styles. The dynamic of the use of derived comparative prepositions in Russian works of art of XIX-XXI centuries, influenced by late and gradual penetration of new derived prepositions from business, scientific and technological, newspaper and journalistic writing is studied.

Key words: functional styles of Russian language, derived comparative prepositions, dynamics of style interaction, artistic style specificity.

Проблема места языка художественных произведений в системе функциональных стилей русского языка остается дискуссионной. Многие ученые полагают, что нет оснований для признания отдельного функционального художественного стиля (В.Д. Бондалетов, О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Н.А. Мещерский, А.К. Панфилов и другие). Такое мнение мотивируется тем, что язык художественной литературы многостилен, включает в себя другие функциональные стили, но в то же время имеет индивидуальные, только ему присущие черты. Другие ученые считают, что стиль художественных произведений занимает равноправное место среди других стилей. М.Н. Кожина приводит пример различных названий этого стиля: художественный, художественно-беллетристический [1; с. 138]. В этом стиле присутствуют компоненты всех функциональных стилей данного языка. И именно многоплановость художественного стиля, считает Д.Э. Розенталь, наличие в нем элементов других стилей в большей степени объясняет тот факт, что некоторые ученые исключают его из системы функциональных стилей литературного языка [3; с. 51]. Однако исследователи отмечают, что художест-

венный стиль лишь отчасти включает в себя отдельные черты других стилей, при этом не выражая их стилистическую системность [1; с. 141]. В нашей работе мы придерживаемся позиции, согласно которой художественный стиль обладает своей спецификой и вполне может быть вписан в систему функциональных стилей русского языка. А включение в него элементов других стилей имеет свои особенности и, в конечном счете, служит всё той же эстетической функции [1; с. 138]. Покажем это на примере постепенного проникновения в художественную литературу производных компаративных предлогов, сформировавшихся в книжных стилях.

Наше исследование проводилось по данным Национального корпуса русского языка и заданного нами подкорпуса, в который вошли тексты художественной литературы XIX-XXI вв. [2]. Мы также выбирали примеры из художественной литературы XIX-XXI вв.

Известно, что производные предлоги формируются в XVIII-XIX веках первоначально в деловой, научно-технической, газетно-публицистической письменности. В художественные произведения они проникают значительно позже [4; с. 20-21].

В XVIII-XIX вв. происходит интенсивное развитие русского литературного языка. В этот период для уточнения грамматических отношений между компонентами высказываний нарастают новые производные предлоги в деловой, научно-технической и газетно-публицистической письменности. В XIX веке они начинают проникать в художественный стиль.

В начале XIX века сохраняются некоторые устаревшие значения производных предлогов. Например, предлог *против* употребляется в отвлеченном временном значении, в значении *движения навстречу времени*.

Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта (Гоголь Н.В. Шинель).

Наш анализ художественных текстов XIX века показывает, что слово *против* достаточно часто употребляется в качестве предлога, например, в текстах Н.В. Гоголя. В них производный предлог *против* выражает семантику сравнения предмета и человека по способности создавать шум, людей друг с другом по разумности человека, по физическому состоянию человека и другие.

*Прощайте, бедные глаза! вы никуда не будете годиться после этого спектакля. А какой длинный стол был вытянут! А как разговорилось все, какой шум подняли! Куда **против этого** мельница со всеми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»)*

*Будучи уверен, что его теперь никто не собьет и не смешает, он говорил и об огурцах, и о посеве картофеля, и о том, какие в старину были разумные люди - куда **против теперешних!** - и о том, как всё, чем далее, умнеет и доходит к выдумыванию мудрейших вещей («Вечера на хуторе близ Диканьки»).*

*Навстречу вышел старик. Так это он! я тотчас же узнал его; но он согнулся уже вдвое **против прежнего** («Старосветские помещики»).*

Наше исследование показало, что к середине XIX века предлог *против* со сравнительной семантикой уходит из употребления не только в деловой, научно-технической [Черкасова 1967, 198], но и в художественной письменности.

Похожа судьба производного предлога *подобно*. Предложно-падежные формы с предлогом *подобно* достаточно частотны в художественной письменности в начале XIX века, они используются как сравнительные обороты. Писатели через сравнение характеризуют человека (части его тела, его состояния, его действия), сравнивают натурфакты.

Надобно было видеть Англию; подобно Альцибиаду, я стал другим человеком в другой земле и пил так усердно с британцами, что через месяц слег в постелью [Н. М. Карамзин. Моя исповедь (1802)].

С каждым тонким, нежным волоском на верхней губе рождалось в сердце его новое желание – темное, безотчетное, но тем не менее сладостное, носящее цвет и плод на одной ветке, подобно бразильским апельсинам [А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур (1836)].

– Мы не знали, что есть над нами поверхность земли, обитаемая подобно ее внутренности [Ф. В. Булгарин. Невероятные небылицы или Путешествие к средоточию Земли (1834)].

В XIX веке писатели больше обращаются и к другим производным предложениям.

Даже тотинские и рижские шампанские показали бы нектаром в сравнении с «шипучей бурдой», предлагаемой местными рестораторами [Н.Э. Гейнце. Герой конца века (1898)].

На рубеже XIX–XX веков писатели начинают больше обращать внимание на психические способности, психологические состояния человека. В художественных текстах появляются и другие производные компаративные предлоги.

Если царица Наталья Кирилловна, не будучи в состоянии осилить себя, волновалась и страшилась в ожидании, чем кончится избрание, то царица Софья Алексеевна, в противоположность ей, казалась спокойною и не поддавалась страху [Е. П. Карнович. На высоте и на доле: Царевна Софья Алексеевна (1879)].

Александр, в противоположность Наполеону, нес с собою мир [Г. П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)].

Вообще женский элемент, сколько я заметил, с большим недоверием взирал на будущее, рисуя его в мрачном виде, и с большим сокрушением вспоминал об оставленных гнездах, стараясь, в противоположность мужикам, представить прошлое житье дома в более розовых красках [К. М. Станюкович. В далекие края (1886)].

– спросил он и слегка кивнул головою двум обидчикам, которые, в противоположность жене его, стояли совершенно спокойно [В. П. Авенариус. Гоголь-студент (1898)].

В отличие от других заговорщиков, Талльен не думал ни о плане борьбы, разработанном Фуше, ни о том, как лучше использовать болото, ни о том, как должен вести заседание председатель Конвента, не заботился даже о собственной своей участи [М. А. Алданов. Девятое термидора (1921)].

Поскольку производные предлоги пришли в художественный стиль из научного, то они могут встретиться в текстах писателя – ученого:

В противоположность Антарктике, окружающей Южный полюс Земли и являющейся большим материком, Арктика представляет собой море [В. А. Обручев. Земля Санникова (1924)].

Настоящие танки, только без пушек, в отличие от современных танков, которые являются оружием нападения. [И. А. Ефремов. Тень минувшего (1944)].

Затем мы повернули на юго-восток и юго-юго-восток, в общем шли 260 верст до реки Сулэхэ, единственной на этом пути через Хамийскую пустыню (Последняя на западе представляет скалистые гряды Чол-таг и Курук-таг, а на востоке — подобные же гряды, называемые уже Бей-шань, т. е. северные горы, в противоположность цепям Нань-шань, т. е. южным горам, расположенным южнее реки Сулэхэ и оазисов Сачжеу, Юймынь и Сучжоу [В. А. Обручев. В джунглях Центральной Азии (1951)].

К концу XX – началу XXI веков появляются совершенно новые основания сравнения и они объясняют увеличение количества новых предлогов. Например, писатели сопоставляют временные периоды:

В отличие от прошлых разов, когда он ехал на подводе один, теперь заведующий транспортным отделом уездного исполкома в целях экономии тягловых средств присоединил Пчелкина к некоему товарищу, отправлявшемуся по командировке из центра на рессорной брочке в глубинные волости уезда с целью там агитировать за расширение посевной площади и борьбы с кулацким влиянием на середняков и незаможников, что значит по-украински – бедняков [В. П. Катаев. Трава забвенья (1964-1967)].

Только, в отличие от прошлого раза, ни шампанского, ни фруктов, ни шоколада [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)].

И уже началось дезертирство, и все чаще были случаи братания, когда и по ту, и по другую сторону солдаты бросали оружие и шли обниматься, но в отличие от Первой Мировой, красным это на пользу не шло [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

Анализ лексики художественных произведений, в частности анализ производных предлогов с компаративной семантикой, показывает, что художественный текст аккумулирует в себе элементы разных стилей. При этом существуют различные пути проникновения этих элементов: через тематику произведений, элементы публицистики, через сферу деятельности писателя–ученого, через необходимость выражать новые основания сравнения. Но это только обогащает выразительные возможности художественного стиля, но не лишает его своей специфики.

Библиографический список

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов вузов. М.: Флинта: Наука, 2014. 462 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2015).
3. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: Учебник для вузов. М.: Высш. шк., 1977. 316 с.
4. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.

References

1. Kozhina M.N. Stylistic of Russian language: textbook for students of higher education institutions. Moscow, 2014. 462 p.
2. National corps of Russian language [Electronic resource]. URL: ruscorpora.ru (date of the address: 10.02.2015).
3. Rosenthal D.E. Practical stylistics of Russian language: textbook for higher education institutions. Moscow, 1977. 316 p.
4. Cherkasova E.T. Transition of meaning-bearing words to prepositions. Moscow, 1967. 280 p.

УДК 808.1

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры ино-
странных языков*

Меркулова Н.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920) 427-01-95;

e-mail: ndvv@mail.ru

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering*

The chair of foreign languages

PhD (Linguistics), associate professor

Merkulova N.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(920) 427-01-95;

e-mail: ndvv@mail.ru

Н.В. Меркулова

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА И ЕЕ ФУНКЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ИНТЕРТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

В статье рассмотрены проблемы функционирования эстетической ономастики в пространстве художественного текста и интертекста на материале произведений французских писателей – представителей основных стилистических направлений XIX-XX вв.: романтизм, реализм, экзистенциализм. На основе принципа антропоцентризма в результате исследования выявлены основные аспекты реализации функций ономастических единиц в художественном тексте и интертексте.

Ключевые слова: эстетическая ономастика, оним, антропонимия, художественный текст, интертекст, французская литература.

N.V. Merkulova

**AESTHETIC ONOMASTICS AND ITS FUNCTION
IN THE LITERARY TEXT AND THE INTERTEXT
(ON THE MATERIAL OF FRENCH LITERATURE)**

The article considers the problems of functioning of aesthetic onomastics in the space of the text and of intertextuality in the works of French writers, representatives of the main stylistic trends of the XIX-XX centuries: romanticism, realism, existentialism. On the basis of the principle of anthropocentrism the study identifies the main aspects of the implementation of the functions of onomastic units in the literary text and the intertext.

Key words: aesthetic onomastics, onym, anthroponymy, literary text, intertext, French literature.

В настоящее время в лингвистических кругах в фокус особого внимания попадает изучение вопросов ономастики, в частности, проблемы семантики и функционирования имен собственных (ИС) в речи и языке, а также исследование роли эстетических онимов (в особенности эстетических антропонимов) в пространстве художественного текста (ХТ) и интертекста.

Говоря об эстетической ономастике, нельзя не отметить огромный коннотативно-экспрессивный потенциал имен собственных в художественном тексте, обусловленный исключительной способностью онимов к накоплению речеконтекстных и фоновых

приращений интра- и интертекстуального характера. Онимы участвуют в создании содержательной смысловой многомерности текста и, наряду с другими его элементами, являются вербальным средством воплощения авторских интенций и художественной идеи произведения за счет способности кодировать значительный объем художественной информации и выступать доминантными единицами текста (особенно в заглавии, начале и конце текста, то есть в так называемых «сильных» позициях).

Однако наряду со способностью передавать значимую для реципиента информацию, эстетические онимы обладают свойством делать ту же информацию закрытой для «непосвященных» или инокультурных восприимчивиков.

Любое ИС (в особенности эстетический оним) есть порождение внутри- и межкультурной коммуникации или культурализм (С.В. Моташкова), имеющий «маркированный характер» и несущий на себе «печать мотивированного употребления».

Кроме того, ИС как культурализм обладает знаковой природой и неизменно содержит некую характерологическую и эстетическую коннотацию, становящуюся особенно очевидной в пространстве художественного текста в рамках так называемого «вертикального контекста» (З.Я. Тураева) или «интертекста» (Ю. Кристева).

Таким образом, представляется очевидным, что, несмотря на обширные исследования вопроса, споры вокруг имени собственного весьма далеки от завершения, и тот факт, что раскрыты отнюдь не все многочисленные аспекты значения и функционирования ономастических единиц в пространстве художественного текста и его контекстуальных экспонентов, и обусловил актуальность исследования данной проблематики.

С точки зрения функционирования имя собственное рассматривается, прежде всего, как единица номинации, элемент вокабуляра, обладающий определенным лексическим значением и выступающий в надлежащей ему функции:

Функция – Категория ИС		
1	социально-дифференциальная	- для реальных ИС
2	коннотативно-экспрессивная	- для ИС в художественном тексте

Определяющим фактором существования ИС является, бесспорно, «внеязыковая действительность» (В.Г. Гак и др.), которая подчиняет имя своим собственным законам, что, собственно говоря, и приводит к изменениям, порой даже деформациям, в семантической структуре онимов.

Возвращаясь к проблемам ономастики художественного текста, представляется целесообразным обратиться к теоретическому обоснованию и рассмотрению роли и функций различных категорий ИС в пространстве художественного текста с учетом жанров, стилей и эстетических направлений произведений французской литературы.

Художественный текст как многоуровневое содержательно-смысловое целое является сложным, объемным языковым знаком реальной действительности, преломленной и эстетически обработанной в сознании писателя – автора сообщения, что, в конечном итоге, и обуславливает его лингвистическую интерпретацию. В сущности, в центре внимания исследователя оказывается достаточно традиционная модель художественной коммуникации: *Автор – Текст – Читатель*, равно как и закономерные когнитивные процессы восприятия, понимания и интерпретации, неотъемлемые при взаимодействии реципиента и эстетического объекта – художественного произведения.

В условиях художественной действительности они выступают в качестве эстетически значимых и информативно объективных знаков образа мира, который творчески создается и воссоздается не только писателем, но и, с точки зрения современного герменевтического подхода, читателем, реципиентом с учетом языковых, речевых и общекультурных факторов.

Под ономастическим пространством ХТ понимается весь комплекс ИС независимо от разряда (антропонимы, топонимы, зоонимы, эргонимы и др.), отображающий реальное ономастическое пространство, преломленное в соответствии с авторской интенцией и идейно-художественным содержанием текста.

Согласно принятой на современном этапе концепции антропоцентризма в исследовании предполагается анализ имен и фамилий с целью познания их носителя. Антропонимия художественного текста – особая область, имеющая свои собственные законы функционирования. Однако литературные онимы практически неизменно находятся в рамках национальной ономастики, порождением и выражением которой они являются [4].

Наряду с этим, имеет место феномен обратного влияния литературы на реальный ономастикон того или иного исторического периода, что является собой отдельное направление в изучении эстетической ономастики.

Принято считать, что имена собственные являются неотъемлемой частью языковой картины мира. Под «картиной мира» следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся. Восприятие мира в значительной степени обусловлено, во-первых, принадлежностью индивида к различным общностям и, во-вторых, его личными характеристиками: полом, возрастом, уровнем образования, профессией и т. п.

Как подчеркивает профессор Ю.А. Рылов, картина мира содержит еще и «этнический компонент, который представлен языковой картиной мира и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, то есть тем, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса» [5].

Проявления духовной жизни народа в антропонимии весьма разнообразны. Так, с древних времен и, в определенном смысле, по наши дни в ряде культур имя принято считать духовным центром человека, в котором в символической форме скрывается его сущность [2, с. 74]. При этом существующие в обыденной жизни законы восприятия и интерпретации значений ИС действительны и для эстетических онимов.

Более того, в художественном произведении все символично, и именам придается особая значимость как одному из плодотворных стилистических приемов характеристики персонажей. Недаром работу автора, подбирающего или создающего имя своему герою, можно уподобить заботе родителей, дающих имя ребенку. Причем для онимов в пространстве ХТ момент характеристики гораздо важнее, чем просто номинация.

По словам Р. Барта, имя – это «своего рода инструмент обмена, позволяющий заместить определенную совокупность черт соответствующей номинативной единицей» [1]. С одной стороны, эстетические онимы, способные кодировать значительный объем лингвистической и социокультурной информации, обладают огромным характеризующим потенциалом. С другой стороны, имена собственные в художественном тексте уже сами по себе являются некими показателями стиля, эстетического направления, наконец, исторической эпохи, в которую создавалось произведение, отражая как языковую, так и общую картину мира на данном историческом отрезке. При этом особый эффект создается за счет намеренного смешения имен разных стилей на страницах од-

ного произведения, а также за счет использования онимов, уже встречавшихся у других авторов (так называемых «перекликающихся» имен).

В связи с этим нельзя не затронуть проблему передачи значения ИС, особенно актуальную для эстетических онимов, смысловое содержание которых зависит не только от языкового и речевого видов контекста, но и от культурного контекста.

Перевод личных собственных имен представляет собой важную лингвистическую и стилистическую проблему. С одной стороны, перевод собственных имен, входящих в состав текста художественного произведения, способствует более полному раскрытию замысла автора, а также зачастую более яркой и понятной читателю характеристике литературного образа (что особенно важно в сатирических произведениях). Вот почему однозначно необходим перевод прозвищ и прозвищных имен как важнейшего средства характеристики персонажей в литературном произведении, разумеется, с учетом культурной специфики языка перевода.

С другой стороны, представляется предпочтительной транслитерация имен, которая, хотя и может оставить «за кадром» значение именных основ (т.е. информацию, не доступную носителям иной культуры), все же позволяет избежать многих культурных несоответствий в восприятии одних и тех же собственных имен. Поэтому при переводе художественных произведений реалистического жанра, подобно реальным документам (в частности, газетным статьям и т.п.), необходимо прибегать именно (и исключительно) к транслитерации.

Однако при этом вовсе не обязательно полностью игнорировать возможные способы передачи значений ИС, таких как транскрипция с подстрочным примечанием, транслитерация с эксплицитной передачей смысловых компонентов, отказ от передачи формальной стороны ИС и раскрытие его содержания с помощью описательного перевода, а также нахождение эквивалента в языке перевода [3; с. 159-160].

Роль и функции эстетических онимов в художественном тексте и интертексте прослеживаются в процессе эволюции реализации лингвосемантического потенциала эстетической ономастики во французской литературе на материале произведений писателей – представителей основных литературных течений XIX-XX в. в., таких как романтизм (В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»), реализм (Г. Флобер «Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств») и экзистенциализм (А. Камю «Посторонний»).

В результате исследования удалось установить следующие закономерности развития и реализации лингвоэстетического потенциала художественной ономастики в зависимости от стиля и эстетического направления:

ФУНКЦИИ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КОННОТАЦИИ ОНИМОВ		
РОМАНТИЗМ	активизация	привлечение внимания читателя неординарной формой имени
	суггестивность	накопление прагматических компонентов значения, речеконтекстных и фоновых приращений от ассоциаций в тексте и за его пределами
	аллюзивность	употребление имен, содержащих намеки на нечто общеизвестное и находящее отклик у читателя
	использование ИС как ключевых слов текста	употребление ИС в позициях заглавия, названий глав, в качестве доступных пониманию читателя символов,

		знаков и пр.
	использование реальной топонимики	обеспечение реалистичности / ирреалистичности повествования
РЕАЛИЗМ	употребление реальных ИС как залог реалистичности произведения	ИС характерны для данной эпохи, социальной среды и т.п. (либо созданы по реально существующим моделям номинации)
	отказ от «говорящих» имен	осуществление более утонченной, опосредованной характеристики за счет нейтральных ИС
	большая значимость категорий ИС, отличных от антропонимов	установление хронотопа, характеристика социальных явлений эпохи и т.п.
	интенциональное использование онимов, не свойственных данному стилю	привлечение внимания, что способствует более явному, откровенному выражению авторской идеи, цели произведения
	мотивированное употребление единиц национального ономастикона	осуществление непосредственной, прямой характеристики при помощи реально существующих ИС (прозвища, прозвания, уменьшительно-ласкательные имена, характерные для той или иной сферы человеческой деятельности или социальной среды и пр.)
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ	нулевая онимизация как новаторский прием характеристики	попытка «белого» (денотативного) письма; тенденция «опредмечивания» / обесценивания человеческой личности
	отрыв / абстрагирование личности от имени	«я» рассказчика, признанное «лучшим из возможных имен» (Р. Барт), становится персонажем, имя которого как бы остается в тени
	тенденция условного перехода личных ИС в нарицательные	реализация тенденции «овеществления» личности, сравненной в ценности с предметным миром

В результате проведенного исследования доказано, что реализация художественного и суггестивного потенциала имен собственных в пространстве художественного текста и интертекста находится в теснейшей связи (и даже взаимосвязи) со стилем художественного произведения, вплоть до определения стиля произведения или изменения / деформации функций ИС (воздействие контекста и/или интертекста на ИС).

Что касается стилистических возможностей различных категорий имен собственных, в ходе рассмотрения вопроса установлено, что имена в художественном тексте и интертексте обладают разным потенциалом создания образности и делятся на прямо характеризующие и косвенно характеризующие.

К первой группе относятся, прежде всего, антропонимы (имена, фамилии, прозвища), играющие, как правило, ведущую роль в создании художественного образа (что соотносится с принятой на современном этапе концепцией антропоцентризма).

Топонимы, урбанонимы, эргонимы и прочие имена собственные, дающие более опосредованную характеристику, функционируют, скорее, как вспомогательные средства создания художественной образности в литературном произведении.

Таким образом, эстетическая ономастика не только способствует декодированию содержательно-фактуальной и содержательно-подтекстовой информации, идеи произведения, но и, благодаря взаимодействию, взаимопроникновению и стилистически продуманным изменениям в употреблении ономастических единиц художественного текста, эстетические онимы способны маркировать, репрезентировать тот или иной стиль, отражая малейшие тенденции художественного творчества.

Библиографический список

1. Барт Р. «S/Z». М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
2. Меркулова Н.В. Исторические этапы эволюции французской ономастической системы // Научный Вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2013. Вып. 2 (20). С. 73-83.
3. Меркулова Н.В. Основные особенности перевода эстетической ономастики // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2015. Вып. 5. С. 153-160.
4. Меркулова Н.В., Моташкова С.В. Эстетическая ономастика в художественном тексте и интертексте: основные функции и проблема перевода (на материале знаковых произведений французской литературы): монография. Воронежский ГАСУ – Воронеж, 2013. 177 с.
5. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 272 с.

References

1. Bart R. «S/Z». Moscow, Jeditorial URSS, 2001. 232 p.
2. Merkulova N.V. Historical stages of evolution of the French onomastic system // Scientific Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodical research. 2013. Vol. 2 (3). P. 53-61.
3. Merkulova N.V. Main characteristics of the translation of aesthetic onomastics // Actual issues of translation studies and practice. N. Novgorod, 2015. Vol. 5. P. 153-160.
4. Merkulova N.V., Motashkova S.V. Aesthetic onomastics in artistic text and intertext: main functions and translation problems (based on French literature). Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 2013. 177 p.
5. Rylov J.A. The aspects of language picture of the world: Italian and Russian languages. Voronezh State University, 2003. 272 p.

УДК 82-1

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации*

Сулемина О.В.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 248-17-33;
e-mail: may2005@yandex.ru*

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian Language and Cross-Cultural Communication, PhD, senior lecturer

Sulemina O. V.

*Russia, Voronezh, tel. +7(473) 248-17-33;
e-mail: may2005@yandex.ru*

О.В. Сулемина

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ «СТРАШНОЕ»)

В работе дается попытка на примере категории «страшное» показать значимость универсальных категорий для лирики XVIII – начала XIX вв. Выявляются некоторые особенности восприятия данной категории поэтами, обрисовываются контуры ее взаимодействия с другими универсалиями.

Ключевые слова: страх, восторг, война, смерть, лирика, маркема.

O.V. Sulemina

UNIVERSAL CATEGORIES IN RUSSIAN LYRICS OF XVIII – EARLY XIX CENTURIES (ON THE MATERIAL OF CATEGORY «FEAR»)

This work is an attempt to show the meaning of universal categories for lyrics of XVIII – early XIX centuries on the material of category «fear». Specific features of perception of this category by some poets and its interaction with other universals are revealed.

Key words: fear, joy, war, death, lyrics, markem.

Как мы полагаем, для филологии последних десятилетий характерны попытки выявления и описания различных языковых, ментальных, культурных, литературных универсальных структур (напр., анализ «ключевых слов», концептов, универсальных мотивов и сюжетов, культурных констант, «литературных универсалий» и т.д.). Согласно определению (которого мы будем придерживаться), литературные универсалии – это «возникающие в рамках определенного периода национальной литературы лексико-референтные <...> единства, наделенные достаточной стабильностью и вместе с тем энергией изменчивости и варьирования и по-разному – в неодинаковом объеме и в неодинаковых проекциях – воплощающиеся в различных авторских реальностях и в конкретных текстах». [9] Можно сказать, что универсальные структуры семантически задают те общие рамки существования, в которых художник реализует свою волю к самосотворению в тексте.

Говоря об универсальных категориях, общих для представителей русской литературы XVIII – первой половины XIX вв., мы опираемся на результаты работы с программой «Конstellации» [4], которая позволяет выявлять наиболее важные для текста слова и обнаруживать их сочетаемость. Перечислим лишь некоторые универсалии, значимые для этого периода: восторг, лень, сон, страх, смерть, творчество, война, пир, пустыня, море и другие. Художественные миры писателей исследуемой эпохи так или иначе включают указанные выше категории и отражают их индивидуально-авторское

восприятие. Мы остановимся на категории «страшного», поскольку она, с нашей точки зрения, непосредственно связана с самоопределением человека и ее восприятие наиболее ярко выражает индивидуальную картину мира.

Показатели «страшного» в произведениях XVIII века, или «классической» эпохи, являются самыми высокими из всех пяти срезов. (О выделении: «1) «классической» (XVIII век), 2) «элегической/романтической» (до 1830-х годов), 3) «критической» (до 1860-х годов), 4) «реалистической» (до конца XIX века), 5) «модернистской» (начало XX века)» культурно-психологических эпох – См.: [8]) Однако объекты и источники страха в этот период характеризуются устойчивостью и повторяемостью у многих авторов и во многих текстах, поэтому мы сочли целесообразным дать обобщённый обзор проявлений страшного, не обращаясь к персоналиям.

В одическом творчестве «классической» эпохи «страшное» чаще всего возникает в связи с темой войны, например, у В.И. Майкова: «Какой ужасный ветер наваял / Тебя, кровавая война? / <...> / Ты яд на землю изливаешь, / Плоды ужасные родишь, / <...> / Твой глас колеблет целу твердь, / Твой взор изводит люту смерть» («Война», 1773). [6; С. 229-233] Обратившись к спискам маркем (ключевых, особенно значимых слов – Кретов А.А. [4]), мы выяснили, что в XVIII веке страх является маркемой только для трех авторов: Майкова, Дмитриева и Богдановича.

Война воспринимается как «преужасный ад», «ужаснейшая мгла», насланная на человечество за его пороки: «Но, тщетную пленяясь славой, / Неблагодарный человек / И сею лютою отравой / Разрушил сам златый свой век...».

Воинская доблесть – один из главных объектов восхваления в оде, однако почести, добытые в результате стремления к завоеванию, нередко видятся тщетными и опасными, они соединяются с грехом. А вот сочетание славы победителя с милостью к побежденному врагу – самый распространённый ход в одических панегириках: «Великой Анны грозной взор / Отраду дать просящим скор; / По страшной туче воссияет, / К себе повинность вашу зря. / К своим любовью горя, / Вам казнь и милость обещает» (М.В. Ломоносов «Ода... на взятие Хотина 1739 года»). [5; С. 64] Здесь «грозность» царицы Анны – синоним её власти.

Деятельность правителя предполагает двуединство: он «своим отец», но «врагам ужасен». Ломоносов выразил это качество в ёмкой формуле: «Ты вне гроза, ты внутри покров». При описании силы русского оружия, овеянного славой, поэт испытывает возвышающий восторг и трепет перед грандиозной военной мощью, концентрированным воплощением которой становится фигура Героя: «Что так теснит боязнь мой дух? / Хладнеют жилы, сердце ноет! / Что бьет за странной шум в мой слух? / Пустыня, лес и воздух воет! / <...> / Блеснул горящим вдруг лицом, / Умытым кровию мечем / Гоня врагов, Герой открылся» [5; С. 64]. Герой является подобно языческому божеству и вызывает соответствующий резонанс в пространстве – оно содрогается и наполняется звуками. Очевидно, что страх Герою неведом, он сам становится объектом страха не только для врагов, но и для своих, вызывая у последних благоговейный ужас перед его величием. Заметим, что «наполненность» пространства здесь находится в созвучии с «теснотой», в которую «боязнь» повергает поэта.

В паре с «восторгом» в оде выступает феномен страха/ужаса, аксиология которого зависит от контекста: «Наполнил грудь восторг священный, / Благоговейный обнял страх, / Приятный ужас потаенный / Течет во всех моих костях» (Г. Р. Державин. «Любителю художеств»). [1; С. 127] Это связано с особым восприятием категории восторга в «классическую» эпоху. Восторг в оде – это восторг ума, мыслей, духа, то есть, в первую очередь, особое состояние сознания, лишь следствием которого является эмоциональный подъем. Восторг знаменует собою выход за пределы ограниченного человеческого внутреннего мира. Качества, приобретаемые в состоянии восторга – сверхзрение, т.е. зрение, отождествляющее наблюдателя и зрительное пространство. В восторге

«отдельная» личность перестает быть собой, становится одним из каналов проявляющего свою идеальную сущность реального мира. Подобные свойства восторга притягивают «жидкостную» метафорику (восторг «напоет»/«изливается»), подчеркивающую осмотические отношения разных частей мира – восторг может охватывать не только Поэта, но и целые пространства, которые в этом состоянии получают речевые полномочия. Поэт-одописец оказывается лишь одним из многочисленных голосов самопроявляющейся истины: «Если я блистал восторгом, С струн моих огонь летел, Не собой блистал я – Богом; Вне себя я Бога пел» (Державин). [1; С. 132] Подобное «расширение» границ человеческой личности закономерно сближает восторг со страхом.

Конец XVIII века, когда сентименталистская эстетика уже начинает теснить каноны классицизма, демонстрирует интересное «соседство» в одном контексте надежды и страха. Едва ли не самый показательный пример – шуточная басня И.И. Дмитриева «Надежда и Страх»: «Хотя Надежда век / Со Страхом не дружилась, / Но час такой притек, / Что мысль одна родилась, / Как в той, так и в другом, / Какая ж мысль смешная: / Оставить свой небесный дом / И на землю идти пешком, / Узнать — кого?.. людей желая. / <...> / Итак, Надежда захотела / И тотчас полетела; / Пополз за ней и Страх». [2; С. 373]

В этом тексте Надежда и Страх оказываются соседями, поскольку имеют высшее происхождение. Думается, сущность Надежды и Страх одинакова: это надежда в более общем значении, как «предугадывание» будущего, только в первом случае будущее обещает быть благосклонным, а во втором – нет. Это стихотворение – редкий пример равновесия этих состояний, а не вытеснения одного другим, как, например, в таких строках оды Майкова: «С тобою мы пути проходим, / Пустыни, дебри и моря, / Тобою страхи попираем, / Тобою бедства презираем! («Надежда», 1778). [6; С. 263]

Особенности понимания «страшного» в «классический» период получили резонанс в поэзии начала XIX века. Вместе с тем чрезвычайно важны собственно романтические тенденции: страшным оказывается исключительное, выходящее за рамки обыденности. Это страшные пространственные картины, страшные преступления, пришельцы из потустороннего мира (призраки, духи, мертвец), различные «нелюди» (вампиры, ведьмы, черти). В основе своей это страх перед угрозой, приходящей извне, откуда-то из-за границ жизни, и разрывающей нормальное существование. Однако угроза эта вполне конкретна и узнаваема: подвергшийся действию «страшного» всегда хорошо понимает, что его напугало.

«Элегическую» / «романтическую» эпоху представляется целесообразным рассматривать в контексте творчества А.С. Пушкина.

В этот период актуализируется распространённое в литературе XVIII века отношение к войне как страшному испытанию, причём усиливается негативизация: «Тот сердца не имел, от камня тот родился, / Кто первый с бешенством на брата устремился... / <...> / А слава?.. Нет! Ее злодей лишь в брани ищет; / Лишь он в стенаниях победы гимны слышит. / В кровавых горах тел трофеи зрит; / Потомство извергу проклятие гласит, / И лавр его, поблекши, тлеет» (В.А. Жуковский «Мир»). [3]

У Пушкина военная слава бывает и опасной (она «грозит / Перстом окровавленным» поэту-гедонисту), и желанной (для поэта-воина: «От первых лет поклонник бранной Славы, / Люблю войны кровавые забавы, / И смерти мысль мила душе моей» [7; Т. 2; С. 128]). Война привлекает Пушкина возможностью проявить смелость, испытать свои силы и превзойти их, помимо этого, на войне человек может полагаться только на себя и именно он определяет свой путь, что предполагает свободу выбора: «...Военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае, твое поведение надолго определит твою репутацию и, быть может, твое благополучие...». [7; Т. 13; С. 49-50] Пушкин находит даже особую прелесть смерти на войне, её объясняют строки из «Путешествия в Арзрум...», посвященные Грибоедову:

«Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». [7; Т. 8; С.441-490] Мгновенная смерть в момент «выхода за свои пределы» желанна, поскольку это возможность избежать переживания *ужаса-тоски* перед грядущим.

В лицейских «Воспоминаниях в Царском селе» (1814) война воспринимается как изначально свойственное миру зло: «И вскоре новый век узрел / И брани новые, и ужасы военны; / Страдать – есть смертного удел». [7; Т. 1; С. 60-63]

Однако, как видим из проведенного выше обзора, даже в военных условиях значимой оказывается возможность для личности проявления своих нравственных качеств. Война воспринимается Пушкиным как состязание, победитель которого проявляет *милость* к побежденным: «Пирует Петр. И горд и ясен / И славы полон взор его, / И царской пир его прекрасен. / <...> В шатре своем он угощает / Своих вождей, вождей чужих, / И славных пленников ласкает» («Полтава»). [7; Т. 5; С. 59-60]

Таким образом, можно сделать вывод о значимости категории страшного для лирики исследуемого периода, ее тесной взаимосвязи с другими универсалиями (смерть, восторг и т.д.). Исследование универсалий в произведениях русских поэтов и писателей позволяет наиболее полно отобразить их преемственность и взаимосвязь.

Библиографический список

1. Державин Г. Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. 469 с.
2. Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: «Советский писатель», 1967. 501 с.
3. Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 18-20.
4. Кретов А.А. Архаисты и новаторы в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Универсалии русской литературы. Воронеж, 2009. С. 30.
5. Ломоносов М. В. Избранные произведения. М., 1965.
6. Майков В. И. Избранные произведения. М.-Л.: «Советский писатель», 1966. 490 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994 – 1997.
8. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Intrada, 2010. С. 218.
9. Фаустов А.А. Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации // Универсалии русской литературы. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2009. С. 8-28.

References

1. Derzhavin G. R. Poems. L.: Sov. writer, 1957. 469 p.
2. Dmitriev I. I. The Complete collection of poems. L.: «Soviet writer», 1967. 501 p.
3. Zhukovsky V. A. Collection of works: In 4 V. Moscow; Leningrad, 1959. V. 1. P. 18-20.
4. Kretov A. A. Archaists and innovators in Russian literature of the XVIII – beginning of XX centuries // Universals of Russian literature. Voronezh, 2009. P. 30.
5. Lomonosov M. V. Selected works. M., 1965.
6. Maikov V. I. Selected works. M. – L.: «Soviet writer», 1966. 490 p.
7. Pushkin A. S. Complete works: in 19 V. M.: Sunday, 1994 – 1997.
8. Savinkov S. V., Faustov A. A. Aspects of Russian literary character. M.: Intrada, 2010. P. 218.
9. Faustov A. A. Literary universal: towards a terminological demarcation // Universals of Russian literature. Voronezh: Voronezh state University, Publishing house by Aleinikov, 2009. P. 8-28.

УДК 808.2

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка
Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-910-342-01-53
e-mail:retaleo@mail.ru*

*Military Air Academy named afier professor
N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin
The chair of Russian language,
PhD, associate professor
Revyakina T.L.
Russia, Voronezh, тел. 8-910-342-01-53
e-mail:retaleo@mail.ru*

Т.Л. Ревякина

ЦИТАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается вопрос о формировании особого лингвокультурного пространства художественного текста, которое изучается как сложная структура, складывающаяся не только благодаря внутренним семантическим связям отдельных языковых единиц, но и внешним связям данного художественного текста, в том числе в пространстве мировой культуры, т. е. с учетом межтекстовых связей.

Ключевые слова: лингвокультурное пространство, художественный текст, семантика, интертекст, цитация, аллюзия, реминисценция.

T.L. Revyakina

QUOTATION IN LITERARY TEXT AS A MEANS OF FORMING OF SPECIAL LINGUISTIC AND CULTURAL SPACE

The article discusses the question of the formation of particular cultural and language space of a literary text which is studied as a complex structure emerging not only due to internal semantic relations of separate linguistic units, but also by external relations of a given literary text, including in the space of world culture, i.e. intertextual relations.

Key words: language and cultural space, artistic text, semantics, intertextuality, citation, allusion, reminiscence.

Научные разработки последних лет позволили преступить к изучению художественного текста, являющегося специфическим репрезентантом художественной картины мира, осуществить комплексный подход, сопрягающий в себе достижения теории и эстетики текста, лексикологии, прагматики, герменевтики, феноменологии, а также данные истории, психологии, этнологии. Становление лингвокультурологии как науки, рассматривающей язык и культуру в их взаимодействии, предопределило повышенный интерес к исследованию поэтического текста в лингвокультурологическом аспекте, в первую очередь связанном с определением национально-культурной специфики.

Несмотря на пристальное внимание к данной проблеме, остаётся ещё не достаточно изученным вопрос описания индивидуально-авторской картины мира, которая представляет собой сложный феномен, совмещающий национальные и индивидуальные черты. При этом интерес к исследованию художественного произведения как осо-

бым образом организованной системы проявляется в выявлении и изучении смысловой стороны художественного текста с учетом его связей в пространстве мировой художественной культуры, что обуславливает значимость для современной лингвопоэтики рассмотрения вопросов интертекстуальности и интертекста.

Каждый художественный (поэтический) текст представляет собой эстетически организованную целостную систему. Структурность является внутренним свойством этой системы, служащим для осуществления связей между ее элементами. При изучении смысловой стороны художественного (поэтического) текста в настоящее время многими исследователями правомерно используется понятие «лингвокультурологическое пространство художественного текста», рассматриваемое как сложная структура, которая складывается не только благодаря внутренним семантическим связям отдельных языковых единиц, но и внешним связям данного художественного текста, в том числе в пространстве мировой культуры.

В современной научной литературе для общего наименования отсылок к прецедентным текстам нередко используется понятие «цитация». «Конкретная цитата, реминисценция, аллюзия – это частный случай цитации, ... симптом чужих смысловых языков, кодов и дискурсов, которые как бы в свернутом виде заключены в данном произведении и, будучи развернуты, позволяют реконструировать эти коды и дискурсы» [2]. При этом интертекст понимается не как собрание цитат из различных авторов, но как пространство соединения всевозможных цитаций.

В поэтическом тексте разные виды цитации играют двоякую роль. С одной стороны, вступая в семантические отношения со всеми элементами текста, подчиняясь авторскому замыслу, цитация становится частью этого текста, а с другой стороны, цитация актуализирует «чужие» тексты.

Как отмечают современные исследователи, в широком смысле цитация предполагает использование «чужого слова» в авторском тексте. Особый вид цитации – текстовые реминисценции – объединяет неявные речевые отсылки к прецедентным аналогам и зачастую принимает преобразованный вид, наиболее выразительно апеллируя к уже известному в культурно-языковом опыте коммуникантов. «Цитацию в современной русской речи отличают обращение к самому широкому кругу источников (от классических и традиционных до рекламных и низкопробных), а также переосмысление нового текста на фоне известного прецедентного аналога» [3; с. 89].

С точки зрения изучения особенностей смысловой стороны художественного текста и ее обусловленности межтекстовыми связями творчество О.Э. Мандельштама занимает важное место в русской поэтической традиции. В современном мандельштамоведении прочно укрепилась мысль о том, что преобразования поэтической речи, свойственные представителям «серебряного века» русской культуры, привели О.Э. Мандельштама к созданию поэзии, которую исследователи называют «семантической». Целью «семантической поэтики» является создание новых уникальных смыслов текста. Указанные особенности в полной мере проявились в стихах О.Э. Мандельштама, созданных в начале 30-х гг. XX века. Стихотворения названного периода творчества при жизни автора почти не печатались. Как отмечается в специальных литературоведческих работах, разрыв поэта с официальной культурой становился все более очевидным. Но, не принимая официальную советскую культуру, О.Э. Мандельштам обращается к мировой культуре: «Мандельштам в это время поэт непечатающийся, он пишет только для себя, ощущает себя наедине с языком, а не с собеседником... Надиктованные им

строфы размножаются метафорическими ассоциациями...» [2; с. 243]. Следовательно, поэтические тексты начала 30-х гг. особо значимы с точки зрения выявления межтекстовых связей произведений О.Э. Мандельштама, а также интертекстуальности его стиля в целом.

Так, интертекстуальные связи, влияющие на формирование смыслового содержания поэтического произведения, обнаруживаются в стихотворении «Я скажу тебе с последней прямотой...», написанном в 1931 г.:

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота...,
Ой ли так ли, дуй ли, вей ли,
– Все равно;
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино.
Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне – соленой пеной
По губам.
Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни – шерри-бренди, –
Ангел мой.
По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета...

[4; с. 170-171]

Данное стихотворение содержит реминисценцию одной из «маленьких трагедий» А.С. Пушкина – «Пир во время чумы»: Было время, процветала / В мире наша сторона / В воскресенье бывала / Церковь Божия полна... / Ныне церковь опустела / Школа глухо заперта / Нива праздно перезрела... / Тихо все. Одно кладбище / Не пустеет, не молчит [5; с. 286].

На наличие интертекстуальных связей стихотворения О.Э.Мандельштама с произведением А.С. Пушкина указывают, прежде всего, имя Мэри, а также формируемый лексическими единицами «пей», «коктейли», «дуй», «вино», «шерри-бренди» и фольклорно-песенной строкой «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли» художественный образ «пир», соотносящийся с образным строем и названием «маленькой трагедии» А.С.Пушкина «Пир во время чумы».

В результате межтекстовых связей рассматриваемого стихотворения формируется многоплановое семантическое пространство, в котором важную роль играют лексические образы «пустота» и «срамота», антонимичные художественному образу «пир».

В стихотворении О.Э. Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямотой...», как и в произведении А.С. Пушкина возникают и противопоставляются два смысловых плана, которые можно охарактеризовать как благополучие в прошлом (репрезентируется глаголами «процветала», «сияла», существительным «красота») и неблагополучие в настоящем (репрезентируется глаголами «опустела», «зияла», существительными «срамота», «нищета», «кладбище»). На грамматическом уровне названное противопоставление

поддерживается употреблением глаголов в прошедшем времени для выражения первого смыслового плана («сияла», «зияла», «сбондили»; ср. у А.С. Пушкина: «было», «процветала», «бывала», «опустела», «перезрела») и употреблением глаголов в настоящем и будущем времени для выражения второго смыслового плана («помажет», «покажет»; ср. у А.С. Пушкина: «стоит», «не молчит», «не пустеет», «носят», «просят»).

Реминисценция из текста А.С. Пушкина и содержащиеся в нем образы пустоты и смерти являются принципиально важными для формирования метаобраза *неблагополучие в настоящем*: советскую действительность 30-х г.г. Мандельштам воспринимает как чуму – бессмысленное гибельное существование, полное мрака.

Подобное ощущение усиливается еще одной отсылкой. Мифологема «Елена», словесные образы «эллины», «греки», «красота» репрезентируют известный сюжет из греческой мифологии. В период творчества конца 10-х – начала 20-х г.г., после возникновения литературного течения «акмеизм», обращение к античной культуре для О.Э. Мандельштама являлось основой его поэтики (см. книгу стихов «Tristia», статьи «Скрябин и христианство» (1915), «Слово и культура» (1921), «О природе слова» (1921). Следовательно, аллюзивная отсылка к античной культуре в рассматриваемом стихотворении играет важную роль для формирования метаобраза *благополучие в прошлом*.

Смысловое наполнение и образный строй стихотворения «Фаэтонщик», написанном в том же 1931 г.:

На высоком перевале
 В мусульманской стороне
 Мы со смертью пировали –
 Было страшно, как во сне.
 Нам попался фаэтонщик,
 Пропеченный, как изюм,
 Словно дьявола погонщик,
 Односложен и угрюм...
 Я очнулся: стой, приятель!
 Я припомнил – черт возьми!
 Это чумный председатель
 Заблудился с лошадьми!..
 И бесстыдно розовеют
 Обнаженные дома,
 А над ними неба мреет
 Темно-синяя чума. [4; с. 183]

также формируется благодаря межтекстовым связям названного стихотворения с «Пиром во время чумы» А.С. Пушкина:

Известно, что в основе создания «Фаэтонщика» лежат реальные события в Нагорном Карабахе. Ср. фрагмент из воспоминаний Н.Я. Мандельштам: «На рассвете мы въехали в Шушу. Город начинался с бесконечного кладбища... в этом городе, когда-то, очевидно, богатом и благоустроенном, картина катастрофы и резни была до ужаса наглядной. Мы прошли по улицам, и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей. Дома из знаменитого розового туфа, двухэтажные. Все перегородки сломаны, и сквозь эти остовы всюду сквозит синее небо... Мы решили ехать в Степанакерт... Добраться туда можно было только на извозчике. Вот и попался нам безносый

извозчик, единственный на стоянке, с кожаной нашлепкой, закрывавшей нос и часть лица» [4; с. 518].

Лингвокультурологическое пространство анализируемого стихотворения формируется образами-интерферентами *пир* (словесные реализации: «пировали», «веселя» – у О.Э. Мандельштама, «пир», «выпить», «песни», «веселье» и др. – у А.С. Пушкина); *фаэтон*, *телега* (у О.Э. Мандельштама фаэтоном управляет араб, у А.С. Пушкина телегой управляет негр); *фаэтонщик*; *председатель*; *чумный председатель*; *земля* (словесные реализации: «кисло-сладкая», «Нагорный Карабах», «Шуша» – у О.Э. Мандельштама, «родная», «селенье» – у А.С. Пушкина); *смерть* (словесные реализации: «смерть», «мертвые», «похоронен» – у О.Э. Мандельштама, «гроб», «кладбище», «мертвые», «могилы», «прах» – у А.С. Пушкина); *страх* (словесные реализации: «страшно», «ужасные», «страхи» – у О.Э. Мандельштама, «испуганное», «страх», «ужасный» – у Пушкина), *чума* (чума – острозаразная эпидемическая болезнь; перен: пир во время чумы – веселье во время общественного бедствия. Указанные образы-интерференты репрезентируют метаобраз *время начала 30-х гг.*, который под влиянием прецедентного текста приобретает значение *пир во время чумы*, то есть *бессмысленное гибельное существование, полное мрака*. (Ср. употребление лексического образа «зачумленная зима» в стихотворении «Кассандре» (1917): Но, если эта жизнь – необходимость бреда / И корабельный лес – высокие дома, – / Я полюбил тебя, безрукая победа / И зачумленная зима).

Анализируемое стихотворение передает восприятие О.Э. Мандельштамом времени 20-х – 30-х годов XX века (когда обыски, аресты, ссылки, казни, массовое уничтожение людей были обычным событием) как чумы, поразившей всех. В обычной жизни все делали вид, что ничего не замечают – ходили в кино, рестораны, посещали шуточные спектакли, участвовали в многолюдных демонстрациях трудящихся, смотрели парады физкультурников, то есть пировали во время чумы. А правил пиром “чумный председатель” – Сталин.

По мнению некоторых исследователей, в рассматриваемом стихотворении зашифровано имя Сталина: «...аллитерация на «ч» связывает лексему «чума» с лексемой «черт», а последняя, в свою очередь, через значимую рифму соотносится с лексемой «мертвый», (а значит, и с лексемой «смерть»). Кроме того, аллитерация на «с» и инструментовка на «ш» с искусным звуковым переплетением указывает на того, кто имеется в виду под «фаэтонщиком»: а именно – на «Сталина-Джугашвили» [1; с. 422].

У стихотворения «Фаэтонщик» существует еще один прецедентный текст – стихотворение «Бесы» А.С. Пушкина:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь темна.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Сколько их! куда их гонят?
Средь неведомых равнин!..
Страшно, страшно поневоле

Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?.. [5; с. 443]

Указанные стихотворения О.Э. Мандельштама и А.С. Пушкина эквиритмичны (написаны 4-стопным хореем). Интертекст создается лексическими образами «фаэтонщик», «ямщик», «кружиться», «вертелась», «заблудился», «сбились», «кружит», «страшно», «небо», «черт», «бесы», «тьма», «мутный», «темный». Но в смысловом плане названные стихотворения отличаются. В «Бесах» семантическое пространство изображается как нереальное, скорее сказочное. У читателя создается впечатление, что как только метель утихнет, а ямщик найдет дорогу, то бесы исчезнут, а вместе с ними и страх. В «Фаэтоннике» трагическая реальность передается как осязаемая и постоянная, она не исчезнет с наступлением нового дня. В целом, смысловое наполнение стихотворения «Фаэтонщик» формируется посредством межтекстового взаимодействия с одной из «маленьких трагедий» А.С. Пушкина – «Пир во время чумы».

Таким образом, анализ указанных стихотворений является яркой иллюстрацией утверждения, что цитирование прецедентных текстов формирует семантику художественного произведения в целом, создавая при этом особое лингвокультурологическое пространство.

Библиографический список

1. Буркхарт Д. Автор, лирический субъект и текст у Осипа Мандельштама // Автор и текст: Сборник статей. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. С. 408-428.
2. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. 480 с.
3. Ломов А.М., Топильская Е.Е. Цитация как путь реминисцирования в русской речи // Русский язык и его место в современной мировой культуре: Материалы международной научной конференции. Воронеж: ВГУ, 2003. 288 с.
4. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1990. 638 с.
5. Пушкин А.С. Золотой том: Собрание сочинений. М.: Издательский дом «Имидж», 1993. 975 с.

References

1. Burkhart D. Author, lyrical subject and text of Osip Mandelstam // The author and the text: Collection of articles. SPb.: Publishing house of St.-Petersburg University, 1996. P. 408-428.
2. Gasparov M. L. Russian poetry: Analysis, interpretation, performance. St.-Petersburg, 2001. 480 p.
3. Lomov A.M., Topilskaya E.E. Quotation as a way of reminiscient in the Russian language // Russian language and its place in the modern world culture: Materials of the international scientific conference. Voronezh State University, 2003. 288 p.
4. Mandelstam O.E. Works in 2 vol. Moscow, 1990. 638 p.
5. Pushkin A.S. Golden volume. Moscow, 1993. 975 p.

УДК 81'42

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
доц. кафедры русского языка и межкуль-
турной коммуникации, канд. филол. наук*

Воронова Т.А.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, associate professor*

Voronova T.A.

*Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ «ПОЛУ-» В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

В статье анализируются и обобщаются контекстуальные смыслы слов с элементом «полу-», употребленных в поэтических произведениях А. Тарковского.

Ключевые слова: словообразовательный элемент, поэтический контекст, эпитет, повтор, анафора, авторский неологизм.

T.A. Voronova

WORD-BUILDING ELEMENT “SEMI-” IN ARSENY TARKOVSKY’S POETIC VOCABULARY

In the article we analyze and generalize contextual meanings of the words with the element “semi-” used in poetic pieces by A. Tarkovsky.

Key words: word-building element, poetic context, epithet, repetition, anaphora, author’s neologism.

Замысел данного исследования родился у автора в процессе работы над третьей частью «Словаря лирики Арсения Тарковского» [1]. Не могло не обратить на себя внимание количество лексических единиц с элементом *полу-* в поэтическом арсенале А. Тарковского – около двадцати; в их число входят как общеязыковые лексеммы, так и авторские неологизмы [2]. Однако в ходе лексикографического описания данных единиц выяснилось, что семантика указанного словообразовательного элемента довольно неоднородна и во многом зависит от конкретного контекста.

Рассмотрим наиболее яркие и характерные примеры.

В ряде контекстов элемент *полу-* приобретает смысл, близкий к частице «почти», т.е. «почти достигший какого-либо состояния»:

Какие скорбные просторы,
Какие мокрые заборы,
И эта **полунагота**
Деревьев, эта нищета...

(«Какие скорбные просторы...»)

В данном отрывке эпитет «полунагота», используемый поэтом для описания осенних деревьев, обозначает отнюдь не «частичное отсутствие листвы», а почти полное ее отсутствие (в стихотворении изображается именно поздняя осень, пора предвзвешья). В финале эпитет сменяется более точным синонимом – «обнажение»:

Не верь деревьям. В эту пору
Они – притворщики. Они
Солгут, что твоему позору
Их **обнажение** сродни...

Аналогичные смыслы мы видим и в другом контексте:

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, **полуслепой, полуживой,**
Один среди небесного сиянья
Стоит он с непокрытой головой.

(Анжело Секки)

Все три определения, включая выделенные, передают душевное и физическое состояние старого астронома, причем подчеркивают не просто его возраст, а близость смерти. И если эпитет «полуслепой» следует понимать как «почти ослепший», т.е. практически в прямом смысле, то «полуживой» означает «почти мертвый». Таким образом, вторая часть данного лексического образования вступает в антонимические отношения со словом в целом. Схожим примером является и меткое выражение из цикла, посвященного А.А. Ахматовой: «**полупризнанная**, как ересь» – то есть практически находящаяся под запретом, лишенная признания.

Отметим также, что дублирование элемента *полу-* в микроконтексте (предложении или четверостишии) – прием, неоднократно используемый А. Тарковским. В приведенном выше отрывке эпитеты с данным элементом характеризуют героя с одной стороны, постепенно дополняют и «дорисовывают» словесную картину.

Однако такой повтор может указывать и на некую противоположность или противоречие, свойственные одному и тому же предмету. Элемент *полу-* в таком случае приобретает значение «наполовину»:

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь? <...>
Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!

(Загадка с разгадкой)

Вот ты сидишь под ледяной скалой,
Перед тобою ледяной налой,
Ты вслух читаешь свой завет поваренный,
Тобой хозяйкам молодым подаренный... <...>
Ночная тень, холодная, голодная,
Полубайстрючка, полублагородная...

(Елена Молоховец)

Остановимся на последней цитате. Выделенные нами авторские новообразования с элементом *полу-* вполне вписываются в общий язвительный тон стихотворения: значение «наполовину» приближается здесь (с учетом повтора) к фразеологизму «ни то ни сё», «ни рыба ни мясо». Не случайно стихотворение заканчивается именно этой характеристикой героини.

Следует обратить внимание и на те контексты, где элемент *полу-* приобретает значение «недо-» или «псевдо-»: слова с этим элементом обозначают нечто неполноценное, ненастоящее. Чаще всего здесь мы сталкиваемся с примерами поэтического словотворчества, которые отчасти передают психологическое состояние поэта или отражают его мировоззрение:

Сказать – скажу: я **полужил** и **полу –**
казалось – **жил** и сам себя прошляпил.
Уймите, ради Бога, радиолу!

(Граммофонная пластинка)

Перед нами уже знакомый анафорический прием: «полужил» и «полу-казалось». Значение первого неологизма понять нетрудно: «полужить» – значит жить только наполовину, недостойно самого себя. (В более позднем стихотворном цикле «Пушкинские эпитафии» мы находим своего рода расшифровку этого словесного образования – «смутно жил», «леность сердца» и синоним-анафору «полусон»: «Я **смутно жил**, но во спасенье Души, изнывшей в **полусне**, Как мимолетное виденье, Опять явилась муза мне, <...> И **леность сердца** мне простила.») Но картина душевного состояния дополняется эпитетом «полу–казалось», подчеркивающим неполноценность самой иллюзии, непрочность и несостоятельность самообмана.

Отметим на полях, что прием «зашагивания» и тем более дробления слова между строками, как в приведенном выше отрывке, – редкость для поэзии Тарковского, известного своей приверженностью к классическим традициям и критически относившегося к поэтическим экспериментам со стихотворной формой. По воспоминаниям современников, в неточной рифме Тарковский видел нечто безнравственное [3]. Очевидно, именно такой смысл вложен поэтом в окказионализм «полурифмы»:

Переперчив бессмыслицей замысел смутный,
Полурифмы он в ступе, как воду, толлок,
Сам себе он завидовал, сиюминутный,
Хитроватый и женственный **полубожок**.

(«Был он критикой признан, и учениками...»)

В одном ряду с «полурифмами» (читай: недорифмами) у Тарковского стоит и уничижительный эпитет «полубожок». Можно предположить, что с его помощью поэт соотносит мироощущение героя и его подлинную творческую и человеческую ценность: это литератор-однодневка, вошедший в моду и в душе ощущающий себя «полубогом», но лишенный подлинного таланта и глубины.

Однако данная лексема образована от существительного «полубог»; словообразовательный элемент *полу-* пришел из производящего слова и не включает в себе тех смыслов, которые были нами рассмотрены выше. Образное контекстуальное значение заключается в слове в целом, а не сосредоточено в отдельных его элементах. Подобное

явление мы обнаруживаем и в других поэтических произведениях Тарковского. Так, прилагательное «полупьяный» используется автором для передачи состояния упоения, поэтического экстаза: «Где кудри символистов **полупьяных**? Где рослых футуристов затрапезы?» (*Вещи*). Аналогичным образом, выражение «полуопущенные веки» становится не просто портретной, а психологической деталью. Перед нами не просто неполное действие, а жест, выдающий некую скрытность, женское лукавство или же нежелание выдавать свои чувства:

Я знаю, со мною остался навек
Весь жар бытия твоего:
За трепетом **полуопущенных** век
Недвижных зрачков торжество.

(*Ардон*)

Итак, нами рассмотрены основные смыслы словообразовательного элемента *полу-* и основные случаи его употребления в стихотворных произведениях А. Тарковского. Несмотря на необходимость подробного анализа словоупотребления в каждом конкретном контексте, нам удалось выявить некие общие тенденции и увязать их с поэтической системой А. Тарковского в целом.

Библиографический список

1. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть III. Воронеж, 2014. 254 с.
2. Воронова Т.А. Словотворчество в лирике А.А. Тарковского // Эйхенбаумановские чтения: Материалы международной конференции. Вып. 4. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2003. С. 155 – 162.
3. Хлебников О. «Неточная рифма безнравственна» // Псковская губерния. № 25 (344). 27 июня – 3 июля 2007 г. // http://gubernia.pskovregion.org/number_344/12.php

References

1. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part 3. Voronezh, 2014. 254 p.
2. Voronova T.A. Word creation in Arseny Tarkovsky's verse // Eikhenbaum reading. Vol. 4. Voronezh, 2003. P. 155 – 162.
3. Khlebnikov O. "Inaccurate rhyme is immoral" // Pskov region. № 25 (344). June 27th – July 3^d, 2007 // http://gubernia.pskovregion.org/number_344/12.php

УДК 81'373

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный медицинский университет» Минздрава России

канд. филол. наук, ст. преп. кафедры русского языка

Юдина Т.А.

Россия, г. Оренбург, тел.: 8(3532)409792

e-mail: t.yudina82@list.ru

Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Orenburg State Medical University" of Russian Ministry of Health

The department of Russian language,

PhD, senior lecturer

Yudina T.A.

Russia, Orenburg, 8(3532)409792

e-mail: t.yudina82@list.ru

Т.А. Юдина

ТОПОНИМЫ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Статья посвящена анализу значения топонимов, выявленных в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Среди данных топонимов автор выделяет несколько их видов: астионимы (названия городов), ойконимы (названия сёл и деревень), потамонимы (названия рек), хоронимы (названия областей, районов). В статье отмечаются особенности именования данных объектов.

Ключевые слова: топонимы, виды топонимов, лингвистическое краеведение.

T.A. Yudina

PLACE NAMES IN THE NOVEL OF A. S. PUSHKIN "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

The article is devoted to the analysis of the meaning of names highlighted in Pushkin's novel "The captain's daughter". Among these names, the author identifies several types of them: names of cities, names of villages, names of rivers, names of regions and districts. The article points out features of the naming of the given objects.

Key words: toponyms (place names), types of place names, linguistic study of local area.

Географические названия отражают исторические условия развития человечества. В них отражается природа той местности, где поселялся человек, характер занятости в разные эпохи, миграции народов, исторические события, природные полезные ископаемые, найденные человеком в местах его обитания. Довольно часто географические объекты носят имена известных людей.

Люди постоянно пользуются названиями, но редко задумываются о том, как они возникли и что означают. В. В. Мавродин писал: «Как мало внимания уделяют исследователи языку древнего населения края в том виде, в каком он отложился в названиях рек, озер, болот, холмов, лесов и т.д. Как незаслуженно забыт этот чрезвычайно ценный источник, зачастую дающий для разрешения проблем этногенеза больше, чем десятки городищ и могильников» [1; с. 34]. Профессор И. П. Филевич отмечал: «Язык земли» говорит нам часто больше, чем произведения древних и средневековых авторов, больше, чем говорит о своей истории народ, путаясь, сбиваясь, припоминая и фантазируя» [3; с. 57].

Выбор названия географического объекта зависит от причин, лежащих в основе

развития общества. Топонимия – это история, выраженная средствами языка, это социальное явление.

Цель статьи – объяснить значение топонимов, выделенных в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», и распределить их по видам. Проанализировав повесть, мы обнаружили следующие топонимы: Белогорская крепость, Бердская слобода, Волга, Казань, Москва, Нижнеозерная крепость, Оренбург, Санкт-Петербург, Сибирь, Симбирск, Татищева крепость, Яик. Среди них выделим следующие группы микротопонимов:

1) *Астионимы – названия городов.*

Москва – столица России. Название города впервые упоминается в летописи под 1147 г., где говорится о приглашении Владимиро-Суздальским князем Юрием князя Святослава: «приди ко мне брате в Московъ», т. е. название города приведено в косвенном падеже. Современные исследователи считают, что форма именительного падежа названия города была *Москвы*. Название Москва установилось лишь с XIV в. и используется до сих пор. Попытки объяснения названия города *Москва* предпринимаются с XVII в. Наиболее ранние толкования были фантастичны: из сложения имён мифических персонажей *Мосох* и *Ква*; из русского *Мостки*; из русского «мужской (монастырь)» в якобы немецком написании *moskoī*, откуда и *Москва*. Для всех этих толкований характерно также непосредственное обращение к названию города, игнорируя первичность гидронима *Москва*, хотя уже в литературном памятнике конца XVI в. сообщалось, что «Москва-град по имени реки, текущей под ним».

Казань – столица Татарстана, город основанный в XIII в. при впадении в Волгу реки Казан. Первичность ойконима или гидронима спорна. Предложен ряд этимологий, из которого наиболее убедительны две: из этнонима *казан*, относящегося к одному из болгарских племён, или из тюркского личного имени *Хасан*. Этимологии, связывающие название с татарского *казан* – «котёл» или с *казанлык* – «котловина», с особенностями р. Казанки, якобы изобилующей ямами и омутами, в настоящее время отвергаются как недостаточно обоснованные.

Оренбург – город центральной области. В 1735 г. при впадении реки *Орь* в Яик (с 1775 г. – реки Урал) построена крепость, получившая немецкое название *Оренбург* – «Орская крепость». Гидроним *Орь* происходит из тюркского *ор* – «ров, канава», а также «долина, лог, русло, овраг». Позже крепость дважды переносили, в результате чего она оказалась почти в 300 км от р. Ори, но её первоначальное название не изменилось.

Санкт-Петербург – основан 16 мая 1703 года, когда Петр Великий заложил крепость под названием *Санктпитебург* в честь Святого Петра, небесного покровителя императора. Крепость после сооружения в ней собора Петра и Павла стала называться Петропавловской, а её первоначальное название оказалось распространённым на возникшем при ней городе. После начала мировой войны актом от 18(31) августа 1914 года немецкое название было заменено на русское *Петроград*. В 1924 году, сразу после смерти В. И. Ленина, город был переименован в *Ленинград*. 6 сентября 1991 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР Ленинграду возвращено его первоначальное имя – *Санкт-Петербург*.

Симбирск – так назывался Ульяновск с момента основания в 1648 году до 9 мая 1924 года. Это название он получил по горе, на которой расположен. В исторических источниках упоминания о Симбирской горе встречаются значительно раньше постройки на ней русской крепости. В основе названия горы лежало название ранее существо-

вавшего здесь города (древнего поселения) *Симбир*. О происхождении топонима *Симбир* высказывалось много предположений. Так, были попытки связать его с чувашским *син бирен* – "белая гора", с мордовским *сююн бир* – "зелёная гора", с тюркским *сын бер* – "одинокая гробница". Но уже во второй половине прошлого века подобные объяснения были отвергнуты как не подтвержденные материалом указанных языков. Тогда же получила распространение мысль о том, что городище *Симбир* обязано своим названием личному имени одного из болгарских ханов. Однако в дошедших до нас довольно обширных перечнях личных монгольских и тюркских имен XII – XIII веков имя *Симбир* тоже не обнаружено. Вместе с тем материалы монгольской топонимики и монгольских языков дают основание усматривать в названии *Симбир* монгольскую основу. В Монголии: *Симбир* – город в Восточно-Гобийском аймаке (области); *Симбир* – селение на юго-востоке Центрального аймака; *Симбир* – гора и т. д. В монгольском языке нарицательное слово *сюмбюр* (> симбир) и сейчас употребляется в значении "священная гора" [5].

2) *Ойконимы* - названия сёл и деревень.

Белогорская крепость – это несуществующий географический объект, выдуманный А.С. Пушкиным. Из текста мы знаем, что эта крепость по своему расположению приблизительно соответствует Татищевой. Слово «Белогорская» состоит из двух корней «бел» и «гор». Каждый из них имеет свое символическое значение. В Библии белый цвет является символом святости, непорочности. А гора – это белеющее возвышенное место. «Белое» плюс «возвышенное» удваивает семантику священного, недоступного.

Бердская слобода – Бердская крепость, основана в 1736 г., на речке Берды (сейчас Бердянка). В переводе с башкирского диалектного *бярде* (*бэрде*) значит «хариусовая», так как речка была богата этой рыбой.

Нижнеозёрная крепость – построена в 1754 г. и названа по нескольким окружающим ее озерам Озёрной, но так как к тому времени уже была такая крепость, то для отличия от неё, расположенной выше по Уралу, новую стали называть Нижнеозёрной: она была ниже по Уралу.

Татищева крепость – названа в честь В.Н. Татищева – государственного деятеля, ученого, управлявшего некоторое время Оренбургским краем.

3) *Хоронимы* — названия любых территорий, областей, районов.

Сибирь – территория России, простирающаяся от Урала до хребтов тихоокеанского водораздела на Востоке и от берегов Северного Ледовитого океана до границы с Центральной Азией на Юге. В отношении значения, принадлежности и времени возникновения высказывались достаточно противоречивые соображения. В русском языке название *Сибирь* как вполне знакомое, не нуждающееся в пояснении, впервые упоминается в 1483 году. Первоначально - это город и местность в низовьях Тавды, Тобола. С продвижением русских к Востоку в понятие *Сибирь* включались всё новые территории вплоть до Байкала и дальше, иногда даже включая Дальний Восток.

4) *Потамонимы* – названия рек.

Волга – река в европейской части России. В разное время на разных участках река имела разные названия. Древнегреческий географ Птолемей во II веке известное ему нижнее течение реки упоминает под названием *Ра*. Позже нижнее и среднее течение Волги называют *Итиль*. Верхнее течение реки, находящееся в лесной зоне европейской части России, известно как *Волга*. Происхождение этого названия спорно. Наличие рек *Волгайоки*, *Вольга*, *Волгома*, озера *Волгоозера* в пространстве от Оки до Карелии по-

звояет предполагать возникновение названия *Волга* в языке племён, живших в её верхнем течении во времена неолита и распространившихся позже по более северным областям. Но истоки и верхнее течение реки находятся в зоне, где до начала II тысячелетия проживали балтийские племена. В балтийском языке *valka* – «небольшой ручей; ручей, текущий по болоту; небольшая река, родник»; этот термин часто сопоставляется с названием *Волга*, т.е. неолитическое население лесной зоны могло быть индоевропейским.

Яик – старое название реки Урал, до указа Екатерины II в 1755 г. Башкирское название – Шойек Идель, калмыцкое – Сай Голь, казахское – джаик, татарское – Ийик. Во всех вариантах, кроме калыцкого, первая часть имеет значение «лето», а вторая «река», т.е. в целом, - «река, текущая на летнюю сторону (юг)».

Таким образом, среди выделенных топонимов значительная часть является астионимами (5 единиц) и ойконимами (4 единицы), меньшим количеством представлены потамонимы (2 единицы) и хоронимы (1 единица). Названия части астионимов связаны с именами гидронимов. Такими являются названия городов Москва, Оренбург. В основе других астионимов лежит антропоним, например, названия городов Казань, Санкт-Петербург, а также ороним, например, город Симбирск. Названия ойконимов связаны с названиями водных объектов (Бердская слобода и Нижнеозёрная крепость), а также с названием горы (Белогорская крепость) и с именем известного человека (Татищева крепость). Названия потамонимов происходят от именованного слова «река» на разных языках.

Библиографический список

1. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер / Отв. ред. Э. М. Мурзаев. М.: Наука, 1985. 143 с.
2. Географически названия Оренбургской области: Краткий топонимический словарь / Сост. Слободинская Т.Ф. Орск, 1989. 56 с.
3. Попов А. И. Географические названия. М.-Л., 1965.
4. Поспелов Е.М. Топонимический словарь. М.: Астрель: АСТ, 2005. 332 с.
5. http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Barashkov_V._F._Po_sledam_

References

1. Ageev R.A. Origin of names of rivers and lakes / Ed. By E.M. Murzaev. Moscow, 1985. 143 p.
2. Geographical names of the Orenburg region: Short toponymic dictionary / Comp. by Slobodinsky T.F. Orsk, 1989. 56 p.
3. Popov A.I. Geographical names . Moscow-Leningrad, 1965 .
4. Pospelov E.M. Toponymic dictionary. Moscow, 2005. 332 p.
5. http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Barashkov_V._F._Po_sledam_

УДК 81.373

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
додвузовского этапа обучения иностранных уча-
щихся*

Вязовская В.В.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)428-09-02,
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

Voronezh State University

*The chair of Russian language for pre-
college stage of teaching foreign students
PhD, associate professor*

Vyazovskaya V.V.

*Russia, Voronezh, tel. +7(920)428-09-02,
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com*

В.В. Вязовская

«ВСЁ СВОЁ НОШУ С СОБОЙ»: К ЭТИМОЛОГИИ ОДНОЙ ФАМИЛИИ ПЕРСОНАЖА Н.С. ЛЕСКОВА

В статье рассматривается поэтика имени героя романа Н.С. Лескова «Соборяне» Варнавы Препотенского. Проведён семантический анализ антропонима и установлены ассоциативные связи с прототипом персонажа.

Ключевые слова: литературная ономастика, художественный текст, онимы, Н.С. Лесков, ассоциативные связи.

V.V. Vyazovskaya

" I CARRY ALL MY THINGS WITH ME ": ABOUT ONE CHARACTER'S NAME BY N.S. LESKOV

This article sites the poetic of the name Varnava Prepotensky, one of the characters of the novel 'The Cathedral People' by N.S. Leskov. Semantic analysis of the anthroponym is performed and associative links with the prototype of the character are set.

Key words: literary onomastics, literary text, onym, N.S. Leskov, associative links.

В романе «Соборяне» Н.С. Лескова учитель, сын никитской просвирни, который «окончил семинарию первым разрядом, но в попы идти отказался, а прибыл сюда в гражданское уездное училище учителем математики» [3; с. 70] носит необычную фамилию *Препотенский*.

В одной из редакций романа учитель фигурирует под фамилией *Омнепотенский*, которая обыгрывается в тексте: Термосесов называет учителя *Омнеамеамекумпортенским*: «А мне больше нравится *Омнеамеамекумпортенский*, *отπία теα тесит porte*. Знаете латинское: «Все своё с собой ношу», отличная пролетарская фамилия. Я вас так буду звать» [5; с.108]. Это известное изречение греческого философа так же означает, что истинное богатство человека в его внутреннем содержании. Но сам персонаж своей жизнью утверждает, что это «внутреннее содержание» у него как раз отсутствует. Хотя, принимая во внимание его профессию, он должен демонстрировать и передавать свое духовное богатство – знания, но он лишь «научитель пакостей» – именно

так называет его протопоп Туберозов [3; с. 74].

Изречение *omnia tua tecum porte* – ‘всё свое с собой ношу’ – употребляется в ироничном смысле – по отношению к тем, у кого ничего нет – ‘что на мне, то и моё’ [4; с. 408]. Так, мать Препотенского, никитская просвирня, говорит сыну: «Молока ты утром пьешь до бесконечности; чаю кушаешь до бесконечности; жаркого и каши тоже, а встанешь из-за стола опять весь до бесконечности *пустой*, – это болезнь»; «Ей-богу, ты, *Варнаша, пустой!*» [3; с. 115].

Итак, Препотенский *пуст.* Возможно, что фамилия *Препотенский*, представляет собой усеченный вариант *Омнепотенский*: *Препотенский* < *Омнепотенский*. Но вместе с этим возможно, что фамилия восходит к существительному *препирание* ‘спор, прение’ [1; с. 394].

Препотенский провоцирует людей и этим вносит сумятицу: пишет записку, из-за которой протопоп отпеваает панихиду за декабристов, по его научению Алиоша Лялин задает вопрос Захарии, который ставит того в тупик, учитель вызывает эти прения часто именно в душах героев, в том числе и детей. Таким образом, фамилия является контаминацией двух источников.

Значимо в этом плане и имя героя: *Варнава*. Оно редкое и непривычное. Оно восходит к арамейск. *бар* ‘сын’ + *наба* ‘пророк’ [9; с. 139.], но ассоциативно его можно соотносить с распространённым диалектным словом *варначать* ‘спорить’ [1; с. 166], случайно мать Препотенского называет его *Варначок* [3; с. 259]. Таким образом, имя поддерживает фамилию персонажа, что также проявляется и в фонетическом созвучии: *Варнава Препотенский*.

Одним из реальных прототипов Препотенского, по мнению Б.А. Другова, был В.И. Аскоченский, издатель «Домашней беседы» [2; с. 79]. Исследователь А.А. Горелов утверждает, что на протяжении 60–70-х годов газета, издаваемая В.И. Аскоченским, занимала крайне правые позиции, борясь с прогрессивной печатью с помощью *клеветы* и *доносов*. Сам Н.С. Лесков был знаком с В.И. Аскоченским по Киеву, даже вступал с ним в полемику. Так, после смерти Т. Шевченко В.И. Аскоченский выпускает мемуары, которые, как считает исследователь А. Горелов, преследовали, по меньшей мере, тройную цель: очернить петербургские передовые круги, с которыми воссоединился поэт после ссылки; выразить сомнение в реальности вклада шевченковской протестующей музыки в поэзию; представить отношение автора с поэтом близкими и на этом основании попутными штрихами сколь возможно снизить впечатление о значительности его личности. Отклик Н.С. Лескова на статью В.И. Аскоченского появился в «Русском инвалиде» за 1861 год в № 268 от 2 декабря под названием «Нечто вроде комментариев к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г. Шевченко».

Ознакомившись с «Дневником» Аскоченского, опубликованным в «Историческом вестнике» (1882), Н.С. Лесков писал: «Вообще надо жалеть, что никто из знавших Аскоченского киевлян не напишет хорошей беспристрастной заметки о тревожной жизни и трудах этого человека с замечательными способностями, из которых он сделал худшее употребление, какое только мог бы выбрать его злейший враг» [7; с. 14].

В романе Препотенский тоже занимается писательской деятельностью: он посылал в Петербург «несколько статей». И ему «оттуда всё отвечают: «Резче». Прекрасно, что «резче»; я [Препотенский – В.В.] там и буду резок» [3; с. 110].

Препотенский, как и один из его прототипов, также пишет доносы. А также в своём письме из Москвы Ахилла пишет, что Препотенский стал *редактором* в Москве и что Ахилла был у него в редакции, видел там разных «литератов» [3; с. 276].

Исследователь Ю. Троицкий указывает на анекдот, связанный также с именем Аскоченского, который вошел в хронику, правда, несколько «измененный» [10; с. 194].

Это анекдот – колючая реплика протопopa Савелия: «Варнава был сильно ободрен: ему казалось, что после «бездны» фонды его быстро возвысились, и он, неожиданно смело схватив за рукав Губерозова, проговорил:

– Позвольте вас спросить: я третьего дня был в церкви и слышал, как один протопop произнес слово «дурак». Что клир должен петь в то время, когда протопop возглашает «дурак»?

– Клер трижды воспевае: «учитель Препотенский», – ответил Савелий» [3; с. 194].

Примечательно и то, что в романе фигурирует название журнала «*Домашняя беседа*»: мать учителя вспоминает заметку, рассказывая о своём сыне: «Мне отец Захария в «Домашней беседе» нарочно читал там: один благородный сын бесновался, десять человек удержать не могли. Так и Варнава! его никто не удержит. Робость имеет страшную, даже и недавно, всего еще года нет, как я его вечерами сама куда нужно провожала; но если расходится, кричит: «Не выдам своих! не выдам, – да этак рукой машет да приговаривает: – нет; резать всех, резать!» [3; с. 194].

Мать Варнавы считает, что её сын находится во власти беса: «Это они, они тебя мучат!» [3; с. 259], «я иначе и не полагаю, что он испорчен» [3; с. 113].

Варнава это понимает, и как бы пародирует мать, коверкая свое имя, произнесенное ею, словно выдавая ее опасения: «моя родительница отвечает: «Не сердись, говорит, друг мой *Варнашенька* (очень хорошее имя, изволили видеть, чтоб его еще переделывать в *Варнашенек* да *Черташенек*)» [3; с. 104].

Не случайно упоминание «Домашней беседы» не только в связи с реальным прототипом героя, но и в плане мотива «одержимости». Дело в том, что журнал «*Домашняя беседа*» в 50-х годах XIX века заработал «большие деньги за рассказы о бесах и кликушах» [6; с. 95]. В то время он стал наследником и проповедником «в духе русской народности» журнала «Маяк», который в 40-х годах «собрав около себя все, что только было «нечистого, таившегося в известных слоях общества, защищал западный XV век, сжигавший ведьм, которые, по его словам, «имели преступления сообщающиеся с ведьмами» и учил, «что есть злые люди, которые предавшее себя сатане могут причинять людям ужасное бедствия, – могут портить людей, и что <...> достаточно лишь одной самой пошлой, но ловкой насмешки, чтоб ею многих отвратить от справедливой веры в бытие бесов, а через то и веры в бога» [6; с. 95].

Итак, имя никитского учителя Варнавы Препотенского представляет собой емкий в смысловом отношении текстовый элемент, «аллюзивный фон» [8; с. 159] которого позволяет Н.С. Лескову искусно вплести в художественное полотно текста реальные факты из жизни прототипа персонажа, тем самым делая образ самого героя более сложным.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, Медиа, 2006. Т.1 (А–З). 2006. 699 с.; т.3 (П). 555 с.
2. Другов Б.М. Н.С. Лесков. Очерк творчества. М.: Госиздат. худ.. литературы, 1957. 200 с.
3. Лесков Н.С. Собр. соч. в XI-ти т. – М.: Худож. литература, 1956–1958. Т. IV.
4. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т. М.: ТЕРРА, 1997. Т.1. 800 с.
5. Плещунов Н.С. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне». Баку: Азернешр, 1963. 191с.
6. Прыжов И. Русские кликуши. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. Спб.: «ЭЗРО», 1996; М.: «ИНТРА-ДА», 1996. 214 с.
7. Семенов В. Николай Лесков – время и книги. М.: Современник, 1981. 302 с.
8. Скуридина С.А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 1 (25). С. 149-162.
9. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
10. Троицкий В.Ю. Лесков – художник. М.: Наука, 1974. 215 с.

References

1. Dal V.I Explanatory dictionary of live Great Russian language: In 4 vol. Moscow, 2006. Vol. 1 (A – 3), 2006. 699 p.; vol. 3 (П), 555 p.
2. Drugov B.M. N.S. Leskov. Sketch on creativity. Moscow, 1957. 200 p.
3. Leskov N.S. Completed works in 11 vol. Moscow, 1956-1958. Vol. 4.
4. Mikhelson M.I. Russian thought and speech: His and others': Experience of Russian phraseology: Collection of words and figurative allusions: In 2 vol. Moscow, 1997. Vol. 1. 800 p.
5. Pleshchunov N.S. Leskov's novels 'Nowhere to go' and 'The Cathedral People'. Baku, 1963. 191 pp.
6. Pryzhov I. Russian hysterics. 26 Moscow prophets, God's fools, fools and other works on Russian history and ethnography. St.-Petersburg – Moscow, 1996. 214 p.
7. Semenov V. Nikolay Leskov: time and books. Moscow, 1981. 302 p.
8. Skuridina S.A. «What kind of bird are you?»: the specific of some surnames of Fyodor Dostoyevsky's «Great pentateuch» // Scientific Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil engineering. Modern linguistic and methodical and didactic research. 2015. № 1. P. 119 – 130.
9. Superanskaya A.V Russian dictionary of personal names. Moscow, 2003. 544 p.
10. Troitsky V.Y. Leskov as an artist. Moscow, 1974. 215 p.

УДК 82.09

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры рус-
ского языка и межкультурной коммуника-
ции*

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48

e-mail: saskuridina@ya.ru

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering*

*The chair of Russian language and cross-
cultural communication,*

PhD, senior lecturer

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, tel. +7 (920)404-04-48;

e-mail: saskuridina@ya.ru

С.А. Скуридина

ОРНИТОМОРФИЗМ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Статья посвящена исследованию ономастических единиц романа Ф.М.Достоевского «Бесы». Фамилии *Лебядкин, Дроздов, Гаганов*, а также топоним *Скворешники* рассмотрены с точки зрения отражения орнитоморфной символики. Анализ материала позволяет заключить, что Ф.М.Достоевский использовал распространенные среди русских «птичьи» фамилии, но в контексте романа, систематически включаемые в орнитоморфную символику и предельно соотносимые в его творческой мастерской с образами героев, они становятся семантически значимыми и аллюзивно емкими.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, «Бесы», ономастика, онимы, антропонимы, топонимы, «птичьи» фамилии, орнитоморфизм.

S.A. Skuridina

ORNITOMORPHISM OF ONOMASTIC SPACE OF FYODOR DOSTOEVSKY'S "DEVILS"

The article researches the onomastic units of Fyodor Dostoyevsky's «Devils». Surnames *Lebyadkin, Drozdov, Gaganov* and toponym *Skvoreshniki* are considered from the point of view of ornithomorphic symbolism. Material analysis leads to the conclusion that Dostoevsky used common Russian «bird's» surnames, but in the context of the novel they became semantically meaningful and allusive capacious. This is due to systematic use of ornithomorphic symbolism and extreme correlation with images of his characters.

Key words: Fyodor Dostoevsky, «Devils», onomastics, onyms, anthroponyms, toponyms, «bird's» surnames, ornitomorfizism.

Действие романа «Бесы» происходит в небольшом губернском городке, недалеко от которого расположилось имение Ставрогиных – гнездо бесовщины – с характерным для него названием *Скворешники*. Как известно, скворешник – это домик, сколачиваемый человеком, для скворцов, но указанное значение, вероятно, появилось уже в наше время, так как В.И.Даль приводит другое значение этого слова ‘*любитель певчих птиц, скворцов*’, а птичий домик называется *скворечней* или *скворечницей* [6; т. 4, с. 195]. Как бы ни было значение номинатива *Скворешники*, важно то, что этот топоним возникает в романе, насквозь пронизанном птичьей символикой.

Г.Г.Ермилова верно замечает, что «в «Бесах» поражает отсутствие тишины, ошеломляет переизбыток хохота, визга, криков, брани» [7, с. 44], как будто бы стоит птичий гвалт. И это неслучайно: орнитоморфной символикой пронизано все произведение Ф.М.Достоевского, рассказывающего о бесах.

Уже в названии романа «Бесы» возникает мотив окрыленности. Общеизвестно, что в древнеславянских языческих представлениях *бесами* назывались злые духи. Это же

значение слова перешло и в христианскую религию, где было использовано для перевода греческого понятия *демоны*. Когда-то бесы были ангелами, но изменили Богу и стали его противниками. От своего ангельского прошлого бесы, изображенные на картинках, сохранили «ангельские» крылья, и приобрели уродливую, демоническую внешность.

Несомненно наличие крыльев у бесов в романе Ф.М.Достоевского, так как способ перемещения большинства из них в пространстве описывается с помощью глагола *лететь*: «летают» Липутин, Шатов, Ставрогин, Лембке, Петр Степанович Верховенский, а также Лиза Тушина-Дроздова, Марья Лебядкина вместе со своим братом [1; т. 10, с. 78, 106, 124, 137, 143, 147, 161, 319, 336, 410, 432, 433 и т.д.]. В набросках к роману «летали» и представители старшего поколения – Варвара Петровна Ставрогина и Степан Трофимович Верховенский [1; т. 11, с. 218, 223, 287]. Поэтому и неслучайны «птичь» фамилии: Лебядкины, Дроздовы, Гаганов.

В романе «Бесы» под одной из таких фамилий – *Лебядкины* – выступают брат и сестра: Игнат Лебядкин и Марья Лебядкина, хотя, являясь законной женой Николая Всеволодовича, она в романе должна бы выступать под фамилией *Ставрогина*. Но так как этот факт скрывается героями романа, то и фамилия эта в отношении Марьи Лебядкиной не называется, а чаще используется прозвище *Хромоножка*.

Г.Г.Ермилова, рассматривая связь фамилии Хромоножки, связывает ее с образом Белой Лебеди, владеющей не живой водой и молодильными яблоками, как в одной из русских сказок, а мертвой водой [7, с. 50]. Исследовательница указывает, что в мифологической традиции образ Лебеда воплощает два начала – смерть и жизнь, добро и зло. Хромоножка – черный лебедь. В греческой мифологии образ Лебеда тесно связан с Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Ледой, Орфеем. Если вспомнить некоторые характерологические детали облика Хромоножки (красная роза в волосах, набеленное и нарумяненное лицо), то венерианский характер ее любви к ее князю и соколу станет прозрачным. Перемежение славянской и греческой мифологической семантики в образе героини выявляет общее в той и другой, а именно единую их языческую природу» [7, с. 50].

На наш взгляд, взаимосвязь образа Лебеда с Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Ледой, Орфеем нужно рассматривать в отношении брата Хромоножки, занимающегося в романе стихосложением.

По мнению Е.Лукина, «фамилия Лебядкин производится Достоевским от небесного державинского лебеда, но производится в умаляющем, приземленном смысле: это Лебядкин, а не лебедь, поэт, а не Поэт, червь, а не бог. Как будто по народной пословице: «лебедь по поднебесью, мотылек над землей, всякому свой путь». И вправду, отставной капитан отнюдь не вдохновлен необычайным лебединым парением – его поэзия порхает над землей:

И порхает звезда на коне
В хороводе других амазонок.

Порхающая звезда, порхающий мотылек, порхающая поэзия – вот предельная высота лебядкинской души, сомневающейся в Творце и пришедшей к ничтожеству, как полагается упомянутому таракану» [8].

Штабс-капитан Лебядкин раскрывает семантику своей фамилии во время своего визита к Варваре Петровне Ставрогиной: «... я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, – почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебеда, – почему это?» [1; т. 10, с.141]. Сама Хромоножка в сцене в церкви во время обедни, когда она просит поцеловать ручку у Варвары Петровны Ставрогиной, отрицает приписываемую ей фамилию ее брата: «Вы, милая моя, госпожа Лебядкина? – Нет; я не Лебядкина. – Так, может быть, ваш брат Лебядкин? – Брат мой Лебядкин» [1; т. 10, с.125].

Сам Лебядкин во время визита к Варваре Петровне Ставрогиной, скрывая истинную фамилию своей сестры, называет ее *Марией Неизвестной*: «О, сударыня, богаты

чертоги ваши, но бедны они у Марии Неизвестной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовем пока Марией Неизвестной, пока, сударыня, только пока, ибо навечно не допустит сам бог!» [1; т. 10, с. 139].

В девичестве героиня, действительно, носила фамилию *Лебядкина*, выступая фольклорно-песенной невестой-лебедушкой [5, с. 679]. Интересен, с этой точки зрения, портрет Марьи Тимофеевны: ее длинная шея и набеленное лицо соотносятся с образом лебедя. Относительно судьбы пары Хромоножки и Ставрогина возникает в романе параллелизм с моногамной и неразлучной парой лебедей, в которой, по преданиям, если погибает один лебедь, то другой через какое-то время тоже умирает.

Интересно, что, называя Николая Ставрогина Иван-царевичем, а его избранницу Лебядкиной, Ф.М.Достоевский отсылает нас к тексту одной известной русской народной сказки, где «по договору с Морским Царем, Иван-царевич, достигнув юношеских лет, отправляется в подводное царство; приходит на синё море и прячется за кусты. Вот прилетели Двенадцать голубок (утиц, лебедушек), сбросили свои крылышки (или перышки), обернулись красными девицами и стали купаться: то были дочери Морского Царя. Иван-царевич подкрался потихоньку и взял крылышки Василисы Премудрой. Девицы искупались, разобрали крылышки и улетели голубками; оставалась одна Василиса Премудрая. Стала она упрашивать доброго молодца возвратить ей крылышки; царевич отдает их под условием, чтобы прекрасная дева согласилась быть его невестою. В некоторых вариантах место Василисы Премудрой занимает Лебедь-птица, красная девица» [3].

Вероятно, Царевна Лебедь А.С.Пушкина из «Сказки о царе Салтане» навеяна образом Лебеди-птицы из русских народных сказок, которые дают нам понимание лебедя как символа чистоты, девственности, а, Хромоножка, будучи женой Ставрогина, остается девушкой: рассказывая о своем якобы рожденном ребенке, она говорит: «родила я его, а мужа не знаю» [1; т. 10, с. 171]. Мотив девственной чистоты заложен не только в фамилию героини, но и в ее имя, отсылающее нас к Деве Марии и библейской истории о непорочном зачатии.

Нужно отметить, что девичья фамилия Хромоножки является намеком на свадебную обрядность, когда невеста выступает в образе лебедушки, а жених в образе сокола, что подтверждается текстом романа: «Я уж тем только была счастлива, все пять лет, что сокол мой где-то там, за горами, живет и летает, на солнце взирает...» [1; т. 10, с. 219].

«Мой – ясный сокол и князь, а ты – сыч и купчишка!» [1; т. 10, с. 219], «Не может того быть, чтобы сокол филином стал. Не таков мой князь» [1; т. 10, с. 218], – восклицает она, противопоставляя Ставрогина в момент их обручения Ставрогину нынешнему. Снова возникает птичья символика, ясный *сокол* превращается в *сыча*, олицетворяющего у всех славян скорую смерть, что отражено в пословицах, например, *Сыч хозяина выживает* [5, с.569]. Также сыч относится к числу птиц, наделяемых демоническими свойствами (таковых у Ставрогина немало). Как известно, сыч – птица ночная, может быть, поэтому он совершает втайне от Петра Степановича Верховенского три важных ночных визита, в том числе и к своей законной жене.

Вероятно, неслучайно и отчество Марьи Лебядкиной – *Тимофеевна*, устанавливающее литературное «родство» с героем с подобной «птичьей» фамилией из другого романа Ф.М.Достоевского – Лебедевым Лукьяном *Тимофеевичем*.

Как видим, в романе, выбор «птичьей» фамилии диктуется образом Хромоножки, хотя на выбор антропонима могло повлиять и занятие литературным творчеством капитана Лебядкина.

Еще одну птичью фамилию в романе «Бесы» носит мать Лизы Тушиной – Прасковья Ивановна Дроздова. Будучи пансионной подругой Варвары Петровны Ставрогиной и женой сослуживца ее мужа, Прасковья Ивановна постоянно раздражает Ставрогину: «Прасковья – глупость. Редко я встречала более раскисшую женщину, и вдобавок ноги распухли, и вдобавок добра. Что может быть глупее глупого добряка?..» [1; т. 10, с. 50].

Хроникер упоминает о визите Варвары Петровны к Прасковье Ивановне, «которая и уехала «от Дроздихи» обиженная и смущенная» [1; т. 10, с. 129]. Заклучая в кавычки фразу «от Дроздихи», рассказчик, вероятно, цитирует Варвару Петровну, которая далеко не лестно отзывается о своей давней подруге: «Сама же эта дура Дроздова, – она всегда только душой была...» [1; т. 10, с. 49]. Степан Трофимович демонстрирует свое понимание образа Дроздихи: «...это тип, это бессмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка, задорная Коробочка и в бесконечно увеличенном виде» [1; т. 10, с. 97].

Можно много писать о повадках дрозда, пытаясь соотнести их с поведением Прасковьи Ивановны, но, вероятно, выбранная Ф.М.Достоевским фамилия отсылает нас к поговорке *прост как дрозд*, упоминаемой в словаре В.И.Даля [6, т. 1, с.494], а *иная простота*, как известно, *хуже воровства*, или к русской народной скороговорке *Дрозд, дрозд, прост, прост, кованный нос, железный хвост*.

Интересно, что «на неприятеля, приблизившегося к их гнезду, дрозды смело набрасываются и стараются запугать его: если это не удастся, то они прибегают к хитрости, притворяются больными и хромыми, как будто с трудом прыгая по земле, и стараются завлечь врага подальше от гнезда» [4, с. 22]. В романе «Бесы» Прасковья Ивановна больна ногами [1; т. 10, с. 383], а Лиза мечтает, что сломает ногу и будет хромой: «Мама, мама, милая ма, вы не пугайтесь, если я в самом деле обе ноги сломаю; со мной это так может случиться, сами же говорите, что я каждый день скачу верхом сломя голову. Маврикий Николаевич, будете меня водить хромоую?» [1; т. 10, с. 157].

Фамилию *Дроздов* носит и постоянный спутник Лизы, ее кузен Маврикий Николаевич. Лиза характеризует его как положительного во всех отношениях человека: «Это самый лучший и самый верный человек на всем земном шаре, и вы его непременно должны полюбить как меня!» [1; т. 10, с. 87]. «Этот Маврикий Николаевич был артиллерийский капитан, лет тридцати трех, высокого росту господин, красивый и безукоризненно порядочной наружности, с внушительною и на первый взгляд даже строгою физиономией, несмотря на его удивительную и деликатнейшую доброту, о которой всякий получал понятие чуть не с первой минуты своего с ним знакомства. Он, впрочем, был молчалив, казался очень хладнокровен и на дружбу не напрашивался. Говорили потом у нас многие, что он недалек; это было не совсем справедливо», – таким предстает Маврикий Николаевич в описании хроникера [1; т. 10, с. 88]. Как мы уже отмечали, слишком позитивно подаваемый Ф.М.Достоевским образ нужно рассматривать с точки зрения противоположной полярности. Может быть, поэтому имя персонажа *Маврикий Μαυρίκιος* от μαῦρος ‘черный, темный’ перекликается с его фамилией: как известно, одна из разновидностей дроздов – черный дрозд.

Кроме фамилий, точно попадающих под определение «птичьих», в романе «Бесы» встречается фамилия *Гаганов*, корень которой восходит к еврейской фамилии *Коган Коһен* ‘священник’ [9, с. 260], но фонетически связанной с передачей у русских гусяного гогота *га-га*, а также с названием северной утки *гага*. Вероятно, случай с носом героя и навел писателя на аналогию с ее специфичным клинообразным клювом, в связи с чем и возникла фамилия *Гаганов*.

Итак, в имение с «птичьим» названием *Скворешники* и его окрестности «слетаются» все действующие лица романа, чтобы свить гнездо бесовщины, в связи с этим в тексте романа слово *гнездо* встречается неоднократно, например, так говорит о «наших» Петр Степанович Верховенский: «Они так и ждут, разиня рты, как галчата в гнезде, какого мы им привезли гостинцу» [1; т. 10, с. 177].

По мнению М.С. Альтмана, насыщенность антропонимикона Ф.М.Достоевского «птичьими» фамилиями вызвана историческими реалиями того времени: в тогдашнем Петербурге славились два денежных дельца – Воронин и Утин, которые служили частой мишенью для сатирических поэтов «Искры» [2, с.73-74].

Несмотря на верное замечание ученого, указывающего на историческую обусловленность именника Ф.М.Достоевского, следует отметить, что специфика фамилий романа «Бесы» заключается в органичности их вхождения в орноморфную символику романов: персонажи сравниваются с птицами, ведут себя, как птицы, живут в птичьем гнезде, наделяются птичьими чертами.

Аллюзивный фон «птичьих» фамилий становится дополнительным средством реализации мотивов и идей произведений Ф.М.Достоевского (например, идеи всеобщего бесовства в романе «Бесы») в связи с достаточно легкой «прочитаемостью» данных антропонимов, образованных от апеллятивов, ставших символами как в библейской, так и в славянской народной традиции, а также в мировой культуре.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972-1988.
2. Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. 280 с.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу в 3-х тт. СПб., 1869.
4. Брэм А.Э. Жизнь животных в 3-х тт. М.: Терра, 1996. Т. 2. 352с.
5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. 912с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 1. 702с.
7. Ермилова Г.Г. Событие падения в романе Ф.М.Достоевского «Бесы» // Вопросы онтологической поэтики. Иваново, 1998. С. 39–57.
8. Лукин Е. Философия капитана Лебядкина.
URL: <http://www.elukin.ru/lebadkin/1.htm> (дата обращения: 15.01.2014г.).
9. Унбегаун Б. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

References

1. Dostoevsky F.M. Completed works in 30 vol. L.: 1972-1988.
2. Altman M. S. Dostoevsky: milestones names. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1975. 280 p.
3. Afanasyev A.N. Poetic views on the nature of the Slavs in 3 vols. SPb., 1869.
4. Bram A.E. Animal Life 3 vols. M. : Terra, 1996. T. 2. 352 p.
5. Gura A.V. The symbolism of animals in the Slavic folk tradition. M.: Publisher «Indrikis», 1997. 912 p.
6. Dal V.L. Explanatory dictionary of live Great Russian language: in 4 vol. M.; 1995.
7. Ermilova G.G. Event fall in Fyodor Dostoyevsky's novel «Devils» // Questions ontological poetics. Ivanovo, 1998, pp 39-57.
8. Lukin E. Captain Lebyadkin's philosophy. URL: <http://www.elukin.ru/lebadkin/1.htm> (date of treatment: 15.01.2014.).
9. Unbegaun B. Russian surnames. M. : Progress, 1989. 443 p.

УДК 82

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
ассистент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Голованова Н.Ю.*

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: gnomik-585@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
assistant lecturer Golovanova N.Y.*

*Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: gnomik-585@mail.ru*

Н.Ю. Голованова

БИБЛЕЙСКОЕ И АНДРЕЕВСКОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. АНДРЕЕВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «ИУДА ИСКАРИОТ», «ЕЛЕАЗАР»)

В статье дается сравнительная характеристика библейской и андреевской трактовок традиционных евангельских сюжетов, образов героев, художественных элементов на примере рассказов Л.Н. Андреева «Иуда Искариот» и «Елеазар».

Ключевые слова: Библия, Евангелие, бытие, художественная деталь, концепция личности.

N.Y. Golovanova

BIBLICAL AND AUTHOR'S CONTENT IN L.N. ANDREEV'S STORIES 'JUDAS ISCARIOT' AND 'ELEAZAR'

The article gives comparative characteristic of biblical and L. Andreev's interpretations of traditional evangelic plots, characters and artistic elements in the stories 'Judas Iscariot' and 'Eleazar'.

Key words: the Bible, Gospel, existence, artistic detail, conception of person.

В мировой литературе евангельская тема традиционна. На протяжении нескольких столетий она привлекала внимание писателей, поэтов, философов. «Вечные вопросы» о нравственных качествах человека, его назначении, о смысле жизни, о добре и зле делают Библию источником вдохновения для многих писателей и входят в ряд важных тем русской и мировой культуры. Особенно актуальной евангельская тема становится в XX веке, веке катастроф. Это тяжелое для России время: первая революция, обесценивание человеческой жизни, коренной переворот в их жизни и сознании. Общество стало все чаще задумываться над многими «вопросами бытия»: что такое любовь, вера, истина, ложь, предательство.

Известный русский писатель начала XX века Л.Н. Андреев сделал попытку проникнуть во внутренний «механизм» человека, разгадать его душевное состояние.

Целями исследования являются: рассмотрение евангельских рассказов Л.Н. Андреева, выявление различия и сходства между текстами андреевских рассказов и евангельскими текстами, выделение особенностей развития христианских мотивов в творчестве Л. Андреева в связи с мировоззрением писателя.

В период с 1905 по 1907 год автор пишет рассказы «Иуда Искариот», «Елеазар», в основе которых заложен евангельский сюжет. Писатель пытается показать свое представление о человеке, о жизни и смерти, о вере и предательстве.

В 1907г. Л. Андреев приезжает к М. Горькому на Капри, где и пишет свой рассказ «Иуда Искариот». Автор решает выразить свою версию известного сюжета из Библии, которая непосредственно связана с историческими событиями в России. Он говорил, что написал «нечто по психологии, этике и практике предательства» [4; с. 523].

В своем произведении автор попытается ответить на вопрос: предатель Иуда Искариот или верный ученик Христа?

В повести нет ни одного выдуманного персонажа, последовательность событий тоже, по сравнению с Евангелием, остается в пределах канонического. Но смысл описываемого Л.Н. Андреевым отличается от евангельского.

Повесть символична и носит притчевый характер. Притчевыми являются зачин: «И вот пришел Иуда...» [1; с. 15], повторы союза и, звучащие эпически: «И был вечер, и вечерняя тишина была, и длинные тени ложились по земле — первые острые стрелы грядущей ночи...» [1; с. 15].

Сначала обратим внимание на важную деталь текста – заглавие. Первоначально, в ее первой публикации в «Сборнике товарищества “Знание”», рассказ назывался «Иуда Искариот и другие». Вероятно, под «другими», автор имел в виду убийц Христа, а также Его «верных» учеников. Далее название было изменено на «Иуда Искариот». Имя одного из главных героев вынесено в название. И это неслучайно. Имя «Иуда» означает «Бог да будет восславлен». Это уже говорит нам о великой миссии Иуды. Искариот – то есть, человек из населенного пункта под названием Кариот. Некоторые считают, что прозвище Искариот характеризует Иуду как лживого человека, способного на предательство (от лат. *Sikarius* – человек с кинжалом). Иуда отождествляется с убийцей, с тем, кто вонзает нож в спину противника.

В Евангелиях не дается описание внешности Иуды, не показан его психологический портрет, его чувства, эмоции, мысли. Наиболее полная информация об Искариоте содержится в Евангелии от Матфея. Именно в нем указывается сумма (тридцать серебряников), которую первосвященники предложили ему за Иисуса Христа. Рассказывается о возврате этих денег Иудой после предательства, о раскаянии Иуды и о его самоубийстве. Но что толкнуло Иуду на этот поступок, на предательство своего Учителя, не указано, не дается его внутреннее состояние, ни до совершения этого поступка, ни после; ничего не говорится и о взаимоотношениях Иуды и Христа, Иуды и других учеников.

Л.Н. Андреев же с самого начала повести дает описание внешности Иуды: «Он был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус,.. и достаточно крепок силою он был, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным... Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось также и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза...» [1; с. 5]

Итак, из описания мы видим, что во внешности Иуды все двойственно. Необыкновенная форма черепа у героя символизирует наличие темного и светлого начал. Обратим внимание на цвет волос – рыжий. В мифологии этот цвет означает близость к Солнцу, избранность Богом, право на власть. Иуда верил в свою правоту и избранность, и его предательство стало своеобразным способом приближения к Учителю.

Изображение лица Иуды производит неприятное впечатление. Именно эта деталь образа с самого начала оттолкнуло Апостолов от него. Две части одного лица: неподвижная, означающая омертвевшую часть души, и подвижная, живая, говорящая нам о чувственности, о жизни.

Чтобы выразить душевное состояние героя, Л.Н. Андреев обращается к обрисовке его глаз. Писатель подчеркивает, что один глаз у Иуды был слепой и сравнивает его с замерзшим озером, а второй, видящий глаз, подвижный. Глаза также подчеркивают

двойственность душевного мира Иуды. Герой представлен как бес, которого принято изображать одноглазым.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ Иуды у Андреева отличается от традиционного образа из Нового Завета.

Несколько раз в тексте писатель ставит в один ряд образы противоположных героев: Иуды и Христа. Например, «Иуда был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус» [1; с. 5] или «Быстрым взглядом окинул Искарот их смятенные лица (учеников). И зажглась в его сердце смертельная скорбь, подобная той, какую испытал перед этим Христос» [1; с. 10]. Писатель сближает этих героев, как воплощение добра и зла. Подчеркивается в тексте и то, что их взгляды встречаются, они почти угадывают мысли друг друга. Рядом с Иисусом он выглядел низким, глупым и неискренним. Иисус любил Иуду, как и других своих учеников, интересовался им, хотя и предвидел предательство с его стороны. Любил ли Иуда своего Учителя? Иуда всю жизнь искал «самого лучшего человека», и нашел свой идеал в Учителе: «Господи, затем ли в тоске и муках искал я тебя всю мою жизнь, искал и нашел!» [1; с. 7]. Конечно, он любит Его, прислушивается к Его словам.

Зачем же тогда Иуда совершает предательство своего любимого Учителя?

Иисус наблюдал за Искаротом и замечал, что он обвиняет людей в порочности, лживости, злодеяниях. Иисус стал отдаляться от него. Иуда это чувствовал и воспринимал все болезненно, что тоже подтверждает любовь его к Христу. Он всячески старался приблизиться к Нему, хотел быть рядом. Возможно, именно предательство представлялось Иуде единственным способом быть ближе к Иисусу, но уже в другой жизни, где никто не будет стоять на пути, где не будет других учеников рядом. Иисус проповедовал добро, любовь, а Иуда считал, что душа человека черна и в ней есть только мерзость и ложь. Чтобы доказать правильность своей позиции, Иуда решается на предательство.

Писатель пытается понять, каковы были мотивы для совершения такого поступка, и наполняет евангельский сюжет предательства психологическим содержанием.

Героям Андреева свойственно стремление разгадать тайные помыслы человеческой души. Так и Иуда пытается это понять. Мотивом для такого поступка могло послужить одиночество Иуды, отверженность. Равнодушие со стороны своего Учителя, презрение со стороны учеников, постоянные их споры о том, кто будет ближе к Иисусу, кто сильнее Его любит могли быть причинами для решения Иуды совершить страшный поступок. Ярко выраженным мотивом является также гордыня, стремление доказать, что именно он сильнее всех любит Иисуса и что именно он будет в Царствии Небесном первым возле Учителя. Иуда хочет проверить, насколько сильна любовь учеников Христа, каково их отношение к Нему, а также хочет доказать свою безграничную любовь. В итоге получается, что лучше других учеников Христа понимал именно Иуда, и именно его любовь была сильнее всех. Предает Христа Иуда, чтобы выяснить, способен ли кто-нибудь из его последователей пожертвовать своей жизнью ради спасения Учителя. Оказывается, что нет. После смерти Христа Иуда приходит к ученикам и произносит важные слова, которые несут в себе глубокий психологический смысл: «Жертва – это страдания для одного и позор для всех. Вы на себя взяли весь грех. Вы скоро будете целовать крест, на котором вы распяли Христа!.. Разве он запретил вам умирать? Почему же вы живы, когда он мертв?.. Что такое сама правда в устах предателей? Разве не ложью становится она?» [1; с. 15]. Главная идея повести: кто не встал за правду и не сумел за нее погибнуть, - тоже является предателем.

Евангельский Иуда почти лишен конкретных человеческих черт. Андреевский же Иуда – это неоднозначный, глубокий по своему содержанию образ. Это не символ, это живой человек со своим внутренним миром, своими мыслями и чувствами, со всеми свойственными ему человеческими слабостями. Чтобы завоевать внимание и любовь Учителя, Иуда пойдет на все. На протяжении всей повести мы замечаем, как меняется

его поведение, как в связи с этим меняется восприятие его учениками. Однако, ничто не помогло ему занять место рядом с Христом на земле. Иуда предает своего Учителя, но не ради денег, как сказано в одном из Евангелий, а из-за недооцененной любви.

Образы других учеников в повести Андреева выступают как символы. Петр ассоциируется с камнем. Это подчеркивается в его внешности, движениях, голосе. Со злой иронией изображен Иоанн, любимый ученик Иисуса. Он предстает изнеженным, хрупким и высокомерным. Фома – тугодум, который верит только фактам. Именно Иуда способен совершить такой страшный поступок, именно он способен принести себя в жертву.

Несмотря на то, что Иуда совершает самый страшный грех, в рассказе он является самым отзывчивым, способным чувствовать и сострадать. Измученный собственными мыслями и муками совести, он заканчивает жизнь самоубийством. Дерево, на котором повесился Иуда, находилось высоко на горе, что говорит об устремленности его к небесам.

Иуда раскаивается в своем грехе, в том, что он предал «Кровь невинную». Ведь Иисус был безгрешен. Ему искренне жаль Иисуса, которого он подверг таким суровым испытаниям, жаль по-человечески. Он жертвует собственной жизнью, своим именем во имя Иисуса, во имя любви к этому чистому, святому человеку.

Автор относится к своему персонажу с сочувствием. Несколько раз повторяются слова смерть, страшная смерть, а словосочетание «жестокая участь», сильное по своему глубокому содержанию, еще раз подчеркивает авторскую субъективность.

То, что Л.Н. Андреев обращается к такому противоречивому евангельскому персонажу, имеет свои внутренние причины. Они обусловлены андреевской концепцией человека, пессимистическими настроениями в его творчестве. Окружающая писателя реальная действительность, события истории начала XX века не могли не повлиять на творчество писателя. Автора беспокоил разрыв между высокими идеалами и реальными человеческими поступками. Этот разрыв особенно заметен, когда человек попадает в кризисную жизненную ситуацию, ситуацию важного выбора. Поэтому в зрелом творчестве он все чаще обращается к «вечным образам», а не к конкретно-историческим типам.

Рассмотрим другой рассказ Л.Н. Андреева «Елеазар». Он был опубликован в 1906г. в журнале «Золотое руно». В основе рассказа лежит евангельский сюжет о воскрешении Христом Лазаря. В Евангелии от Иоанна говорится, что Лазарь – это брат Марии и Марфы. В их доме часто останавливался Иисус. Заболев, Лазарь умирает. Христос, предвидя его смерть, возвращается в Иудею. Иоанн пишет, что, увидев плачущую Марию, Иисус сам «воскорбел духом и возмутился...» (Евангелие от Иоанна 11:33). По его приказу пещеру, где был похоронен усопший, открывают. Иисус «воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон. И вышел умерший...» (Евангелие от Иоанна 11:43-44).

В Евангелии ничего не говорится о внешности, возрасте, характере, дальнейшей судьбе Лазаря. Взяв за основу своего рассказа известный евангельский сюжет, Л.Н. Андреев изменяет имя персонажа на Елеазар и делает его главным героем произведения. В своем рассказе писатель поднимает вопрос «Что нас ждет после смерти?»

Это, на мой взгляд, лучшее из всего, что было написано о смерти во всемирной литературе. Мне кажется даже, что ты как бы приблизился и приближаешь людей к неразрешимой загадке, не разрешая ее, но, страшно близко знакомя с нею. Ее чувствуешь – спокойную, темную, великую своим спокойствием – это удивительно и хорошо [5; с. 280].

Евангельский эпизод воскресения Лазаря – это чудо, которое несет в себе радость, добро. В нем проявляется божественная природа Христа, Спасителя. Андреев же обращает наше внимание на самого персонажа, Елеазара, какие изменения происходят с ним, а также на то, что находится за гранью жизни.

Обратимся непосредственно к тексту рассказа. Стоит обратить внимание на оформление: каждое новое предложение начинается с новой строки, строки пронумерованы, чаще всего в конце предложения ставится точка с запятой: «Все предметы, ви-

димые глазом и осязаемые руками, становились пусты, легки и прозрачны - подобно светлым теням во мраке ночи становились они;

ибо та великая тьма, что объемлет мироздание, не рассеивалась ни солнцем, ни луною, ни звездами, а безграничным черным покровом одевала землю как мать, обнимала ее...

и объятый пустотой и мраком, безнадежно трепетал человек перед ужасом бесконечного».

Подобное оформление мы встречаем в «Новом Завете», книге, прославляющей Бога.

Повествование начинается с описания праздника, который подготовили сестры Елеазара в честь воскрешения своего брата. И сразу же Андреев показывает нам, что в герое явно произошли изменения. Он был холоден и равнодушен к гостям и их поздравлениям. Несмотря на то, что он был воскрешен, отпечаток смерти все равно лежал на нем: «Очевидно, разрушительная работа смерти над трупом была только остановлена чудесной властью, но не уничтожена совсем. На висках Елеазара, под его глазами и во впадинах щек лежала густая землистая синева; также землисто-синими были длинные пальцы рук, и у выросших в могиле ногтей синева становилась багровой и темной. Раздутое в могиле тело сохранило ... чудовищные размеры» [2; с. 120].

Помимо внешности изменился и характер Елеазара. Для сравнения Андреев описывает характер сначала до его смерти: «До смерти своей Елеазар был постоянно весел и беззаботен, любил смех и безобидную шутку. За эту приятную и ровную веселость, лишенную злобы и мрака, так и возлюбил его Учитель» [2; с. 125]. После смерти и чудесного воскрешения Елеазар становится холодным, страшным, равнодушным и злым. Люди стали бояться этого человека, сторониться его, но героя это не волновало. Он был по-прежнему ко всему равнодушен.

В отличие от библейского имени Лазарь, герою принадлежит имя Елеазар. Имя Лазарь означает «божья помощь», а Елеазар – «бог помог». Бог помогает людям, он милосерден и добр. Он несет радость, свет, жизнь. Вот и герою Он вернул жизнь, только Андреев по ходу своего рассказа задает нам вопрос «Нужно ли было это делать?». Ведь для всех Елеазар уже умер, его похоронили и запомнили таким, каков он был до смерти. После воскресения мы уже видим совсем другого человека, отличного от прежнего. Он одинок и всеми покинут.

Если рассматривать образы-символы в тексте, то на первый план, конечно, выдвигается образ солнца – символ света, тепла, радости. Но только не в андреевском рассказе. Здесь солнце несет в себе идею смерти, уничтожения. «Днем, когда беспощадное солнце становилось убийцей всего живого, и даже скорпионы забивались под камни и там корчились от безумного желания жалить, он неподвижно сидел под лучами, подняв кверху синее лицо и косматую, дикую бороду» [2; с. 130]. Солнце манило Елеазара, но все же он любил ночь и холод: «Так, вероятно, силен был холод трехдневной могилы, так глубока тьма ее, что не было на земле ни такого жара, ни такого света, который мог бы согреть Елеазара и осветить мрак его очей» [2; с. 135].

Все в этом рассказе пропитано духом смерти. Она везде и во всем. После общения с Елеазаром скульптор сотворил «нечто чудовищное, не имевшее в себе ни одной из знакомых глазу форм, но не лишенное намека на какой-то новый, неведомый образ. На тоненькой, кривой веточке, или уродливом подобии ее, криво и странно лежала слепая, безобразная, раскоряченная грудка чего-то ввернутого внутрь, чего-то вывернутого наружу, каких-то диких обрывков, сильно стремящихся уйти от самих себя. И случайно, под одним из дико кричащих выступов, заметили дивно изваянную бабочку, с прозрачными крылышками, точно трепетавшими от бессильного желания летать» [2; с. 150]. Эта бесформенная фигура предстает как символ хаоса, разрушения, чего-то страшного, чудовищного. Бабочка же, беззащитная, пытающаяся взлететь, олицетворяет собой че-

ловека, который пытается выбраться из всего этого хаоса, победить его; также она может иметь значение безнадежности, безысходности. Все теряет свое значение, становится бессмысленным и пустым.

По приказу римского императора Августа Елеазара ослепляют, но «загнанное каленным железом в глубину черепа, проклятое знание из засады впивалось оно тысячью невидимых глаз в человека, и уже никто не смел взглянуть на Елеазара» [2; с. 153]. Мысль о народе помогла выжить Августу под страшным взором героя. И это говорит нам о том, что сострадание и помощь имеют воскресающую силу.

Все настроение рассказа пропитано ужасом перед смертью, перед бесконечным. Иисус возвращает к жизни Елеазара, но это воскресение приносит с собой смерть и разрушение.

Правда Л. Андреева о смерти идет в разрез с христианским учением. Христос провозглашает жизнь после смерти. Праведных ожидает жизнь в Раю. До смерти Елеазар изображен добрым и нравственным человеком, и свою дальнейшую жизнь он должен был продолжить в Раю. Но никакого Рая, оказывается, нет. Только одна пустота, холод и мрак. После смерти нет жизни. Именно эту мысль утверждает Андреев.

В поисках разгадки бытия человека и мира, Л.Н. Андреев обращается к библейским сюжетам. Но в своих евангельских рассказах он трансформирует традиционную линию, тем самым выражая свое мнение на произошедшие события. Позиция автора новаторская и во многом противоположная религиозному учению.

В данной работе мы рассмотрели рассказы «Иуда Искариот», «Елеазар», содержащие библейские сюжеты. В рассказе «Иуда Искариот» представлен герой, способный на предательство и самопожертвование ради доказательства своей высокой любви к Учителю. Иуда изображен как ранимый, способный к состраданию, человек, со своими страстями и человеческими слабостями. В образе Елеазара, из одноименного рассказа, представлена смерть в абсолюте.

Чтобы раскрыть свою идею в рассказах, автор обращает внимание читателя на имена героев, описание внешности, речи и поведения главных героев, на образы и символы, художественные детали.

Библиографический список

1. Андреев Л. Иуда Искариот: Избр. рассказы и повести. Минск: Изд. БГУ, 1992. С. 26.
2. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М., 1990. 558 с.
3. Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна. Послание к римлянам. Псалтирь / Славян, Библейский фонд. СПб., 1997. 159 с.
4. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., «Литературное наследство», 1998. С. 523.
5. Горький и Леонид Андреев. «Литературное наследство». Т 72. М., 1965. С. 280.

References

1. Andreev L.N. Judas Iscariot: selected stories. Minsk, Belarus State University, 1992. P. 26.
2. Андреев Л.Н. Completed works: in 6 vol. Vol. 2. Moscow, 1990. 558 p.
3. The Bible. The New Testament. The Gospel According to St. Matthew, the Gospel According to St. Mark, the Gospel According to St. Luke, the Gospel According to St. John. The Epistle to the Romans. The Book of Psalms. St.-Petersburg: Biblical fund, 1997. 159 p.
4. M. Gorky and Leonid Andreev. Unpublished correspondence. Moscow, 1998.
5. M. Gorky and Leonid Andreev. 'Literal heritage'. Vol. 72. Moscow, 1965. P. 280.

УДК 82.09

*Воронежский государственный университет
асп. кафедры русской литературы XX и XXI
веков, теории литературы и фольклора
Комарова И.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473) 234-04-62;
e-mail: komiv83@mail.ru*

*Voronezh State University
The chair of Russian literature of the 20-
21st cent., theory of literature and folklore,
post-graduate student
Komarova I.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 234-04-62;
e-mail: komiv83@mail.ru*

И.В. Комарова

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА СОЛОДОВНИКОВА

В статье рассматривается проблема пространства поэтического текста. Наряду с уже существующими терминами «хронотопа» и «топохрона», применяется понятие «хоротопа», особенно уместное для духовной поэзии. Также предпринята попытка выявить формы выражения «хоротопа» в пространственной парадигме поэзии Александра Солодовникова.

Ключевые слова: художественное пространство, «хоротоп», образы, мотив духовного зрения.

I.V. Komarova

SPATIAL PARADIGM OF ALEXANDER SOLODOVNIKOV'S POETRY

The problem of space in the poetic text is considered in the article. The term "horotope" is used along with the previously known "chronotope" and "topohronom." Also, an attempt is made to identify the expressive forms the "horotope" in the spatial paradigm of Alexander Solodovnikov's poetry.

Key words: art space, "horotope", images, motive of spiritual vision.

Художественный мир поэта невозможно рассмотреть вне категорий пространства и времени: именно пространство и время помогают осмыслить мироощущение, мировидение художника слова. Продуктивным становится этот аспект исследования в изучении современной духовной поэзии.

Само течение духовной поэзии не стоит особняком в современном литературном процессе, оно тесно связано с творчеством предшественников, взаимодействует с современниками. Между тем это особый художественный феномен, имеющий ряд отличительных свойств, и для адекватного его исследования ученые предлагают и особый терминологический аппарат.

Современный исследователь А. Лидов в своей работе «Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования» вводит понятие иеротопии: «Иеротопия - это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества... Иеротопический подход позволяет увидеть художественные объекты в контексте другой модели мира и прочитывать их по-новому» [4; с. 13].

Применив данный подход к живописи и культуре, ученый указывает на его перспективность в литературе: «Правомерно ставить вопрос и о наличии сакральных про-

странств в литературных текстах. Подобный иеротопический подход к моделированию пространства словами-образами Питер Браун предлагает назвать «хоротопом», по аналогии с уже классическим «хронотопом» Михаила Бахтина» [4; с. 49].

Для интерпретации «хоротопа» нужно прояснить, что же такое «хора». «Хора» здесь не обозначает «страну, землю или деревню», но представляет важнейшее богословское понятие и одно из имен Божиих. В богословии понятие «хора» становится краеугольным камнем, с помощью которого обосновывается принципиальное отличие иконы от идола. Идеальная икона всегда пространственна и всегда абсолютно конкретна, подобно тому, как Христос может одновременно пребывать на небесах и предлагать свою плоть в таинстве Евхаристии. То, что соединяет эти две рационально несводимые величины и есть «хора» – пространственное бытие Божие. В конечном итоге весь храм и все образы в нем призваны передать именно «божественную пространственность» [4; с. 18].

В художественном мире интересного духовного поэта XX века Александра Солодовникова обнаруживаются различные формы выражения «хоротопа» в тексте, прежде всего, это прослеживается на образном уровне.

Сама земля как пространственная категория наполнена рядом сквозных образов: цветы, птицы, долины, горы, реки, моря, растения. Для художественного сознания поэта важны те творения, к которым прикасался Христос в своей земной жизни, благодаря чему они получили обновленную природу:

*Благословенна земная плоть –
В тело земное облекся Господь.
Благословенное реки течение –
В реке совершилось Господне крещение.
Радуйся, поле зерна золотого, -
Хлебом является тело Христово.
Радуйся, сок виноградной кисти, -
Вином изливается кровь Евхаристии.
Благословен синеокий лен –
Из льна был соткан Господень хитон.
Благословенны земные цветы –
В них видел Христос венец красоты.
Благословенны малые дети –
Им первым обещано Царство в Завете.
Благословенны земные дороги –
По ним проходили Господни ноги.*

(«Риза Господня» 1960)

(Здесь и далее цитаты по: Солодовников А.А. «...В светлом саду христианства». Полное собрание стихотворений. Пьесы. Ноты. Воспоминания о поэте. [Составление, предисловие, коммент., другие редакции и вар. – Данилов Е.Е., Шпакова А.П. Биография, мемуарн. Очерк, статьи: об истории создания сборников, о поэтическом творчестве Солодовникова А.А, о его пьесах – Шпакова А.П. Путями Иова. Александр Солодовников и его время – Данилов Е.Е.] – М.: Гриф и К. – 2010. 1028 с. – И.К.)

Пространство заполнено данными образами не стихийно, бессознательно, а осознанно, об этом свидетельствует эпиграф к этому стихотворению, взятый из «Русского религиозного ренессанса XX века»: «Фундаментом русского религиозного мышления является убежденность в потенциальной святости материи, в единстве и священности всего творения и призвании человека соучаствовать в конечном его преображении». Для лирического сознания поэта важно увидеть восстановление божественного свойства материи, и происходит этот процесс обновления вочеловечиванием Иисуса Христа.

Цветы, птицы, дети – эти сквозные образы являются отражением иеротопического пространства в физическом также благодаря соприкосновению с Христом. Для ли-

рического субъекта в выборе образов важна их сакрализация, причастность высшему миру, что достигается в тексте реминисценциями из Евангелия:

*Дети, цветы и птицы,
Сердца их не знают гроз,
У них посылал учиться,
О них говорил Христос.
Не забыл Господь среди мудрых
Ни ребенка и ни цветка,
Но в смеющихся детских кудрях
Почила Его рука.
Цветок на лугу зеленом,
Струящий звон в высоту,
Прекрасней одежд Соломона
Всегда казался Христу.
И верно, не раз ячменный
Для птиц Он крошил кусок,
И птицы семьей блаженной
У Христовых прыгали ног.*

(«Дети» 1928)

Важное место в пространственной парадигме поэзии Солодовникова занимает образ сада, леса, парка. В соответствии с поэтами классической традиции, у которых образ сада равноположен образу рая, поэт XX века добавляет богослужебные коннотации к традиционному сквозному образу:

*По утрам просыпаюсь под пенье
Флейты иволги за окном.
И иду умываться сиренью,
Погружаясь в нее лицом.
Я целую душистые кисти.
Окропляя себя росой,
И сливаю с шуршанием листьев
Благодарственный шепот свой.
А с недалежной лесной опушки
Призывает читать канон
Настоятельный возглас кукушки
И блаженных ландышей звон.
Там, в лесу, для молитвенной встречи
Все готово, и сосны стоят,
Золотые затепливши свечи,
И возносится трав аромат.
Боже мой! Велика Твоя милость!
Ты позволил мне жить, как в раю,
Презирая душевную хилость
И великую скверну мою!*

(«Май в Лешкове» 1957).

Сад представлен всегда в цвету, чаще всего весной, где буйство зелени, полнота и гармония Божьего мира: «Не прозевай весны короткой / С садами белыми в цвету...» («Совет» 1926); «В бело-розовых яблонях пчелы гудят, / В лазури мая сияет сад, /...» («Осанна!» 1922-1931).

И даже если это не весна, деревья в пространстве поэзии Солодовникова все равно одеты пышной кроной: «Тени деревьев на гладкой стене / В сладостном счастье кивают мне. / Солнечный свет за в листве за оградой / Зажигается сердцу зеленой лампадой» («Счастье» 1922-1931). Но и осенний сад наполнен жизнью:

*Тишиною сад одет,
В тишине струится свет.
Низко яблоки нависли,
Флоксы запах распустили.
Погасив движенье мысли,
Я молюсь творящей силе,
Я боюсь пошевелиться
Я застыл в благоговеньи,
Целиком пытаюсь слиться
С тайнодействием растений.*

(«Осенний сад» 1957-1958)

Неотрывен от образа сада как рая мотив «сладости Божьего мира» [2; с. 45-58]. «Сладость», «сладостное счастье», «сладостный трепет» возникают неоднократно в поэзии Солодовникова, доказывают ощущение присутствия Творца в бытии творений, то есть наличие «хоротопа».

Образ сада как рая дополняет присутствие воды, росы, кропления как субстанции, способной нести божественную энергию: «Росой сияет мокрый сад...», «А мне лицо кропит сирень, / И брызги сушит майский день» («Утро майское» 1957-1959).

Сад причастен «хоротопу» как то место, где духовное прорывается в физическое, а по мысли святых отцов, «умопостигаемое в чувственно постигаемое» [1]. В поэзии Солодовникова это может происходить через мельчайшее творение Божье, будь то бабочка, лепесток, травинка, солнечный луч. Лирический субъект созерцает преображение природы, ее обновленную сущность:

*Сижу один в саду, вбирая
Свои виденья,
Лист за листом переживает
Преображенья.
.....
И вижу я красоты рая
Здесь, наяву.
И нет конца все новым дивам
И чудесам.*

(«Московский садик» 1970)

Духовное зрение открывает преображенную природу. Обновление природы переходит постепенно в моление об обновлении греховной природы человека – самого лирического субъекта. Он находится в этом мире, пытается обнаружить свою связь с Богом. В стихотворении «В лесном уединении» (1958 г.) лирический герой просит: «Я прошу не только прощенья, / О холодности сердца скорбя, / Я прошу целиком измененья, / Обновленья всего себя» («В лесном уединении» 1958).

«Хоротоп» проявляется в поэзии Солодовникова не только на образном уровне, но и на цветовом. Заполняется пространство сада чаще всего яблонями, причем обязательно цветущими, сквозным становится не только образ яблони, но и бело-розовый цвет: «В бело-розовых яблонях пчелы гудят...!» («Осанна»), «Белая веточка яблони / В чаше небес голубой, / Божье художество явлено / Тихой твоей красотой» («Белая ветка» 1960). Яблоко – в библейском контексте символ грехопадения – в поэзии Солодовникова получает обновленную, преображенную природу. Это созвучно православной

богослужебной традиции: праздник Преображения Господня в народе называют Яблочным Спасом, когда благословляются плоды земные, то есть одухотворяются, преобразуются. В поэзии Солодовникова для явления преобразования обязательен белый цвет, он символизирует обновленную природу тварного мира, когда-то испорченного, очерченного грехом. У Солодовникова проступает явно евангельская символика белого цвета как символа преобразования: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались *белыми*, как свет...» (Матф. 17: 1-3) [3; с. 1033].

Преобразующим началом в поэзии Солодовникова становится и тишина как присутствие Бога в этом мире, как доступ к духовному пространству. Физическое ощущение тишины: "После синего дня веселого - / Прохлада и тишина" – способно открыть духовное зрение, показать Божие присутствие в этом мире: "Это тихо плывут созвездия, / Это вечность открылась мне. / Как волхвы – пастухи халдейские, / Растворяюсь в ее глубине".

В сознании лирического субъекта все живое существует благодаря «творящей тишине»:

*Бесшумно проносятся птицы,
Бесшумно плывут облака,
Бесшумно листок шевелится
Под легкой рукой ветерка.
Бесшумно струится паденье
Лучей с голубой высоты,
Бесшумно идет превращенье
На флоксах бутонов в цветы.
Развилки яблонь ветвистых
Тяжелые яблоки гнут,
И медленно сок сахаристый
Ствола материнского пьют.
Весь сад плодоносит и дышит,
В нем мир и покой без конца,
И в солнечном этом затишье
Творящая сила Отца!*

(«Творящая тишина» 1958)

В богослужебной традиции, в акафисте «Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу», в акафисте Божией Матери Христос назван Начальником Тишины. Эта тишина в пространстве поэзии Солодовникова является доказательством присутствия в мире Бога, следовательно, приметой «хорогопа».

Поэт дает совет читателю, как постичь Бога в творении. Происходит это благодаря молитве, соединенной с тишиной:

*Смотри на Божий мир неторопливо,
Чтобы увидеть в нем живое диво.
В молитвенной душе у нас должна
Царить ненарушимо тишина.
Сочувственно вникай во все живое,
И Сам Господь пройдет перед тобой.*

(«Путь познания» 1968)

Причем молится не только лирический герой, но и вся природа: «Свет не вечерний! О, Тихий Свете! / Взгляни на молитву Твоей земли!» («Летний закат» 1922-1931).

Перефразированное обращение к Богу, созвучное богослужебным текстам, высвечивает семантику преображения природы Христом, становится неотъемлемой константой «хоротопа» в художественном пространстве Солодовникова. Физическое пространство благодаря наличию «хоры» становится храмом, где действуют свои законы, где иерархию пространства можно постичь только духовным зрением.

Такой аспект изучения пространства художественного текста, как «хоротоп», должен стать темой последующих научных разработок. В рамках данного исследования мы проследили преломление этой категории в поэзии Александра Солодовникова, где «хоротоп» выражается на образном уровне через земные образы, цветовые контрасты, интертекстуальность, мотивный уровень. Именно бытие Бога в этом мире становится краеугольным камнем при включении того или иного образа физического пространства в поэтический текст. Хлеб, вино, деревья, цветы и др. интересны лирическому субъекту, если несут информацию о Творце, являются проводниками в духовную реальность, открывают тайну мироустройства, мироздания.

Библиографический список

1. http://www.odinblago.ru/o_cheloveke/7
2. Бердникова О.А. "Так сладок сердцу Божий мир...": творчество И.А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О.А.Бердникова; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е.А.Болховитинова, 2009. 272 с.
3. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество. 2003. 1371 с.
4. Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 9-58.
5. Солодовников А.А. «...В светлом саду христианства». Полное собрание стихотворений. Пьесы. Ноты. Воспоминания о поэте. [Составление, предисловие, коммент., другие редакции и вар. – Данилов Е.Е., Шпакова А.П. Биография, мемуарн. очерк, статьи: об истории создания сборников, о поэтическом творчестве Солодовникова А.А, о его пьесах – Шпакова А.П. Путями Иова. Александр Солодовников и его время – Данилов Е.Е.] М.: Гриф и К. 2010. 1028 с.

References

1. http://www.odinblago.ru/o_cheloveke/7
2. Berdnikova O.A. So sweet to the heart is God's world ...": I.A. Bunin's creativity in the context of Christian spiritual tradition: Monograph / O.A. Berdnikova; Voronezh State University, 2009. 272 p.
3. Copies of the scriptures of the Old and New Testament. Moscow, Russian Bible Society. 2003. 1371 p.
4. Lidov A.M. Hierotopy. Creating of sacred spaces as a form of art and the subject of historical research // Hierotopy. Creating of sacred spaces in Byzantium and Ancient Rus / Comp. and ed. by A.M. Lidov Moscow, 2006. P. 9-58.
5. Solodovnikov A.A. "... In the light garden of Christianity." Complete poems. Plays. Notes. Memories of the poet. Moscow, 2010. 1028 p.

УДК-882

*Воронежский государственный университет
асп. кафедры русской литературы XX и XXI
века и теории литературы и фольклора
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (919)246-62-11
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh state University
Graduate student, Department of Russian
literature of XX and the twenty-first century
and the theory of literature and folklore
Novikova M.V.
Russia, Voronezh, tel: 8 (919)246-62-11
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

М.В. Новикова

ПУБЛИКАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ А. МАРИЕНГОФА И С. ЕСЕНИНА В ЖУРНАЛЕ «СИРЕНА»

В статье рассматривается, как развивался имажинизм в творчестве С. Есенина и А. Мариенгофа. Способность имажинистских теоретических установок реализовываться на практике.

Ключевые слова: имажинизм, образ, поэзия.

M.V. Novikova

THE PUBLICATION OF THE POEMS OF A. MARIENGOFF AND S. YESENIN IN THE JOURNAL "SIRENA"

The article discusses developments at the imagism in the works of S. Yesenin, A. Mariengoff. The ability imagistic theoretical assumptions implemented in practice.

Keywords: imagism, image, poetry.

Среди огромного разнообразия групп, зародившихся в серебряном веке, одной из самых уникальных является группа имажинистов. Как отмечает Томи Хуттунен: «...исследователи имажинизма никак не могут определиться с вопросом, в чем, собственно, состоит специфика этого движения: в поэтическом творчестве, в декларациях и теоретических рассуждениях или же в их театрализации жизни, т.е. прежде всего в эпатурующем бытовом поведении. Все перечисленные аспекты тесно переплетены в истории имажинизма, вместе с тем между ними нет очевидной связи, что усложняет понимание своеобразия этой группы» [9; с. 10] Важно отметить, что и представители самой группы не придерживаются единства взглядов, каждый из них, в той или иной мере, отходил от представленных ими теоретических «догм».

В послеоктябрьском Воронеже, под редакцией В. Нарбута выходит «пролетарский двухнедельник» «Сирена», издававшийся с 1918-1919 гг. Именно на страницах данного издания появляется декларация имажинистов. Цитируем Мариенгофа: «... в 1919 году в городе Воронеже на страницах журнала «Сирена» <... > было объявлено о рождении новой школы «имажинизма»». [7; с.122] Авторами декларации были заявлены С. Есенин, Р. Ивнев, В. Шершеневич, А. Мариенгоф. По сути, автором манифеста был В. Шершеневич, а остальные подписали документ, хотя он во многом их не

устраивал. Взаимодействовать поэтам, при создании документа было крайне сложно, это подтверждают и слова самого В. Шершеневича: «Мы долго думали, еще больше спорили, и накануне опубликования нашего первого манифеста имажинизма двое из нас отказались подписать его; и был момент, когда манифест был уже в типографии, в наборе, а нас спрашивали можно ли напечатать наши имена. <... > Мы долго не могли договориться до того, то нас потом объединило».[2; с.52]

Предметом данного исследования станет рассмотрение стихотворений А. Мариенгофа и С. Есенина, напечатанных в журнале «Сирена» сразу же после декларации. Мы попытаемся проследить связь данных стихотворений с идеями, изложенными в декларации, и найти общие черты в лирике поэтов, поскольку они являются представителями одного литературного направления – имажинизм.

Обращаясь к стихотворению А. Мариенгофа «Небу, небу я сделаю выкидыш» мы видим урбанистическую среду, хотя в декларации, изображение города для поэтов не является существенно важным и в какой-то степени отвергается, так как это прерогатива футуристов. Но, не смотря на декларацию, в своем творчестве имажинисты, вслед за футуристами продолжают изображать город. В. Шершеневич напишет о себе и Мариенгофе: «Мы представляли урбанистическое начало в имажинизме» [9; с. 124]. Эта же мысль будет изложена им и в статье «Искусство и государство»: «Мы считаем, что поэзия должна быть урбанистической, т.е. городской...» [9; с.135].

Образ города, созданный А. Мариенгофом, вбирает в себя множество негативных коннотаций. Он представляет собой хищное антропоморфное начало: «А город сквозь каменные клыки дышит...» [6; с.219]. Клыки, синтезируют в себе значение враждебного, звериного. Но на этом животная семантика не заканчивается: «Только ветер покобыльи фыркает.../ Словно так надо -лизут, лизут / Проститутки телами тротуаров проборы / И рвет шофер...» Мы видим, что поэт активно использует глаголы («лизут», «фыркает», «рвет»), отсылающие нас к животному миру.

Кольцевая композиция стихотворения развивает мотив насильственной смерти: «Небу, небу я сделаю выкидыш / Еще час - и души станут зелеными, как любовницы после аборта». Смерть в чреве, невозможность продолжения рода, это следствие человеческого разложения, духовной развращенности. Этот мотив поэт развивает и в стихотворении «Руки царя Ирода».

Как отмечает исследователь Тернова Т.А.: «Его лирический герой эпатажно отрицает всевластие Неба, выступая против «Божеской злости», Сам акт божественного творения поставлен под сомнение: «Какие, какие приват-доценты в пробирках / Выносили Божеской злости микроб?»» [8; с.125] Но самое страшное в этих эпатирующих строках то, что «микроб» создали сами люди, приводя себя собственноручно к апокалипсису, вырождению. Как следствие отказ лирический герой от существования в таком Урбане: «Ах, не хочу я такого города» [6; с.219].

Так, один образ, вытекает из другого, синтезируя в себе пласты: физического, природного, антирелигиозного, философского начал. Все проникнуто чувством внутренней деструкции, выстраивается глобальный образ города - убийцы.

А. Мариенгоф, создает стихотворения, исходя из образности и эпатажа, если мы обратимся к декларации, то увидим: « Выявление жизни через образ и ритмику образов» [3; с. 648] вот, что становится ценным для имажинистов. И у поэта это, действительно есть, но за образностью по-прежнему остается идейное начало, от которого они яро отказывались: «Тема, содержание – это слепая кишка искусства» [3; с.,647]. За ко-

мическим началом, мы видим деградацию человечества, богоборчество, как конец смерти.

Если обратится к стихотворению С. Есенина «О Боже, Боже, эта глубь», то мы снова встречаемся с образностью. Все стихотворение условно делится на метафорические звенья, где один ряд сменяет другой, что вполне отвечает программе, представленной в декларации.

Стихотворение, как и у А. Мариенгофа начинается с обращения к небу. И для большей художественной выразительности оба поэта используют повтор: «О Боже, Боже, эта глубь/Твой голубой живот...» [4, I; 141] или «Небу, небу я сделаю выкидыш» [6; с.219]. Только смысловая наполненность меняется, если в первом случае религиозное начало проступает достаточно активно, напоминая молитву, то во втором чувствуется антирелигиозный выпад лирического героя против Бога.

Если посмотреть дальше, то Мариенгоф, из всех небесных объектов выбирает луну в качестве кормилицы, которую необходимо лишить этой возможности: «И выжму из сосцов Луны молоко» [6; с.219]., Есенин же напротив воспекает солнце: «Златое солнышко, как пуп / Глядит в Каспийский рот...» [4, I; 141]. Отсылка к первородности, солнце как пуп. Есенин постоянно ссылается на подобное сравнение так, как для него: «Пуп есть узел человеческого существования» [34 с. 220]. Если лирический герой Мариенгофа активно выступает против природного начала, то Есенин напротив, относится с пиететом к природным объектам, наделяя их сакральными смыслами.

Важно отметить и то, что у Мариенгофа на первый план выходит человек, а у Есенина властвующее начало природа. Образ зрачков упоминаемый и в том и в другом стихотворении не смотря на разные трактовки имеет общее, так у Мариенгофа: «Только в зрачках ложится печаль, как в гроб» [6; с.219]. А у Есенина: «Крючками звезд свивая нить / Лучи, ты ловишь нас / И вершами бросаешь дни / В зрачки озерных глаз» [4; I; 141]. Мы видим, что человечество страдает, но если у Мариенгофа люди сами уничтожают себя, то Есенин карающей силой выбирает солнце: «Сойди на землю без порток, / Взбурли всю хлябь и водь, / Смолой кипящую восток / Пролей на нашу плоть...» [4, I; 141] или «Да опалят уста огня / Людскую страсть и стыд...» [4, I; 142].

Идея жизни, дарованной Богом, родовой преемственности, сменяется карой за прегрешения. В Книге Бытия, мы сталкиваемся с подобным наказанием, только карающей силой выступает вода: «И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле; и птицы, и скоты и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди» [5, 7: 19-21]. Есенин же выбирает в качестве карающего начала огненную стихию, освобождающую землю от смрада человеческих душ.

Лирический герой Мариенгофа отказывается от существования в таком городе, лирический герой Есенина надеется быть помилованным: «Взнеси, как голубя, меня...» [4, I; 142]. Он просит простить его и забрать на небо. Неслучайно здесь и сравнение с голубем, ведь в православии голубь символизирует св. Духа. Про крещение Иисуса Евангелист Лука говорит: "И Святой Дух в телесном виде, словно голубь, сошел на Него" [1; 3.22]. Но в данном случае лирический герой предстает грешником, осознавшим и искупившим свою вину. Его трансформация в голубя и вознесение на небо, с этой грешной земли, является единственным спасением. Герой Мариенгофа, как и весь род человеческий обречен на гибель, т.к. о раскаянии не может идти и речи. Но за этим

апокалипсисом все-таки должна быть надежда на спасение и перерождение рода человеческого. Как отмечает Захар Прилепин в своей статье «Великолепный Мариенгоф – Русская жизнь»: «...подобно тому, как образ в стихах имажиниста скрешивает чистое с нечистым, высокое с низким, с целью вызвать у читателя удивление, даже шок – но во имя постижения Слова и Духа, так и реальность земная замешала чистое с нечистым с целью через удивление и ужас привести – согласно Есенину и Мариенгофу – к стенам Нового Иерусалима» [10]. Возможно кара, выраженная через образ города – убийцу или природный апокалипсис, действительно нацелена на перерождение и чистоту.

Таким образом, мы видим, что Есенин, изображая один объект, с его помощью выстраивает целую ассоциативную цепочку образов, которые переплетаясь между собой, соединяются в ассоциативные ряды, тем самым выстраивая все стихотворение. Однако используя так активно, столь излюбленный имажинистский прием, как и у Мариенгофа, содержание не уходит на второй план и отчетливо прослеживается за формой. Более того все стихотворение подчиняется единой лирической теме, чего также стремились избежать имажинисты. Как говорит исследователь Т.А. Тернова: «Индивидуалистические устремления имажинистов не могли найти поддержки у возвращенного в лоне православия Есенина. Согласно христианской идеологии, человек лишь отчасти творит индивидуальную биографию. Он весь в руках Бога» [7; с. 140].

Безусловно, что лирика Мариенгофа, больше отвечает программе имажинистов, нежели творчество Есенина, хотя на примере анализа двух стихотворений нашли общие черты, более того идеи заложенные в стихотворениях, являются идентичными, хотя их развитие выражено по-разному. Общим остается и то, что стремясь к реализации собственной имажинистской программы за эпатажем, индивидуализацией (особенно Есенина, который так долго пытался отойти от поэтов-деревенщиков), анархичностью, независимостью, главный принцип безыдейности не срабатывает. Идея абсолютной образности уступает, сложившимся канонам стихотворства. Как отмечает исследователь Томи Хуттунен: «Разумеется, на практике осуществить такое разделение было невозможно, но теоретически имажинисты на нем настаивали. Понятно, что, чуждаясь вообще идейности, имажинисты отвергали и связь поэзии с общественной жизнью, в частности – отрицали поэзию как выразительницу революционных идей. Антиидейность имажинистов отражается в их привычке усваивать и распространять лозунги, вызывающие декларации и слова. Причем декларации имажинизма следует, как нам кажется, рассматривать скорее на уровне идей» [9; с. 14].

В этой эпатажной игре имажинисты просчитались, поставив перед собой почти невыполнимую задачу. Однако само направление было ярким и интересным веянием для русской литературы.

Библиографический список

1. Евангелие от Луки
2. Есенин: Жизнь. Личность. Творчество / Под ред. Е.Ф. Никитиной, М.: Работник просвещения, 1926.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа – Книга, 2012. 719 с.

4. Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 1 / Сост.икоммент.: А. Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Е.А. Самоделова, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. – М.: Наука – Голос. 1997.

5. Книга Бытия.

6. Анатолий Мариенгоф Стихотворения и поэмы/ Сост., подг. текста, вступ.статья, примеч. А. Кобринского – СПб.: Академический проект,2002-352с.

7. Тернова Т.А. «Вл. Нарбут последователен до конца...» (Литературные манифесты и декларации на страницах воронежского журнала «Сирена») / Т.А. Тернова // Материалы конференции к 60-летию филологического факультета ВГУ. – Воронеж, 2004. – С.138-146.

8. Тернова Т.А. Поэтические публикации А. Мариенгофа на страницах воронежского журнала «Сирена» / Т.А. Тернова // «Воронежский текст» русской культуры: Сб. ст. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 122-126.

9. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники –М.: Новое литературное обозрение,2007.-272с.

10. Захар Прилепин«Великолепный Мариенгоф», журнал «Русская жизнь»- земство, апрель 2008г. Дата обращения: 25.06.15 <http://profilib.com/chtenie/152625/zhurnal-russkaya-zhizn-zemstvo-aprel-2008-lib-11.php>

References

1.The gospel of Luke

2. Esenin: A Life. Personality. Creativity / ed. by E. F. Nikitina, Moscow: the Worker of education, 1926.

3. Yesenin S. A. Complete works in one volume. – М.: Alpha Book, 2012. – 719 p.

4. S. Yesenin Full. SOBR. op. / Inst. of world lit. RAS / CH. edited by J. L. Prokushev. Vol. 1 / Ed.and comm.: A. N. Zakharov, S. P. Koshechkin, A. E. Samodelova, S. I. Subbotin, N. G. Yusov. – М.: Nauka Voice. 1997.

5. The Book Of Genesis.

6. Anatoly Mariengof. Poetry and poems / Comp., Prep. text vstup.statya, n. A. Kobrin - SPb.: Academic Project, 2002. 352 p.

7. Ternova T. A. "Ow.Narbut consistent to the end..." (Literary manifestos and declarations of the Voronezh on the pages of the magazine "Siren") / Ternova T. A. // Materials of conference for the 60th anniversary of the philological faculty of Voronezh state University. – Voronezh, 2004. – P. 138-146.

8. Poetic Ternova T. A. publications A. mariengof of the Voronezh on the pages of the magazine "the Siren" / T. A. Chernova // "Voronezh text" of Russian culture: Sat. article – Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2011. – S. 122-126.

9. T. Huttunen. Imagist Marienhof: Dandy. Installation. Cynics - М.: New Literary Review, 2007. 272 p.

10. Zakhar Prilepin "Great Mariengof" magazine "Russian Life" - the district council, in April 2008. Date of treatment: 25.06.15 <http://profilib.com/chtenie/152625/zhurnal-russkaya-zhizn-zemstvo-aprel-2008-lib-11.php>

УДК 821.161.1 Бунин. 09

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет*
канд. филол.наук, ассистент кафедры рус-
ского языка и межкультурной коммуника-
ции

Попова Ю.С.

Россия, г. Воронеж, тел. + 79202262368

e-mail: buka1621@rambler.r

*Voronezh State Architecture and Construction
university*

*The chair of Russian Language and Intercul-
tural adverse communication, PhD in philology,
assistant*

Popova Y.S.

Russia, Voronezh, tel. + 79202262368

e-mail: buka1621@rambler.ru

Ю.С. Попова

**«ЧТО БЫЛО В ЗЕРКАЛЕ, ПОМЕРКЛО, ПОТЕРЯЛОСЬ...»
(СИМВОЛИКА ЗЕРКАЛА В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА)**

В данной статье прослеживается функционирование образа зеркала как символа в прозаических произведениях И.А. Бунина. Этот образ в художественном мире автора является средством выразительности, несущим ассоциативную нагрузку для восприятия, осмысления и интерпретации картины мира писателя.

Ключевые слова: зеркало, символ, отражение, проза, И.А. Бунин.

Y.S. Popova

**«WHAT WAS IN THE MIRROR, DARKENED, TO LOSE ...»
SYMBOLS OF MIRRORS IN PROSE I.A. BUNIN**

This article traces the operation of the image in the mirror as a symbol of prose works, IA Bunin. This image is in the artistic world of the author is a means of expression, carrying the load for the associative perception, comprehension and interpretation of the world view of the writer.

Key words: mirror, symbol, reflection, prose, I.A. Bunin.

Зеркало всегда привлекало внимание человека, а его основное свойство - отражать воспринималось как символ «второго я». В древности считалось, что в зеркале отражается душа человека.

Культурологический словарь дает такие толкования: зеркало - 1) инструмент визуальной магии; 2) мифологема отражения и альтернативы реального; 3) позиция и образ проективного видения, универсалия культуры. В ритуале гадания (в частности, святочного) оно выполняет роль границы, маркирующей вход в потустороннее. Также оно есть «экран», демонстрирующий картины прошлого и будущего. Этот предмет обладает автономной изобразительностью, памятью (проброобраз фотографии). Но зеркало является индикатором человеческого и даже личностного (как, например, бесы не имеют своего лица и не отражаются). В христианской атмосфере дома зеркало воспринималось как анти-икона, атрибут лукавого, карнавального мира с акцентом на «женское». Мифология зеркала возникла на упорном отрицании физики прямого отражения и перспективы [3; I; с. 125].

Идея зеркальности как универсального онтологического принципа не покидает философской почвы. Целостность (мира, организма, текста) проявлена в способности каждого значимого элемента нести в себе (отражать) свойства, смысл и память целого (атом, живая клетка, лексема).

В литературе зеркало наделяли особыми свойствами еще с мифов (Персей и Медуза Горгона), где отражение помогло герою победить зло. В сказках зеркало играло роль всевидящего ока, которое все знает («Сказка о мертвой царевне», «Белоснежка», «Вол-

шебное зеркало»). Авторы используют в своих произведениях его и как вход в другой мир («Алиса в Зазеркалье Л. Кэрролл, «Королевство кривых зеркал» В. Губарев).

В литературоведении особый характер зеркала в художественном произведении рассматривали многие авторы. Одним из первых крупных исследований стало эссе «Зеркала» У. Эко [6]. Он рассматривает зеркало с точки зрения инструмента индивидуального самоотождествления, оно отражает объект без передачи его значения.

Авторы сборника «Зеркало. Семиотика зеркальности» (среди них Ю.И. Левин, Л.Н. Столович, Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц и др.) [2], вступая в полемику с У. Эко, пришли к другим выводам. Они считают, что зеркало является механизмом организации картины мира, который строится на противопоставлении разных миров. Этот предмет выступает как граница между мирами, обладая возможностью организовывать их структуру.

Е.К. Созина отмечает особый символический характер зеркала в прозе И.А. Бунина. Зеркало выражает глубинную суть его творческой позиции. В качестве репрезентативного текста она рассматривает рассказ 1907 года «У истока дней», где зеркало является не только самым частотным символом, но и обладает «тематической насыщенностью» [5; с. 63].

Цель нашей работы – определить особенности функционирования мотива зеркала и связанных с ним других мотивов в структурно-смысловой организации прозаических произведений и способы его реализации.

Предметом изучения являются рассказы и повести И.А. Бунина: «Господин из Сан-Франциско», «Безумный художник», «Митина любовь», «Суходол». В этих текстах образ зеркала является не только частотным, но и несет смысловую и функциональную нагрузку, способствует осмыслению и интерпретации художественной картины мира писателя.

В рассказе «Господин из Сан-Франциско» зеркало связано с образом главного героя – Господина. Он смотрится в зеркало перед выходом из каюты, чтобы привести в порядок свой внешний вид до того, как предстать перед другими пассажирами «Атлантиды»: «Но тут зычно, точно в языческом храме, загудел по всему дому второй гонг. И, поспешно встав с места, господин из Сан-Франциско еще больше стянул воротничок галстуком, а живот открытым жилетом, надел смокинг, выправил манжеты, еще раз оглядел себя в зеркале» [1; IV; с. 321]. Этот предмет служит средством портретной характеристики героя, а акцент на неоднократности действия («еще раз оглядел себя в зеркале») свидетельствует о важности внешнего благополучия и успешности. Он становится заложником видимых радостей жизни: коньяк, сигары, роскошная еда, красивая одежда.

Далее герой продолжает свой ритуал поклонения внешним атрибутам жизни. Но Господин не одинок в этом поклонении. Другие пассажиры «Атлантиды» существуют именно в таком же ценностном мире. Именно поэтому такое большое место в рассказе занимают описания занятий пассажиров, в котором актуализируется тема порока: мир, где царят чревоугодие, страсть к роскоши, тщеславие, гордыня.

Герой все больше увлечен своим внешним видом, и количество зеркал в его каюте увеличивается, превращаясь в зеркальный мир: «Выбрившись, вымывшись, ладно вставив несколько зубов, он, стоя перед зеркалами, смочил и придрал щетками в серебряной оправе остатки жемчужных волос вокруг смугло-желтого черепа, натянул на крепкое старческое тело с полнеющей от усиленного питания талией кремовое шелковое трико, а на сухие ноги с плоскими ступнями – черные туфли» [1; IV; с. 322]. Этот мир поглощает его: «Пол еще качался под ним, кончикам пальцев было очень больно, заправка порой крепко кусала дряблую кожицу в углублении под кадыком, но он был настойчив и, наконец, с сияющими от напряжения глазами, весь сизый от сдавившего его горло не в меру тугого воротничка, таки доделал дело - и в изнеможении присел перед трюмо, весь отражаясь в нем и повторяясь в других зеркалах» [1; IV; с. 323].

В рассказе «Безумный художник» зеркало увеличивает количество света. Художник просит коридорного организовать пространство для работы (создание картины): «Помоги мне, по крайней мере, поставить стол как раз посередине комнаты. Мы увеличим свет отражения в зеркале...» [1; V; с. 113]. Но большое количество света не создает

радостную, светлую обстановку, наоборот, оно усиливает зловещее впечатление трагедии: «Свечи отражались в зеркале над диваном, бросая яркий золотой свет на белое серьезное лицо художника и на молодое озабоченное лицо коридорного» [1; V; с. 115]. Бледное лицо героя свидетельствует о его душевном состоянии. Белый цвет в этом рассказе носит негативный характер, он давит своей пустотой и поглощает. Так, художник не хочет белой скатерти и смотрит белый альбом с фотографиями покойной жены.

С образом зеркала в этом рассказе связан и образ свечей, которые отражаются в зеркале («Свечи пылали, дрожа огнями, отражаясь в зеркале. Лицо художника становилось все болезненнее» [1; V; с. 114]). За окном несмотря на зиму и снег было темно и чем сильнее разгорались свечи, тем хуже становилось художнику.

Герой смотрится в зеркало только в конце рассказа, до этого оно отражает окружающую обстановку, свечи, усиливает свет. Зеркало – это лабиринт, переход в другой мир. Оно противопоставляется реальному миру. Так, Ю.М. Лотман в монографии «Структура художественного текста» воспринимает художественный мир как систему противопоставленных друг другу пространств: «Язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности. Понятия «высокий-низкий», «правый-левый», «открытый-закрытый» существенной характеристикой которых является наличие границ». Одним из ее вариантов, по мнению автора, и есть зеркало: «Зеркало в большинстве случаев выступает как граница семиотической организации и граница между «нашим» и «чужим» мирами» [4; с. 214]. Эта способность выступать в качестве границы и определяет дополнительные возможности зеркала, связанные с организацией структуры художественного мира.

В повести «Митина любовь» зеркало раскрывает в герое другую сущность, другое «я». После встречи с Сонькой Митя как будто снова увидел себя:

«В доме он на минуту остановился перед зеркалом в зале. "Она права, - подумал он, - глаза у меня если и не византийские, то, во всяком случае, сумасшедшие. А эта худоба, грубая и костлявая нескладность, мрачная угольность бровей, жесткая чернота волос, действительно почти лошадиных, как сказала Сонька?"

Но сзади его послышался быстрый топот босых ног. Он смутился, обернулся:

- Верно, влюбились, все в зеркало смотрите, - с ласковой шутливостью сказала Параша, пробегая мимо с кипящим самоваром в руках на балкон» [1; V; с. 208].

Снова зеркало встречается в страшном бредовом кошмаре Мити: «Чувствовалось же все это через посредство ребенка с большим белым лицом, которого, перегнувшись назад, несла на руках и укачивала молоденькая нянька. Митя спешил обогнать ее, обогнал и уже хотел заглянуть ей в лицо, - не Аленка ли это, - но неожиданно очутился в сумрачной гимназической классной комнате с замазанными мелом стеклами. Та, что стояла в ней перед комодом, перед зеркалом, не могла его видеть, - он вдруг стал невидим» [1; V; с. 221]. Здесь нет света, нет перспективы. Выход из этой комнаты только один – через зеркало. И Митя растворяется в потустороннем мире, зеркало его больше не отражает. Именно в этом сне прослеживается параллель: зеркало – вход в потустороннее пространство. Также как и Митя, героиня сна ждет кого-то. Но глядит она не на дверь, а в зеркало, будто именно через него должен появиться кто-то из другого мира. Зеркало становится проводником, впускающее нечто страшное в этот мир.

Мотив «другого» мира зеркала, которое является входом в потустороннее пространство, прослеживается и повести И.А. Бунина «Суходол». Здесь зеркало выпускает не нечто мистически опасное, оно открывает дверь для реального убийцы. Герваська убивает дедушку, появляясь будто из зазеркального мира: «Хруст этот напомнил зиму - и, с удовольствием передернув плечами, дедушка вернулся в гостиную и, затаивая дыхание, стал передвигать, расставлять тяжелую, рычащую по полу мебель, изредка поглядывая в зеркало, где отражалось небо. Вдруг неслышно и быстро вошел Герваська - без казакина, заспанный, "злой, как черт", как он сам же про себя рассказывал потом» [1; III; 144]. Демонизм Герваськи усиливается его сравнением с чертом, который пришел за дедушкой и хочет забрать его в иной мир.

В этой повести символика зеркала связана с одним из самых значимых бунинских мотивов – мотивом памяти, вещным ее знаком. Оно сохраняет в себе то, что было дав-

но и создает меланхоличное настроение: «В жаркие дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осевшие стеклянные двери и веселый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, все вспоминалось нам фортепиано тети Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом» [1; III; 142].

Зеркало связано с греховными побуждениями человека. Оно может не только отражать героя, но и организовывать сюжет. Так, Наташка неожиданно для самой себя крадет зеркальце у Петра Петровича, и с этого момента оно неоднократно возникает на страницах текста. Ощущение греховности совершенного Наташкой проступка усиливает контраст с праздничным настроением вокруг, связанным с приездом барчука. Зеркальце становится для Наташки частью мира Петра Петровича. Это тайна, которая, как кажется героине, сближает ее с барчуком. Наташка использует этот предмет, чтобы прихорошиться и понравиться герою. Но результат – противоположный. Петр Петрович приказывает лишить ее красоты (остричь) за этот проступок. Когда Наташка находит это же зеркальце случайно по прошествии времени, оно рождает в ней смутные, странные ощущения, переносит героиню снова в мир ее иллюзий.

Зеркало, его функции и значение в контексте произведений И.А. Бунина представляют поле для исследования. Необходимо отметить, что этот символ используется автором в его архитипических смыслах и значениях, которые задают вполне определенный набор форм их воплощения, и реализуются на всех уровнях произведения: сюжетном, композиционном и образном.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. / И.А. Бунин. - М.: Художественная литература, 1966. – Том 4. С. 336. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).
2. Зеркало: Семиотика зеркальности. Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1988. Вып. 831. Т. 22.
3. Культурология. XX век: Энциклопедия (в 2х томах) / Главный редактор, составитель и автор проекта С.Я. Левит. - СПб.: Унив. кн., 1998.
4. Лотман Ю.М. «Структура художественного текста». М.: Искусство, 1970
5. Созина Е.К. Мотив зеркала в произведениях И. Бунина. Рассказ «У истока дней» / Е.К. Созина // Литературный текст: Проблемы и методы исследования: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т; Под ред. И. Богина и др. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. 59-74
6. Эко У. Зеркала // Метафизические исследования. Вып. 17,- М. 1999. с. 129-146.

References

1. Bunin I.A. Collected works in nine volumes. / I. A. Bunin. - M.: Fiction, 1966. - Volume 4. P. 336. The article quoted from the works of Bunin this edition specifying volume (Roman numeral) and pages (Arabic numerals).
2. Mirror: Semiotics specular. Scientists zap. Tart. state. Univ. Tartu, 1988. Vol. 831. T. 22.
3. Cultural. Twentieth Century: An Encyclopedia (in 2 volumes) / Editor , compiler and author of the S.Y. Leviticus. - SPb .: Univ . Vol . 1998 .
4. Lotman M.Y. The structure of the literary text. M .: Art 1970
5. Sozina E.K. The motive of the mirror in the works of Bunin. The story of "The source of days" / E.K. Sozina // literary texts: Problems and Methods: Sat. scientific. Tr. / Tver. state. Univ; Ed. I. goddess and others. Tver Univ Tver. state. University Press, 1998. 59 74
6. Eco U. Mirrors // Metaphysical studies. Vol. 17 - M., 1999. p. 129-146.

УДК 82.02

*Воронежский государственный университет
асп. кафедры русской литературы XX и XXI
вв., теории литературы и фольклора*

*Краснякова М.С.
Россия, г. Воронеж, тел. 89081422707
e-mail: marinakrasniakova@rambler.ru*

*Voronezh State University
The chair of Russian literature of XX and
XXI cent., the theory of literature and folk-
lore, post-graduate student*

*Krasnyakova M.S.
Russia, Voronezh, tel. 89081422707
e-mail: marinakrasniakova@rambler.ru*

М.С. Краснякова

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СЮЖЕТА И МОТИВА КАК НАРРАТИВНЫХ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В статье приведен анализ современных литературоведческих концепций определения сюжета и мотива художественных произведений как нарративных структурных элементов поэтики.

Ключевые слова: сюжет, мотив, структурная единица, предикат.

M.S. Krasnyakova

THE PROBLEM OF A RATIO OF A PLOT AND MOTIVE AS NARRATIVE STRUCTURAL ELEMENTS IN MODERN LITERARY CRITICISM

The analysis of modern literary concepts of definition of a plot and motive of works of art as narrative structural elements of poetics is provided in the article.

Key words: plot, motive, structural unit, predicate.

В современном литературоведении сложилось несколько концепций определения сюжета и мотива художественного произведения. Сегодня научный спор идет с целью уточнения и конкретизации этих категорий: какая из них генетически предшествовала другой, считать ли их частями целого или самостоятельными единицами.

В новосибирском институте филологии СО РАН сформировалось направление исследования, целью которого является создание словаря сюжетов и мотивов. К настоящему времени изданы три выпуска словаря, в которых приведены словарные статьи о мотивах и сюжетах, появившихся в русской литературе со времени ее возникновения и до современности.

Авторами «Материалов к словарю сюжетов и мотивов» уделяется достаточно много внимания определению функционального значения мотива и сюжета как нарративных структурных элементов. Так, статьи «Мотив и канон», «Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм» Э.А. Бальбурава правомерно считать программным изложением теоретической концепции «Материалов к словарю сюжетов и мотивов» и самого словаря. Исследователь утверждает, что мотив является «ключевой единицей художественной семантики» [2; с. 6], что новейшая литература обретает гибкость повествовательных структур и «... становится очевидно, как усложняется ее структурный репертуар» [3; с. 37]. Э.А. Бальбуров считает, что приоритетным при анализе литературного произведения должен становиться стиль, а не жанр и сюжет, а в качестве базовой единицы текста – мотив, поскольку именно мотив «обладает свободной скользящей референтностью и повешенной способностью к сочетаемости» [3; с. 37].

Схожие рассуждения встречаются и в другой программной статье серии — «Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему)» Н.Д. Та-

марченко. По мнению исследователя, «мотив — цикличная, архетипическая ситуация» [10; с. 38], поэтому его правомерно считать общим элементом в составе сюжетов различных произведений, возникавших в различные эпохи.

В рамках интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные кодексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (общенациональный и региональные аспекты)» И.В. Силантьев подготовил монографию «Сюжетологические исследования». Работа посвящена анализу мотива в его эпической (повествовательной) и лирической разновидностях, отношениям мотива и сюжета, а также соотношению сюжета и жанра — как в плане теоретической, так и в плане исторической поэтики. Автор последовательно доказывает, что в историческом измерении поэтики именно сюжет в его динамике и развитии выступает одним из основных факторов образования новых жанров.

Мотив, считает И.В. Силантьев, выступает носителем устойчивых значений и образов повествовательной традиции и, являясь повторяющимся элементом, «участвует в сложении фабул конкретных произведений, обеспечивает связь «предания» и сферы «личного творчества» [9; с. 5]. «Мотив — это единица повествовательного языка фольклора и литературы, соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками, инвариантная в своей принадлежности к повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях в произведениях фольклора и литературы» [9; с. 10]. В структуру мотива исследователь включает действие, которое является основой его предикативности, и мотивные актанты. Термин принадлежит Е.М. Мелетинскому, определяющему актанты как смысловые элементы, возникающие в тексте с появлением мотива. За мотивными актантами в конкретном повествовании всегда стоят определенные действующие лица. Помимо действия-предиката и актантов, составляющих семантическое ядро мотива, существует еще оболочка или «периферия инвариантного семантического ядра мотива» [9; с. 9], которую составляют семы, соотносящиеся с вариантами мотива. Для формирования художественной значимости мотива, считает И.В. Силантьев, существенными оказываются его связи с героем, через определенные действия оказывающимся в центре таких событий, которые формируют смысл сюжета и произведения в целом.

На предикативность мотива обращал внимание и Н.П. Андреев, писавший: «под мотивами я понимаю отдельные факты, имеющие динамическое значение, т. е. подвигающие вперед движение рассказа» [1; с. 234]. Ученый не соотносил с мотивом элементы статического характера, описательные, которые называл деталями рассказа.

В.И. Тюпа развивает концепцию предикативности мотива с опорой на теорию актуального членения высказывания. «Категория мотива, — пишет исследователь, — предполагает тема-рематическое единство» [11]. Таким образом, речь идет о свойстве мотива служить основой сюжетного высказывания, т. е. не только содержать нечто известное (что есть «тема»), но и сообщать о чем-то новом (что есть «рема»), а в плане сюжетосложения — сдвигать сюжетную ситуацию через новое событие в новую ситуацию. Тема-рематический принцип предикативности мотива В.И. Тюпа соотносит и с дву-членной моделью мотива («a + b») по А.Н. Веселовскому.

Акцентируется моделирующая роль мотива в работах Б.Н. Путилова. Согласно исследователю, «мотив есть не просто элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие. Мотив обладает моделирующими качествами» [7].

Понимание сюжета как схематического обобщения содержательной стороны произведения либо ряда произведений ученый предлагает называть сюжетной инвариантной схемой. В зависимости от степени схематизации и характера обобщения сюжетные инвариантные схемы могут объединяться в сюжетные темы. Б.Н. Путилов предлагает отказаться от оппозиции сюжет — фабула, поскольку «сюжет в его объемном значении покрывает план содержания (внешнего и внутреннего, поверхностного и глубинного) и план выражения (система построения, мотивировки, структурные особенности)» [8].

Следовательно, изучение сюжета предполагает анализ совокупности всех элементов, выявление семантических, структурных связей, обнаружение скрытых планов. Признавая категорию сюжета одной из основополагающих категорий поэтики, Б.Н. Путилов настаивает на ее связи, с одной стороны, с категорией мотива, с другой – с категорией жанра. Сюжет зависит от жанра, складывается по законам его языка, грамматики. «Каждый жанр обладает своим сюжетным фондом» [8], – считает ученый. Следовательно, при анализе важно выяснить, какие жанровые нормы, законы, универсалии отразились в данном сюжете и как они в нем действуют.

Сюжет представляет конструкцию, опирающуюся на мотивы, «чтобы прочесть сюжет, нужно подвергнуть анализу вошедшие в него мотивы» [8]. Однако сюжет, по мнению исследователя, представляет собой целое, которое не может быть сведено к сумме мотивов, входящих в него. Исследователь заключает, что новообразования в сфере сюжетности осуществляются через трансформацию мотивов. Ученый считает, что сюжет и мотив это одно структурное образование: мотив — часть, сюжет — целое. «Мотивы — моменты движения сюжета» [8]. Мотив, по Б.Н.Путилову, обладает большей самостоятельностью и несет более важные моделирующие функции, чем считал А.Н. Веселовский. При этом, если А.Н. Веселовский называл мотив неразлагаемым далее элементом, то Б.Н. Путилов, вслед за В.Я. Проппом, считает, что мотив разложим на элементы, причем каждый в отдельности элемент может варьировать. Хотя, сразу замечает исследователь, «Веселовский неоднократно говорил о варьировании как о существенном качестве мотивных формул и придавал ему исключительное сюжетообразующее значение» [8].

На моделирующих качествах мотива настаивает и Г.А. Левинтон, который доказывает еще более широкие возможности мотива, называя его уже не частью сюжета, а его инвариантом. «Сюжет существует на двух различных уровнях: как некая семантическая единица, некий смысл, инвариант и как реализация этого инварианта, «изложение» смысла на каком-то языке. Первый уровень мы называем «мотивом», второй – «сюжетом» [5; с. 303]. Левинтон предлагает ввести понятие пратекст – максимальный инвариант, абстрактный, гипотетический текст, содержащий все элементы, встретившиеся хотя бы в одном варианте реального текста. «Целесообразно считать пратекстом состояние максимальной конвергенции вариантов (тот этап эволюции текста, когда в нем не было вторичных расхождений), а сам пратекст – некоторой абстракцией, удобной для объяснения дальнейшей эволюции мотива» [5; с. 307]. Задача исследователя, по Левинтону, сводится к двум пунктам: во-первых, интерпретировать исходный текст, установив его первичный смысл, его «сигнификативные отношения с некоторым комплексом мифов и ритуалов, также имеющих свой смысл» [5; с. 308], во-вторых, реконструировать пратекст. Задача реконструкции пратекста предполагает выяснение, в каких утраченных (или сохранившихся не во всех вариантах) элементах мог реализоваться данный смысл. В конечном счете, систему мотивов, считает исследователь, можно представить как некоторый набор функций, распределенных между реальными текстами. «Эти функции могут быть самого разного порядка – от «быть мифом», «быть правдой», «быть пословицей» до «описывать отношения отца и сына при инициации», «медиировать оппозицию природа/культура» [5; с. 319].

Неклюдов С.Ю. предложил понимать мотив как знак, имеющий благодаря мифологической семантике символическое значение, но входящий не в сюжетный, а в фабульный ряд: «не включающий в себя сюжетное сказуемое, но принимающий участие в фабульных построениях» [6].

Н. А. Криничная в монографии «Русская народная историческая проза» определяет мотив как «сложное структурное единство, в котором определяющая роль принадлежит действию или состоянию, а определяемыми являются субъект, объект, обстоятельства действия или состояния, оказывающие в большей или меньшей степени влияние на основополагающий элемент – предикат» [4]. Плодотворность такого подхода демонстрируется результатами предпринятого исследования — системным аналитическим описанием жанра предания.

Итак, мотив играет важную моделирующую роль в сюжете, он действительно в значительной мере программирует и предопределяет сюжет. Мотив обладает свойством служить основой сюжетного высказывания, в этом заключается принцип предикативности мотива. Мотив разложим на элементы, причем каждый в отдельности элемент может варьировать. Следовательно, изучение сюжета предполагает анализ совокупности всех мотивов и их трансформаций.

Библиографический список

1. Андреев Н.П. Проблема тождества сюжета (Публикация В.М. Гацака) // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 230–243.
2. Бальбуров Э.А. Мотив и канон // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск: Наука, 1998. 340 с.
3. Бальбуров Э.А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм // Сюжет, мотив, история. Новосибирск: Наука, 2009. 309 с.
4. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 18.
5. Левинтон Г.А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 303-319.
6. Неклюдов С.Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 194.
7. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 149.
8. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994 <http://www.infoliolib.info/philol/putilov/index.html>
9. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
10. Тамарченко Н.Д. Мотив преступления и наказания (введение в проблему) // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск: Наука, 1998. 340 с.
11. Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс-2'96. Новосибирск, 1996. С. 52–54.

References

1. Andreyev N.P. Problem of plot identity. (V.M. Gatsak's publication) // Folklore. Historicism problems. M, 1988. P. 230-243.
2. Balbuurov E.A. Motive and a canon // Plot and motive in the context of tradition. Novosibirsk, 1998. 340 p.
3. Balbuurov of E.A. Plot and history: to the problem of evolution of narrative forms // Plot, motive, history. Novosibirsk, 2009. 309 ps.
4. Krinichnay N.A. Russian national historical prose: Questions of genesis and structure. Leningrad, 1987. P. 18.
5. Levinton G. A. To the problem of studying of narrative folklore // Typological researches on folklore. Collection of articles in memoriam of V.J. Propp. Moscow, 1975. P. 303-319.
6. Neklyudov S.J. About functional and semantic nature of a sign in narrative folklore // Semiotics and art creativity. Moscow, 1977. P. 194.
7. Putilov B.N. Motive as a plot forming element // Typological researches on folklore. — M, 1975. P. 149.
8. Putilov B.N. Folklore and national culture. St.-Petersburg, 1994. (<http://www.infoliolib.info/philol/putilov/index.html>)
9. Silantyev I.V. Research on plot. Moscow, Languages of Slavic culture, 2009. 224 p.
10. Tamarchenko N.D. Motive of crime and punishments (introduction to a problem) // Plot and motive in the context of tradition. Novosibirsk, 1998. 340 p.
11. Tyupa V.I. Theses to the draft of the dictionary of motives // Discourse-2'96. Novosibirsk, 1996. P. 52-54.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LINGVOCULTUROLOGY

УДК 323.12

*Воронежский государственный университет
д. филол. наук, проф. кафедры славянской
филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)220-84-97,
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
The chair of Slavonic philology
Doctor of philology, full professor
Kovalev G.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48,
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

УНИЧТОЖЕНИЕ ЭКОЛОГИИ РУССКОЙ РЕЧИ, ИЛИ УЖЕ РУСОФОБИЯ?

В статье поднимается вопрос о негативном влиянии на современный русский язык канцеляризм, рассматривается проблема исчезновения в русском обществе такой категории, как отчество, приводятся примеры вычурных аббревиатур.

Ключевые слова: русофобия, аббревиатура, канцелярит.

G.F. Kovalev

DESTRUCTION OF ECOLOGY OF RUSSIAN LANGUAGE OR PHOBIA OF RUSSIA?

The article brings up the question of negative influence of bureaucratise vocabulary, sites the problem of disappearance of patronymics in Russian society and gives the examples of pretentious abbreviations.

Key words: phobia of Russia, abbreviation, bureaucratise.

Старая интеллигенция с первых лет советской власти возмущалась наводнением аббревиатур и пыталась горько шутить. Так, будучи в эмиграции, Дон Аминадо писал в парижском «Сатириконе» (правда, уже под другим псевдонимом – К.Страшноватенко):

«Получил пачку советских газет. Погрузился в чтение и еле обратно выгрузился. Удивительно, до чего все-таки язык Тургеневский!.. Вот именно: «Записки охотника», только для бедных.

И всё – сокращения, сокращения, сокращения...

Так торопятся, что ни одного слова выговорить не успевают. Словно их (вместо чая) с самого утра скипидаром налили: внутри жжет, а сказать некогда. На шипящих да свистящих и держатся» («Сатирикон», Париж, 1931, №18, 1 авг.)

С помощью аббревиатур Тэффи едко высмеяла лживое, пропагандистское начало СМИ: «Нас обслуживают три радио: советское «Соврадио», украинское «Укразио» и наше собственное первое европейское «Переврио» («Ке фер?»).

Тот новояз был создан для прикрытия идеологии и обмана. К сожалению, в наши дни новояз никуда не исчез. Он мимикрировал и в нашей действительности, искажая и «облагороживая» риторикой истинное положение вещей [4; с. 19-20]. А современный чиновничий канцелярит стал мощным средством уничтожения русского языка.

Своеобразный педагогический канцелярит убедительно описала в наши дни

учительница Н.А. Борисенко. Новый канцелярит призван чиновниками от «образования» для того, чтобы максимально увеличить количество идиотских бумаг и затруднить работу учителям с помощью бесполезных, а чаще вредных стандартов [2; с. 4-7].

Сейчас для нормальных людей проблемы с канцеляритом, или как удачно назвал Н.Романов современный махровый канцелярит – *чинояз* [7; с. 10] – стали более весомыми и даже экономическими. Н.Романов отметил: «Чинояз предназначен для сокрытия информации. С этой целью в чиноязе используется очень длинная фраза, завершая которую чиновник окончательно запутывает смысл произносимого. Примеры: «Степень стратегии развития в русле основополагающей концепции доведена до уровня практической реализации...», «В поле этого мнения человек должен оставаться на этой цепочке внимания...».

А ведь как отчитывается за свою работу чиновник – разве конкретными делами? Нет, он отчитывается горой бумаг, которую якобы он произвел. На самом деле, как инициативный идиот, он постоянно требует большого количества разных бумаг от тех, кто действительно работает. Поэтому ему выгоден такой критерий, чтобы качество и необходимость этих бумаг характеризовалось не содержанием, а объёмом. И здесь они, никого не спрашивая, диктуют свою волю. Известный актер Н.Губенко посетовал о совершенно неприемлемом применении фактора эффективности, учреждаемого чиновниками в гуманитарных областях: «Давайте подумаем тогда, как измерять эффективность чиновников, которые помышляют об этом. И кто, что будет мерилом? Безвластный народ?» (Аргументы и факты, 2013, №27, с. 5).

Так, чиновники министерства «образования» («они хотят свою образованность показать») дошли до такого хамства, что внедрили вместо устоявшихся в русском языке слов совершенно безобразные описания: вместо понятного *дипломная работа* подставили дикую *ВКР* – выпускная квалификационная работа, *экзаменационный билет* заменили на совершенно непонятный для гуманитария корейским именем *КИМ* – контрольно-измерительные материалы (а может быть, это жалкая ностальгия по Коммунистическому Интернационалу Молодёжи?). Что эти «материалы» способны измерить у филологов или историков? Но чинушам и этого мало: они, никого не спросив, переименовали все учреждения на свой бюрократический лад. Теперь *Воронежский государственный университет* обзывается *ГФБОУ ВПО ВорГУ* (*Государственное федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский Государственный Университет»*), причем, вопреки русской орфографии, «государственный университет» требуют писать с большой буквы.

А во что безумные чиновники превратили название обычной школы! А.Калинина даже сочинила стихи «Обучающийся»:

Я теперь не ученик –
Вот несчастье.
Посмотрите на дневник:
Я – причастие.

Да и в школу я теперь
Уж не вхож –
Там живет какой-то зверь
МБОУ СОШ.
(Лит. газ., 2013, №42, с.16).

Однако в Воронеже обнаружилось еще более зверское название школы: *МБОУЛ «ВУВК им.А.П. Киселева»*.

К сожалению, фантазии безграмотных чинуш безграничны: «А есть еще и многочисленные МУДО – Муниципальные учреждения дополнительного образования. И за-

мечательные МУДОДы – Муниципальные учреждения дополнительного образования дошкольников» (Лит. газ., 2014, №12, с. 16). А дальше автор материала из «Лит. газеты» поясняет: «Например, есть МУДОД «Чапаёнок», имеется и «Дюймовочка». И мудодцы – отважные, как всадники Чапая – по всей стране занимаются внедрением ПНПО, то есть – приоритетного национального проекта «Образование». А на вершине пирамиды – УОМО, сиречь Управление образования муниципального образования» (Там же).

Чиновники от ГОСТа тоже постарались навредить как можно больше и «грамотнее». Они в свое время переделали библиографический ГОСТ так, что он стал полностью неприменимым. Идиотизм ГОСТа (2003 г.) его изобретатели оправдывают потребностями машинной обработки текстов документов. Однако, если приглядеться внимательно, кроме желания как можно больше изменить нормативы в сторону увеличения пустого объёма (за это и выписывают премии!), да еще отсутствия здравого смысла, ничего не обнаруживается.

И, что обидно, авторы библиографического ГОСТа оправдались фразой, дескать, все нормативы не нарушают норм русского языка. А это уже чистая ложь. В самом деле, после фамилии автора было предложено ставить запятую и только после нее инициалы имени и отчества (Иванов, И.И.!). Это как же нужно не уважать родной язык и стараться все сделать по каким-то непонятным стандартам! Обидно, что в разработке этих ГОСТов участие принимали специалисты-библиографы.

Да, в англоязычной традиции разница между формами имени и фамилии зачастую может быть невелика, поэтому там и возникает проблема: *Джон Стюарт* или *Стюарт Джон*. Но ведь в русской антропонимии сложилась совершенно другая система! Поэтому абсолютно дико выглядит и вторичное написание фамилии с инициалами перед ней (Ну, как же! Зато лизнули европейский стандарт с определённой стороны). Теперь всё хорошо – объём растёт! Придумана пресловутая «зона ответственности», которая никак не работает, когда необходимо найти истинного автора или издателя. Воистину, как сказал выдающийся физик, академик Е.П. Велихов: «Научная бюрократия – такой же враг для развития страны, как и бюрократия управляющих организаций» (Аргументы и факты, 2010, №5, с. 3).

Ненужные тире в библиографии в качестве ненужных разделителей (так и подмывает крикнуть фразу из записных книжек Виктора Кина: "Вы, тире, мерзавцы!"), да еще прописная буква «С.» для сокращения слова «страница». Мы всегда сокращали это слово строчной буквой «с.», поскольку в русском языке это слово не собственное, а нарицательное. Чинуши же никак не могут отойти от псевдоевропейского стандарта, в котором и по-английски (P.), и по-немецки (S.) следует, исходя из орфографии этих языков, писать прописную букву. Все это выглядит не более, как чистой воды *русофобия!*

А какой идиот от ГОСТа придумал совершенно новый разделительный знак в русском синтаксисе? Ведь по нормам ГОСТа 2003 следовало писать название сборника так: «Иванов: Проблемы творчества». Там, где нормальный ученик даже начальной школы напишет точку сразу же после первого слова (Иванов. Проблемы творчества), чиновнику от библиографии обязательно нужен пробел и двоеточие! Так они «сохраняют» русский язык. Плохо, конечно, что соответствующие подразделения нашей Академии Наук спокойно утерлись и печатают свои труды по псевдорусским стандартам.

И это приседание чинуш перед забугорными стандартами (три раза «ку»!) пошло дальше: почтовые чиновники нам сменили форму написания почтового адреса – сначала улица, а потом город. Для русского человека это дикость: мы же пишем слева направо, а затем еще и спускаемся строчкой ниже, а вовсе не поднимаемся строчкой вверх. Именно так, в соответствии с традициями нашей, да и европейской, письменности, мы и читаем. Но бюрократы просто плюнули на наши национальные традиции, сменив заодно и формат конверта (раньше мы складывали письмо в одну

четвертую, что удобно даже ребенку, а теперь необходимо с трудом умудриться свернуть лист в одну треть). Поверьте, хочется сказать грибоедовскими словами: «Помилуйте, мы с вами не ребята, зачем же чужие только святы?» И продолжить грибоедовским же проклятием:

Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания!

А требования статью о Пушкине обязательно снабдить английским переводом названия + key-words + аннотация на английском, как будто зарубежному русисту это так уж необходимо! И это еще не все: унижающая нас русофобия простирается и на библиографические ссылки. То есть русскую библиографическую ссылку в большинстве так называемых ВАКовских изданий требуется писать в латинской транскрипции, после чего такую ссылку уже невозможно будет обнаружить ни в кириллической, ни в латинской библиографии. Это уже полный маразм русофобии.

А как проверяется чиновниками уровень цитируемости в науке? Это поручено зарубежной фирме, которая анализирует лишь один отечественный журнал по литературоведению, да еще почему-то журнал «Новый мир». Это просто издевательство над нашей филологией. Да и ВАК не дает никаких изданий, например, по славистике, даже таких устоявшихся, как пражский журнал *Slavia*, или краковский *Onomastica*. При таком отношении ты хоть тысячу раз печатайся в ВАКовских изданиях, никто тебя на Западе не заметит. А ВАК требует от ученых еще и высокого уровня цитируемости! И не только в РИНЦ, но и еще по какому-то индексу ХИРШ! А так ли важно, чтобы мою статью о состоянии русского языка процитировали где-то на Западе?!

Ян Андреев возмущенно писал о том, что преклонение перед Западом наших чинуш от якобы науки приводит к нежелательным последствиям: «Главное требование, от которого зависит, будет ли существовать научная организация, дадут ли зарплату на следующий год специалисту, – это количество статей, опубликованных в журналах, индексируемых двумя зарубежными системами – «Скопус» (Scopus) и «Веб оф Сайенс» (Web of Science, Wos). И так называемый индекс Хирша (высчитывается по количеству ссылок на работы автора в других публикациях) [1; с. 6]. Однако: «Журналы, которые учитываются в этих базах, в подавляющем большинстве англоязычные. Доля российских журналов (да и славянских тоже! – Г.К.) ничтожна, причем индексируются в системе главным образом те отечественные издания, которые либо имеют англоязычную версию, либо сразу публикуются на этом «международном» языке» [1; с. 6]. В связи с этим вспоминается выступление Д.Медведева в бытность его еще президентом в Новосибирском Академгородке: «Вы мне не рассказывайте, какие талантливые преподаватели у вас и прекрасные студенты. Вы мне покажите хотя бы одну вашу программу, сертифицированную на Западе». Как будто наши вузы готовят специалистов исключительно для Запада.

Для того, чтобы удержаться в своих креслах, чинуши уже не просто предлагают, а агрессивно проводят свои безумные реформы. Академик О.Т. Богомолов справедливо заметил по поводу итогов этих реформ: «А то, что творится в Министерстве образования, – просто ужас! Мы имеем резкое падение уровня школьного и вузовского образования» (Лит. газ., 2014, №17, с. 3).

Да, переход на стандарты в средней школе и весьма убыточное двухуровневое высшее образование окончательно добьют всю систему образования в России. Сегодня чиновники от образования ради эфемерной экономии, прикрываясь уже пройденной демографической ямой, преступно сокращают бюджетный набор студентов. Если в 1965 г. филологический факультет ВГУ набирал 75 студентов на дневное отделение и 100 – на заочное, то в 2014 г. он набирал согласно спущенному минобразом плану только 10 студентов и только на дневное отделение. И это на факультет, где 20

профессоров! Следовательно, нужно будет избавляться даже от профессоров с их мизерной зарплатой!

Тот же О.Т. Богомолов с горечью констатирует: «За годы реформ из страны ушли огромные деньги – от 2 до 3 триллионов долларов. Сколько – точно не знает никто. На эти деньги можно было бы новое государство создать. А сколько из страны уехало специалистов? Они могли бы приносить России огромный доход. Только в США сейчас работают более 16 тысяч профессоров и докторов наук – выходцев из России. А сколько их в Германии и других странах? Все они настоящие ученые. Некоторые не прочь вернуться. Но нет соответствующих условий для работы!» (Лит. газ., 2014, №17, с. 3).

Наступают чинуши на наш русский уклад и на нашу русскую идентичность. Ведь отчество с гордостью носят среди славян только русские, да еще белорусы. Украинцы уже почти отказались от отчеств (та шо мы, москали, чи шо?), у болгар отчество есть, но только в паспорте, в речи не приветствуется.

Повсеместно в газетах и журналах исчезло отчество. Спрашиваю журналистов, моих же выпускников, почему в интервью они называют меня в своих публикациях так неуважительно – без отчества? Они сказали, что таков приказ сверху (а вроде бы цензуру отменили!). Ну, ладно я, малооплачиваемый профессор, так ведь и с крупной государственной фигурой в «Литературной газете» поступили так же: Вячеслав Штыров, *заместитель председателя Совета Федерации*. А статья его была посвящена тому, как чиновники уродуют русский язык иностранными извращениями. Более того, он тоже обратил внимание на исчезновение в прессе такого понятия, как русское отчество. Справедливо он пишет: «Языковая агрессия подмывает корни национальной культуры, меняет традиционные для нашего народа правила и ценности. Например, во многих странах, в том числе англоязычных, у человека нет отчества в привычном для нас понимании. Хоть в 10 лет он Джек, хоть в 70. А в русском языке, обращаясь к немолодому человеку, тем более незнакомому, просто неприлично назвать его по имени без отчества. Однако именно такая, «американизованная», форма обращения утвердилась на всех российских телеканалах. Юная девушка – корреспондент, разговаривающая с кем-то в российской глубинке, или молодой паренёк – ведущий в студии обращаются к людям, которые по возрасту им годятся в родители, а то и в деды, словно к своим ровесникам: по имени. А ведь **отчество не случайно имеет один корень с Отечеством. Выбрасывается одно, теряет прочность другое.** Вот почему в той же Франции борьбу за сохранение своего языка считают борьбой за национальную независимость в широком понимании этого слова. Что вполне объяснимо: если нет самоуважения внутреннего, не будет его и внешнего» [9; с. 12]. А заканчивает Вячеслав Анатольевич веским предостережением: «Сначала отказываемся от родного языка, потом – от отчества, а в конце концов – от Отечества» (Там же). Сравните мнение Марины Цветаевой об отрицании отчества в псевдонимах: «Каждый литературный псевдоним прежде всего отказ от отчества, ибо отца не включает, исключает. Максим Горький, Андрей Белый – кто им отец?»

Каждый псевдоним, подсознательно, – отказ от преемственности, потомственности, сыновности. Отказ от отца. Но не только от отца отказ, но и от святого, под защиту которого поставлен, и от веры, в которую был крещен, и от собственного младенчества, и от матери, звавшей Боря и никакого «Андрея» не знавшей, отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных» [8; с. 229].

Первые отчества на *-ич* были не совсем отчествами: Рюриковичи, Ольговичи, Ярославичи, Мономашичи и т.д. Они были более близки к родовым фамилиям типа *Романовы*. Былины дают именованья типа *Добрыня Никитич*, *Алеша Попович* и т.д.

В конце XVI в. в эпоху упрочения Московского государства общеславянский патронимический формант *-ич* постепенно превратился в своеобразный социальный знак: им отмечали заслуженных или родовитых людей. Дело дошло до того, что сам Московский государь указывал, кого следует писать с *-вичем*. В то же время это не коснулось в

равной степени Украины и Беларуси, где отчество можно рассматривать как руссизм.

В эпоху Екатерины II отчества на *-ич/-ович* присуждались только тем, кто принадлежал к высшим пяти классам табели о рангах. В армии это начиналось лишь от звания генерал-майора и далее.

Писатель М.Веллер заметил по поводу отчества: «Вопрос обращения по отчеству заслуживает отдельного социопсихолингвистического изучения. Русско-советское хамство начиналось с комсомольского свойского «ты» и сквозь все слои и структуры общества восходило к публичному «тыканью» Генсека членам Политбюро. Но снизу вверх полагалось на «вы» и по отчеству. Это было самоутверждение холопов во князьях. У лакея свое представление о величии. В офицерском корпусе разграничивалось просто: на звездочку старше – «вы», на звездочку младше – «ты». В российском, даже купринского «Поединок» захолустном армейском полку – представьте «тыканье» штабс-капитана поручику. Среди «интеллигенции» действовало различие в должности и возрасте. К редактору, скажем, книги или публикации автор даже постарше и помаститее его обращался взаимно по отчеству. Автор моложе и немаститый отчества в ответ не получал. А уж в неформальном общении десять лет разницы казались старшему полным основанием обращаться к младшему по имени, слыша в ответ свое имя-отчество. Это пошло в естество, иное представлялось даже и странным, как бы искусственным, наигранным: обращаться по отчеству к младшему, пусть даже немного младшему, пусть даже под пятьдесят, если только он не был значительной, влиятельной фигурой. Это способствовало самоуважению старших. И не могло зачастую не унижать младших. Поразительно, что в «интеллигентах»- шестидесятниках почти поголовно отсутствует само ощущение того, что неравенством обращения он унижает собеседника, тем самым унижая некоторым плебейством манер себя. Хомо советикус (Веллер М. Ножик Сережи Довлатова).

Показательно, что российские чинуши от СМИ выступают нога в ногу с самыми оголтелыми русофобами – прибалтами. В Эстонии, например объявлена война русским отчествам (типа Иванович, Петрович, Владимирович): «В республике запрещено вписывать в паспорт отчество» (Российская Газета. Неделя. 2015, 14 мая, №102, с. 16). В Латвии же пытаются «латвизировать» русские имена и фамилии: «Так, латвийские власти уже не один год настаивают на регистрации в качестве «покойника» мальчика по имени Мирон. Вот нельзя просто написать Мирон, надо – «Миронс». Что на слух равнозначно «миронис», означающее по-латышски «покойник». <...> Некогда казалось абсурдным, что в латвийских паспортах человек с фамилией «Шишкин» превратится в «Сискинса» (Там же).

Абсолютно верный диагноз болезни современных госчиноуш, дилетантов и временщиков, как строгий, но справедливый доктор, поставил В.Костиков: «...это уже не наследие прошлого, на которое у нас любят ссылаться. Это симптомы болезни власти нынешней. Эта болезнь не имеет медицинского названия. Это даже не политическое, а нравственное уродство людей, случайно прорвавшихся к рычагам управления и изуродованных бесконтрольностью власти» [6; с. 6].

Еще лучше, да еще и современно, выразил это А.Т. Твардовский в «Теркине на том свете»:

Что искать – у нас избыток
Дураков – хоть пруд пруди,
Да каких еще набитых –
Что в Системе, что в Сети...

А задумывались ли эти горе-революционеры от документоведения и вредители от образования над тем, какой ущерб они причиняют своей высоко оплачиваемой, но крайне вредной деятельностью? Так и подмывает сравнить нашу ситуацию со сталинскими временами. А ведь тогда бы, в соответствии со здравым смыслом, организаторы

такого повального бумагомарания были бы определены как *вредители* с вполне справедливыми последствиями. Да и в наши дни им никакого оправдания быть не может.

Справедлив вывод В.Костикова: «Сегодня чиновники (а не интеллигенция, не учёные, не инженеры, не учителя) считают себя новой элитой. Это для себя они принимают новые законы, устраивают помпезные праздники и открывают элитарные кладбища. Это они пиллят бюджет и повышают себе зарплаты. Это они на фоне российской бедности устраивают себе красивую жизнь: заказывают дорогие автомашины, мебель с позолотой, импортные унитазы. И это они тормозят развитие гражданского общества» [6; с. 8].

И действительно, именно чиновники от сердюковщины разбазарили нашу армию, чиновники от министерства Безобразований провели свою разрушительную реформу, внедрив нам в высшую школу западную средневековую структуру бакалавров и магистров, они устроили прозападную систему рейтинга для наших публикаций, они же устроили школьный погром с пресловутым ЕГЭ! Абсолютно справедливо писал один из лучших российских аналитиков Е.Я. Сатановский: «Надо не закрывать педагогические вузы, как это делает Минобрнауки, а наоборот. Не кретинский ЕГЭ вводить, который уже почти отменили, только сами в это счастье поверить не могут, а делать что-то другое – классическое» (Аргументы недели, 2014, №16, с. 5).

Библиографический список

1. Андреев Ян. Медведевские чиновники раздевают ученых до трусов // Аргументы недели, 2014, №12.
2. Борисенко Н.А. Канцелярит эпохи обновлений // Русский язык. М., «1 сентября». 2013, июль-август.
3. Булатов С. Замкнутые круги // Лит. газ., 2010, № 27.
4. Горбаневский М. «Риторика – форма существования слабой власти». Зачем современной политической элите потребовался новояз // Новая газета, 2009, № 62.
5. Костиков В. Новые варвары. Россию губит нашествие временщиков // Аргументы и факты, 2012, № 51.
6. Костиков В. Кто держит Бога за бороду? // Аргументы и факты, 2013, № 42.
7. Романов Н. Продуцируя креатуру // Лит. газ., 2008, № 31.
8. Цветаева М.И. Об искусстве. М., 1991.
9. Штыров В. Отечество и отчество. Как исполняется Закон о русском языке – государственном языке Российской Федерации // Лит. газ., 2013, № 42.

References

1. Andreev Ian. Medvedev's officials strip scientists to underwear // The Week Arguments, 2014, №12.
2. Borisenko N.A. Bureaucratism of the renewal epoch // Russian language. Moscow, 'September 1st'. 2013, July – August.
3. Bulatov S. Vicious circles // The Literary Newspaper, 2010, № 27.
4. Gorbanevsky M. 'Rhetoric as a form of existence of weak authority'. Why modern political elite need Newspeak // The Young Newspaper, 2009, № 62.
5. Kostikov V. New barbarians. The invasion of minions kill Russia // The Arguments and Facts, 2012, № 51.
6. Kostikov V. Who has gripped God's bear? // The Arguments and Facts, 2013, № 42.
7. Romanov N. Producing minions // The Literary Newspaper, 2008, № 31.
8. Tsvetaeva M.I. About art. Moscow, 1991.
9. Shtyrov V. Motherland and patronymic. How the Law of Russian language as the public language of Russian Federation is executed // The Literary Newspaper, 2013, № 42.

УДК 811

*Монгольский государственный университет
науки и технологии
зав. кафедрой русского и монгольского языков
Института иностранных языков*

*Томтогтох Г.
Монголия, г. Улан-Батор, тел. +976-99145977;
e-mail: tomo@mail.ru*

*Mongolian State University of Science and
Technology
Institute of foreign languages
The head of the chair of Russian and Mon-
golian languages
Tomtohtokh G.
Mongolia, Ulaanbaatar tel. +976-99145977;
e-mail: tomo@mail.ru*

Г. Томтогтох

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

В статье характеризуется языковая ситуация в Монголии, рассматриваются вопросы роли и места русского языка в социально-культурном пространстве современной Монголии, реальных потребностей его изучения и эффективных путей реализации этих потребностей на всех ступенях образовательной системы.

Ключевые слова: русский язык, система образования Монголии, современное состояние.

G. Tomtohtokh

RUSSIAN LANGUAGE IN SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF MODERN MONGOLIA

The article describes the language situation in Mongolia, considers the questions of significance of Russian language in social and cultural life of modern Mongolia, real needs of its learning and effective accomplishments of these needs on all the levels of education.

Key words: Russian language, the system of education in Mongolia, modern situation.

Так как языковая политика страны в большей степени связана с общественно-политическими и социально-экономическими условиями данного общества, на выбор изучения и освоения того или иного иностранного языка влияет его востребованность. В связи с переходом Монголии к рыночным отношениям изменилась и языковая картина в стране: востребованными стали не только русский, но и другие языки. В этой ситуации первую позицию занял английский язык. Изучение английского языка и общение на нем в настоящее время стали реальностью. Кроме того, возросла необходимость изучения китайского, японского и корейского языков, как языков стран, сотрудничество Монголии с которыми развивается и углубляется во многих сферах деятельности.

По этому поводу первый русист Монголии, первый президент МОНАПРЯЛ, доктор, профессор С.Галсан пишет: «Мы вообще должны очень хорошо знать языки двух великих наших соседей; то есть русский и китайский языки. Сюда надо прибавить английский. Это уже веление времени. Было бы очень неплохо еще изучать языки тех стран, которые вкладывают в Монголию капитал, большие деньги; то есть японский, корейский и немецкий языки. Россия и Китай сегодня не только вечные соседи, но и огромные коммерческие партнеры, особенно в грядущем столетии, так что современное изучение русского языка имеет под собою еще и серьезный рыночно-экономический резонанс, так как экономическое, иначе рыночное, партнерство с такой крупной державой, как Россия, нужно и уместно как никогда, особенно в наши дни» [3; с. 5-9].

Немного из истории. Как считают исследователи, по масштабам изучения и распространения русского языка Монголия занимала, практически, первое место в мире, если не считать страны бывшего Советского Союза. Это обстоятельство объясняется не

только тем, что Монголия и Россия являются вечными территориальными соседями, но и тем, что в годы социализма его распространение напрямую было связано с соответствующей политикой и идеологией. Командно-волевым решением сверху диктовалось изучение русского языка не только в учебных заведениях всех ступеней, но и в кружках, на курсах. Человека не выдвигали на ответственные партийные и государственные должности, если он не владел русским языком. При Совете министров работала, так называемая, Центральная комиссия по русскому языку во главе с Заместителем Председателя Совета министров. Хотя это выглядит парадоксально с сегодняшней позиции, но от этого Монголия не пострадала, а, наоборот, осталась в большом выигрыше.

Как показывают результаты, проведенного нашими учеными в начале 90-ых годов исследования, которое охватило население большинства городов и аймаков Монголии, “в те времена - 67,5% опрошенных читали и понимали по-русски, 45% - писали, 44,8% - понимали и 33,7% - говорили на русском языке. 74% опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Используете ли Вы русский язык?». Причём, 20% использовали русский язык ежедневно” [6; с.335-336]. Эти цифры говорят о том, что в те годы русский язык прочно занимал свои позиции в монгольском обществе. Он, действительно, служил тогда единственным «окном в мир». Именно благодаря русскому языку в некогда отсталой Монголии за исторически короткий срок сформировалась национальная интеллигенция. Только благодаря русскому языку Монголия приобщилась к русской, а через нее и к европейской цивилизации. Монголия сегодня является почти единственной азиатской страной, где национальная культура развивается в тесном и плодотворном контакте с европейской культурой.

В Монголии начала развиваться национальная научная русистика. На сегодняшний день 110 монгольских русистов успешно защитили кандидатскую и докторскую диссертации по сопоставительному исследованию русского и монгольского языков, по теории практике перевода и по методике преподавания русского языка как иностранного. Высокий научный уровень монгольской русистики отмечен и на Международной научной конференции русистов стран Азиатско-тихоокеанского региона, проведенной в июле 2007 в г.Улан-Баторе [5; с.13]. Также надо отметить, что МАПРЯЛ высоко оценивает труд монгольских русистов, подтверждением чего является то, что 10 русистов Монголии награждены золотой медалью А.С.Пушкина: С.Галсан -1979, С.Гадинжид -1981, Д.Батчулуун-1982, Ш.Зулхуу-1986, Д.Тумурхуяг-1988, Т.Пэлжид-1990, Э.Равдан-1996, Э.Эрдэнэмаам-2001, Т.Пурэвсурэн-2004, П.Алтанцэцэг-2012 [7; с.6].

Рассмотрим вопрос обучения русскому языку в хронологическом последовательности.

До 1990 года изучение русского языка в средних школах и других учебных заведениях Монголии было обязательным. Кроме того, с учётом пребывания в то время большого числа советских специалистов и военнослужащих на территории страны действовало немало школ, работавших по программе российских учебных заведений.

С началом демократических преобразований, то есть в начале 90-ых годов, ситуация несколько изменилась. Переход страны на рыночные отношения отразился на изучении и распространении русского языка. Были предприняты меры по пересмотру многих положений в области народного образования в целом и в изучении русского языка в частности. Во всех вузах и общеобразовательных школах страны отменили государственный экзамен по русскому языку. Прекратились радио- и телеуроки русского языка. Перестали сдавать русский язык и на вступительных экзаменах в вузы. Постоянно сокращалось количество часов, отводимых на изучение русского языка в учебных заведениях всех ступеней. Даже некоторые вузы (Сельскохозяйственный и медицинский институты) исключили из учебной программы русский язык. Были аннулированы контракты с советскими специалистами-преподавателями русского языка. Педагогический институт русского языка преобразовали в Институт иностранных языков. Ослаблена деятельность Монгольской ассоциации преподавателей русского языка (МонАПРЯЛ), действующей ещё с советских времён. В сложившейся ситуации функционирование филиала ИРЯ им. А.С.Пушкина, который был организован в 1978 году при РЦНК в

Улан-Баторе, стало нецелесообразным. Закрытие его в 1992 году повлекло за собой резкое сокращение количества подготавливаемых учителей русского языка и нарушение установившейся системы повышения квалификации. Однако надо отметить, что за годы своего существования (с 1978 до 1992) филиал Института русского языка имени А.С.Пушкина объединял методические и научные кадры русистов; внес большой вклад в формирование монгольской русистики; сделал очень много для обеспечения качественного преподавания русского языка в Монголии.

С пересмотром языковой политики страны, когда первым иностранным языком стал английский, в 90-ые годы в монгольской русистике наступил период застоя: замерли научные разработки проектов, издание учебников и монографий, нарушились профессиональные контакты с российскими вузами. Почти 500 учителей-русистов остались без работы. В этот трудный для монгольских русистов период по инициативе Монгольской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы организована переквалификация преподавателей русского языка на английский язык. Так, за 4 года более 200 преподавателей русского языка прошли курсы английского языка.

Как утверждает известный монгольский русист С. Эрдэнэмаам «в Монголии, в профессиональной среде, одно время было модно говорить о резком спаде интереса к изучению русского языка. Однако мы против таких высказываний. На самом деле, ничего не прошло даром» [с. 5]. По меткому выражению академика В.Г.Костомарова, который выступал на Международной конференции русистов 2002 года в г.Улан-Баторе, «русский язык занял свое естественное место...- иное, нежели раньше, но вполне достойное» [6; с. 5], среди других изучаемых у нас в стране языков. Если и был некоторый спад интереса к изучению русского языка, то это в основном касалось лишь политико-идеологической сферы. А по остальным направлениям русский язык и после перехода на рыночные отношения остался одним из самых востребованных в нашей стране иностранных языков.

Несмотря на сложности сегодняшнего дня, успешно проводится обучение русскому языку и ныне. Это можно показать на примере Монгольского государственного университета науки и технологии (МГУНТ). До 90-ых годов в нашем университете русский язык изучали по единой программе для всех неязыковых вузов, разработанной в Министерстве образования. Согласно данной программе студент должен был изучать русский язык в объеме 360 учебных часов, что достаточно, на наш взгляд, для овладения им как средством получения высшего образования. В связи с реформой университетского образования в 90-ые годы остро стояла проблема о статусе и месте русского языка в системе высшего образования: сократилось количество часов, отводимых на русский язык, даже в некоторых вузах он был снят с учебной программы. К счастью, такого с нами не случилось. Благодаря правильному пониманию руководством положений дел и усилию русистов университета русский язык остался как одна из обязательных дисциплин, сохранено почти полностью отводимое на русский язык количество часов, так как русский язык как язык науки должны знать студенты университета. Этому способствовало и то, что Россия – страна, имеющая огромный научный потенциал, страна, являющаяся кузницей высококвалифицированных кадров разных специальностей для Монголии, что Россия – самый близкий партнер по сотрудничеству в области науки, техники и технологии и большая часть учебной литературы университета издана на русском языке. Кроме того, в университете работала одна из сильнейших кафедр русского языка, коллектив известных ученых-русистов, методистов и опытных преподавателей.

В те годы Университет начал внедрять кредит-систему, где осуществлялась многоступенчатая подготовка специалистов-бакалавров, магистров, докторов Ph.D. Для каждой ступени обучения коллективом кафедры разработана программа по русскому языку в соответствии с Государственным образовательным стандартом по русскому языку как иностранному. Согласно указанной программе обучение русскому языку осуществляется по 5 уровням:

Таблица 1

Учебные дисциплины «Русский язык» в МГУНТ и их соответствия уровням ТРКИ

Уровни	Учебная дисциплина	Соответствие ТРКИ
I уровень	Русский язык 1 (Общенаучный стиль речи)	I уровень ТРКИ
II уровень	Русский язык 2 (Деловой русский язык)	Профессиональный модуль I уровня ТРКИ
III уровень	Русский язык 3 (Язык специальности)	Естественно-технический профиль II уровня ТРКИ
IV уровень	Русский язык 4 (Научный стиль речи, язык специальности – углубленное изучение)	Модуль 2 II уровня ТРКИ
V уровень	Русский язык 5 (Устная и письменная речь, Язык научных документаций)	III уровень ТРКИ /общее владение/

Надо отметить, что первые три уровня обеспечивают знания бакалавров, а дисциплины IV, V уровней рассчитаны на студентов-магистрантов и докторантов [1; с.16-17].

В ходе осуществления разработанной нами учебной программы по русскому языку накоплен богатый фонд проверочных материалов, составлены учебники «Русский язык для студентов технических вузов» (2000 г.), «Деловой русский язык» (2000 г.) «Бизнес и экономика» (2001), основной учебник «Наука и технология» 2003 г. (переиздан несколько раз) и серия учебных пособий «Русский язык и моя специальность» для студентов-геологов, горняков, энергетиков, строителей, механиков, технологов и др.

Русский язык как источник знаний, источник информации о русской и мировой науке, технике и технологии являлся до настоящего времени в нашем университете одним из основных обязательных дисциплин. Говорю «являлся до настоящего времени», потому что с прошлого года идет очередная реформа высших учебных заведений. Перед нами встают очередные «испытания». Это касается пересмотра нынешней программы русского языка и разработки другой технологии обучения. Дело в том, что по новой программе предлагается студентам свободный выбор иностранных языков, к тому же резко ухудшилось знание русского языка у студентов, поступающих в последние годы в вузы. Это связано прежде всего с тем, что поступает в вузы то поколение, которое с 90-ых годов начало изучать не русский, а английский язык как обязательный предмет с 4-ого класса.

Согласно постановлению Министерства образования, культуры и науки, с 2006-2007 учебного года во всех средних школах Монголии введено обязательное преподавание русского языка с 7-го класса. Этот факт стал важным достижением года русского языка, которым В.В. Путин объявил 2007 год.

Сегодня, по официальным данным Министерства образования, культуры и науки Монголии, более 10 тысяч студентов в 39 государственных и более 46 частных высших учебных заведениях страны в организованной форме изучают русский язык по 4-6 часов в неделю в течение целого семестра. По данным на февраль с. г. в 542 общеобразовательных средних школах страны более 300 тысяч учеников изучают русский язык. В общей сложности, русскому языку в школе отводится 464 часа учебного времени. Помимо этого, сегодня в стране функционируют 12 частных средних школ с обучением на русском языке, где учатся более 6000 учащихся. Нужно заметить, что есть школы, где имеются целые классы, в которых обучение проводится полностью на русском языке. Во многих сельских школах также можно встретить старшие классы с углубленным изучением русского языка.

Нельзя не упомянуть и о функционировании хоть и немногочисленных, но престижных детских садов, в которых весь учебно-воспитательный процесс ведется на русском языке.

Что касается педагогических кадров, то в общеобразовательных школах на сегодняшний день успешно работают около 800 учителей русского языка; в государственных и частных высших учебных заведениях, в учебно-производственных центрах трудятся более 270 преподавателей русского языка.

Продолжается подготовка будущих учителей русского языка. Сегодня, хотя и сократилось число обучающихся, учителей-русистов готовят в 3-х государственных и 5-ти частных высших учебных заведениях страны. Отделения русского языка функционируют также и в филиалах Бурятского государственного и Восточно-Казахстанского государственного университетов в г. Улан-Баторе. В вышеназванных вузах, по данным на конец прошедшего учебного года, по специальности «учитель русского языка» и «переводчик» обучаются в общей сложности 322 студента.

За последнее десятилетие возродилась и заметно активизировалась деятельность Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. В числе традиционных мероприятий, организуемых Ассоциацией совместно с РЦНК в г. Улан-Баторе и при его активной поддержке, можно назвать: ежегодную олимпиаду по русскому языку, успешно проводимую среди школьников; конкурс «Лучший учитель-русист», а также ежегодный конкурс на звание «Лучший методист года»; олимпиаду по русскому языку среди студенческой молодежи и некоторые другие формы работы.

Большую роль в распространении русского языка играют Посольство РФ в Монголии и Российский центр науки и культуры в г. Улан-Баторе. При Российском Посольстве, по инициативе Посла РФ, создан Фонд поддержки русского языка, который, совместно с РЦНК, оказывает реальную помощь при организации олимпиад, конкурсов и других мероприятий. С 2000 года в РЦНК работает Центр русского языка. Хорошей традицией Центра является проведение ежегодной Декады учителя русского языка, во время которой организуется научно-методическая конференция, проводятся открытые и показательные уроки с их последующим обсуждением, осуществляется обмен опытом работы среди преподавателей-русистов и т.д. Именно благодаря РЦНК в течение последних лет по монгольскому телевидению постоянно ведутся телеуроки русского языка. Также при поддержке РЦНК Монголия стала одной из немногих стран, где создан Центр тестирования по русскому языку, в котором монгольские граждане могут получить российский сертификат.

Для граждан Монголии российской стороной ежегодно выделяется 150 бесплатных вузовских стипендий (треть всей квоты, предоставляемой странам Азии). Около 1000 монгольских студентов обучаются в России на коммерческой основе и 400 – в улан-баторских филиалах российских вузов (МЭИ, ВСГТУ, БурГУ, КемГУ, РЭА им. Г.В. Плеханова).

Мы возлагаем большие надежды на инициативу Президента РФ В.Путина, который на встрече с премьер-министром Монголии Ч. Сайханбилэг 18 июня 2015 года в рамках XIX Петербургского международного экономического форума отметил, что российская сторона готова оказать содействие в повышении качества деятельности образовательных учреждений с изучением русского языка [www.moscowmongols.com].

В вузах СССР и Российской Федерации, начиная с 50-х годов, получили высшее образование более 30 тыс. специалистов, занимающих сейчас ведущие позиции в политической, деловой и культурной жизни Монголии.

В Улан-Баторе и других крупных населенных пунктах транслируются программы российского телевидения (ОРТ, РТР, НТВ, ТВ-Центр и другие), национальное монгольское радио ведет передачи на русском языке. Продолжается выпуск еженедельной газеты «Новости Монголии» на русском языке.

Итак, в настоящее время ситуация складывается так, что русский язык вновь приобретает утерянные позиции в монгольском обществе в том числе в системе образования. Можно предположить, что число изучающих русский язык будет и дальше расти в связи с оживлением монголо-русских экономических отношений и возрастающим интересом к русской культуре и обществу.

Анализируя современное состояние русского языка и опираясь на статические данные, можно сделать вывод, что в новых социально-экономических условиях в Монголии возобновляется интерес к русскому языку на иной основе – основе добровольности и профессиональной необходимости. И думается, что такое отношение к русскому языку и к России связано с пробуждением в менталите монгольского народа своеобразного типа мышления, связанного с той огромной ролью, которую русский язык выполнял не только в образовании, но и в воспитании, нравственности и духовности.

Библиографический список

1. Батбаяр Т., Томтогтох Г. Обучение русскому языку студентов в МГУНТ (на монгольском языке) // Преподавание русского языка студентам-нерусистам Монголии: современное состояние и перспективы: Материалы научно-методической конференции преподавателей русского языка вузов Монголии. Улан-Батор, 2006.
2. Бронская Т.В. Центр русского языка: традиции и инновации в год русского языка // Русский язык в Азии: современное состояние и тенденции распространения: Материалы Форума русистов Азии и Конгресса МонАПРЯЛ. Улан-Батор, 2007.
3. Галсан С. Языки в век глобализации // Ученые записки МГУНТ, №5/57. Улан-Батор, 2003.
4. Костомаров В.Г. Роль русского языка в международной коммуникации // Русский язык и литература как средство межкультурного диалога: Материалы международной конференции русистов. Улан-Батор, 2002.
5. Русский язык в Азии: современное состояние и тенденции распространения: Материалы Форума русистов Азии и Конгресса МонАПРЯЛ. Улан-Батор, 2007.
6. Эрдэнэмаам С. Русский язык и образ России в современном монгольском обществе // Русский язык и культура в системе образования Монголии: Сборник научно-методической конференции. Улан-Батор, 2006.
7. Эрдэнэмаам С., Мунхцэцэг Ч., Сэрээнэн Ц. Монгольская русистика (на монгольском языке). Издательство Монгольского государственного университета образования. Улан-Батор, 2014.

References

1. Batbajar T., Tomtogtokh G. Teaching Russian language to the student at MSUST (in Mongolian language) // Teaching Russian language to non-specialists in Mongolia: modern situation and prospects. Ulan-Bator, 2006.
2. Bronskaya T.V. Russian language centre: traditions and innovations in the year of Russian language // Russian language in Asia: modern situation and expansion tendencies. Ulan-Bator, 2006.
3. Galsan S. Languages in globalisation age // Scientific papers of MSUST, №5/57. Ulan-Bator, 2003.
4. Kostomarov V.G. The role of Russian language in cross-cultural communication // Russian language and literature as a means of cross-cultural dialogue. Ulan-Bator, 2002.
5. Russian language in Asia: modern situation and expansion tendencies: Papers of the forum of specialists in Russian philology and MonAPRJAL Congress. Ulan-Bator, 2007.
6. Erdenemaam S. Russian language and image of Russia in modern Mongolian society // Russian language and culture in the system of education in Mongolia. Ulan-Bator, 2006.
7. Erdenemaam S., Munkhtsetse Ch., Sereenen Ts. Russian philology in Mongolia. Mongolian State University of Education. Ulan-Bator, 2014.

УДК 811

*Университет имени Авадхеша Пратапа
Сингха (Индия)
доц. отделения русского языка
PhD по русскому языку
д-р А. Раджешвар Раджу
486003, Индия, Рева
Тел.: 91-9424655316/ 91-9425424416
E-mail: raju8126@rediffmail.com*

*A.P.S. University
Department of Russian Language
Dr. A. Rajeshwar Raju,
M.A.Ph.D in Russian,
Assistant Professor-III, Head
Rewa (M.P) 486003 India
Mobile:91-9424655316/ 91-9425424416
Email: raju8126@rediffmail.com*

А. Раджешвар Раджу

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МИРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Любой язык создается пишущими и говорящими на нем. В богатстве русского языка заключается секрет его успеха. Этому способствует и его география: говорящих на русском языке можно встретить на всех континентах. Русский язык обладает мировым престижем: именно на нем создан современный роман, он обогатил мировую культуру шедеврами, созданными такими мастерами слова, как А. Пушкин, Л. Толстой, Н. Гоголь, И. Тургенев и т.д. В культурном отношении это одно из величайших достоинств языка. В наше время русский язык следует расценивать как язык международного уровня, служащий для коммуникации, для научного и экономического диалога. В данной статье говорится о значении русского языка в мире и особенно в Индии, излагается ряд проблем и идей.

Ключевые слова: отделение русского языка, Университет имени Авадхеша Пратапа Сингха, сертификат профессионального уровня по русскому языку, сертификат продвинутого уровня по русскому языку.

A. Rajeshwar Raju

RUSSIAN LANGUAGE AS MEANS OF GLOBAL COMMUNICATION

A language is created by its speakers, its writers and its users. Russian is a language; tongue of many tongues, and therein lies one of the keys to its success. It is also a geographically compact language, since its speakers are concentrated above all on the all continents. Russian is a prestige language of the first order whose gifts to world culture include the creation of the modern novel, and which is dotted with exceptional masterpieces written by a varied collection of splendid writers especially Alexander Pushkin, Leo Tolstoy, Nikolai Gogol, Ivan Turgenev etc. Its cultural dimension is one of the language's greatest qualities. This paper discusses the importance of Russian language globally and especially in India, problems and some suggestions. It is now time for Russian to take its place as an international language, a means of scientific and economic exchange, and a means of communication.

Key words: Department of Russian Language (DRL), Awadhesh Pratap Singh University (APSU), Certificate of Proficiency in Russian Language (COP), Advanced Diploma in Russian Language (ADRL)

Introduction

The development of Russian into one of the world's great vehicles for linguistic communication is the great challenge that now has to be faced. Much of the road has already been travelled since demographic weight, linguistic homogeneity (within an extraordinarily fertile diversity) and high cultural status are all of decisive help in attaining this goal. Without information, nothing in contemporary society exists. If Russian is to be consolidated as an international prestige language, there are two requisites. The first is the need to make its presence more evident in the information society and particularly on the great electronic networks; and

the second is the expansion of cultural industries overseas. There are two nations which hold the key to this international expansion: the India and Russia.

РУССКОЕ НЕБО

**Русское небо - в тебе и во мне куполами,
Русское небо - над Русью, распятой врагами,
Русское небо - завет, и призыв и покров,
Русское небо - зов ангельский колоколов.
Русское небо, зови нас к себе из неволи,
Русское небо - отрада средь муки и боли.
Русское небо - свобода от тлена и лжи.
Русское небо, ты зеркало русской души.**

(Н.Боголюбов)

In 2002, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation prepared **The Russian Language in the World Report** (*in Russian*) that covered the Russian language situation in 140 countries of the world. According to this Report, the largest number of people who speak Russian lives in the following countries:

Ukraine – 37 mln (80% of population) Uzbekistan – 17 mln (70%) Kazakhstan – 12.6 mln (85%)
Belarus – 8 mln (80%) Germany – 6 mln (6%) Azerbaijan – 5.5 mln (70%) Bulgaria – 5 mln (70%) Moldova – 3.5 mln (100%) Armenia – 2.7 mln (70%) Turkmenistan – 2.5 mln (70%)

Aims

The DRL, the most important organization devoted to promoting the Russian Language in India has four essential aims which are to stimulate the promotion of the Russian language, to serve as a vital platform for Russia's cultural industries, to act as a world archetype and model for teaching of Russian as a foreign language, and to fill the information society and possibly its most dazzling metaphor, the Internet with Russian-language contents.

The DRL approach to education and research transcends the boundaries that separate academic departments and programs. Our research and education weave together the strands of social science, natural science, and humanities methods and insights to create more integrated knowledge. Our Programme aims to produce globally competent language learners in all walks of life and professional specialists and leaders in international affairs. Our work is academic and engaged, grounded in a deep understanding of the past, a rigorous analysis of the present, and an unwavering commitment to a better future.

The vitality and creativity of Russian and Indian Languages especially Hindi are bound to turn the language into a major economic resource, as it is already becoming today for the publishing, cinema and music industries. And one of the DRL's greatest challenges is precisely the consolidation of its centers as platforms for launching Russia's cultural industries, which thereby benefit from having space at their disposal in all the culturally prominent capital cities of the world.

The DRL will continue its work in the conviction that the vital boost for the teaching, study and use of Russian will come when its image is that of a language of the future, a worldwide language with an extraordinarily rich culture that is therefore both useful and necessary for the world of the 21st century.

Linguistic and cultural perspectives

The DRL enables students to acquire communication skills in two or more languages (Hindi and any other regional language) and study business fields to make use of their skills. The DRL attaches importance to students' learning of foreign language as means of understanding different cultures and researching the world's cultures.

Communicate Russian on the international stage

Continuing internationalization demands the education of Russian individuals in a way that will enable them to engage with people from other countries on equal terms. As part of its mandate to help train individuals who will be completely at home communicating anywhere

in the world, the DRL features a curriculum that allows students to augment their study of Russian language and culture by selecting subjects such as economics from other faculties.

Master the language of the world

The DRL conducts a practical study of the world's most spoken language is the ideal way to prepare for life in international society, whether in business or otherwise, and the Department's major programs build skills sought the world over.

Characteristics

All students can further build their language skills by selecting an additional language from Russian offerings.

- You'll find there's no shortage of full-time language teacher at the Department. This vital approach helps students to develop practical language skills as well as a global perspective.

- Small, 10-student language classes. Small language classes ensure that all students have ample opportunities to practice speaking their new languages, reflecting the fundamental role of speaking in the learning process.

Wide-ranging intercultural understanding, from daily life to international business

The Department helps students build a broad ability to understand different cultures with extensive offerings and goal-oriented study models that emphasize topics such as Russian and Indian culture, Asian culture, and international relations and global business.

Fieldwork opportunities in DRL

The Department conducts a five-day fieldwork program any where in India where Russian Language is taught for final year students in Post-Graduate Programme in Russian Language DRL Participants can take advantage of this unique opportunity to polish their language skills by actually using them rather than through study.

Important features of the DRL. Understanding different cultures through language study enables true communication.

The DRL offers a variety of topics, ranging from subjects on nations, cultures, arts, literature, comparative study of Russia and Indian Writer' works and religions to those on international relations, international business, and international tourism.

The Russian language has long been a point of pride for its people, a sense that often comes through when they tell foreigners, smilingly, that Russian is too hard to learn as a second language. They're telling the truth, which they have lived themselves through years of hunching over their desks in school, scribbling and memorizing many irregular plurals and conjugations, like brother-brothers (brat-bratya), friend – friends (drug-druzya) professor-professors (professor-professora), and to like conjugation and harosho gives one's speech a cultivated air. For foreigners, learning Russian can require even more fortitude and patience, a subject eloquently explained in this essay famous among Russian learners, "Why Russian Is So Hard." An Indian, a Hindi-speaker or a Telugu speaker struggling to learn Russian, posits that native speakers "generally become aware at some point of the Everest-like status of their native language, as they, from their privileged vantage point on the summit, observe foolhardy foreigners huffing and puffing up the steep slopes".

Academic Programmes

The DRL is dedicated to advancing human progress and improving the human condition through rigorous and creative Certificate, Advanced Diploma and M.A. in Russian 5-year Integrated) Programmes; path breaking research; and active engagement in innovative initiatives that apply this education and knowledge to make a real-world difference in the critical challenges in language learning.

With over 50 certificate students, the DRL is a substantial and diverse center of global and international education within a liberal arts and sciences framework and, with its 25 Advanced Diploma students, it offers one of the largest Post Graduate international affairs programs in Madhya Pradesh (India). The DRL's academic programs offer a special blend of academic and practical applications, a deep commitment to interdisciplinary, opportunities for serious study of relevant topics and study abroad, and a multidisciplinary curriculum that enhances students' holistic knowledge of global and transnational affairs.

Opportunities to take admission to other academic programmes

The certificate programme students enrolled in the DRL can pursue other academic programmes i.e. graduate, postgraduate, M.Phil. and Ph.D. programmes since it is a part-time course.

Accreditation and Memberships

Awadhesh Pratap Singh University (APSU), including the department of Russian language (DRL), is accredited by the University Grants Commission (UGC) India, member of Association Indian Universities (New Delhi) and Association of Commonwealth Universities.

Our Mission

The DRL of APSU is dedicated to advancing human progress and improving the human condition through rigorous and creative certificate, advanced diploma and post-graduate programmes; path-breaking research; and active engagement in innovative initiatives that apply this education and knowledge to make a real-world difference in the critical challenges humanity faces.

For the past one decade, Russian language studies has increased among the Indian population primarily due to awareness of general interest, support for study programs and consistent interactive cultural activities i.e. essay-writing competitions, debate, painting competitions organized by the DRL (National and International topics) screening of both Russian and Indian movies.

No Centres in small cities

We don't have vibrant Russian cultural centers in many Indian cities hence the low uptake of the language. Likewise, there are limited scholarship opportunities for Indian youth to study in Russia. Nowadays China is being viewed as a strong strategic partner in India given its (China's) strong footprint in diverse areas such as commerce, culture and technology transfer. Similarly, many students observe that some intellectuals and youth hardly hear of Russian language in India at all, the Russian government does not support youth advocacy programs and women's issues. Russian cultural centres are organizing programmes only in big cities like New Delhi, Mumbai, Chennai, Tiruvananthapuram, Kolkatta etc., but not in other cities like Rewa, Bhopal, Indore and Bhopal (Madhya Pradesh).

In spite of not getting support from Russian side the DRL is organizing every year cultural programmes like essay-writing, debate and painting competitions, National and International Seminars on several topics related to Indo-Russian Friendship and Indo-Russian Tourism. The DRL is thankful to *His Excellency Mr. Alexander Kadakin, Ambassador of Russian Federation to India for his kind help for deputing Mr. Vladimir Viktorovich, Director, Russian Cultural Centre, Mumbai to our International seminar as a Chief Guest which was held in March, 2012.* After this event the number of students learning Russian language has been increased and many students started asking about the Russia and Russian Language.

"The Russian government does not carry out Russian cultural events, there are no visible Russian cultural centres in other cities except above mentioned (as compared with the French cultural centres and German cultural centres), there are no Russian funded youth Think Tanks, like the Germans and Americans have done in some countries on the continent. There is a huge cultural gap of new thinking, working with young professionals and associations to promote people-to-people diplomacy through business links, cultural exchanges, and competitions. The last Cabinet council, established by then-Prime Minister Viktor Chernomyrdin in 1997, called for "popularizing knowledge about the Russian language through the media."

One of its major accomplishments was the creation of the literacy website Gramota.ru in 2000, to explain both the basics and many of the trickiest issues of the language's arcane spelling and punctuation rules.

A member of the Kremlin's international relations council, Vladimir Zorin, said that the language council was part of **President Vladimir Putin's** national development strategy through 2025. "If people know more about the Russian language, culture, our mentality, this by itself would help improve the image of our country abroad," Zorin told newspaper Vzglyad.

Vyacheslav Nikonov, head of the Russian World foundation and the State Duma's educational committee, said that the number of Russian speakers around the world has shrunk by 50 million people in recent years, and though the creation of a council was a good idea, its budget of 1.5 billion rubles was insufficient.

"That's less than the budget of Rossotrudnichestvo" collaboration agency, Nikonov said, according to Izvestia. "And this certainly doesn't match the scope of the problems that need to be solved."

Conclusion

If language skills are to improve here in India, everyone needs to play their part: parents - must recognise the importance of foreign languages, especially Russian Language encourage their children to take an interest and demand that schools, colleges and universities give their children the opportunity to benefit from all that languages have to offer; teachers. Indian Educational Institutions should promote foreign language departments wherever possible, even under difficult financial circumstances; Government, Local Education Authorities and Schools, Colleges and Universities - must give language learning a firm place in their academic life and enable as many pupils as possible to benefit from the opportunities it creates. In my personal view, this is also a matter of social justice, because languages facilitate social mobility; lastly, the general public and the media - should recognise the value of language learning for future generations and support it accordingly.

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, италианским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков» (М. Lomonosov).

The Russian Language in the World Report, which is mentioned above, shows that Russian authorities make a point of the quantitative dissemination of the Russian language in the world. And it is right and understandable. The more people in the world use Russian, the better for the Russian economy, policy and culture.

However, for the Russian language to remain as great and powerful in the 21st century as it has been in the 19th century, Russian authorities and people should pay more attention to the quality of the modern literary Russian language, Translations from Russian into other regional languages of India and vice-versa.

References

1. Welles, Elizabeth. "Foreign Language Enrollments in United States Institutions of Higher Education, Fall 2002." ADFL Bulletin 35.2-3 (2004): 7–26.
2. <http://www.themoscowtimes.com/news/article/new-council-to-promote-russian-language-abroad/489058.html#ixzz2kKtjHirk> The Moscow Times
3. Mishra, Punya, and Kristen Kereluik. "What Is 21st Century Learning? A Review and Synthesis." Michigan State University, 2010. Web. 20 Mar. 2011.<http://punya.educ.msu.edu/presentations/site2011/SITE_2011_21st_Century.pdf>.
4. A 21st century education [The University of Melbourne Voice Vol. 2, No. 1. 4 - 18 February, 2008]. By Silvia Dropulich.
5. <http://www.seameo.org>

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
д. филол. наук, зав. кафедрой русского
языка и межкультурной коммуникации,*

*проф. Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. (483) 2715048*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering*

*The chair of Russian language and cross-
cultural communication,*

*doctor of philology, full professor,
the head of the chair Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, tel. (483) 2715048*

Л.В. Ковалева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКАХ МИРА

В статье рассматриваются единицы когнитивной лингвистики – концепты, являющиеся мыслительными образованиями в мозгу человека в результате его жизненного опыта. Реализуясь в языках мира, концепты получают разную семантику в зависимости от культурных и национальных особенностей народов.

Ключевые слова: лингвистика, когнитивная система, уровни абстракции, различия языков, универсальность фразеологии.

L.V. Kovaleva

IDIOMATIC CONCEPTS AND THEIR REALIZATION IN THE WORLD LANGUAGES

The article sites such units of cognitive linguistics as concepts which form in human brains as a result of life experience. In different languages concepts gain different semantic depending on culture and national mentality.

Key words: linguistic, cognitive system, levels of abstraction, language differences, universality of idioms.

Когнитивная психология заявила о себе в 60-е годы XX века первоначально как наука о процессах отражения в мозгу человека окружающего мира и преобразовании его органами чувств. Согласно взглядам современных психологов информация об отраженном в мозгу человека предмете или каком-либо явлении проходит сложный путь ментального преобразования. Так, У. Найссер, один из первых, рассматривавших способы репрезентации знаний в мозгу человека, писал, что информация, как только она поступает в мозг «модифицируемого опытом» человека, преобразуется в результате действия ментальных процессов.

Высказывания по этим вопросам мы находим у американских исследователей Дж. Лакоффа, Р. Лангаккера, Р. Джакендоффа. В книге «Семантика и познание» Р. Джакендофф различает два мира: реальный и отображенный сознанием, который связан с языком; именно в языке вербализуется информация, имеющая ментальную репрезентацию [1; с. 10].

Дж. Лакофф считает, что когнитивная система, вырабатываемая языком, складывается из таких категорий, как образное восприятие, ментальные образы и образы реалий культуры. Джакендофф рассматривает языковое значение как мысленно кодируемую информационную структуру.

«...Информация, которую говорящие могут сообщить, должна иметь дело с их конструированием мира, где конструирование является следствием взаимодействия между сигналом и средствами, способными его внутренне представить» [2; с. 83]. Исследования этих авторов заложили основу дальнейших исследований в области когнитивной лингвистики. Исследователи данного направления исходят из признания того факта, что человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления.

Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (органы чувств); из непосредственных операций человека с предметами (предметная деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже сформированными концептами; из языкового общения. [3; с. 4].

Выделяются три типа моделей концептов – одноуровневые, многоуровневые и сегментные. Одноуровневый концепт состоит только из чувственного ядра, многоуровневый – это концепт, включающий несколько когнитивных слоев, различающихся по степени абстракции, а сегментный - представляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [4; с. 62].

К – концепт, единица мыслительного идеального поля человека.

К, К, К ... – бесчисленное множество концептов, возникающее в мыслительном поле. Чем объемнее поле, тем больше концептов образуется и тем выше интеллект человека.

Таким образом, концепт – это универсальная единица мыслительного поля человека, многоуровневая совокупность знаний о каком-либо фрагменте действительности.

Компонентный характер концепта предполагает различные уровни представленных в нем знаний, располагающиеся по степени абстракции, начиная с чувственного мышления (наглядно-чувственный образ – З.Д. Попова, И.А. Стернин; «мыслительная картинка» – А.П. Бабушкин; конкретно-чувственное – Н.Н. Болдырев) и кончая высшей ступенью абстракции. Именно с чувственного ядра концепта начинается формирование образности. Человек не может иначе познавать окружающую его реальность, как только через образную основу концепта. Чувственный образ составляет ядро любого концепта, который, продвигаясь по ступеням рационального познания, проходит через цепь сложных мыслительных процессов, стремясь к высшей абстракции. На этом пути он обрастает большим количеством признаков, всесторонне отражающих свойства воспринимаемых предметов и явлений, превращаясь на высшей ступени абстракции в целостный образ.

Уровни абстракции не являются изолированными друг от друга, что обеспечивает высокую степень их взаимодействия, установление когнитивной связи между чувственным, рациональным уровнем и сложными абстрактными многокомпонентными структурами.

Концепты, сформированные носителями языка и хранящиеся в памяти людей, образуют концептосферу языка.

Необходимо разграничивать концептосферу и семантическое пространство языка. Как мы уже сказали, концептосфера – это мыслительная область, которая состоит из концептов, а семантическое пространство языка – только часть концептосферы, получившая выражение при помощи языковых знаков. «Концептосфера языка – это не набор, не инвентарь концептов, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений групп концептов, которые “упакованы” в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, конструируются как поля с центром и периферией и т.п. Вся эта сложная система структурированных в поля, циклы, цепи и другие структуры конструкций и образует семантическое пространство данного конкретного языка» [5; с. 65].

Концепт вербализуется (предметно-образный код, УПК, по Н.И. Жинкину) и становится частью семантического пространства языка, получив для своего выражения систему языковых знаков. Язык может репрезентировать всю информацию, полученную человеком, и накопленный опыт социума. В этом заключается одна из функций языка. Л. Ельмслев писал о языке: «Язык – инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей... Язык... глубоко связан с человеческим разумом. Это богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бордствующее сознание» [6; с. 131].

Многообразие типов концептов, их структуры и содержания предполагает и многообразие видов и способов их репрезентации в системе языка, таких, как слова, словосочетания и предложения. Представленные в этих единицах концепты мы будем называть соответственно лексическими, фразеологическими и синтаксическими концептами.

На более высоком уровне абстрагирования концепты можно обозначать сочетанием слов, – по терминологии, разработанной М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (1972), сочетанием лексем (фразеосочетанием), а также синтаксическими конструкциями (структурными схемами).

На уровне высшей психической деятельности человека, где происходят процессы абстрагирования и полного обобщения, образуются сегментные концепты, на вербальном уровне – это лексические и фразеологические концепты.

В результате постоянно осуществляемого творческого процесса мышления, опирающегося на чувственно-наглядный образ, концепты все время изменяются, меняется их объем, содержание, набор признаков, появляются новые идеальные сущности, объединенные по какому-либо общему признаку, основанному на ассоциативности и сходстве.

Главную роль в рациональном мышлении играют процессы переноса знаний (информации) от одних структурированных областей знания к другим. Новые знания основываются на предыдущем опыте, причем некоторые аспекты его сохраняются в новом качестве, а некоторые вообще игнорируются, избираются лишь нужные.

Дж. Карбонелл, исследуя метафорический перенос, доказал, что он является когнитивной моделью, позволяющей сформулировать принципы отбора переносимых характеристик в виде последовательной иерархии инвариантностей [7].

В.В. Петров рассматривает метафору с точки зрения концептуального основания. «Сейчас более оправданно говорить о метафоре не только как о языковом, но скорее как о концептуальном феномене. Этот вывод кажется еще более обоснованным, если помнить, что репрезентация метафоры осуществляется на двух принципиально различных уровнях - пропозициональном и образно-ассоциативном».

«Когнитивные понятия сходства, подобия и различия принимают участие в процессе познания в качестве компонентов, которые дают возможность провести соответствующие разграничения. Описание подобного познавательного процесса неизбежно требует обращения к метафорам... Метафора существует как вполне обычный творческий процесс человеческого познания, который объединяет понятия, в норме не связанные, для более глубокого проникновения в суть дела» [8; с. 145, 373].

На уровне высшей психической деятельности человека, где происходят процессы абстрагирования и полного обобщения, образуются сегментные концепты, на вербальном уровне – это лексические и фразеологические концепты.

Когнитивный анализ является принципиально новым подходом в описании фразеологических концептов разных языков.

В нашем исследовании делается попытка сопоставить фразеологические сочетания русского и других европейских языков с точки зрения выявления в них национальной культуры, особенностей жизни, быта, как источника культурологической информации, а также межъязыковой эквивалентности фразеологических концептов.

Рассмотрим некоторые примеры одинаковых фразеологических концептов с учетом наглядно-чувственной образности.

Концепт «быть подобным один другому», репрезентируется фразеологизмами по-разному в анализируемых языках. В русском языке – «как две капли воды», «одного поля ягоды», «два сапога пара»; нем. «Ein Esel schimpft den anderen Langohr» (один осел ругает другого за длинные уши); укр. «як дві краплі води»; польск. «jak dwie krople wody»; франц. «comme deux gouttes d'eau» (как две капли воды); англ. «as two peas» (как две горошины).

Как видно из примеров, один и тот же концепт выражен в близкородственных языках, таких, как русский, польский, украинский идентично, в неродственных – различается по образности. В немецком языке, например, это образ осла, имеющего длинные уши, в английском – подобие людей связано с образом растения – горошинами.

Концепт «опытный человек» в различных языках чаще всего связан с образом животных, хотя образные ассоциации могут быть разными. Например: в русском языке – «стреляный воробей» (образ птицы), в немецком – это образ животного – зайца: «der alte Hase», англ. «old hand» (букв. старая рука).

Концепт «ненужный, лишний человек» – «как пятое колесо в телеге», «как собаке пятая нога» (рус.яз); англ. «fifth wheel»; нем. «Das funfte Rad am Wagen»; болг. «пето колело на колата».

Некоторые европейские страны имеют схожие природно-географические условия, климат, фауну и флору, тесные контакты и образ жизни народов. Наблюдения за природными явлениями, действиями стихий, различные жизненные ситуации, в которые попадает человек в процессе освоения природы, вызывая различные ассоциации и представления, являются исходным «строительным» материалом для осмысления и создания разнообразных абстрактных концептов, которые репрезентируются фразеологизмами. Так концепт «тихий, скромный человек» ассоциируется в русском и немецком языках с водой. В немецком языке «ein stilles Wasser» (тихая вода), в русском языке – «тише воды, ниже травы». Концепт «бездельничать» в русском и украинском языках связан с образом человека, который ходит от нечего делать из угла в угол. «Слоняться из угла в угол» – рус.яз., «тинятися з кутка в куток» в украинском языке; в немецком языке – с человеком, который ходит по улице «in den Strassen herumlundern»; французский «batter le pave» (букв. «летучая мышь на тротуаре»). Несмотря на некоторую схожесть, разные народы по-разному реагируют на те или иные явления окружающей среды.

Концепт «замена главного малым». В русском языке этот концепт репрезентируется – «на безрыбье и рак рыба», в осетинском языке – «нет быка – впрягают теленка», «если нет поленьев, и из щепок можно огонь разжечь»; в индонезийском – «если нет орла, и кузнечик заменит».

Можно говорить также об универсальности фразеологии. Нет ни одного языка в мире, где бы не было фразеологических оборотов, так как именно они раскрывают различные сферы жизни и быта народов. Реальная повседневная жизнь ближе всего человеку, в каком бы обществе он ни жил. Как считают американские лингвисты М. Джонсон и Лакофф, в когнитивной модели языка метафора занимает не периферийное, в центральное место. Чтобы узнать, почему и каким образом возникает фразеологизм, необходимо обратиться к своим историческим традициям. Вот пример из немецкого языка. Фразеологизм с лексемой Vogel «птица». Немцы говорят «Den Vogel abschiessen» (букв. убить птицу). Однако фразеологизм имеет положительное значение – иметь огромный успех. На первый взгляд это кажется абсурдным. Но если мы заглянем в историю этого фразеологизма, то нам станет ясно, почему это очень хорошо. В Германии устраивались турниры по стрельбе и как мишень ставили деревянную птицу. Кто попадал в нее – имел большой успех и награды.

Возьмем слово «трава» и рассмотрим его в немецком и русском языках. Концепт, обозначающий траву, – «небольшое растение с мягким и тонким зеленым стеблем». Однако образная основа этого слова у русского и немецкого народов разная. Слово «трава» в русском языке происходит от древнеславянского корня *трева*, что означает тереть, вытирать. Отсюда «травить» – умерщвлять, уничтожать, топтать (поле, луг, землю); далее «травити» – травиться, отравлять (поглощать пищу – травиться).

Такая мыслительная операция, как перенос на более высокий уровень при помощи метафоры, способствует образованию фразеологических концептов, которые репрезентируются в языке при помощи фразеосочетаний. Так, фразеосочетание со словом «трава» и имеют негативный, минорный характер. Например: «травой порастить» – забыть о ком-либо о чем-либо – символизирует что-то заброшенное, забытое. «Тише воды, ниже травы» – незаметный, робкий человек – реализует признак незначительности, незаметности человека. «Хоть трава не расти» – о безразличии, равнодушии. У человека отсутствует внимание, он равнодушен ко всему. «Худую траву из поля вон» – устранение кого-то или чего-то опасного. В немецком языке слово «трава» (das Gras) восходит к корню *gehr* – гореть. Образ горения связан с языческой традицией. Горят все

предметы, растения, которые торчат. Язычники метафорически сопоставляли их с языками горящего священного пламени: речь идет о траве и вообще о растениях. Трава – тотем, вместилище души, символ божественного разума. Отсюда и фразеологизмы «Das Gras wachsen horen» (букв. слышать, как трава растет) – быть очень проницательным, чувствительным человеком. «Wenn er hinhaut, da wachst kein Gras mehr» (букв. если он ударит, то трава уже не будет расти) – мокрого места не останется. «Uber etwas Gras wachsen lassen» (букв. посадить траву над чем-либо, дать расти траве над кем-либо) – исцелить кого-либо. «Ins Gras beißen» (букв. упасть в траву, грызть траву) – умереть. Таким образом, видно из примеров, что концепт, т.е. мысль транснациональна, а реализация ее национальна и на лексическом, и на фразеологическом уровнях

Ученые предлагают для изучения концептов сопоставительное изучение языков. Сопоставительный метод позволяет установить общечеловеческие универсалии и выявить в них специфическое, национальное, нашедшее свое выражение в семантических пространствах анализируемых языков.

Библиографический список

1. Jackendoff R. *Semantics and cognition*. Cambridge, 1983. 283 p.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988. С. 12-51.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 30 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 190 с.
5. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки, 1996. №2. С. 64-68.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика в 3-х томах. М.: Прогресс, 1999. Т.1. С. 131-256.
7. Carbonell J. *Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning // Cultural models in language and thought*. Cambridge, 1988.
8. Петров В.А. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. №3. С. 135-144.

References

1. Jackendoff R. *Semantics and cognition*. Cambridge, 1983. 283 p.
2. Lacoff J. *Thinking in the mirror of classifiers // New issues in foreign linguistics. Cognitive aspects of language*. Vol. 23. Moscow, 1988. P. 12-51.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. *The notion of concept in linguistic studies*. Voronezh, 1999. 30 p.
4. Popova Z.D., Sternin I.A. *Sketches on cognitive linguistics*. Voronezh, 2001. 190 p.
5. Popova Z.D. *Semantic space of language as a category of cognitive linguistics // Herald of VSU. Humanities*. 1996. №2. P. 64-68.
6. Elmslev L. *Prolegomena to language theory // Foreign linguistics in 3 vol*. Moscow, 1999. Vol. 1. P. 31-256.
7. Carbonell J. *Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning // Cultural models in language and thought*. Cambridge, 1988.
8. Petrov V.A. *Metaphor: from semantic ideas to cognitive analysis // Issues of linguistics*. 1990. №3. P. 135-144.

УДК: 811.161.1'373

Тюменский государственный университет
д. филол. наук,
проф. кафедры общего языкознания
Белякова С.М.
Россия, г. Тюмень, тел. +7(3452) 26-03-70;
e-mail: smbelyakova@gmail.com

Tyumen State University
The chair of General Linguistics,
Doctor of Philology, full professor
Belyakova S.M.
Russia, Tyumen, tel. +7(3452) 26-03-70;
e-mail: smbelyakova@gmail.com

С.М. Белякова

НОМИНАЦИЯ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ОТРЕЗКОВ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА

В статье рассматривается развитие коннотативной семантики у наименований отрезков времени, характеризующихся латентной терминальностью. В годовом цикле таким отрезком является август, в недельном – пятница. Их восприятие современным языковым сознанием характеризуется мифологичностью, которая частично отражает традиционные представления, а частично развивает новые сакральные смыслы.

Ключевые слова: терминальные отрезки времени, коннотации, русское языковое сознание

S.M. Belyakova

NOMINATION TERMINAL LENGTHS OF TIME IN RUSSIAN: ETHNO-CULTURAL SEMANTICS

The article discusses the development of connotative semantics of the words meaning time segment, characterized by latent terminal node. In the annual cycle this segment is August, in the week it is Friday. Their perception by modern linguistic consciousness characterized by mythology, which partly reflects the traditional view, partially develops new sacred meaning.

Key words: terminal periods of time, connotations, Russian linguistic consciousness.

Время не дано нам в непосредственном восприятии, но постоянно присутствует в нашей жизни. Эта категория обладает культурно-интегрирующей функцией, так как разным типам культуры соответствуют различные типы ее концептуализации. Время представлено в любом естественном языке в виде многочисленных номинаций, связанных с его характеристиками, модусами, единицами измерения. Наименования отрезков времени способны нести весьма существенную коннотативную семантику в силу самых разных обстоятельств. Среди них субъективность отражения феномена времени, эмоциональное отношение человека к нему, бытовое восприятие темпоральных отрезков, связанное с практической деятельностью, повседневной жизнью, а также неизбежная их мифологизация. При этом особую роль играют терминальные, конечные элементы в рамках какой-либо системы, так как «наиболее значимы в оценке времени г р а н и ц ы» [4; с. 65]. Их усиливает, по нашему мнению, то обстоятельство, что терминальность может иметь латентный характер. К числу таких отрезков, особенности номинации и функционирования которых будут рассмотрены в рамках данной статьи, отнесем наименования одного из месяцев – августа и одного из дней недели – пятницы. Их сближает целый ряд языковых и этнокультурных особенностей. Прежде всего, это та самая латентная терминальность, о которой было заявлено выше. В современной системе го-

дового круга август не является конечным месяцем, а лишь завершает один из сезонов года. Однако хорошо известно, что до петровской реформы календаря год заканчивался августом, кроме того, в церковном календаре он по-прежнему остается последним месяцем года. Таким образом, это период двойного завершения. Что касается пятницы, то опять-таки в современном недельном цикле, принятом в России и многих европейских странах, она не завершает его, но в то же время является концом рабочей недели, что придает ей очевидный терминальный характер в восприятии многих людей.

Сходство лексем *август* и *пятница* в русском языке заключается, кроме того, в их моносемантичности, что представляет собой скорее отклонение от нормы, нежели языковую норму. Кроме того, каждое из этих слов входит в замкнутое лексическое объединение с ограниченным набором элементов. Наконец, на языковые феномены накладывает отпечаток и определенная сакральность календаря, до конца не изжитая и поныне: «календарь по самой своей сути есть выражение того, что можно определить понятием «ритмической памяти человечества» [3; с. 62]. По мнению С.М. Толстой, месячный и недельный счет времени «усвоены народными славянскими традициями, но в определенной степени продолжают ощущаться как чуждые, привнесенные «сверху» [4; с. 63]. Насколько это утверждение верно по отношению к современной языковой ситуации, покажет анализ материала.

Статья подготовлена на материале Национального корпуса русского языка (основной корпус), поэтому считаем целесообразным привести некоторые цифровые данные, которые могут быть интерпретированы содержательно. При сопоставлении частотности наименований месяцев по данным этого авторитетного источника обнаруживается, что названный показатель колеблется в пределах от 17220 употреблений (ноябрь) до 23615 (август) / 23618 (май). В аутсайдерах также февраль с показателем 17524. Поскольку различие данных по маю и августу можно считать пренебрежимо малым, очевидно, что оба эти месяца уверенно лидируют на фоне остальных. Та же закономерность в целом сохраняется и в материалах поэтического корпуса. Что касается пятницы, то частотность контекстов употребления этого слова на фоне наименований других дней недели также близка к лидирующей: второе место после субботы (пятница – 6118 употреблений, суббота – 7930). Ср. с данными по вторнику (4145) и четвергу (4556). Таким образом, для анализируемых слов характерен высокий показатель частотности употребления в русских текстах.

Однако коннотативная семантика, отчетливо наслаивающаяся на денотативную, в этих двух словах во многом различается (хотя есть и совпадения). Для *августа* выделяются следующие типы: 1) фенологическая (частично отражающая денотативный компонент или базирующаяся на нем), 2) индивидуально-образная (поэтическая), 3) социально-историческая (социально-политическая), 4) религиозная (христианская). Некоторые нюансы может добавить и внутриязыковая коннотация: фонетическая благозвучность, ассоциации, своеобразие внутренней формы слова. Для *пятницы* на первый план выступают современные бытовые коннотации, но при этом остается очень сильной и сакральная семантика (языческая, христианская, народно-христианская). Немалую лепту вносят и современные западные (европейская, американская) и религиозные восточные (иудейская, мусульманская) традиции, частично порождаемые распространением массовой культуры.

Рассмотрим эти типы, попутно обращая внимание на современные тенденции. Начнем с августа. Так, во многих контекстах фиксируются непосредственно типичные его фенологические приметы: грозы, звездопады, созревание плодов, постепенный переход от лета к ранней осени; может описываться погода августа какого-то определенного года, типичная или отклоняющаяся от некоего стандарта: *в июле – августе крупные реки мелеют, а мелкие и вовсе пересыхают* (Ю. Карпун, 1997); *наиболее часты грозы в авгу-*

сте – до 27 за месяц (Ю. Карпун, 1997); *тот август 1972 года запомнился многим москвичам страшной жарой* (И. Архипова, 1996); *август, незаметно оборачивающийся сентябрем. Мое любимое время* (Т. Соломатина, 2011). При этом в целом месяц с этой точки зрения, как правило, оценивается положительно. Социально-историческая семантика, напротив, характеризуется преимущественно отрицательной оценкой. Это выражено в расхожем утверждении о том, что август является месяцем катастроф. Действительно, многие исторические и даже трагические события XX века происходили именно в этом месяце. Приведем некоторые контексты, подтверждающие это: *дотянули до августа 14-го года, когда ... началась первая мировая война* (А. Рыбаков, 1977); *первую советскую атомную бомбу испытали в августе 1949 года* (В. Губарев, 2009); *20 августа, в самый тревожный день путча* (Г. Горин, 1998); *в августе 1996-го, когда боевики захватили Грозный* (А. Чуйков, 2001); *панихида по морякам, погибшим на подводной лодке в Баренцевом море. Август 2000 г.* (2000) и другие. Однако отсутствие какой-либо статистики на этот счет позволяет говорить только лишь о «мнении», «коллективном впечатлении», то есть фактически о создании новой мифологии. Религиозная (христианская) семантика имеет под собой достаточно оснований по отношению к августу. Как известно, на этот месяц приходится довольно много христианских праздников: Ильин день, три Спаса, Успение Богородицы, а также Успенский пост. «Все времена держатся на закрепках литературических» (П. Флоренский) – в какой-то мере это актуально и для нашего секуляризованного общества. Кроме того, в августе отмечается много не только религиозных, но и светских праздников. Следовательно, можно говорить о некоем «праздничном ореоле» этого месяца. Наконец, в современном языковом сознании это, как правило, месяц отпусков, что кардинально отличается от восприятия, характерного для традиционной культуры и отраженного, например, в словаре В. Даля. См.: *Мужику в августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять. Август - каторга, да после будет мятовка*. Сочетание праздничного и трагического в восприятии этого месяца можно если не объяснить, то соотнести с тем фактом, что в традиционной культуре праздник является опасным днем, и чем он крупнее, тем опаснее [5; с. 238].

Далее обратимся к пятнице, дню, который, как уже отмечалось, также характеризуется терминальной отмеченностью. Современная бытовая семантика связана именно с тем обстоятельством, что это конец рабочей недели. Отсюда вытекают ассоциации, связанные с выпивкой, возможностью «расслабиться». См., например, следующие контексты: *пятница удобна для пива и для водки, чувствую себя свободным человеком* (форум, 2011); *носят на себе по пятницам своих алкоголиков* (В. Солдатенко, 2010); *те, кто наклюкивался раз в неделю – с вечера пятницы до утра понедельника, искренне считали себя трезвенниками* (Д. Донцова, 2003); *он меня спросил, чё за праздник, что такие все пьяные? Я сказала, что пятница* (форум, 2007); *под ворчание жены его любимой, рифмующей с удовольствием «пятницу» с «пьяницей»* (А. Иличевский, 2009). Особенно показателен последний пример, где отражены внутриязыковые коннотации – рифма. Ср. также: *думать неохота – пятница* (2009); *все эти люди жили пятницей – последним днем бесконечной недели* (К. Сурикова, 2003). Укажем и на наименование одного из развлекательных телеканалов нашей страны: он так и называется – «Пятница!» (обратим внимание на восклицательный знак).

Рассматриваемый нами день недели обладает существенным сакральным потенциалом, причем как традиционно-культурным (в какой-то мере сохраняющимся и поныне), так и новым, возникшим в результате разнородных влияний и распространения массовой культуры и формирования новой мифологии.

В контексте христианской религии особым статусом обладает Великая (Страстная) пятница. Подобные примеры нечасто, но встречаются в современных материалах:

Со Страстной Пятницы и до Пасхи жители могут делать всё, что угодно, так как верят, что в это время Бог мёртв и не видит их (Л. Пашкова, 2010); *14 апреля, в страстную пятницу, - судьбе почему-то угодны трагические совпадения – заговорщик-южанин на торжестве в театре застрелил президента Линкольна* (Ю. Носов, 2007); *он умер в Великую пятницу, прямо во время выноса Плащаницы* (Д. Соколов-Митрич, 2007); *он отошёл ко Господу 2 мая 2003 года, в пятницу Светлой седмицы* (М. Оболенский, 2004). Показательно, что в большинстве контекстов речь идёт о чьей-либо смерти, т.е. очевидна ассоциация с земной жизнью и смертью Христа.

Традиционные представления связаны, прежде всего, с персонификацией этого дня в образе Параскевы Пятницы (уникальный в этом плане день недели, по крайней мере, в русской культуре) и обусловленными этим различными запретами. «Несчастный день» в народных верованиях, пятница в современном языковом сознании зачастую – «тяжелый день». Например: *пригласил приехать во вторник. Пятница, говорит, тяжёлый день* (И. Грекова, 1962); *нырнул с разбега в бесцветное, трудное начало мутной московской пятницы* (А. Рубанов, 2005). Среди эпитетов, сопровождающих наименование этого дня, не только *тяжёлая*, но и *чёрная, чумовая, грязная: трудовой подъем рабочей недели нейтрализует великой «грязной пятницей» (растрата, гудёж, гульба в «правильном» месте)*... (Е. Пищикова, 2008).

Интересно и стремление людей объединять дни недели в своеобразные пары, находить в них сходство. В христианской традиции (в том числе народно-христианской) это, прежде всего, среда и пятница как дни поста и воздержания от женских работ. Однако в настоящее время чаще всего объединяют понедельник и пятницу именно как «тяжелые», неблагоприятные дни: *вечер пятницы – это всё равно, что утро понедельника* (А. Волос, 2000); *особенно легко навредить себе в понедельник и пятницу* (2005); *не такая страшненькая, как понедельник, но и не такая симпатичная, как пятница* (А. Геласимов, 2003). См. также некоторое научное обоснование этого феномена: *известно, что в начале недели (понедельник) и в конце ее (пятница – суббота) работоспособность самая низкая и, соответственно, суммарная нагрузка наименьшая* (Советы врача, 2004).

В народном сознании пятница связывается также с тёмными, нечистыми силами [7]. Так, в романе М. Булгакова Маргарита становится ведьмой «в эту пятницу», «вещие сны» снятся, как правило, с четверга на пятницу. На эту традицию хорошо легла современная западная мифология, в соответствии с которой особенно тяжёлым и мистическим днём является пятница, если на неё выпадает 13-ое число месяца (особенно после появления фильма с соответствующим названием – «Пятница, тринадцатое»). См. контексты: *так кто же вам мешает ждать всего желанного и с первого понедельника второго квартала и с пятницы тринадцатого?* (2004); *итак, пятница. Но не тринадцатое* (Е. Белкина, 2002).

Ср. также следующий диалог:

- *Хорошо, в пятницу. – Это что у нас за число?*

- *Хорошо ли, - хмыкает трубка, - правильно ли будет встречаться в пятницу, да ещё 13-го?* (С. Гандлевский, 2002).

Среди паремий, связанных с этим днем, актуальной остается, прежде всего, поговорка *семь пятниц на неделе* со значением «о том, кто часто меняет свои решения» (и некоторые ее модификации). Например: *за свою необязательность получивший прозвище Семь Пятниц* (Г. Садулаев, 2008); *у тебя сто пятниц на неделе, - пробурчал Ионис* (В. Запашный, 2004); *У Сашеньки семь пятниц нанеделе* (Ю. Азаров, 2002). Первый пример интересен использованием фрагмента паремии в функции вокатива. В современных художественных и публицистических текстах встречаем также использование различных вариантов паремии *из-под пятницы среда (суббота)* для наименования не-

брежной, неаккуратной одежды (или – шире – неаккуратности вообще): *за каждым забором – огородники в одежонке из-под пятницы суббота* (С. Гандлевский, 2002); *из-под субботы вечно вылезала пятница, из-под крышки новенького чемодана высовывались краешки каких-то неприглядных тряпок* (А. Волос, 2000). Ср. с диалектными контекстами: *Середа доле пятницы. // Ты чё это, платье одела, ли чё ли? Из-под пятницы субботу видно.* (Примеры из омских говоров.) В словаре А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой приводятся также фразеологизмы (с пометой «устар.») *косится как среда на пятницу* и *полюбил как среда пятницу* со значением «беспрестанно сердится, выражает недовольство» [2; с. 633-634]. Все эти паремии объединяет отрицательная, неодобрительная оценочность, но в то же время они отражают, скорее, легкую иронию по отношению к объекту номинации. Полногласный вариант *среда*, устаревшая форма *на неделе*, а также параллели с диалектным материалом указывают на народное происхождение этих выражений.

Несколько неожиданным, но понятным в контексте уже советской мифологии выглядит пример, в котором понедельник и пятница объединены в результате парафразы названия известной повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»: *ступайте на эту стезю (...), где понедельник начинается в пятницу, идите на эту добровольную, бесконечную каторгу без выходных, отпусков, с неопределённым результатом, полную стрессов и унижений, затяжных провалов и коротких взлётов* (К. Глинка, 2003). Речь идёт о научном труде, об увлечённых своей работой людях, «которые терпеть не могли всякого рода воскресений, потому что в воскресенье им было скучно».

Наконец, некоторое влияние на восприятие данного дня недели и соответственно его наименования современным русским языковым сознанием оказывают иудейская и мусульманская религиозные традиции. Известно, что во многих исламских странах неделя начинается в субботу, а заканчивается в пятницу, которая и является выходным днем, в этот день проходят службы в мечетях. В иудаизме пятница – это день подготовки к Шаббату, сопровождаемый определёнными ритуалами. Это также отражено в имеющемся в нашем распоряжении материале. Например: *в еврейских общинах издревле существовал обычай по пятницам раздавать молоко бедным* (форум, 2007); *я по пятницам не подаю* (форум, 2007); *представители мусульманской и иудейской общин были весьма кратки в своих выступлениях, сославшись на то, что пятница не самый удачный день для участия в работе форума в связи с особенностями отправления религиозных обрядов* (С. Николаев, 2003).

Таким образом, мы должны констатировать, что современное языковое сознание русских, разумеется, вполне освоило месячный и недельный календарный счёт, что элементы такого календаря активно существуют в нём и своеобразно развиваются, наращивая коннотативный потенциал. Они сопровождаются хорошо ощутимой мифологичностью, причем как старой, традиционной, так и новой, формирующейся в результате разнородных влияний. Внутриязыковые особенности лексем *август* и *пятница* (моносемантность, вхождение в замкнутую ЛСГ, наличие коннотативной семантики, высокая частотность в русских текстах), несомненно, демонстрируют их близость. Ее усиливает и латентная терминальность обозначаемых отрезков времени. В то же время они различаются спецификой образного и мифологического потенциала, а также направлениями его развития. Для лексемы *август* наиболее существенной оказывается связь с сезонами года, пограничность (завершение лета и начало осени), что обуславливает и мощный поэтический потенциал слова. Значительным является и ассоциативный ряд, связанный с христианством, а также общий «праздничный ореол». Но самый-большой объем мифологических коннотаций заключается в коллективном мнении, что

это «месяц катастроф». Это, скорее, сугубо национальные представления, которые, однако, сформировались сравнительно недавно.

Что касается *пятницы*, то здесь коннотативная семантика имеет либо бытовую направленность (конец рабочей недели и связанные с этим обстоятельства), либо сакральную. Сакральная семантика является очень мощной, имеющей директивную направленность, она во многом сохраняет представления традиционные, т.е. языческие и народно-христианские, но при этом, впитывая самые различные влияния, порождает новые (мифология советская, западноевропейская, иудейская, мусульманская). Можно сказать, что эта мифология также носит в большей степени бытовой характер. Так ритмы природной и трудовой жизни продолжают существовать в нашем этноязыковом сознании, развиваясь и обогащаясь новыми оттенками и смыслами.

Библиографический список

1. Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов / Колл. монография. Т. 1-2. М., 2014.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
3. Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст-1978. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С. 62-135.
4. Толстая С.М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М.: Индрик, 1997. С. 62-79.
5. Толстая С.М. Праздник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 237-240.
6. Толстая С.М. Пятница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 382-385.
7. Успенский Б.А. К символике времени у славян: «чистые» и «нечистые» дни недели // *Finitisduodecimlustris*. Сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 70-75.

References

1. August, the twentieth century: Transformation of life of a private person in the age of social cataclysms. Vol. 1-2. M., 2014.
2. Birih A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Russian phraseology: a Historical and etymological dictionary. – 3d ed. Moscow, 2005.
3. Zelinsky A.N. Design principles of ancient Russian calendar // Context-1978. Literary and theoretical study. Moscow, 1978. P. 62-135.
4. Tolstaya S.M. Mythology and axiology time in Slavic folk culture // Culture and history. The Slavic world. Moscow, 1997. P. 62-79.
5. Tolstaya S.M. Holiday // Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Vol. 4. Moscow, 2009. P. 237-240.
6. Tolstaya S.M. Friday // Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Vol. 4. Moscow, 2009. P. 382-385.
7. Uspensky B.A. To the symbolism of time the Slavs: "clean" and "unclean" days of the week // *Finitisduodecimlustris*. Sat. articles for the 60th anniversary of Professor J.M. Lotman. Tallinn, 1982. P. 70-75.

УДК 372.881.161.1

*Институт государственной службы
и управления РАНХиГС
проф. кафедры управления персоналом*

*Коростылева Н.Н.
Россия, г. Москва, тел. +7-910-469-76-61
e-mail: beek@rambler.ru*

*Institution of state service and manage-
ment of RANESS*

*The chair of staff management
Full professor*

*Korostyleva N.N.
Russia, Moscow, tel. +7-910-469-76-61
e-mail: beek@rambler.ru*

Н.Н. Коростылева

ГЕНДЕРНАЯ КОММУНИКОЛОГИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Статья посвящена теоретическим и прикладным вопросам гендерной коммуникологии, находящейся на стыке многих наук и только начинающей входить в научный дискурс.

Ключевые слова: гендер, гендерология, коммуникация, гендерная коммуникология.

N.N. Korostyleva

GENDER COMMUNICOLOGY: FROM THEORY TO PRACTICE

The article is devoted to theoretical and practical issues of the gender communicology forming at the junction of a range of sciences and beginning to enter in scientific discourse.

Key words: gender, gender studies, communication, gender communicology.

В научном мире есть большое количество публикаций по коммуникологии, коммуникативной лингвистике, гендерным исследованиям, но в настоящее время мало литературы, посвященной собственно гендерной коммуникологии. Находясь на стыке многих наук, основываясь на комплексной методологии, гендерная коммуникология только начинает входить в научный дискурс. Сложность обращения к данной проблематике состоит в том, что даже не существует одной ведущей теории по коммуникации, существующие теории не обобщены в единую науку. Сами гендерные исследования находятся в переходном периоде, в становлении их в качестве теоретико-методологических основ новой науки – гендерологии.

Гендерная коммуникология ещё долгое время будет находиться в методологическом «лизинге» и «пробивать» себе научную нишу в теоретических и практических изысканиях современных гуманитарных наук.

Но совершенно ясно, что гендерная коммуникология должна базироваться прежде всего на гендерном подходе.

Гендерный подход понимается с различных точек зрения как исследование социологических, политических, психологических различий мужчин и женщин в общест-

ве, как учет гендерного фактора, который продуцирует отличительные черты поведения полов, как практики воздействия на две социально-демографические группы для принятия управленческих и иных решений и т.д. Однако ООН ещё в 1997 году было дано комплексное видение этого понятия как стратегии интеграции интересов мужчин и женщин в процесс разработки, реализации, мониторинга и оценки всей политики и программ в политической, экономической и социальных сферах для того, чтобы мужчины и женщины в равной степени получали от этого пользу [2; с. 142]. Поэтому на практике гендерный подход представляет собой процесс оценки любого мероприятия с точки зрения учета интересов, потребностей, особенностей полов и его основной задачей является достижение гендерного равенства. Как равенства не только прав, свобод мужчин и женщин, но и равенства их возможностей для реализации личностных, профессиональных качеств. Как равенства в выражении интересов, взглядов, суждений, наличия равного доступа к определенным ресурсам: экономическим, социальным, властным.

Понимая сущность гендерного, подхода можно определить, что гендерная коммуникология будет касаться взаимоотношений мужчин и женщин как представителей двух больших социально-демографических групп во всех сферах жизни общества, также гендерная коммуникология будет касаться и диадических отношений полов. Поэтому важно рассматривать гендерную коммуникологию с позиций макро- и микроуровней. Макроуровень будет охватывать социокультурную, социально-экономическую и политическую плоскость отношений, а микроуровень рассматривать конкретные взаимоотношения полов в жизни, на уровне межличностном и семейном.

Целевая направленность гендерной коммуникологии – это исследование гендерных процессов и отношений в жизни общества на разных его уровнях и в разных сферах. Здесь необходимо анализировать гендерные поведенческие модели, выявлять особенности процессов коммуникации мужчин и женщин в современном мире с учетом социально-ролевой дифференциации. Интересны будут исследования особенностей гендерных отношений в повседневной жизни, в приватной и публичной областях [3; с. 3].

Особо значимую роль в исследовании гендерной коммуникологии должны сыграть аспекты регулирования гендерных отношений в обществе.

Регулирование гендерных отношений должно входить в сферу ответственности государственных структур за гендерную согласительную политику на уровне всего общества.

На уровне государства для регулирования гендерных процессов и отношений должна действовать продуманная гендерная политика.

Гендерная политика призвана регулировать отношения между социально-демографическими группами мужчин и женщин во всех областях их жизнедеятельности, включая семейные отношения, для обеспечения равных прав и возможностей между ними. Данная политика входит в состав социальной политики государства, которая должна регулировать вопросы гармонизации интересов всех социальных групп общества. Гендерная политика тесно соприкасается с семейной, демографической, детской, молодёжной политиками и направлена на обеспечение гендерного равенства, на формирование политической, социокультурной и экономической среды жизнедеятельности двух больших социально-половых групп населения, на стабилизацию и гармонизацию их взаимоотношений.

Гендерное согласие на макроуровне состоит из социокультурного, политического и экономического аспектов.

Социокультурное согласие полов может быть только относительным, потому что культурные традиции, нормы поведения и гендерные картины мира мужчин и женщин разные и никогда не будут совпадать. Здесь можно говорить об общих оценках позиций справедливости – несправедливости, добра – зла, нравственности – безнравственности и т.д. Социокультурное согласие строится на отношениях толерантности к мужской и женской культурам, на отказе от насилия во всех случаях жизни, на отказе от патриархатности, на следовании общецивилизованным критериям духовности, другими словами, на гендерном гуманизме, который призван отстаивать личностно-взаимодополняющую, андрогинную систему общественного взаимодействия, основанную на коммуникативных, объединительных принципах.

Политическое согласие достигается только путем отказа от каких-либо проявлений дискриминации полов. Особенно это касается женской половины населения, доступ к власти которой весьма ограничен.

Экономическое согласие состоит в выработке совместных усилий общества, женской и мужской социально-демографических групп в области создания равных условий в сфере труда и управления, где процессы женской дискриминации должны быть изжиты. Когда будут созданы механизмы выравнивания экономических статусов мужчин и женщин и функционирование экономики не будет кризисным, а степень удовлетворения материальных потребностей социальных субъектов эффективной, то тогда можно говорить о достижении экономического гендерного согласия в том или ином обществе.

Основными условиями поиска гендерного согласия выступают становление правового государства и формирование гражданского общества, поэтому гендерное согласие органически вплетено в общее социальное согласие.

Объективными факторами, влияющими на процесс создания социального согласия, являются: наличие и действие механизмов реального влияния народа на выработку решений, легитимность власти, разделение и эффективное взаимодействие всех ветвей власти, развитие политической системы общества и женского движения в нем (характерно для гендерного согласия). Важнейшим общественным условием становления согласия является развитие социальной базы реформ. Развитие образования, медицины, правозащиты, формирование среднего класса, увеличение доходов населения, решение этнических и национальных проблем, соотношение интересов центра и регионов – все это выступает источником повышения уровня общего согласия населения.

На формирование социального согласия влияет также стабильность в области трудовых коллективов и семьи. Для гендерного согласия необходимым является искоренение всех форм дискриминации на рабочем месте и в семье.

Общий уровень ценностного согласия также влияет на гендерное. Общество, где в системе ценностей доминируют нравственные императивы, будет более стабильно во всех отношениях, нежели общество с преобладанием в нем неконструктивного маргинального сознания.

Каждое государство на основе общемировых стандартов должно разрабатывать и внедрять в жизнь стратегии гендерного развития, направленные на преодоление всех форм дискриминации между полами. Для этого необходим национальный механизм по

реализации гендерного равенства в том или ином обществе. В России он находится в стадии разработки и становления.

Для того, чтобы выработать регуляторы взаимоотношений полов на микроуровне, необходимо обратиться к формированию гендерно согласительного общения.

На микроуровне, на уровне диадических отношений на первое место во взаимоотношениях полов выступает гендерно-согласительное общение. Оно основывается на развитии гармонизирующих отношений между мужчинами и женщинами, к которым относятся любовь, взаимное уважение, взаимная симпатия, сочувствие, сопереживание, доброжелательность.

В отношениях между полами должны преобладать прежде всего духовные ценности: обоюдное стремление (не за счет друг друга) к творческой деятельности, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, к познанию смысла и назначения своего существования, помощи ближнему.

Гендерно-согласительное общение на микроуровне создается благодаря самосогласительному настрою мужчин и женщин, их стремлению к самосовершенствованию, духовному уровню проявления любви, толерантности, следованию законам семейного строительства и благополучия, а при сложных межличностных проблемах – обращению к посреднику (семейному консультанту, психологу или просто компетентному человеку, способному помочь в непростой ситуации). Гендерно-согласительное общение включает умение мужчин и женщин предупреждать назревание конфликта и принимать все меры по его профилактике.

Библиографический список

1. Голубкова Е.Е. Коммуникология и лингвистика: долговременное сотрудничество. Электронный ресурс: <http://www.naukaru.ru/journal/article/view/590>
2. Руководство по гендерному аудиту. Методология анализа МОТ, основанного на принципе активного участия. Женева: Международное бюро труда, 2007. 160с.
3. Шарков Ф.И. Программа авторского курса «Гендерная коммуникология». Электронный ресурс: <http://www.communicology.us/2014/01/gendernaya-communicologiya.html>

References

1. Golubkova E.E. Communicology and linguistics: long-time collaboration // <http://www.naukaru.ru/journal/article/view/590>
2. Guide on gender audit. Methods of analysis of International Trade Organization based on the principle of active participation. Geneva, 2007. 160 p.
3. Sharkov F.I. Gender communicology: the program of author's course // <http://www.communicology.us/2014/01/gendernaya-communicologiya.html>

УДК 81`33

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
асп. кафедры теории и практики архи-
тектурного проектирования*

Лесневска Р.В.

*Россия, г. Воронеж,
тел.: +7(950)774-76-35,
e-mail: rlesnevsk@gmail.com*

*Университет национального и мирового
хозяйства*

*доц., д-р кафедры иностранных языков
и прикладной лингвистики*

Лесневска Д.С.

*Болгария, г. София, тел. + 359 884 736 954
e-mail: demetra3@gmail.com*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of theory and practice of architec-
tural design*

Post-graduate student

*Lesnevsk R.V.
Russia, Voronezh, tel.: +7(950)774-76-35
e-mail: rlesnevsk@gmail.com*

*University of National and World Economy
The chair of foreign languages and applied
linguistics,.*

PhD, associated professor

Lesnevsk D.S.

*Bulgaria, Sofia, tel.: + 359 884 736 954
e-mail: demetra3@gmail.com*

Р.В. Лесневска, Д.С. Лесневска

РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ – ЗНАЧИМОЕ КУЛЬТУРНОЕ И АРХИТЕКТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СОФИИ

Русские памятники в Софии имеют длинную и сложную трехвековую историю. Русские памятники увековечили подвиг русских воинов во время русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 гг. Сегодня идентификация, защита и сохранение архитектурного наследия Софии, в особенности русских памятников, являются национальным приоритетом.

Ключевые слова: памятник, наследие, народная память, политика памяти, искусство, межкультурная коммуникация, лингвокультурологический подход, архитектурный дискурс.

R.V. Lesnevsk, D.S. Lesnevsk

RUSSIAN MONUMENTS AS IMPORTANT ARCHITECTURAL, HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SOFIA

Sofia's Russian monuments have a long and complex history, including 3 centuries. Russian monuments immortalized the feat of the Russian warriors during the Russo-Turkish war of liberation (1877-1878). The identification, protection and preservation of Sofia's architectural heritage, in particular Russian monuments, is a national priority today.

Key words: monument, heritage, art, people's memory, politics of memory, cross-cultural communication, cultural linguistic approach, architectural discourse.

Новая дискурсивная теория межкультурной коммуникации, согласно которой язык и культура представляют собой единый интегративный объект, является исходной теоретико-методической основой современного преподавания иностранных языков, в частности, преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в болгарских школах и вузах. Сочетание лингвокультурологического и дискурсивно-стилистического подходов при обучении РКИ в инославянской (болгарской) среде является предпосылкой творческого развития методики преподавания русского языка как инославянского [5, с.11–14].

Целью настоящей работы является рассмотрение русских памятников в Софии в хронологическом порядке, начиная с Русского памятника (1882 г.) и кончая памятником генералу И.В. Гурко (2013 г.). В лингводидактическом аспекте считаем

целесообразным обособить дискурс *Русские памятники в Болгарии* в качестве учебного материала при обучении РКИ в болгарских школах и вузах. В сущности, выделяемый нами учебный курс «Русские памятники в Болгарии» отвечает современной политике памяти болгарского общества. Учитывая сильное воздействие монументального искусства, данный курс в рамках занятий РКИ способствовал бы созданию полилингвальной славянской личности в настоящую эпоху глобализации [4]. В современном межкультурном обществе одной из самых мощных форм массовой коммуникации является архитектурный дискурс, поскольку воздействие визуальной культуры и визуального языка на подсознание сильнее вербального языка. Архитектура как вид медиа сейчас активно исследуется (в соотношении «медиа – архитектурное наследие – искусство») [2; с. 355–364].

В Болгарии есть свыше 450 русских памятников, установленных по окончании Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. в знак народной признательности за героизм и самопожертвование русских воинов-освободителей. Русские памятники как культурно-историческое наследие и как народная память являются фактором создания идентичности нашей столицы. В наши дни общая забота о культурном наследии, политика памяти регламентированы законодательством. Закон о культурном наследии (болг. *Закон за културното наследство от 10.04.2009 г.*) регулирует отношения в области сохранения культурных ценностей. Защита русских памятников в Болгарии, в частности в столице Софии, – актуальная задача и национальная ответственность всего болгарского общества.

Русские памятники в Болгарии имеют длинную и сложную историю: с конца XIX века до наших дней. В своей монографии «Българска монументална скулптура» Венета Иванова употребляет понятие «руски паметници», подчеркивая, что они представляют собой часть болгарской истории и культуры [3]. С течением времени и сменой эпох (капитализм, социализм, посткоммунизм) понятие «русские памятники» расширяет свое значение. Сегодня «русским» является каждый памятник, связанный с Россией и Советским Союзом.

Русские памятники – неотъемлемая часть болгарского национального архитектурного наследия (1882 – 1914) и современной болгарской архитектуры (1915 – 2015).

Никифор Ганев, распорядитель в библиотеке Столичной общины (1932 – 1941), составил первую книгу о болгарских памятниках (в том числе «русских памятниках»). Труд охватывает период с 1882 (Русский памятник) до 1939 г. (памятник патриарху Евтимию). Проанализированы 30 памятников, из которых 5 русских: Русский памятник, Докторский памятник, Гвардейский памятник (рис.1), памятник Царю Освободителю, храм-памятник им. Александра Невского (рис.2). Являясь акцентами градостроительства, первые русские памятники имеют четкие формы неоклассицизма [1].

Русский памятник в Софии (1882) – первый памятник, построенный в столице освободившегося от турецкого владычества Княжества Болгарии у дороги, по которой Осман Нури паша покидает Софию по направлению в Перник. Предполагается, что памятник установлен по проекту русского академика В. Йосифовича Шервурда или архитектора Вокара из Стамбула.

Докторский памятник (1883) – памятник погибшим в Русско-турецкой войне 529 русским медицинским чинам. Памятник установлен в 1883 г. по проекту чешского архитектора А. Т. Томишко. Памятник представляет собой четырехгранную пирамиду из белых каменных блоков, на которых высечены имена погибших медицинских чинов.

Гвардейский памятник (1885) посвящен погибшим гвардейцам Третьей гвардейской пехотной дивизии во главе с генералам В. Каталеем и Д. Философовым, убитыми за два дня до освобождения Софии. Памятник был разрушен во время бомбардировок в 1944 г., а в 2008 году полностью восстановлен.

После 1900 г. в Болгарии начинает развиваться капитализм. София быстрыми темпами принимает интернациональные черты модерных европейских городов. Стремление к «европеизации» затрагивает и искусство.

В начале XX в. в столице установлены следующие русские памятники: памятник Царю-Освободителю (1907), храм-памятник «Св. Александр Невский» (1912) и Русская церковь «Св. Николай Чудотворец» (1914) (рис. 2).

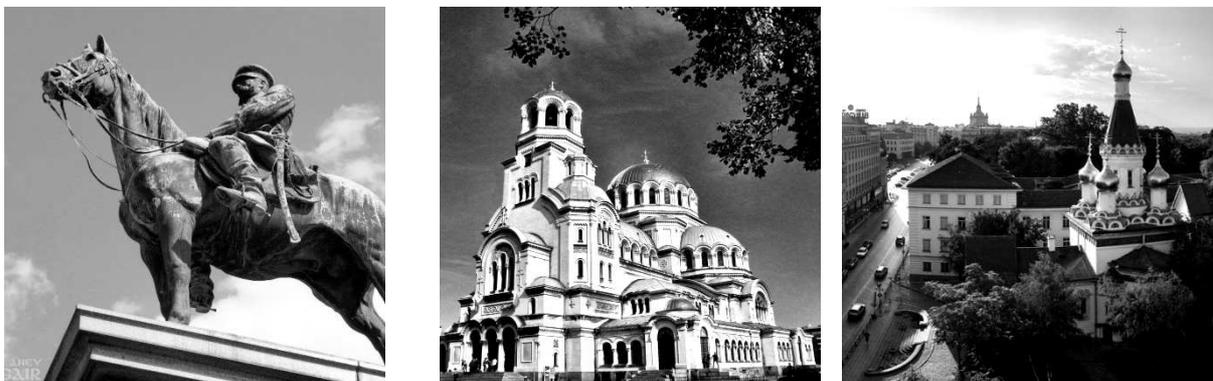

Рис. 1 Слева направо: Русский памятник, Докторский памятник, Гвардейский памятник

Памятник Царю-Освободителю – архитектурно-скульптурный монумент большой художественной ценности. Это первая попытка создать ансамбль городского масштаба с оформлением архитектурной среды площади. Этот памятник – самое крупное проявление болгарского монументального искусства. Инициатором создания памятника является комитет «Царь-Освободитель Александр II» (председатель комитета – Стоян Заимов). Памятник – проект флорентинского скульптора А. Дзоки. Высота памятника – 12 метров.

Храм-памятник «Св. Александр Невский» построен по решению Учредительного Народного собрания (1879) в честь освобождения Болгарии по проекту русского архитектора, проф. А. Померанцева. Храм расположен в центре Софии; он посвящен Александру Невскому (1220–1263) – великому князю Владимирско-Суздальского княжества.

Русская церковь Святого Николая расположена в центре Софии. Она воздвигнута по проекту русского архитектора М. Преображенского по инициативе посольства России.

Рис. 2 Слева направо: Памятник Царю-Освободителю, Храм-памятник «Св. Александр Невский», Русская церковь Святого Николая

В XX в. в Софии установлены барельефы генерала Е. И. Тотлебена, генерала М. Д Скобелева, генерала И. В. Гурко, а также барельеф хирурга Н. И. Пирогова (рис.3).

После 1944 г. в характере болгарской архитектуры наступают изменения. Непосредственно после 9 сентября 1944 г. в болгарском искусстве развивается монументальная пропаганда – понятие советского искусствоведения, означающее систему мероприятий для построения памятников с целью пропагандировать революционные идеи. Образцами социалистической архитектуры в Болгарии являются памятники советской армии. В Софии воздвигнуты памятник Советской армии (1954) и мемориал «Костница», посвященный советским воинам (1952 – 1954).

Памятник Советской армии в Софии (рис. 3) – крупная архитектурно-скульптурная композиция, включающая 10 каменных блоков, увенчанных бронзовыми венками славы, символизирующими победное наступление советских воинов на Берлин в 1945 г. Памятник построен в 1951–1953 гг. коллективом архитекторов (Д. Митов, И. Васильев, Л. Нейков), скульпторов (М. Георгиева, В. Емануилова, Л. Далчев, В. Зидаров, П. Дойчинов, И. Лазаров, И. Фунев), художников (Б. Ангелушев).

Мемориал «Костница» (рис. 3) находится в центре столицы. Это памятник советским воинам-освободителям. Авторы памятника – архитектор В. Бязов и скульптор Л. Димитров.

Рис. 3 Слева направо: барельефы ген. Е. И. Тотлебена, ген. М. Д Скобелева, ген. И. В. Гурко, хирурга Н. И. Пирогова, Памятник Советской армии, Мемориал «Костница»

В XXI в. до наших дней (эпоха посткоммунизма и постмодернизма) в Софии были установлены новые «русские памятники»: памятник А.С. Пушкину (2001), памятник победителям (2008), памятник генералу Гурко (2013).

Создание этих памятников дружбы между Болгарией и Россией – заслуга Софийского общества друзей России имени Александра Невского, Фонда «Герои Болгарии», Фонда «Устойчивое развитие Болгарии»; Национального движения «Русофилы»; Болгарской федерации дружбы с народами России и СНГ.

Новые памятники, связанные с Россией и русским народом, не только сохраняют основную тему «русских памятников»: беспредельную и вечную признательность болгарского народа, вечную память; но и воплощают новые темы: тему русской культуры, общей славянской ментальности, общей славянской азбуки – кириллицы.

Бюст-памятник великому русскому поэту А.С. Пушкину (рис.4) построен в центре Софии, между Домом Москвы и Русской церковью. Памятник открыт 6.06.2001 г. – в день рождения поэта. 6 июня – Международный день русского языка. Авторы памятника – русский скульптор Вячеслав Клыков и болгарский архитектор Светослав Константинов. Каждый год, 6 июня, в Софии отмечают День русского языка и день рождения гениального русского поэта.

Памятник победителям (памятник графу Н.П. Игнатьеву) (рис. 4) открыт в честь 130-годовщины Освобождения Болгарии во время визита Владимира Путина в Болгарию в январе 2008 года. Памятник находится в Докторском саду и представляет

собой черный гранитный куб с барельефами, изображающими ополченцев и подписание Сан-Стефанского мирного договора графом Игнатьевым. Автор барельефов – скульптор Иван Тодоров. Монумент является символом болгаро-русской дипломатии.

Бюст-памятник легендарному русскому генералу Иосифу Владимировичу Гурко (рис.4) был установлен у Городской художественной галереи в рамках празднования 135-летия Освобождения Болгарии от турецкого владычества (по проекту архитектора Венцислава Йочколовского). 4 января 1878 года Иосиф Владимирович Гурко вошел с частью своих войск в Софию и освободил будущую болгарскую столицу. Автор монумента – русский скульптор Григорий Потоцкий, который вместе с делегацией Московской мэрии был на его открытии.

Рис. 4 Слева направо: Бюст-памятник А.С. Пушкину, Памятник победителям, Бюст-памятник генералу И. В. Гурко

Считаем, что учебный курс «Русские памятники в Софии» может стать основой будущей учебной программы в рамках национального форума «Культура Болгарии» в связи с интегрированием Софии в Европейское культурно-историческое наследие. Учебный курс «Русские памятники в Болгарии» должен найти свое достойное место на занятиях РКИ в болгарских школах и вузах. Курс отвечает необходимости в формировании умений творчески мыслить, ценить и беречь народную память, культурные ценности.

Библиографический список

1. Ганев Н. Паметниците на Столица София. София: Св. Иван Рилски, 1939, 80 с.
2. Диамандиева М. Съвременната архитектура като масова комуникация: «отвъд», архитектурата или разтегната медийна реалност // Изкуствоведски четения. София: БАН: Институт за изследване на изкуствата, 2013.
3. Иванова В. Българска монументална скулптура. София: Български художник, 1978, 382 с.
4. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009, 226 с.
5. Станкович Б. Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка как инославянского // МАПРЯЛ 2010. Десятый международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Тырново, 2010.

References

1. Ganev N. The monuments of Capital Sofia. Sofia: St. Ivan Rilski, 1939, 80 p.
2. Diamandiyeva M. Contemporary architecture as mass-communication: "beyond", architecture or extended media reality // Izkustvovedski cheteniya. Sofia: BAN: Institute for research of arts, 2013.
3. Ivanova V. Bulgarian monumental sculpture. Sofia: Bulgarski hudojnik, 1978, 382 p.
4. Prokhorov J.E. National sociocultural stereotypes of speech communication and their role in training in Russian for foreigners. Moscow: LIBROKOM, 2009, 226 p.
5. Stankovich B. Topical issues of studying and teaching Russian as "inoslavyansky" (foreign Slavonic language) // MAPRYAL 2010. Tenth international symposium. Reports and messages. Veliko Tynovo, 2010.

УДК 811

Калмыцкий государственный университет

проф. кафедры русского языка и общего языкознания, д. филол. наук

Олядыкова Л.Б.

Россия, г. Элиста, тел. +7(961)3966139

e-mail: olyadikova_lb@mail.ru

Университет Внутренней Монголии

доц. факультета русского языка и литературы, магистр филологии

Ли Чуанцзинь

Китай, г. Хух-Хото, тел.

+86(0471)4996040

e-mail: hejin2012@mail.ru

Kalmyk State University

The chair of Russian language

and general linguistics

Doctor of philology, full professor

Olyadykova L.B.

Russia, Elista, tel. +7(961)3966139

e-mail: olyadikova_lb@mail.ru

Inner Mongolia University

Department of Russian language and literature

Master of philology, associate professor

Li Chuangjin

China, Hohhot, tel. +86(0471)4996040

e-mail: hejin2012@mail.ru

Л.Б. Олядыкова, Ли Чуанцзинь

ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются речевое и неречевое содержание ситуаций «приветствие» и «прощание» в русском и китайском языках. В каждой культуре существуют собственные традиционные способы здороваться и прощаться, однако русские и китайские этикетные формулы имеют больше сходств, чем различий. В различиях формул проявляется национальная специфика.

В рассмотренном в статье материале неречевое содержание указанных ситуаций составляют такие невербальные средства общения, как мимика и жесты.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, сопоставительный аспект, ситуации приветствия и прощания, этикетные формулы, невербальные средства.

L.B. Olyadykova, Li Chuangjin

VERBAL AND NON-VERBAL CONTENT OF GREETING AND FAREWELL IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

In the article speech and non-verbal content of greeting and farewell in Russian and Chinese languages is analyzed. Each culture has its own traditional ways of greeting and farewell but Russian and Chinese etiquette attributes have more similarities than differences. National specific features are revealed in the differences of attributes.

In the given article non-verbal content of particular situations make up such non-verbal ways of communication as mimicry and gestures.

Key words: Russian language, Chinese language, contrastive aspect, situations of greeting and farewell, etiquette attributes, non-verbal means.

Этикетными формулами осуществляется соблюдение человеком в обществе норм поведения и речевого взаимодействия. Нормы и правила вежливого общения складываются под влиянием национально-культурных традиций. Умение пользоваться рече-

вым этикетом демонстрирует уровень воспитанности и образованности человека.

Правила общения дифференцируются в зависимости от разновидностей ситуаций и соотношения ролей коммуникантов.

Формулы приветствия и прощания являются одними из наиболее используемых формул вежливости. В каждой культуре существуют собственные традиционные способы здороваться и прощаться.

В ситуациях «приветствие» и «прощание» русские и китайцы поступают стандартно, как предусматривается их национальными стереотипами поведения и речи, выработанными столетиями и тысячелетиями.

Наиболее частотные формулы приветствия русского и китайского языков – *Здравствуй(те)* и *你好 (ни хао)*, являющаяся вопросительным выражением *Как (твои) дела?* Ответной репликой служит это же выражение *你好*. Форма *Здравствуй(те)* национально специфическая: она выражает пожелание здоровья. Культурологическое пояснение приветствия *你好*: оно имеет эквивалент в русском языке, употребляется в идентичной ситуации, но не выражает того же значения, в его семантике нет пожелания здоровья. Другая формула приветствия *您好(нинь хао)* подчеркивает возраст или статус и отличается от формулы *你好 (ни хао)* наличием в своем составе местоимения *您* – вы. Следует отметить, что чаще используется формула *你好 (ни хао)*.

Таким образом, приветствия *Здравствуй(те)* и *你好 Как дела?* различаются по значению, являются национально специфическими формулами вежливости.

В русской культуре люди, встречаясь несколько раз в течение дня или в определенное время суток, используют формулы приветствия: *Здравствуй(те) еще раз, Доброе утро (С добрым утром), Добрый день, Добрый вечер, Доброй ночи* (последняя является также пожеланием и формулой прощания). В китайской культуре употребляются аналогичные формулы: *早上好 (цзао шан хао) – Доброе утро, 中午好 (чжун у хао) – Добрый день, букв. Доброго полудня, 下午好 (ся у хао) – Добрый день, букв. Доброго послеобеденного времени, 晚上好 (вань шан хао) – Добрый вечер, 晚安 (вань ань) – Доброй ночи*. Однако перечисленные приветствия являются малоупотребительными.

Формулы приветствия составляют в обоих языках синонимические ряды, например, в русском языке, кроме приведенных выше, в этот ряд включаются формулы: *Приветствую вас, Рад вас приветствовать, Мое почтение, Привет* и др. Приведем примеры употребления формул приветствия в русской художественной речи.

Когда Петр Николаевич вернулся домой, дверь ему открыла невысокая, очень стройная и привлекательная девушка лет двадцати.

– О, у нас гости? Здравствуй, Марина.

– Здравствуйте, Петр Николаевич, мы только на минуточку, Сережке переодеться приспичило. (И. Грекова).

В данном диалоге речевые партнеры ведут себя согласно ролевым позициям относительно друг друга: Марина – подруга Сергея, Петр Николаевич – отец Сергея. В диалоге употреблены «ты»- и «вы»- формы, обращение по имени и официальное обращение по имени и отчеству. Перечисленные языковые средства подчеркивают различие в ролевых позициях и возрасте коммуникантов.

– Здравствуй, товарищ Козулин!

Козулин удивленно посмотрел на милиционера.

– Здравствуйте. (В. Шукшин).

В этом диалоге так же, как и в предыдущем, используются «ты»- и «вы»- формы, они показывают разные социальные роли участников коммуникации. По фамилии об-

ращаются к знакомым людям. Наречие «удивленно» передает, что Козулин использует мимику: в удивлении подняты брови, широко открыты глаза, приоткрыт рот.

– Емеля! – обрадовался Максим.

– Здорово, Емеля!

– Добрый день! – буркнул Емеля, нарочно выбрав такое приветствие, чтобы не обращаться к Ковалёву ни на «вы», ни на «ты». (В. Липатов).

Приветствия *Здорово*, *Здоров*, *Салют* (слово используется также как форма прощания), *Приветик* относятся к жаргонной лексике и являются характерным признаком преимущественно молодежной возрастной общности. В языке художественной литературы жаргонизмы выступают как одно из стилистических средств придания речи некоторых персонажей непринужденности, экспрессии, эмоциональности. Формулы приветствия, употребляемые персонажами произведения В. Липатова, соответствуют их невербальному поведению. Максим рад встрече: приветствие *Здорово* распространено в кругу близких людей. В радости человек улыбается, испытывает удовольствие, доброжелателен к собеседнику. Емеля использует для Максима подчеркнуто невежливую стратегию приветствия. В данном диалоге речь сопровождают невербальные средства.

В китайском языке также имеются неофициальные, широко используемые в функции приветствия слова и выражения: 嗨 (хай) – Привет, 去哪儿? (цой на?) – Ты куда идёшь?, 干啥去? (гань ша цой?) – Что ты будешь делать? Приведём примеры их употребления:

– 嗨! 李明。 – (Хай!) Привет, Ли Мин!

– 嗨! 张婷。 – (Хай!) Привет, Чжан Тин!

– 韩梅梅, 来认识一下吧, 这是我的同学, 叫李明。这是韩梅梅, 我的表姐。 Хань Мэймэй, познакомься, пожалуйста. Это мой однокурсник Ли Мин. А это моя двоюродная сестра Хань Мэймэй.

– 你好, 李明。 – (Ни хао!) Здравствуй, Ли Мин!

– 你好, 韩梅梅。 – (Ни хао!) Здравствуй, Хань Мэймэй!

Диалог показывает, что в общении молодых людей, хорошо знающих друг друга, используется форма *Привет!*, незнакомыми молодыми людьми употребляется форма *Здравствуй*. Приветствие 嗨 (хай) вошло в китайское общение из английского языка.

Формулы приветствия *Куда ты идёшь?*, *Привет!* говорят, что встретились хорошо знакомые люди:

– 王太太, 你这是要去哪呀? Госпожа Вань, куда ты идёшь?

– 张太太, 你好呀! 我去超市。你呢? Привет! Госпожа Чжан, я иду в супермаркет. А ты?

– 我去公园。那回见! Я иду в парк. Ну, до встречи!

– 好的, 回见! Хорошо, до встречи!

Китайское приветствие *吃饭了吗?* (чи фань лэ ма?) – Ты ел рис? является национально специфическим. Рис – традиционный основной продукт питания китайцев, имеющий такое же значение, как хлеб у русских. Если рис есть в доме – значит ты сыт. Среди обязательных подарков, посвящаемых ребенку в торжественный день 满月 (мань юэ) – месяц его жизни, были серебряные или золотые модели китайских мер сыпучих продуктов – это символы того, чтобы в жизни человека всегда был рис. Значение редуцированного варианта *你吃了吗?* (ни чи лэ ма?) – Ты ел (кушал)? определяется конкретной экстралингвистической ситуацией: это выражение может быть как этикетной формулой приветствия, так и обычным вопросом. В семантике данных формул упоминание

о еде содержится не случайно: древняя китайская поговорка, нередко цитируемая в настоящее время, гласит: *民以食为天* – *Богом люди считают пищу*, букв. *Народ считает пищу своим небом*. Указанные формы приветствия сейчас являются малоупотребительными.

Анализируемый материал показывает, что вопросы: *去哪儿?* (цзюй на?) – *Ты куда идёшь?*, *干啥去?* (гань ша цзюй?) – *Что ты будешь делать?*, *吃饭了吗?* (чи фань лэ ма?) – *Ты ел рис?*, *你吃了没?* (ни чи лэ ма?) – *Ты ел (кушал)?*, *你上班儿吗?* (ни шан бар ма?) – *Ты на работу?*, а также выражение *好久不见了* (хао цзю бу цзянь лэ) – *Давно не виделись* служат формулами приветствия знакомого человека. Подобные вопросы русские будут считать проявлением излишнего интереса или ненужными, неважными. Выражение *Давно не виделись* в русском общении в ситуации «приветствие» используется, но следует после начальных стандартных формул.

Официальная форма приветствия в русском языке представлена клишированными конструкциями: *Мы сердечно (горячо) приветствуем вас, наших дорогих гостей (коллег, друзей,...)*, *Рады вашему приезду (посещению нашего университета,...)*, *Разрешите приветствовать вас от имени ...* Обычно такие приветствия употребляются во время официальных приемов. В китайском языке тоже, как в русском, тоже используют подобные формулы, например, *大家好* (да цзя хао) – *Всем здравствуйте*, *热烈欢迎* (жэ лэ хуань ин) – *Горячо приветствуем...*, *同志们好* (тун чжи мэн хао) – *Здравствуйте, товарищи*, *我代表...欢迎大家* (во дай бяо... хуань ин да цзя) – *Разрешите приветствовать вас от имени ...* Радужный прием обычно сопровождается бурными аплодисментами и у русских, и у китайцев.

При приветствии китайцы всегда улыбаются, у русских улыбка необязательна.

Таким образом, в речевое содержание ситуации «приветствие» входят не только этикетные формулы, но и клишированные конструкции, выражающие вежливость, применяемые в официальной форме приветствия.

В приведенных примерах из русской художественной литературы персонажи выражают эмоции удивления и радости. В рассмотренном материале неречевое содержание ситуации «приветствие» составляют такие невербальные компоненты непосредственного общения, сопровождающие речь, как мимика и жесты. Аплодисменты – общий жест приветствия, а также одобрения в русской и китайской культурах.

Формулы прощания, как и формулы приветствия, образуют в обоих языках синонимические ряды. Например: *До свидания, До скорого свидания, До скорого, До скорой встречи, До следующей встречи, До следующей встречи в ..., До встречи, До следующего раза, До завтра, До понедельника (вторника, ...)*, *Прощайте, До вечера, Приятного вечера* (формула является также пожеланием), *Доброй ночи* (формула является также приветствием и пожеланием), *Всего доброго (хорошего, наилучшего)* (формулы являются также пожеланиями), *Разрешите попрощаться, Позвольте попрощаться (откланяться), Честь имею, Наше вам, Увидимся* и т.д. Многие китайские формулы прощания содержат в своем составе иероглиф 见 (цзянь), означающий «встречать, видеть», т.е., прощаясь, китайцы желают новой встречи: *再见* (цзай цзянь) – *До встречи*, *明天见* (мин тянь цзянь) – *До завтра*, *回头见* (хуэй тоу цзянь) – *До скорой встречи*, *下周见* (ся чжоу цзянь) – *До следующей недели*, *一会儿见* (и хуэйр цзянь) – *До скорой встречи*, *走了* (цзоу лэ) – *Я пошел*, *慢点儿* (мань дянь эр) букв. *помедленнее* – *Идите*

аккуратно, 走啦 (цзоу ла) – Я пошел, 慢 (慢)走 (мань цзоу) букв. идите медленно – До свидания.

В русском языке, кроме перечисленных выше корректных форм, имеется синонимический ряд жаргонных форм прощания: *Пока, Бай, Салют, Бывай, Всего*, употребляющихся преимущественно в молодежной среде хорошо знакомыми людьми. В китайском языке также выделяются формулы прощания, используемые молодыми или близкими людьми, например: 拜 (бай) – Бай, 拜拜 (бай-бай) – Бай-бай, 回见 (хуэй цзянь) – До скорой. Русская форма *Бай* и китайские формы *Бай, Бай-бай* имеют один источник заимствования: являются редуцированным вариантом английской формулы *Good Bye*.

В функции ответных реплик в сопоставляемых языках в большинстве случаев выступают эти же формулы прощания, к примеру: *До свидания – Всего хорошего, До свидания – До встречи, До завтра – До свидания, Всего вам доброго – До свидания, до завтра, До свидания – До свидания* и т.д., 再见 (цзай цзянь) – 再见 (цзай цзянь), 再见 (цзай цзянь) – 明天见 (мин тянь цзянь) и т.д.

Рассмотрим примеры употребления формул прощания:

Николай Георгиевич протянул руку.

– Ну, до свидания! Как-нибудь заходите. У меня тут на путях свой вагон! Поболтаем, чайку попьем с коньячком. (И. Юдина).

– Мой милый, – сказал он, – мое восхищение Вами перешло всякие границы. Я в восторге! До свидания! Жду Вас!

Он с чувством пожал мне руку. (В. Голявкин).

В приведенных примерах общение персонажей происходит на вербальном и невербальном уровнях. В первом диалоге жест «протянуть руку» сообщает информацию о содержании речи: *Ну, до свидания!*, во втором – рукопожатие подтверждает переданную вербально информацию и выражает чувства коммуниканта к собеседнику. В обоих диалогах высказано желание новой встречи: *Как-нибудь заходите* и *Жду Вас!* – это неофициальные формы приглашения.

Приведем примеры из китайской художественной литературы:

1. 武松拱手说道：哥哥，就此别过！(Обхватывая левой кистью правый кулак на уровне груди, У Сун сказал: «Брат, на этом прощаемся»). (Автор: 施耐庵 – Ши Найань). Указанный жест – не только знак прощания, но и знак приветствия, просьбы, почтения.

2. 他挥了挥手说：明儿见。(Помахав рукой, он сказал: «До завтра».) (Автор: 老舍 – Лао Шэ). Махать рукой – обычный жест прощания китайцев.

3. –还辞行？(Еще придешь попрощаться?)

–老实说，这次离别后，我简直不抱再看见你们的希望！(Честно говоря, я даже не надеюсь еще раз вас увидеть после этого прощания!)

–我走啦！(Я пошел!)

他几乎没敢再看钱先生。(Он даже не посмел еще раз посмотреть на лицо господина Цянь). (Автор: 老舍 – Лао Шэ). В данном примере общение является только вербальным.

В китайской традиции рукопожатие было не принято, оно вошло в жизнь китайцев под влиянием англо-американского невербального этикета. Так как китайцы в общении с другими соблюдают определенное расстояние, прикосновение к частям тела друг друга было недопустимым. В современный период рукопожатие широко используется при официальных встречах и прощаниях.

Официальная формула прощания представлена клишированными конструкциями: *На прощание разрешите от имени нашей делегации выразить вам большую благодарность за радушный прием. Ответные слова: Мы также были рады провести с вами этот приятный вечер. До завтра! До встречи!*

Формулы прощания в китайском языке многообразны, но общеупотребительным является слово 再见(цзай цзянь). Например, когда гость говорит 请留步(цин лю бу) – *Пожалуйста, не провожайте, 谢谢关照 (се се гуань чжао) – Спасибо за заботу, 多谢了 (до се лэ) – Большое спасибо* или формулы 让您费心了(жан нин фэй син лэ), 给您添麻烦了(гэй нин тянь ма фань лэ) – *Я доставил Вам много хлопот, хозяин дома отвечает: 慢走 (мань цзоу) – До свидания, букв. Идите медленно, 恕不相送 (шу бу сян сун) – Простите, не провожаю, 欢迎下次再来 (хуань ин ся цы цзай лай) – Приходите еще, 招待不周, 请多包涵 (чжао дай бу чжоу, цин до бао хань) – Простите за мой скромный прием.*

В использованном материале речевое содержание ситуации «прощание» составляют этикетные формулы и клишированные конструкции, употребляющиеся в официальной обстановке, неречевое содержание представлено общим жестом – «рукопожатие». И русские и китайцы, не только прощаясь друг с другом, но и приветствуя друг друга, обмениваются рукопожатиями. Специфическим китайским знаком прощания (а также приветствия) является обхваченный левой кистью правый кулак. Прощаясь, китайцы также машут рукой. Среди китайских жестов прощания имеются совпадающие с русскими жесты и по значению зримого действия, и по интерпретационному значению, например: движение поднятой кистью руки из стороны в сторону, махание поднятой кистью руки, развернутой от себя. Следующий китайский жест отличается национальной спецификой – короткие толчки ладонью вперед, как это делают маленькие дети вместо того, чтобы сказать «До свидания».

Формула 慢走 (мань цзоу) – *До свидания, букв. Идите медленно*, используемая в общении довольно часто, является специфическим китайским прощанием. В русском языке близкое этой формуле значение выражает пожелание *Берегите себя*.

Итак, в результате сопоставительного анализа материала было выявлено, что русские и китайские формулы приветствия и прощания имеют больше сходств, чем различий.

Большая часть формул представляет собой устойчивые лексические единицы и является идентично переводимой. В обоих языках указанные группы формул образуют богатые синонимические ряды, что «обусловлено вступлением в контакт разных по социальным признакам коммуникантов при разных социальных взаимодействиях» [1], и поэтому в общении используются не только стандартные формулы вежливости, но и стилистически окрашенные параллельные номинации. Преобладают в употреблении нейтральные формулы вежливости. В официальной форме приветствия и прощания используются клишированные конструкции.

В различиях формул проявляется национальная специфика. Национально специфическими формулами приветствия являются в русском языке *Здравствуй*, в китайском – 你好 (ни хао). В отличие от русского в китайском общении используется немало приветствий типа 好久不见了 (хао цзю бу цзянь лэ) – *Давно не виделись, 吃饭了吗? (чи фань лэ ма?) – Ты ел рис?, 去哪儿? (цюй на?) – Ты куда идёшь?* и т.д.

Из формул прощания национально специфической является китайская формула 慢走 (мань цзоу) – *До свидания, букв. Идите медленно*.

В рассмотренном материале неречевое содержание ситуаций «приветствие» и «прощание» представлено такими невербальными средствами, как мимика (русское общение) и жесты (русское и китайское общение).

Содержание межкультурной (и не только) коммуникации составляют вербальный язык и невербальное поведение, в силу чего нам представляется целесообразным их комплексное изучение.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Стернин И.А. О некоторых особенностях китайского вербального коммуникативного поведения на фоне русского // Русское и китайское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 1. С. 14-24.
3. Стернин И.А. Некоторые отличия китайского невербального поведения от русского // Русское и китайское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 1. С. 35-40.
4. 老舍。《四世同堂》。北京：十月文艺出版社，1996年。
5. 施耐庵。《水浒传》。北京，1997年。
6. 赵滨，周凤芹。非语言手段及其在交际中的作用。绵阳师范学院学报。绵阳。2005年2月。第24卷第1期
7. 周小成。浅议俄汉文化背景下的非言语交际行为。《外语研究》。南京。外语研究杂志社。1997年第4期。

References

1. Linguistic encyclopedia. Ed. by V.N. Yartseva. Moscow, 1990.
2. Sternin I.A. About some peculiarities of Chinese verbal communicative behavior in comparison of Russian one // Russian and Chinese communicative behavior. Voronezh, 2002. Issue 1. P. 14-24.
3. Sternin I.A. Some differences between Chinese and Russian non-verbal behavior // Russian and Chinese communicative behavior. Voronezh, 2002. Issue 1. P. 35-40.
4. Lao she 《Four generations under one roof》. Beijing, 1996.
5. Shi Naian 《Water Margin》. Beijing, 1997.
6. Zhao Bin, Zhou Fengqin. The role of non-verbal communication. Mianyang, 2005.
7. Zhou Xiaocheng. Overview of Russian and Chinese culture from the perspective of non-verbal communication. Nanjing, 1997.

УДК 811

Калмыцкий государственный университет
аспирант
Сумьянова С.В.
Россия, г. Элиста, тел. +7(961)5412076
e-mail: urbanization_21@mail.ru

Kalmyk State University
Postgraduate student
Sumyanova S.V.
Russia, Elista, tel. +7(961)5412076
e-mail: urbanization_21@mail.ru

С.В. Сумьянова

КРАСНЫЙ ЦВЕТ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ

Прилагательное *красный* в китайском и русском языках, являясь многозначным, в прямом значении выступает наименованием цвета, в переносных – выражает различные определительные характеристики предметов и явлений действительности. Для правильного понимания всех значений прилагательных 红(*hóng*) и *красный* подробно рассматривается сфера их употребления.

В культуре китайцев и русских красный цвет связан с контекстом общения, ролевым статусом коммуникантов, а также является знаком невербальной коммуникации, указывающим на социальный статус.

В китайском и русском языках *красный* – компонент многих фразеологических единиц, выражающий разнообразные значения.

В развитии значений обоих прилагательных немаловажную роль играли экстралингвистические факторы.

Ключевые слова: китайская и русская культура, красный цвет, прилагательные 红(*hóng*) и *красный*, китайские и русские фразеологизмы.

S.V. Sumyanova

THE RED COLOUR IN THE CULTURE AND LANGUAGE OF CHINESE AND RUSSIAN PEOPLES

Being polysemantic the adjective *red* means a colour in its literal meaning and expresses different determinate characteristics of subjects and reality phenomena in the metaphorical sense. To understand properly all the meanings of the adjectives 红 *hóng* and *red* the sphere of their usage is thoroughly examined.

In Chinese and Russian cultures red colour refers to the context of communication, role status of communicators and it is also the symbol of non-verbal communication, pointing out the social status.

In Chinese and Russian languages *red* is the component of most phraseological units, expressing various meanings.

Extralinguistic factors play a significant role in development of meaning of both adjectives.

Key words: Chinese culture, Chinese language, Russian culture, Russian language, red colour, adjectives 红 *hóng* and *red*, Chinese and Russian phraseological units.

Красный цвет – 红(*hóng*) в Китае играет важную роль в общественной и бытовой жизни народа. Это любимый цвет китайцев, почитаемый ими как самый счастливый из всех цветов, культурный тотем, предмет духовного поклонения китайского народа. Китайцы испокон веков поклонялись цвету солнца и огня; это поклонение передается из поколения в поколение.

Слово 红(hóng) может употребляться в качестве разных частей речи: прилагательного, наречия, существительного, глагола, а также является собственным именем (фамилия Хун). В данной статье рассматривается прилагательное 红(hóng).

В «Большом китайско-русском словаре» слово 红(hóng), выступающее в качестве прилагательного или наречия, переводится: 1) красный, алый; бурый, рыжий; кровавый; багровый; румяный; подрумяненный; раскалённый; докрасна; краснеть; 2) красный (революционный, коммунистический); 3) красный, красивый; молодой; разодетый, нарядный; девичий, женский; 4) свадебный, брачный; праздничный, поздравительный; 5) счастливый; пользующийся успехом (фавором, любовью); выдающийся; популярный, знаменитый, любимый, модный; быть в фаворе, пользоваться успехом; 6) чистый (о прибыли); премиальный; 7) устар. удачливый в карьере; 1-го (2-го) ранга (чиновники этих рангов носили красные шарiki на шапках) [1].

Для правильного понимания всех значений прилагательных 红(hóng) и красный необходимо подробное изучение сферы их употребления.

Красный цвет в китайской культуре и языке символизирует радость, счастье, удачу, расцвет, дыхание весны. Потому в радостные события жизни, в праздники китайцы надевают одежду красного цвета. Например, одежда невесты и жениха и свадебная атрибутика по традиции красного цвета, новая квартира украшается предметами красного цвета: вешают красную ткань на стену, стелют красный ковёр. При рождении детей красную полоску ткани вешают на дверь или окно. Новорожденным принято надевать красную майку – это поздравление их с рождением и пожелание родителей, чтобы ребенок рос здоровым и веселым. Предметы красного цвета использовались во многих обрядах, посвященных рождению ребенка, так, при рождении сына в северном Китае вешали на воротах дома красное полотенце и лук, ритуальные предметы, использовавшиеся в обряде торжественного омовения младенца, были красного цвета – цвета радости, в южном Китае в день рождения запястье ребенка завязывали красным шнуром, к которому подвешивали символические вещицы. В традиционной китайской семье очень торжественно отмечался день 满月(mǎn yuè) – исполнившийся месяц жизни ребенка. В этот день подарки предназначались самому новорожденному, в число определенных подарков входили красные шнурки, надеваемые на шею ребенка. Отдельные из обязательных подарков прикреплялись к запястью ребенка на красных шнурочках. Другая традиция китайцев, связанная с детьми: в начале наступающего года, если знак этого года восточного календаря (крыса, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья) совпадает со знаком года рождения детей, их одевают в белье, носки, свитер красного цвета, тогда в новом году у них все будет красным, т.е. хорошим. В Новый год – праздник Весны (отмечается по лунному календарю, каждый год приходится на разные дни января-февраля) каждая семья наклеивает на двери или стены комнат, а также снаружи на входную дверь квартиры или дома красные парные надписи с благопожеланиями (对联 duì lián), на входной двери эти надписи висят до наступления следующего новогоднего праздника, зажигает красные свечи, пожилые люди дарят детям красные конверты с деньгами (红包 hóng bāo). Дети в ответ поздравляют пожилых с Новым годом. До праздничного новогоднего семейного ужина дети и подростки пускают красные хлопушки, зажигают фейерверк. В этот вечер должно все плохое уйти и прийти только хорошее.

В Китае принято дарить деньги в красных конвертах не только в Новый год, но и по случаю других торжественных событий; например, в качестве подарка молодоженам

преподносят деньги в красном конверте или мешочке. Пожилые китайцы считают, что эти конверты приносят счастье, процветание, долголетие и крепкое здоровье не только тому, кому они предназначаются, но и дарящему.

Эти события: свадьбу, переезд в новую квартиру, рождение детей, Новый год – называют «красный праздник» (紅喜事 *hóng xǐ shì*), подчеркивая тем самым значение, важную роль и место красного цвета в данных событиях. В разговорном стиле русского языка употребляется выражение «красный день (календаря)», оно появилось потому, что праздничные дни отмечались в календаре красным цветом.

В XX веке красный цвет приобретает в китайском языке значения «коммунистический», «революционный»: 红色政权 (*hóng sè zhèng quán*) – букв. «красная власть» – власть компартии», 红五月 (*hóng wǔ yuè*) – красный (месяц) май, 红歌 (*hónggē*) – букв. «красные песни» – революционные песни.

У представителей власти в Китае в одежде обязательно присутствовала деталь красного цвета, например, красные шарики на шапках чиновников: 红顶商人 (*hóng dǐng shāng rén*) – букв. «бизнесмен в красной шапке», т.е. чиновник-бизнесмен. В русском языке выражение *быть под красной шапкой* имело значение «служить в армии».

Государственный флаг Китайской Народной Республики красного цвета. Церемония открытия новых объектов, выставок начинается в Китае, как и во многих странах мира, с разрезания красной ленточки.

В русской культуре красный цвет так же, как в китайской, занимает особое место. Прилагательное «красный» является не только цветообозначением, в переносном употреблении оно выражает различные значения. Первоначально данное слово не имело значения цвета, а было равнозначно современным словам «красивый, хороший и светлый». Для обозначения красного цвета в древнерусском языке использовались прилагательные «чермный», «червеный» / «червонный». На Руси свадебный наряд невесты состоял из белой рубахи и, как правило, красного сарафана, рубаха жениха тоже могла быть красной или украшенной красной вышивкой. В нарядной одежде обязательно присутствовала деталь красного цвета. Домашняя утварь: прялки, туеса, сундуки – и люлька младенца расписывались красными или красно-оранжевыми узорами. Цвет выступал как природно-изначальное, нечто глубинное, свойственное душе народа.

В русской пословице *Дурачок любит красненький клочок* предпочтение красного украшения указывает на социальный статус. В XVIII веке красные каблуки считались отличительной приметой щегольского костюма, поэтому выражение *красный каблук* означает «щеголь, франт».

В XX веке красный цвет снова начинает употребляться: его применяют в искусстве (Кузьма Петров-Водкин. «Купание красного коня». 1912 г.), упоминают в литературе (Л.Н. Андреев. «Красный смех». 1904 г.), активно используют при советской власти. См. примеры, обозначающие реалии и явления советской эпохи: Красная Армия, Красный Флот, Красная Звезда, Красная летопись, красный пионерский галстук и др.; Государственный флаг СССР, паспорт гражданина Советского Союза были красного цвета. Красный уголок – помещение в учреждении, специально отведенное для культурно-просветительской работы. Во фразеологическом обороте *Красный уголок* прилагательное имеет значение «относящийся к советскому строю», а в обороте *красный угол*, являющемся номинацией переднего угла в старой крестьянской избе, в котором ставился стол и находилась икона, красный обозначает «хороший», «красивый».

Цветобозначение «красный» входит в структуру многих китайских фразеологизмов. Во фразеологизме 红白喜事(hóng bái xǐ shì) цвета обозначают два события в жизни человека: 红(hóng «красный») – свадьба, 白(bái «белый») – похороны. В китайской культуре белый цвет является знаком траура, в русской – цвет траура черный. В сочетании 红白喜事 красный и белый цвета противоположны по значению.

В устойчивом выражении 红男绿女(hóng nán lǜ nǚ) – букв. «красные мужчины, зеленые женщины» разные цветобозначения употребляются для выражения значения «пестрая толпа нарядно одетых мужчин и женщин». Ср. значения фразеологизма 大红大绿(dà hóng dà lǜ) – букв. «большой красный, большой зелёный» – «разноцветный» и «яркий». Фразеологизм 灯红酒绿(dēng hóng jiǔ lǜ) – букв. «фонарь красный, вино зелёное» означает разгульную жизнь.

Фразеологизм 万紫千红(wàn zǐ qiān hóng) – букв. «десять тысяч сиреневых и тысяча красных» двусмысленный: 1) «яркий, разнообразный, многогранный»; 2) «море цветов и красок». Одно из значений китайского выражения 红心(hóng xīn) – букв. «красное сердце» – «преданность», «верность», в Китае часто говорят: 一颗红心向着党(yī kē hóng xīn xiàng zhe dǎng) – букв. «одно красное сердце преданно партии», в переносном значении «преданный какому-то делу или кому-то», здесь цветобозначение 红(hóng) имеет положительную коннотацию.

Фразеологизм 红绳系足(hóng shéng xì zú) – букв. «красный шнурок опутал ноги» обладает живой образностью и служит заменой нейтрального свободного словосочетания «помолвка совершилась». Фразеологизм 红颜薄命(hóng yán bó mìng) – букв. «красное лицо, жалкая судьба» в первой части 红颜(hóng yán) обозначает красивую женщину, во второй – 薄命(bó mìng) говорит о ее несчастной судьбе; полностью фразеологизм значит «у красивых женщин несчастная судьба».

«Красный» в значениях «счастливый», «выдающийся», «пользующийся успехом» употребляется в китайском языке в составе сложных слов: 红人(hóng rén) «любимчик», «фаворит», «известный человек», 红榜(hóng bǎng) «красная доска (почета)». Следующие значения прилагательного 红(hóng) – «прибыльный», «успешный». В Китае лучший, пользующийся спросом товар называют 红货(hóng huò) – красный товар. В современном русском языке устойчивое словосочетание *красный товар* является устаревшим, оно имело значение «ткани, мануфактура» [5; с. 304], а словосочетание *красная цена*, относящееся к разговорному стилю, обозначает самую высокую цену, которую можно дать за товар.

В русском языке красный цвет также выражает значения «ценный», «высококачественный»: *красная дичь*, т.е. дорогая, *красный зверь*, т.е. доставляющий ценные пушные меха, *красная рыба* (осетровые). Сведения о редких, исчезающих видах животных и растений, нуждающихся в охране, заносятся в *Красную книгу*.

В устойчивых сочетаниях: кит. 红榜(hóng bǎng) – *красная доска*, рус. *красный диплом* – цветобозначение имеет значения «успешный», «почётный».

Эпитет «красный» в русском фольклоре является постоянным.

В «Толковом словаре» В.И. Даля отмечено немало примеров со словосочетанием «красное солнышко». Приведем некоторые из них: *Красное солнышко на белом свете черную землю греет; Красное солнышко, ясный месяц, Ты наше красное солнышко, кормилец или благодетель, радость и надежда* [2]. Сочетание «красное солнышко» используется в русских былинах: *То он в день едет по красному солнышку, / А он в ночь едет по светлому по месяцу* (Добрыня и змей). В фольклорных оборотах «красная девица», «красен молодец» и в оборотах из народного обихода (*красный день, красно солнышко, красная заря, красное лето, весна-красна*) эпитет «красный» не обозначает цвета. Он сохраняет древнее славянское значение «красивый» [4; с. 219]. По мнению Н.М. Шанского, прилагательное «красный» в русском языке в исходном значении «встречается лишь во фразеологических оборотах типа долг платежом красен, ради красного словца, красная цена, красная рыба, красная девица, на миру и смерть красна и т.д.» [6; с. 112-113].

Таким образом, прилагательное «красный» в китайском и русском языках является многозначным: в прямом значении оно выступает наименованием цвета, в переносных – выразителем таких определительных характеристик предметов и явлений действительности, как, например, «красивый», «нарядный», «свадебный», «праздничный», «почетный», «высококачественный», «революционный», «коммунистический» и т.д. Переносное значение зависит от контекста и обладает образностью.

Как указано в «Большом китайско-русском словаре», прилагательное 红 (hóng) может обозначать до семи цветов, близких красному и неблизких: красный, алый, бурый, рыжий, кровавый, багровый, румяный, т.е. оно служит заменой перечисленных цветообозначений. В русском языке прилагательное красный, являясь наиболее обобщенным обозначением цвета, такую функцию не выполняет. И переносное использование прилагательного 红 (hóng) шире, чем прилагательного «красный», которое не употреблялось в значениях счастливый; пользующийся успехом (фавором, любовью); выдающийся; популярный, знаменитый, любимый; быть в фаворе, пользоваться успехом; чистый (о прибыли); премиальный; устар. удачливый в карьере; 1-го (2-го) ранга.

В культуре обоих народов красный цвет связан с контекстом общения: свадьба, праздники, с ролью коммуникантов: жених и невеста (в китайской культуре, культуре Руси), дети, чиновники (в китайской культуре). Красные детали в одежде (в китайской и русской культуре), детали красного цвета в головных уборах, красные головные уборы (в китайской культуре) – это знаки невербальной коммуникации, указывающие на социальный статус.

В китайском и русском языках имеется немало устойчивых сочетаний с компонентами 红 (hóng) и «красный», выражающими разнообразные значения, например: 红白喜事 (hóng bái xǐ shì) – свадьба и похороны, 万紫千红 (wàn zǐ qiān hóng) – яркий, разнообразный, многогранный, 红人 (hóng rén) – любимчик, фаворит, известный человек; *красный каблук* – щеголь, *франт, красный товар* – ткани, мануфактура, *красная дичь* – дорогая, *Красная книга*.

В русском фольклоре эпитет «красный», являющийся постоянным, сохраняет свое древнее славянское значение «красивый»: *красная девица, красен молодец*.

В первоначальном (нецветовом) значении прилагательное «красный» встречается в фразеологических оборотах *долг платежом красен, ради красного словца* и др.

Изучение общественной сферы, в которой цветообозначение «красный» существовало и существует сейчас, говорит о том, что в развитии значений прилагательных 红

(hóng) и красный немаловажную роль играли экстралингвистические факторы, например, национально-культурные традиции, особенности исторических эпох.

Библиографический список

1. Большой китайско-русский словарь (БКРС). URL: <http://bkrs.info/>
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]: подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. М.: АСТ и др.: 1998. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Китайские традиции, связанные с рождением ребенка. URL: <http://job-distance.com/2012-05-05-17-46-54/61.html/>
4. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1986. 280 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с. 4-е изд., доп.
6. Шанский Н.М. В мире слов. М.: Просвещение, 1985. 255 с. 3-е изд.
7. 唐枢。中华成语熟语辞海。北京: 学苑出版社, 2001年。2630 页。
8. 何平。汉语成语词典。西安: 电子科技大学出版社, 2004年。1258页。
9. 王兴国。汉语成语大词典。北京: 华语教学出版社, 2011 年。1972页。
10. 罗竹风。现代汉语大词典。北京: 上海辞书出版社, 2006年。2987页。

References

1. Great Chinese and Russian dictionary (BKRS). URL: <http://bkrs.info/>
2. Dal V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language: in 4 V. Moscow, 1999. Vol. II, Vol. IV.
3. Chinese tradition associated with the birth of a child. URL: <http://job-distance.com/2012-05-05-17-46-54/61.html/>
4. Mokienko V.M. The images of Russian speech: Historical, etymological and ethno-linguistic studies in phraseology. Leningrad, 1986. 280 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.U. Explanatory dictionary of Russian language. 4-th edition, Moscow, 2003. 944 p.
6. Shanskyi N.M. In the world of words. Moscow, 1985. 255 p. 3d edition.
7. Tang Shu. Chinese encyclopedic dictionary of idioms. Beijing, 2001. 2630 p.
8. He Ping. Chinese dictionary of idioms. Xi'an, 2004. 1258 p.
9. Wang Xingguo. Great Chinese dictionary of idioms. Beijing, 2011. 1972 p.
10. Luo Zhufeng. Great dictionary of modern Chinese language. Beijing, 2006, 2987 p.

УДК 81-2

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Прези-
денте РФ
Юридический факультет им. М.М. Сне-
ранского,
канд. филол. наук, доц. кафедры ино-
странных языков
Кузьминская С.И.
Россия, Москва
e-mail: sk-teacher@mail.ru*

*Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Law department named after M.M. Speran-
skiy
the chair of foreign languages,
PhD, associate professor
Kuzminskaya S.I.
Russia, Moscow
e-mail: sk-teacher@mail.ru*

С.И. Кузьминская

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются факторы, которые оказывают негативное влияние на состояние националь- ной культуры, что находит свое непосредственное отражение в системе языка.

Ключевые слова: язык, культура, заимствования, массовая культура.

S.I. Kuzminskaya

SOME PROBLEMS OF NATIONAL CULTURE REFLECTED BY LANGUAGE

This article deals with some factors which have negative effect on national culture. These factors are re- flected by language and can be analyzed.

Key words: language, culture, borrowings, mass culture.

Философы и культурологи неоднократно подчеркивали, что крушение духовных основ общества ведет к таким же непоправимым последствиям, как и подрыв экономиче- ского фундамента или обороноспособности страны. Именно духовная культура явля- ется той невидимой интегрирующей сущностью, которая позволяет создавать из раз- розненных индивидов полноценное общество, способное к дальнейшему развитию и совершенствованию. Постоянный мониторинг и анализ ситуации в сфере национальной культуры позволяет своевременно предпринимать необходимые корректирующие ша- ги, направленные на сохранение устойчивости общества.

Состояние культурной составляющей жизни социума, как состояние пациента, можно исследовать с помощью различных диагностических средств и инструментов. Однако наиболее доступным инструментом такого исследования, вероятно, является язык. Именно язык есть универсальное социально-культурное зеркало, которое в мель- чайших деталях отражает различные изменения в реальной жизни и идеальной мен- тальности нации. Эти изменения фиксируются в словарном составе языка, проявляются в научных, публицистических, художественных текстах, влияют на характер повсе- дневного общения.

Наблюдения за языковым материалом позволяют выявить в современном языке

несколько устойчивых тенденций. Они в значительной мере отражают культурные доминанты, преобладающие в массовом сознании современного общества, и наглядно демонстрируют различные факторы, оказывающие негативное влияние на национальную культуру.

Одной из таких тенденций является активное заимствование различных слов и выражений из английского языка. Некоторые из них переводятся на русский язык путем калькирования. Другие приобретают новый графический облик, но сохраняют свое звучание, близкое к оригинальному (транслитерируются). Третьи входят в состав русского языка, успешно отстояв за собой право максимально сохранить свое иноязычное написание и произношение.

Процесс заимствования новых слов и выражений – явление вполне естественное и неизбежное. Настороженность вызывает не столько сам факт заимствований в языке, сколько их количество, а также сомнительные идеи и ценности, которые привносятся в общественное сознание. Например: «ЛГБТ сообщество» (англ. LGBT-community), «гей-парад» (англ. gay parade), «фестиваль пива» (англ. beer festival, нем. bier fest), «ночной клуб» (англ. night club), «свободная любовь» (англ. free love), «однополые браки» (англ. semi-sex marriages) и другие.

Неоправданно большое число англицизмов, вероятно, свидетельствует о том, что массовое сознание по-прежнему невольно идеализирует западную социально-экономическую и культурную модель развития. Рассматривает ее как единственно достойную для подражания. Недостаточно развитое самосознание нации приводит к тому, что достижения собственной национальной культуры начинают нивелироваться. Между тем, все процессы и явления западной культуры априори воспринимаются как нечто позитивное и заслуживающее восхищения. Неслучайно в последнее время из английского языка было заимствовано множество названий профессий (хэдхантер, менеджер, фасилитатор, мерчендайзер, креатор, дилер или модератор) и элементов западной массовой культуры (ток-шоу, реалити-шоу, перформанс, инсталляция, ремейк, триллер).

Многочисленные заимствования, которые во многих случаях уже имеют свои аналоги в русском языке (супермаркет – универмаг, офис-менеджер – секретарь, толерантность – терпимость, рекрутинг – подбор кадров и др.), демонстрируют стремление общества внешне и внутренне мимикрировать под западную действительность. Как и несколько столетий назад, массовый обыватель готов переодеться в «заморский кафтан», с тем чтобы быть принятым на равных западным обществом. Между тем, вопрос о том, подходит ли России западный путь развития и куда он в конечном итоге ведет, остается открытым и крайне дискуссионным.

Ориентация массового сознания на западную культурную картину мира приводит к тому, что нехарактерные для русской национальной культуры мировоззренческие установки (индивидуализм, эгоцентризм, личное материальное благополучие) становятся частью национальной ментальности, вытесняя традиционные духовные ориентиры (труд, подвиг, жертвенность, коллективизм).

Деформация культурной картины мира начинает происходить с самого раннего детства. Под влиянием продуктов массовой культуры западного образца подрастающее поколение интенсивно впитывает псевдокультурные ценности и негативные ментальные интенции. В частности, следует отметить возрастающий интерес среди подростков к инфернальной реальности. На языковом уровне эта тенденция объективируется с помощью различных лексических единиц, в том числе и заимствований (гоблины, монстры, вампиры, зомби), которые активно используются детьми в играх и межличностной коммуникации. Многие кинофильмы, мультсериалы, новые направления в музыке и искусстве транслируют ложную идею о том, что Зло – это почти то же самое, что и Добро. Таким образом, как отмечают российские культурологи, в сознании подрас-

тающего поколения происходит размывание границ между добром и злом, прекрасным и безобразным, возвышенным и низменным [3; с.19].

Безусловно, каждая культура имеет свой определенный позитивный опыт и достижения, в том числе и западная. Проблема заключается в том, что массовый обыватель не стремится к критичной и объективной оценке заимствованных фрагментов чужой культуры и не проводит дифференциации между действительно ценным и негативным, препятствующим дальнейшему развитию общества [1; с.8].

Однако национальная культура испытывает не только внешние, но внутренние влияния. Как любая динамическая и открытая система, она гибко реагирует на любые социальные, экономические и идеологические изменения в жизни общества, что незамедлительно отражается в языке. Так, например, уже на протяжении ряда лет четко просматривается тенденция к легитимации жаргонных слов и выражений, а также употребление сниженной и инвективной лексики даже в рамках тех функциональных стилей, которым традиционно это было несвойственно (например, публицистике). Причем многие из жаргонных оборотов, которые вошли сегодня в активный словарь обывателей, журналистов и даже политиков, еще некоторое время назад являлись коммуникативными маркерами определенных маргинальных сообществ, в частности, криминальных группировок (бабло, забить стрелку, отмазать, грохнуть, гнать волну, наехать и др.).

Вероятно, такая тенденция в языке в определенной степени отражает изменение системы стратификации общества. Если в СССР на вершине социальной пирамиды находилась партийная номенклатура и интеллигенция, то после его распада и в начальный период становления нового государства более высокие социальные ступени стали распределяться по принципу права силы и денег. В результате та часть общества, которая на протяжении десятилетий устанавливала достаточно высокую культурную планку, в том числе и в отношении языка, уступила место маргинальной страте. В итоге на протяжении ряда лет социальная модель функционировала по принципу перевернутой пирамиды, где криминализованная и недостаточно образованная социальная группа формировала культурные и, как следствие, языковые нормы общества в целом.

Такой «культурный переворот» до сих пор вызывает негативные последствия в духовной жизни общества. Приверженность новых элит упрощенным культурным продуктам, наблюдавшаяся в течение достаточно продолжительного периода, привела к тому, что массовая китч-культура стала интенсивно вытеснять культуру элитарную. В результате сформировалось общество потребления с крайне усеченными этическими и эстетическими запросами. На языковом уровне это выражается в примитивизации и огрублении языковых форм, которые используют сегодня некоторые «художники слова», создавая тексты популярных песен, литературных произведений, публицистических материалов. Приведем несколько показательных примеров.

1. Ужас / как сумел пролезть в душу /

И теперь оттуда душишь /

На фига это нужно/ (Е. Малахова)

2. Хочу жить офигенно /

Бабла не меряно, в особняке здоровенном / (П. Воля)

3. Понял я, что не откроют /противные скоты /

Ладно-ладно / ты ко мне еще приди / («Фактор 2»)

Очевидно, сниженная лексика, упрощенные грамматические конструкции, некорректно построенные предложения и общая примитивная эстетика многих текстов массовой культуры [2; с.85], в том числе и музыкальных, должны вызывать чувство озабо-

ченности относительно культурных стандартов общества. История развития современной цивилизации убедительно доказывает, что, когда культура перестает быть ведущим принципом жизни общества и сама опускается до уровня масс, это ведет к «одичанию» нации, утрате культурных и интеллектуальных завоеваний, невозможности эффективного саморазвития.

Падение уровня образованности можно рассматривать в качестве еще одного внутреннего фактора, обуславливающего сложное состояние национальной культуры. Выпускники школ, хорошо знакомые с тестовыми заданиями по различным предметам, очень часто не владеют в должной мере богатым арсеналом культурного наследия своей страны. Многие из них демонстрируют поверхностные знания по истории, литературе, искусству, отсутствие навыка формулировать и аргументировать свою позицию, используя все богатство родного языка.

Телеграфный стиль выражения мыслей, аграмматичность языковых структур, нарушение лексической сочетаемости и орфоэпических норм становятся массовым явлением. Между тем, еще Иосиф Бродский очень точно заметил: «Падение нации начинается с падения языка». И дело вовсе не в языке как таковом, а в том, что он является своего рода медиатором между обществом и его национальной культурой. Забывая свой язык, нация постепенно теряет связь со своими культурными корнями и, как следствие, в определенный момент перестает существовать. Очевидно, что система образования, прежде всего, должна обеспечивать полноценную передачу культурного наследия следующим поколениям, в том числе и через обучение родному языку.

Таким образом, российская культура вынуждена противостоять целому ряду негативных факторов, каждый из которых в той или иной мере находит свое отражение в языке. Вероятно, наиболее значимые среди них – экспансия сомнительных этических ориентиров западной цивилизации, агрессивное распространение низкопробных продуктов массовой культуры, нарастание негативных тенденций в сфере образования. Эти факторы серьезно подрывают и разрушают культурный фундамент общества.

Библиографический список

1. Аблеев С.Р. Синергичная этика и евро-американские этические концепции XVIII-XX веков: компаративистский анализ философских корреляций // Аспирантский вестник Поволжья. 2009. №1-2. С. 6-10.
2. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы // Человек в социальном мире: проблемы, исследования, перспективы: Научно-практический вестник. 2002. Вып.1 (№8). С. 84-87.
3. Юрикова С.А. Духовная культура как фактор национальной безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. №3. С. 18-22.

References

1. Ableev S.R. Sinergetic ethics and European-American ethical concepts of the 18th - XXth centuries: the comparative analysis of philosophical correlations // Post-graduate students' bulletin. 2009. №1-2. P. 6-10.
2. Ableev S.R., Kuzminskaya S.I. Mass culture of modern society: theoretical analysis and practical conclusions // Man in social world: problems, research, prospects: Scientific and practical bulletin. 2002. Vol. 1. (№8). P. 84-87.
3. Jurikova S.A. Culture as a factor of national security // Middle-Russian bulletin of humanities. 2010. №3. P. 18-22.

УДК 398.2

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

старший научный сотрудник сектора якутского фольклора

Чарина О.И.

Россия, г. Якутск, тел. +7891422 38642;

e-mail: ochar@list.ru

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences Siberian

The department of Yakut folklore, senior researcher

Charina O.I.

Russia, Yakutsk, tel. +7891422 38642;

e-mail: ochar@list.ru

О.И. Чарина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ВЛИЯНИЯ АБОРИГЕННОГО ФОЛЬКЛОРА И ЯЗЫКА В ФОЛЬКЛОРЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ

В статье как отражение духовных и этнокультурных ценностей народа рассматриваются лексические заимствования из языков и фольклора соседних этносов (якутов, эвенов, юкагиров) в бытовой речи русских старожилов северо-востока Якутии и в фольклоре (сказках), которые подверглись влиянию в XIX веке, а возможно, и раньше.

Ключевые слова: билингвизм, фольклор, сказка, взаимовлияние.

O.I. Charina

LEXICAL MARKERS OF INFLUENCE OF NATIVE FOLKLORE AND LANGUAGE IN FOLKLORE OF RUSSIAN OLD RESIDENTS OF YAKUTIA

The article sites as reflection of cultural and ethnocultural values lexical loans from languages and folklore of the neighbouring ethnoses (Yakuts, Evens, Yukaghirs) in the common speech of Russian old residents of the northeast of Yakutia, and in folklore (fairy tales) which were influenced in 19th century or probably earlier.

Key words: bilingualism, folklore, fairy tale, interference.

В статье язык русских старожилов рассматривается как отражение духовных и этнокультурных ценностей народа. На северо-востоке Якутии есть два района, в которых компактно проживают потомки русских старожилов, они живут в тесном соседстве с местными этносами: юкагирами, эвенами, позже пришедшими якутами.

Русские старожилы Колымы и Индигирки, с того момента, когда они пришли в эти места, многое освоили и развили в суровых условиях самой природы, а также восприняли от аборигенов края. В настоящее время в бытовой речи русских старожилов могут звучать речи на двух языках – русском и якутском: «будет муннях (собрание)»; «Жди меня в юрте (доме)». Таким образом, некий билингвизм свойствен и этим старожилам, что более характерно для старожилов Приленья [9; с. 43-47]. Для нас было важно понять характер влияния местного языка и фольклора на устное народное творчество русских старожилов в районе рек Индигирки и Колымы. Для этого мы опирались на местную лексику русских старожилов, отразившуюся в традиционных сказках.

Несомненно, важнейшую часть в понимании постижения тундрового пространст-

ва представляют словарь говоров, составленный М.Ф. Дружининой [3; 4; 5], словарь А.Г. Чикачева [12]. Конечно, особая лексика и новые образные выражения в русских сказках не всегда являются достаточным показателем, но, тем не менее, при сравнении их с лексикой, терминами и образами, привнесенными из европейского Севера, мы увидим, как изменились представления переселенцев о мире, окружающей природе, соседних народах.

В записях разнообразного фольклора в «Областном словаре Колымского русского наречия» В.Г. Богораз представил пять сказок: «На морском берегу, на острове стояла заимка», «Трое живут мушин», «Люди живут люднеро, десять-пятнадцать домов» (здесь «люднеро – их много» [1; с. 77]), «Раз юкагиры жили», «Шел стрелок». Он пишет: «Четыре из приводимых сказок носят более или менее инородческий характер, так как и вообще в сказочном мире нижнеколымского русского населения юкагирские элементы очень заметны, хотя сказочники теперь стали спутывать племена и безразлично заменяют имя юкагиры именем ламуты и чукчи».

Наибольшее количество сказок представлено в сборнике «Фольклор Русского Устья». Здесь приведено 66 текстов разных исполнителей, зафиксированных в разное время. Г.Л. Венедиктов, который вел этот раздел, сосредоточил внимание на собственно русских сказках: «В издание не включаются записанные от русских на русском языке якутские, эвенские, юкагирские сказки». Таким образом, из представленных 66 текстов часть составляют варианты, например: «Боба-королевич» [8; № 9, 55]. Тем не менее, эти сказки также насыщены реалиями и мифами мира, в котором стали жить русские переселенцы.

Сказки в силу их близости к бытовой речи значительно меняют пространственные характеристики. Дело происходит в мире, близком к старожилам Индигирки и Колымы.

Р.П. Матвеева, изучая русские сказки в Бурятии, отмечает: «Своеобразие сибирской сказки существенно проявляется в обилии связанных с местным бытом деталей, ситуаций, диалогов. Земледельческий труд, “ямщина”, лесной промысел, охота, пища, одежда сибиряков, обряды – всё это органично вошло в волшебную сказку» [7; с. 12]. Яркая особенность русских сказок северо-востока Якутии – отражение окружающего мира: сендуха, село, юрты; соседи: чукчи, эвены, юкагиры, якуты.

Почти все исполнители Русского Устья и Походска указывали, что действие сказки происходит здесь, недалеко. Как наиболее употребляемый образ-лексема, юрта – основное место действия, место, куда стремится главный герой. Так, в записях И.А. Худякова в сказке «Ворон» царевич «приехал к городу. Коню связал, в юрту вошел» [2; с. 263]. Указания на поселения мы встречаем и у Марии Татариновой – «глядят: руйты большие» [1; с. 335], и у Марии Вилигиной – «передня руйта стоит черный чум» (здесь «руйта» – юрта) [1; с. 345].

Многие герои заходят в юрту и у сказочника С.П. Киселева-Хуная, у его сына, Е.С. Киселева, у Н.И. Чикачева и у других исполнителей. Молодые на то время исполнители также помещали своих сказочных героев в привычный мир сендухи (тундры), селили в юрты, герои перемещались на нартах, боялись пужанки. Например: «Яхал, яхал, яхал, вдруг видит – стоит юрта» [8; № 3]; «стоит юртушка-землянка» [8; № 4], «повез старик старухину-то девку-то в юрту» [8; № 44], «сабе юртушку» [8; № 47]. Особенно занимательно звучат строки, где «стоит юрточка, на курьих ножках вертится», «юрточка остановилась к лесу задом, ко мне передом» [8; № 5]. При этом В.Г. Богораз в словаре сообщает: «руйта (вместо юрта) – шатер, шалаш. *Чукотска, ламутска руйта*. Но у якутов – юрта» [1; с. 126]. Далее он объясняет слово юрта – «жилая постройка или амбар, из коротких бревен, приставленных друг к другу на четырех столбах. В юртах живут обыкновенно якуты, хотя амбары для предупреждения воровства и

они делают в виде сруб. Русские ставят юрты только на местах летнего промысла и стараются все-таки заменять их балаганами» [1; с. 162].

В записях и словарях М.Ф. Дружининой уже нет различий между руйтой и юртой. Она приводит несколько примеров употребления слова «юрта», например: «юрта рубленая» в значении «изба»; «юрта стоячая» в значении «балаган, переносная ураса»; «юртёнка» в значении «небольшая»; «юрточка» в значении «маленькая»; «юртёшка» в значении «заброшенная» [5; с. 161]. Мария Федоровна также приводит примеры «юртишка», «юртошка», «юртушка», «юртышка», здесь значение слов более всего связано с чувством тоски по дому [5; с. 162].

Несомненно, действие многих сказок происходит здесь, в сендухе (тундре): «Сыграл – по сей сендухе ласно гром пошел» [8; № 13] (здесь «ласно» – словно [4; с. 46]); «зляли отпустили – сендуху ушла» [8; № 15]; «на шендуху поедет» [8; № 41], «и уехал сам в сендугу» [8; № 43].

Вместе с тем действия героев сказок просты и незатейливы: «Видят: человек да кумыс переливат» [8; № 30]. Здесь «сора – еда из молока и сметаны (якут. суорат)» [4; с. 53].

К сожалению, в начале XXI в. сотрудники ИГИ РАН РСЯ(Я) уже не смогли записать сказки ни на Колыме, ни на Индигирке, но была записана песня «Кукша», которая является сюжетообразующей для сказки «Раз юкагиры жили».

Не только русско-якутские влияния прослеживаются в русских сказках. Есть на Колыме очень красивая, но малопонятная песня «Кукша». Записывали ее и в XIX в., и в XX в., и совсем недавно, в 2005 г.; мы записали ее в п. Черский Нижнеколымского района от Паклиной (Дауровой) Евдокии Михайловны, 45 лет:

– Кукша ты, кукша,
Кукша-икроекда.
Не на когти не попасти,
На камен не попасти,
Детушек достати.
Я о чем тебе-ка дам.
Как же с мужем, ты же, я.

[10; с. 95].

Песня поется размеренно, спокойно. Она насчитывает 24 стиха, построена так, как обычно строятся русские песни – это двухчастная композиция, где кукша вначале не выдает девушке предмет, который ей нужен, – «когти». В следующий раз кукша отвечает, что принесет исполнительнице искомые «когти». Здесь, видимо, героиня предстает как мать, которая должна попасть к «детушкам». Видимо, этим певица подчеркивает мысль о том, что нужно попасть к детям в то время, когда муж отсутствует. Однако многое в песне непонятно, особенно в сравнении приведенной записи с той, которую зафиксировал В.Г. Богораз.

М.Ф. Дружинина в пояснениях к главам, толкующим русскую старожильческую лексику в «Словаре русских старожильческих говоров на территории Якутии», приводит часть песни «Кукша», записанной в том же Нижнеколымском районе, где мы зафиксировали эту песню. Из приведенного ею отрывка, записанного ранее в с. Походск, видно, что смысл песни был яснее, происходили перипетии среди птиц – гагары и кукши. Так, М.Ф. Дружинина пишет: «КУКША, – и, ж. Лесная птица с хохлаткой на голове, с серыми крыльями. – Ай, кукша ты, кукша, дай ты мне когти На камень попасти, гагалью достати (из песни) (Н.-Кол. Пох.) [4; с. 40]. В другой статье, посвященной гагале, М.Ф. Дружинина считает, что «ГАГАЛЯ, – и, ж. Гагара. – и опять приводит этот от-

рывок,– Ай, кукша, ты, кукша, ты дай мне когти на камень, гагалю достати? (из песни) (Н.- Кол. Пох. Лаб.) [3; с. 3].

В.Г. Богораз объясняет в словаре: «Гагагля (гагагйя) – верхняя одежда из оленьих шкур (женская)» [3; с. 37]. Он относит эту песню «к робачьим (детским – *О.И.Ч.*), которые поются при убаюкивании, или при пестовании детей», — и добавляет, что они «сохранили явный след юкагирского происхождения» [3; с. 12].

Кстати, в «Эвенско-русском словаре» В.А. Роббек и М.Е. Роббек объясняют слово «Гагагли (<коряк.) кухлянка (женская, мехом внутрь)» (шуба) [12; с. 71]. Как видим, слово не только русское, эвенское, но и корякское.

Если в примерах, связанных с песнями, В.Г. Богораз приводит песню о кукше, то далее он также приводит юкагирскую сказку, есть в рамках этой сказки и известная нам песня. Там есть строки: «Она маленькую руйтишечку поставила, одна себе ночевала... <девушка> кочует и поет:

Кабы мне хорошия рэзвины,
Я бы руйту ставила.
Мене муж бы присол
Со мной ночевать!

Мы видим, что данное произведение, рассказанное на русском языке, действительно, юкагирского или корякского происхождения. Сюжет связан с темой поисков жениха, созданием семьи.

Таким образом, можно заключить, что русская песня заимствована из юкагирской сказки, но стала исполняться самостоятельно, при этом лексика двуязычна. Песня приобретает композицию, характерную для русских песен, где в первом куплете обращение девушки к кукше безуспешно, а во втором – кукша приносит требуемое.

В ряд произведений прозаических жанров входят иные слова, меняются образы, заимствуются сюжеты и некоторые жанры у соседей – эвенов, юкагиров, якутов. Все это свидетельствует о том, что их исполнители были билингвами.

Пока еще остается язык – сладкоголосый, емкий, живой, о чем писал, в частности, писатель В.Г. Распутин: «Язык, фольклор и традиция, прежде всего, помогли этим людям выдержать в краю, который давно назван пределом выживаемости» [6; с. 183]. И, как видно, сказки подвергались не только изменениям, влиянию языка, фольклора соседних народов, но и развивались за счет того, что первичные языческие представления русских складывались с теми, которые они усваивали у аборигенных народов и якутов. Лексические заимствования проявились не только в усвоении иной лексики, но и явились маркерами в переосмыслении образов, как случилось с образом ворона в сказке, записанной И.А. Худяковым [2; с. 263-264].

Таким образом, билингвизм сказок отражает духовный мир русских старожилов, их открытость не только к повседневным образам, но и к мифологическому миру соседних этносов. Усваивались и бытовали новые представления о мире, но этот пласт культуры всё еще сохраняется в фольклоре колымчан и индигирцев.

Библиографический список

1. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В.Г. Богораз // Сб. ОРЯС. Спб., 1901. Т. 68. № 4.
2. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова / Изд. подгот. В.Г. Базанов, О.Б. Алексеева. М.; Л. 1964.
3. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск, 2002.

4. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск, 2007а.
5. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск, 2007б.
6. Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь. Иркутск, 2000.
7. Русские волшебные сказки Тункинской долины / Сост., вступ. ст., примеч., указатели Р.П. Матвеевой. Улан-Удэ, 2001.
8. Фольклор Русского Устья / Сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев. Л., 1986.
9. Чарина О.И. Межэтническая коммуникация: билингвизм в фольклорном произведении и среда // Русский язык в современном мире. Материалы Международной научной конференции. Ч.1. Воронеж, 2007. С. 43-47.
10. Чарина О.И. Русско-юкагирская сказка и песня «Кукша» // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 91-100.
11. Чикачев А.Г. Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, 2005.
12. Эвенско-русский словарь / Сост. В.А. Роббек, М.Е. Роббек. Новосибирск, 2005.

References

1. Bogoraz V.G. The regional dictionary of Kolyma Russian dialect / Collected on a place and compiled by V.G. Bogoraz // Sb. ORYaS. SPb., 1901. T. 68. No. 4.
2. Great Russian fairy tales recorded by I.A. Khudyakov/ Prepared by V.G. Bazanov and O.B. Alekseeva. Moscow, Leningrad, 1964.
3. Druzhinina M.F. The dictionary of dialects of Russian old residents in the territory of Yakutia. Yakutsk, 2002.
4. Druzhinina M.F. The dictionary of dialects of Russian old residents in the territory of Yakutia. Yakutsk, 2007a.
5. Druzhinina M.F. The dictionary of dialects of Russian old residents in the territory of Yakutia. Yakutsk, 2007b.
6. Rasputin V.G. Siberia, Siberia. Irkutsk, 2000.
7. Russian magic fairy tales of the Tunkin valley / Compilation, introd. art., notes, indicators by R.P. Matveeva. Ulan-Ude, 2001.
8. Folklore of the Russian Mouth / Comp. by S.N. Azbelev, G.L. Venediktov, N.A. Gabyshev. Leningrad, 1986.
9. Charina O.I. International communication: bilingualism in a folklore piece and society // Russian language in the modern world. Materials of the international scientific conference. Vol.1. Voronezh, 2007. P. 43-47.
10. Charina O.I. Russian and Yukagir fairy tale and song «Kuksha» // Traditional culture. 2013. N. 1. P. 91-100.
11. Chikachev A.G. Dialect dictionary of the Russian Mouth. Novosibirsk, 2005.
12. Even-Russian dictionary / Comp. by V.A. Robbek and M.E. Robbek Novosibirsk, 2005.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации*

*Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

*The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, associate professor*

*Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА
ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ
(на примере концепта «церковь»
в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне»)**

В данной статье рассматривается лексема «церковь», ее происхождение и значения, выделяемые у данной лексемы в современной лексикографии. Проводится исследование концепта «церковь», анализируются когнитивные признаки данного концепта, выявленные нами при рассмотрении произведения И.С. Шмелева, приводятся способы вербализации исследуемого концепта.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, когнитивные признаки, вербализация, И.С. Шмелев.

N.B. Bugakova

**AUTHOR'S INDIVIDUAL CHOICE OF LEXICAL UNITS
FOR VERBALIZATION OF RELIGIOUS CONCEPTS
(illustrated by the concept "church"
in the novel "The Year of the Lord" by I.S. Shmelyov)**

The article considers the lexeme "church", its origin and meanings marked out by modern lexicography. The concept "church" is studied, its cognitive features revealed in the novel by I.S. Shmelyov are analyzed, the ways of its verbalization are described.

Kew words: sphere of concepts, concept, cognitive features, verbalization, I.S. Shmelyov.

Исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных способов проникновения в концептосферу носителей языка с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин). Необходимостью является также моделирование концептов, то есть структурированное описание их содержания, которое осуществляется посредством когнитивной интерпретации результатов анализа языковых средств их объективации.

Изучение и анализ концептов, репрезентированных религиозной лексикой в языке писателя, позволяют внести вклад в решение ряда вопросов когнитивной лингвистики, таких, как индивидуально-авторская картина мира, структурная организация концепта, особенности русской православной концептосферы.

Задачей данного исследования является анализ индивидуально-авторских особенностей способов вербализации концепта *церковь* в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне».

Известно, что концепты – содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике – являются центральным объектом исследования когнитивной лингвистики [2; с. 107].

Представители когнитивной лингвистики считают, что каждый человек имеет определенную систему концептов, благодаря которой носители языка могут воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, которая поступает из окружающего мира [6; с. 224]. Возможность категоризации объектов позволяет объединять их в классы на основании определенных сходств.

Известно, что художественный текст – это сложная структура, в которой выделяются художественные концепты, раскрывающие индивидуально-авторскую картину мира. Художественная концептосфера формируется на основе интеграции когнитивных признаков, представленных в индивидуально-авторских концептосферах писателей или поэтов, что обуславливает специфический характер ее концептов по сравнению с национальной и религиозной концептосферой [1; с. 109]. «Соотношение национальной и художественной концептосфер диалектично, поскольку национальные концепты являются неотъемлемой частью индивидуальной концептосферы, репрезентированной в любом художественном тексте, а когнитивные единицы индивидуально-авторского мировосприятия, в свою очередь, входят в национальную концептосферу, создавая так называемые фоновые знания данного языкового коллектива» [10; с. 92].

Национальные концепты в индивидуально-авторской картине мира, преломляясь в сознании автора, приобретают дополнительные когнитивные признаки, усложняют свою когнитивную структуру и в результате представляют собой многоплановое ментальное образование. Л.О. Бутакова также считает, что индивидуально-авторская картина мира есть «часть общезыковой в той мере, в какой творческое сознание является частью общенародного сознания. Степень совпадения в каждом случае зависит от творческой манеры автора» [5; с. 46].

Религиозные лексемы обладают огромным информационным потенциалом, разнообразными историко-культурными коннотациями, являются хранителями значимой для определенного социума информации. При помощи этих лексем репрезентируются религиозные концепты – сложные ментальные образования, отражающие религиозно-философское мировоззрение определенного этноса и являющиеся компонентом культуры. Содержание и ценностная составляющая таких концептов с течением времени меняется, что приводит к появлению в их структуре «культурного осадка» прошлых эпох, на который наслаиваются новые, современные смыслы и оценки.

В русском языке выделяются следующие значения лексемы *церковь*: 1) здание, в котором проходит богослужение; 2) религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности; 3) место собрания верующих; 4) место единения; 5) дом молитвы; 6) защита от жизненных невзгод; 7) место успокоения [8; с. 1171; 7, с. 916; 4, с. 875].

На наш взгляд, можно выделить следующие когнитивные признаки концепта *церковь*, актуализируемого лексемой *церковь* и ее синонимами в произведении И.С. Шмелева.

• когнитивный признак «здание для богослужения»:

«Горкин берет меня за руку...Он ведет меня в *церковь*, где еще темновато, прикладывает к Плащанице» [11, с. 70].

«Река уж давно прошла, плоты и барки пришли с верховьев, нет такой спешки к Празднику, как всегда, площадки и скалики для *церкви* давно залиты и установлены, народ не гоняют зря, во дворе чисто прибрано, сады зазеленели, погода теплая» [11; с. 74].

«<...> ризы на престоле – великопостные, черное с серебром. Старый дьячок читает пустынно-глухо, как в полусне. <...> Батюшка пришел на середину церкви к аналою, <...> преклонив голову» [11; с. 38].

• когнитивный признак «собрание людей»:

«В церкви – не протолкаться... В спертom горячем воздухе пахнет нынче особенным – свежими яблоками. Они везде, даже на клиросе, присунуты даже на хоругвях. Необыкновенно, весело – будто гости, и церковь – совсем не церковь» [11; с. 73].

• когнитивный признак «место праздника»:

«Это не наша церковь, – пишет автор, – это совсем другое, какой-то священный сад. И пришли не молиться, а на праздник, несем цветы... И там, в алтаре, тоже – совсем другое. Там, в березках, невидимо, смотрит на нас Господь, во Святой Троице, таинственные Три Лица, с посошками. И ничего не страшно. С ними пришли березки, цветы и травки, и все мы, грешные, и сама земля, которая теперь живая, и все мы кладемся Ему, а Он отдыхает под березками» [11; с. 70].

• когнитивный признак «место религиозных собраний»:

«<...> Горкин <...> в новом казакинчике, помазал сапоги дегтем, идет в церковь» [11; с. 67].

• когнитивный признак «место, где происходит обряд освящения»:

«На большом подносе – на нем я могу улечься – темнеют куличи, белеют пасхи. Входят на носках двое, высокие молодцы в поддевках, и бережно выносят обвязанный скатертью поднос <...> Понесли святить в церковь» [11; с. 70].

Для объективации концепта церковь автором используются так же следующие лексемы: *имена собственные, обозначающие название праздника или иконы, в честь которых была построена церковь; имена собственные, обозначающие имя святого, в честь которого была построена церковь; храм; собор.*

Обратимся к примерам:

Имена собственные, обозначающие название праздника или иконы, в честь которых была построена церковь, актуализируют когнитивный признак «здание для богослужения»:

«Перед Казанской толпа, на купол смотрят. У креста качается на веревке черненькое, как галка. Это Ганька, отчаянный. Толкнется ногой – и стукнется. Дух захватывает смотреть» [11; с. 67].

«Благочинный начинает читать Евангелие. Я это учил недавно – о милосердном Самарянине. И думал тогда: вот так бы сделал папашенька и Горкин, если пойдем к Троице и встретим на дороге избитого разбойниками» [11; с. 367].

«...мы входим в залу <...>. Не видно света, <...> в изголовье и по бокам стола высокие подсвечники, как на амвоне у Казанской» [11; с. 367].

Имена собственные, обозначающие название праздника или иконы, в честь которых была построена церковь, актуализируют когнитивный признак «место, где происходит обряд освящения»:

«На Спаса - Преображение все мы принесли отцу по яблочку <...>. Он порадовался на них, откинулся в подушки и задремал. Мы вышли тихо, на цыпочках. И в дверях увидели Горкина: он был в праздничном казакинчике <...> - только что от Казанской, с освященными яблоками <...>» [11; с. 355].

Имена собственные, обозначающие имя святого, в честь которого была построена церковь, актуализируют когнитивный признак «здание для богослужения»:

«Говорят про щиты и звезды, про кубастики, шкалики, про плошки <...> про какие-то «смолянки» и зажигательные нитки.

– Думаю, вот что ... Крест на кумполе кубастиками бы пунцовыми?.. щит на крест крепить Ганьку-маляра пошлешь... Пьяного только не пускай, еще сорвется.

– Нипочем не сорвется, пьяный только и берется... Новые веревки дам. <...> на Христе – Спасителе у самых крестов качали, уберег Господь» [11; с. 65].

«Солнце плывет к закату, снег на реке синее, холоднее.

– Благовестят, к стоянию торопиться надо, – прислушивается Горкин, сдерживая Кривую, – в Кремлю ударили?..

Я слышу благовест, слабый, постный.

– Под горкой, у Константина – Елены. Колоколишко у них старенький... ишь как плачет!

...От Кремля благовест, вперебой, – другие колокола вступают. И с розовой церковки... у Храма Христа-Спасителя, и по реке, подальше, где Малюта Скуратов жил, от Замоскворечья, – благовест: все зовут. Я оглядываюсь на Кремль: золотится Иван Великий, внизу темнее, и глухой – не его ли – колокол томительно позывает – помни!» [11; с. 55].

Имена собственные, обозначающие имя святого, в честь которого была построена церковь, актуализируют когнитивные признаки «здание для богослужения, не поддавшееся разрушению завоевателей», «место собрания верующих». «У Канавы останавливаемся... Потом у Николая-Чудотворца, у каменного моста... Налево, с моста, обставленный лесами, еще бескрестный, – великий храм: купол Христа – Спасителя сумрачно золотится в щели; скоро его раскроют... Все соборы собрались, Святители – Чудотворцы... Спас – на – Бору, Иван великий, Золота решетка... И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет» [11; с. 47].

Храм.

Лексема *храм* не менее часто употребляема в произведении И.С. Шмелева, чем лексема *церковь*. Храм – это «особое, отличное от других строение, здание, посвященное Богу и предназначенное для общественного служения Ему» [3; с. 505].

Лексема *храм* имеет более широкое значение, чем лексема *церковь*. Храм можно встретить и в православных, и в католических странах. Он по размерам гораздо больше церкви и вмещает большее количество верующих. Недаром храмы называют местом, внушающим почтение, благоговение; святылицем.

Лексема *храм* старославянская, древнеболгарская. На восточнославянском она произносилась с полногласием: «хоромъ» (отсюда хоромы) [9; с. 516].

При помощи данной лексемы И.С. Шмелев в своих произведениях актуализирует следующие когнитивные признаки:

- «здание для богослужения», «место собрания верующих»:

«В золотом шлеме исполина, видный на всю Москву, совсюду блистающий сиянием, за многие версты видный, со всех концов, стоит Храм Христа-Спасителя» [11; с. 48].

«В храме как-то особенно пустынно, тихо. Свечи с паникадил убрали, сняли с икон венки и ленты: к Пасхе все будет новое» [11; с. 38].

- «величественное здание»:

«У Канавы останавливаемся... Потом у Николая-Чудотворца, у каменного моста...Налево, с моста, обставленный лесами, еще бескрестный, – великий храм: купол Христа – Спасителя сумрачно золотится в щели; скоро его раскроют... Все соборы собрались, Святители – Чудотворцы... Спас – на – Бору, Иван великий, Золота решетка...И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет» [11; с. 47].

Автором используется лексема *собор*.

Собор – это главный храм города или монастыря, в котором, как правило, находится архиерейская кафедра [3; с. 445].

При помощи данной лексемы актуализируются следующие когнитивные признаки:

- «заметное здание для богослужения, с крестами»:

«Окна розового дворца сияют. Белый собор сияет. Золотые кресты сияют – священным светом» [11; с. 47].

- «здание для богослужения», «место собрания верующих»:

«Это – мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы <...> и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи...» [11; с. 48].

Помимо перечисленных лексем, автор для вербализации концепта церковь использует ФС *Храм Божий*. Оно актуализирует когнитивный признак «религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности»:

«Мы идем от обедни. Горкин важно идет, осторожно: медаль у него на шее, из Синода!.. Третья уже медаль, а две – «за хоругви присланы». Но эта – дороже всех: за доброусердие ко Храму Божию» [11; с. 57].

Итак, в русской национальной концептосфере по материалам словарей выделяются следующие основные когнитивные признаки концепта **церковь**: «здание, в котором проходит богослужение»; «религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности»; «место собрания верующих»; «место единения», «дом молитвы»; «защита от жизненных невзгод»; «место успокоения».

В анализируемом произведении концепт **церковь** актуализирует следующие когнитивные признаки: «здание для богослужения», «собрание людей», «место собрания верующих», «место праздника», «заметное здание для богослужения, с крестами», «здание для богослужения, не поддавшееся разрушению завоевателей», «место, где происходит обряд освящения», «место религиозных собраний», «величественное здание», «религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта **церковь** в языковой картине мира И.С. Шмелева являются следующие: «собрание людей», «место праздника», «заметное здание для богослужения, с крестами», «здание для богослужения, не поддавшееся разрушению завоевателей», «место, где происходит обряд освящения», «место религиозных собраний», «величественное здание». Данные когнитивные признаки представлены лексемами *церковь*, *храм*, *собор*, а также лексемами - именами собственными, обозначающими название праздника или иконы, в честь которых была построена церковь, и лексемами - именами собственными, обозначающими имя святого, в честь которого была построена церковь.

Как видно из примеров, в концептосфере И.С. Шмелева актуализируются те когнитивные признаки концепта **церковь**, которые соответствуют его миропониманию и служат для реализации его художественного замысла. Многие из них создают внешний образ церкви как величественного заметного сооружения.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Актуализация концепта «Великий пост» в языковой картине мира И.С. Шмелева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2012. №8. С. 109.

2. Бугакова Н.Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лексической объективации религиозных концептов в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // На-

учный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2013. №11. С. 107.

3. Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. 527 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 940 с.

5. Подвигина Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И.С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне»). Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. С. 46.

6. Подвигина Н.Б. Специфика языковой картины мира И.С. Шмелева // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2011. С. 224.

7. Современный толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2007. 959 с.

8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта – Принт», 2007. 239 с.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007.

10. Чарыкова О.Н. Национальный культурный концепт в художественной концептосфере // Культура в зеркале языка и литературы. Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н.В. Ушакова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 92.

11. Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана. М.: Дрофа, 2003. 540 с.

References

1. Bugakova N.B. Actualization of the concept “the Great Lent” in I.S. Shmelyov’s language picture of the world // Scientific Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series “Linguistic and cross-cultural communication”. 2012. №8. P. 109.

2. Bugakova N.B. To the question of author’s individual specifics of lexical objectivization of religious concepts in the novel “The Year of the Lord” by I.S. Shmelyov // Scientific Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series “Linguistic and cross-cultural communication”. 2013. №11. P. 107.

3. Minor Orthodox explanatory dictionary / N.S. Movleva. Moscow, 2005. 527 p.

4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 2003. 940 p.

5. Podvigina N.B. Author’s individual originality of I.S. Shmelyov’s language picture of the world (based on religious vocabulary of the novel “The Year of the Lord”). Diss. ... PhD in philology. Voronezh, 2010. P. 46.

6. Podvigina N.B. Specifics of I.S. Shmelyov’s language picture of the world // Modern philology in the context of language and culture interference. Sterlitamak, 2011. P. 224.

7. Modern explanatory dictionary of Russian language / Ed. by S.A. Kuznetsov. St.-Petersburg, 2007. 959 p.

8. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of modern Russian language. Moscow, 2007. 239 p.

9. Fasmer M. Etymological dictionary of modern Russian language: in 4 vol. / Transl. by O.N. Trubachyov. 4th edition. Moscow, 2007.

10. Charykova O.N. National cultural concept in artistic sphere of concepts // Culture in the mirror of language and literature. Tambov State University, 2008. P. 92.

11. Shmelyov I.S. The Year of the Lord. Man from the Restaurant. Moscow, 2003. 540 p.

УДК 808.2 – 3

Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б.Н. Ельцина
доц. кафедры современного русского языка
и прикладной лингвистики
Мухина И.К.
Россия, г. Екатеринбург, тел. (343) 250-75-92;
e-mail: golst@e1.ru

Ural Federal University named after First
President of Russia B.N. Yeltsin
The chair of modern Russian and applied
linguistics, associate professor
Mukhina I.K.
Russia, Yekaterinburg, tel. (343) 250-75-92;
e-mail: golst@e1.ru

И.К. Мухина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА УНИВЕРСАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «РЕСТОРАН»

Исследование выполнено при поддержке РФФИ
(проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении:
структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»),
а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности
(номер соглашения 02.A03.21.0006).

В статье рассматривается национально-культурная специфика основных когнитивных слоев универсального концепта «ресторан» в сознании носителей русского языка, а также приводятся синонимические ряды, соотносящиеся с данным концептом в русской синонимической картине мира.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, концепт, когнитивные признаки.

I.K. Mukhina

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICS OF THE UNIVERSAL CONCEPT "RESTAURANT"

The article is devoted to the detection of national and cultural specifics of the main cognitive layers of the universal concept "restaurant" in the consciousness of native Russian-speakers, and to the description of synonymic ranks which correspond to this concept in Russian synonymic picture of the world.

Key words: national and cultural specifics, concept, cognitive signs.

Понятие *ресторан* универсально для многих лингвокультур. В связи с этим интересным представляется проследить то, какие когнитивные признаки подвергаются русским национальным сознанием осмыслению в первую очередь, и выявить их возможные динамические приращения, связанные с приядерной зоной и зонами ближайшей и дальнейшей периферии данного концепта, то есть с теми когнитивными признаками, которые в совокупности отображают представления о различных существенных для понимания данного концепта аспектах конкретизации именуемого им явления общественной жизни. Ментальная сущность концепта моделировалась по определенной схеме, предложенной Л.Г. Бабенко [1]. С целью выявления национально-культурной специфики отображения понятия «ресторан» в сознании русского человека рассмотрим когнитивные признаки данного концепта.

Можно констатировать определенную динамику когнитивных признаков концепта «ресторан» в русском национальном сознании: раньше под рестораном понимали только дорогое заведение общественного питания с высоким уровнем обслуживания (с роскошным и изысканным дизайном интерьера, большим ассортиментом оригинальных и фирменных блюд, эксклюзивной винной картой): *ресторан, устар. кухмистерская, устар.*

ресторация, разг. кабак, разг.-сниж. рестик. Причем такой ресторан был обязательным атрибутом именно западной жизни: *Сюда, где гулом постоянным / насыщен вдоволь бедный зал, / из интуристских ресторанов / я убежденно убежал* (Я. Смеляков).

Сейчас ресторан – это предприятие общественного питания с высоким уровнем обслуживания, которое работает преимущественно в вечернее и ночное время, в котором можно заказать дорогие блюда, закуски, напитки; также помещение такого предприятия. В ресторан ходят отдохнуть, вкусно поесть, выпить хорошие напитки, провести свободное время. В ресторане отмечают свадьбы, юбилеи и другие значимые мероприятия и праздники. В России существует традиция кормить и поить родственников, друзей, знакомых, коллег в ресторане, беря расходы на себя (*угощать/угостить кого*).

Если говорить о культурно-исторической специфике понятия «ресторан», нашедшей отражение в языковой картине мира русского языка, можно отметить, что в старину были распространены *трактиры* (в России) и *таверны* (в Западной Европе), которые представляли собой дешевые рестораны низшего разряда с продажей вина, закусок для широкой публики и были ориентированы на путешественников. В России в *ресторациях* официант (*человек*) обычно работал во фраке и белых перчатках.

До 1917 г. в России в ресторанах (например, в московском ресторане «Яр») выступали цыгане. В дореволюционной России рестораны были местом гулянок, веселья (*И легкие сани / Приносят гусар. / В ночном ресторане / Под ропот гитар. / Цыганка забьется / В падучей грудной, / Шампанское льется / Прохладной рекой* (А. Ладинский). Кутеж в ресторанах офицеров, чаще – гусар описан в фольклоре (например, в анекдотах о поручике Ржевском) и в художественной литературе.

В современной России с развитием сферы обслуживания и общественного питания, а также появлением множества новых видов учреждений, подобных ресторану, наблюдается расширение представления о том, что является рестораном. По ассортименту рестораны специализируются как рыбные, пивные (*пивбар, паб*), рестораны с национальной кухней (японские, китайские, итальянские, русские и т. п. рестораны), рестораны, специализирующиеся на приготовлении определенных блюд (*пиццерия, шашлычная, чебуречная*) или по способам приготовления пищи (*гриль-бар, грильетта*). Поэтому сейчас *кафе, пабы, бары* также связываются в сознании со статусом ресторана.

В связи с вышесказанным в состав совмещенных лексических репрезентаций концепта «ресторан», которые отображают когнитивные признаки, сопряженные с другими ментальными сущностями, входят другие наименования видов предприятий общественного питания, существующих в современной России. Так, в настоящее время часто трудно разграничить ресторан и небольшое предприятие общественного питания, где подаются закуски, кофе, чай и другие напитки (*кафе, кофейня, кофейная, кафетерий, разг. кафешка, разг. кофик, разг.-сниж. кафеюшка, разг.-сниж. кафушка*).

В современной России рестораны часто называют устаревшими специализированными именами, такими как «ресторация», «трактир» и др. В дореволюционное время это были небольшие дешевые заведения, где продавали и распивали спиртные напитки. Сейчас к недорогим ресторанам могут относиться небольшие дешевые заведения, где продают и распивают спиртные напитки и где обычно собираются большие компании выпивающих (*кабак, таверна, трактир, харчевня, погребок*). Посетители такого заведения пьют и едят у стойки (за высоким прилавком для продажи закусок, напитков) или за столиками.

В связи с этим к зоне совмещенных лексических репрезентаций данного концепта относятся следующие синонимические ряды: небольшое дешевое заведение, где продают и распивают спиртные напитки: *разг. кабак, бар, рюмочная, корчма, таверна, трактир, шинок, разг. подвальчик, устар. кружало, устар. харчевня, разг. распивочная,*

разг.-сниж. погребок, разг.-сниж., груб. шалман; а также недорогое торговое заведение с продажей пива в розлив и для распития на месте: *пивная, паб, устар. полпивная, разг. пивбар, разг.-сниж. пивник, разг.-сниж. пивнуха, разг.-сниж., пренебр. пивнушка, разг.-сниж. пивняк*. Такая семантическая сопряженность в сознании русского человека ресторана и кабака или пивной находит отражение и в художественной литературе: *Завелась у милого привычка / Заходить в пивную-ресторан* (Е. Кропивницкий).

Интересно, что в сознании русских ресторан, устроенный на барже или построенный на сваях у берега, ассоциируется с плавающим на воде *поплавком*.

Как правило, в ресторанах работают музыканты, за плату играющие те или иные мелодии – танцевальные мелодии, песни, шансон и сентиментальные музыкальные произведения, хотя может исполняться и джаз. В ресторане (*кабаре, шантане, кафешантане*) может быть невысокая эстрада для выступления артистов (*шансонье, шансонетка*).

В России, как и в других странах, ресторан может располагаться на территории казино, клуба, гостиницы, базы отдыха и т. п. Ресторан может входить в комплекс предприятий общественного питания, включающий в себя также кафе (в том числе, *веранду, летнее кафе*), закусочную, магазин кулинарии и т. п. При ресторане может находиться специальный зал или специально отведенное место для танцев (*дансинг*).

Существуют рестораны выездного обслуживания (*кейтеринг*) различных мероприятий (*банкетов, фуршетов, встреч, других деловых мероприятий*) обычно с большим числом гостей не в специальном помещении, а в любом месте (как правило, на открытом пространстве, в административных зданиях и т.п.).

Официант в ресторане может получить от посетителей *чаевые* – деньги, добровольно выдаваемые сверх платы по счету.

В современной России существует новая профессия *ресторанного критика* – это специалист в области кулинарии и ресторанного бизнеса, занимающийся профессиональным рецензированием заведений общественного питания, как правило, являющийся журналистом – сотрудником какого-либо периодического печатного (газета, журнал) или интернет-издания, публикующего отзывы о ресторанах, барах и кафе. Сборник рецензий о ресторанах может выпускаться отдельным изданием в виде *ресторанного гида*, путеводителя по ресторанам. На телевидении постоянно проводятся *кулинарные шоу*, в которых принимают участие известные в кулинарном бизнесе повара и кулинары.

Итак, в настоящее время рестораны могут быть дорогими, элитными, общедоступными и недорогими, обычно предлагающими блюда быстрого приготовления, поэтому сейчас в России предприятия быстрого обслуживания (*рестораны быстрого питания, фаст-фуд*), как правило, с системой самообслуживания, особенно популярные среди молодежи и детей, предлагающие стандартный выбор блюд (обычно это гамбургеры, жареный картофель фри, хот-доги, сэндвичи, пицца, шаурма, блины и т.п.), имеющих относительно низкую цену, – также называют ресторанами. Крупнейшей и самой известной в мире сетью ресторанов быстрого питания являются рестораны американской корпорации «Макдоналдс», которые воспринимаются как символ американского образа жизни.

Дальнейшую периферию концепта «ресторан» составляют когнитивные признаки, выражающие представления о субъективно-модальных и оценочных смыслах [1; с. 16]. Для русских ресторан – это место увеселения и развлечения (*Людей повидать, в кабаках побывать*). Ресторан является символом легкой и беззаботной жизни богачей (*В ярких залах ресторанов / Вплоть до самого утра / Слышен легкий звон стаканов, / Звучи песен, струн игра* (А. Тиняков).

Завсегдагай, постоянный клиент ресторана – обычно обеспеченный человек (*Настоящий мужчина / Деньги имеет. / Тратит не жалеет. / Водит в ресторан. / Угощает* (Е. Кропивницкий). Ритуал ухаживания мужчины за понравившейся ему женщиной

обычно включает совместное посещение ресторана (*Он водит ее в рестораны / и на футбольные матчи* (Я. Смеляков).

В ресторан принято приходить в нарядной одежде, во время еды нужно уметь пользоваться столовыми приборами, необходимо знать названия и состав заказываемых блюд, поэтому не все в ресторане чувствуют себя уютно и свободно (*Сюда, где гулом постоянным / насыщен вдоволь бедный зал, / из интуристских ресторанов / я убежденно убежал. / Там все приборы да проборы, / манишек блеск и скатертей – / все это мне никак не впору, / не по симпатии моей* (Д. Самойлов). Подобная ситуация посещения дорогого ресторана героиней, прибывшей из провинции, изображена в комедии «Приходите завтра...» (реж. Е. Ташков).

Посетители ресторана пользуются определенными привилегиями: работники ресторана должны быть по отношению к ним вежливыми и предупредительными (*клиент всегда прав*). Подобное поведение официантов оценивается посетителями ресторана положительно.

Ресторан (чаще недорогой) является местом, где проводят все свое время любители выпить (*Озорника ищи в тюрьме, а пьяницу в кабаке; Табачник к табаку, а пьяница к кабаку; По вечерам над ресторанами / Горячий воздух дик и глух, / И правит окриками пьяными / Весенний и тлетворный дух* (А. Блок). Ресторан притягивает пьяниц и транжир (*Шел в церковь, а попал в кабак; Я пригвожден к трактирной стойке, / Я пьян давно. Мне все – равно. / Вон счастье мое – на тройке / В серебристый дым унесено...* (А. Блок).

В русском национальном сознании закреплено представление о том, что неумеренное употребление спиртных напитков в дешевых ресторанах, кабаках может привести к разорению (*Запьем, так избу запрем; а что в избе, в кабак снесем; Кабак – яма, стой прямо!; Кабак деньгами, как бездонную кадку, не наполнишь*). От посещения таких заведений нужно воздерживаться (*Кабак на охотника: кто хочет – бредет (завернет), а кто не хочет – мимо идет*) или знать меру при употреблении спиртных напитков (*Кабак не беда, да выходя не вались*).

Общепризнанно, что изменения, которые произошли в русском обществе за последние двадцать пять лет, являются революционными. В первую очередь это перемены в общественной психологии, в умах и духовном мире современных россиян, в их системе ценностей. Исследование выявило, что ценностные сдвиги могут «неочевидно» отражаться не только в изменении коннотаций лексем, их контекстной сочетаемости, частотности употребления (то есть касаться дальнейшей периферии концепта), но и в возникновении нового смыслового наполнения их семантики (а значит, затрагивать и его приядерную зону и зону ближайшей периферии).

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 3-20.

References

1. Babenko L. G. Preface // Concept sphere of Russian language: key concepts and their representations (on material of lexics, phraseology and a paremiology): the prospectus of the dictionary / Under the general edition of professor L.G. Babenko. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2010. P. 3-20.

УДК 811.161.1 + 82:81

Воронежский государственный педагогический университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Арзямова О. В.
Россия, Воронеж, тел. 89601394477
e-mail: arzyamovuy@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
The chair of Russian language, modern Russian and foreign literature
PhD, associate professor
Arzyamova O. V.
Russia, Voronezh, tel. 89601394477
e-mail: arzyamovuy@yandex.ru

О.В. Арзямова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ КАРИНЭ АРУТЮНОВОЙ

Статья посвящена анализу этнокультурной ментальности, которая вербально репрезентируется взаимодействием различных концептов – социально-культурных, исторических, политических и индивидуально-эстетических. Исследование выполнено на материале художественной прозы Каринэ Арутюновой.

Ключевые слова: текст, национальная идентичность, этнокультурная ментальность, национально-культурное своеобразие, концепт, когнитивные слои.

O.V. Arzyamova

CONCEPTUAL EMBODIMENT OF ETHNO-CULTURAL MENTALITY IN PROSE BY KARINE ARUTYUNOVA

The article is devoted to the analysis of ethnical and cultural mentality, which is verbally represented with the interaction of various concepts such as social and cultural, historical, individual and aesthetic ones. The study is based on fiction by Karine Arutyunova.

Key words: text, national identity, ethno-cultural mentality, national-cultural identity, concept, cognitive layers.

Каринэ Арутюнова – замечательная писательница и художница в одном лице. Являясь личностью полиэтнической: еврейка по матери и армянка по отцу, она пишет «русскоязычную прозу». Каринэ Арутюнова родилась в 1963 году в Советском Союзе, её детство «семидесятых» годов прошлого века прошло на киевском Подоле, в 1994 году она эмигрировала в Израиль, а с 2008 года живет и в Тель-Авиве, и в Киеве.

В творчестве Каринэ Арутюновой образы разных национальных культур – русской, еврейской и армянской, – причудливым образом соединяясь, формируют то художественное пространство, которое принято называть «полинациональным», а также «мультикультурным». В этом поле многоязычного пространства происходит своеобразный «обмен» сходных и полярных взглядов и представлений, осуществляется разноязыкий диалог культурных традиций и ценностей.

Каринэ Арутюнова создаёт в своих рассказах сложную концептуальную гибридную структуру, в которой подвергаются синтезу как «свои», так и «чужие» для русского языка культурные знаки и коды, способы мировидения, психологические особенности и характеристики, черты личной и личностной идентичности.

Н.Ю. Русова, разрабатывая так называемую «концептуальную модель художест-

венного текста», предлагает объединить и синтезировать в ней сущностные особенности трех моделей – семиотической, когнитивной и культурологической. Среди разновидностей концептов, обладающих экзистенциональной значимостью как для отдельной личности, так и для народа в целом, исследовательница особо выделяет концепты национальные (этнокультурные) [6; с. 20].

На наш взгляд, в художественном тексте этнокультурная ментальность автора находит своё воплощение посредством взаимодействия различных концептов – социально-культурных, бытовых, исторических, политических, эстетического и других. Рассмотрим, какие именно концепты репрезентируют художественную этнокультурную ментальность Каринэ Арутюновой.

Во-первых, это концепты, воспроизводящие социально-культурную и бытовую атмосферу советского прошлого. Например, с помощью концептов «семья», «дом», «соседи», «двор» автор передаёт воспоминания о детстве семидесятых годов двадцатого века, которое в основном прошло на улицах киевского Подола. С точки зрения отражения этнокультурной ментальности автор особое внимание уделяет вопросу национальной принадлежности. Например, дворовое пространство заполняется разговорами местных старушек, которые, обсуждая всех соседей, не забывают упомянуть и об их национальности:

«Если бог создал рай, то он населил его старушками, восседающими на лавочках у первого, второго и третьего подъезда. Эти старушки, кивающие головами в разноцветных платках, знают обо мне все, – что я "бабыхелина" внучка, что я уже "совсем выросла", что вчера у нас были гости, что родители у меня не такие как все, что "они армяне", что они, страшно сказать, "евреи", – не слушай их, – сжимаю мою руку, баба Хеля подымается по ступенькам, – ну, армяне, это так же непонятно, как индейцы, – я распускаю косы и издаю победный клич, – хей-о!!!! – недавно меня водили на "Винитувождьапачей", после чего я решила, что интересней всего быть индейцем, индейкой, то есть» [2; с. 132-133].

Образ девочки из советского прошлого рождается на фоне яркого городского пейзажа, в котором прослеживаются «этнокультурные знаки» социума: его традиции, быт, обряды (*потому что за одним столом собирается вся наша огромная семья, да что там семья, все соседи, и соседи соседей, и их дети, и друзья детей*) и праздники (*еврейская пасха или русская*):

«Весна в нашем городке – это сладкие перья зеленого лука и яркие пучки редиса в капроновых авоськах, это медленно проплывающие облака яблоневого цвета и гроздь цветущих каштанов под окном, это предвкушение нескончаемых праздничных дней, от пасхальных до Первомайских, это радостное томление и пробуждение, и накрытые столы под старой акацией во дворе, и этот наиважнейший вопрос – что же раньше, еврейская пасха или русская? На еврейскую пасху всегда холодно, – говорит бабушка важно и прикрывает форточку, – хотела бы я знать, кто ей это сказал, – на еврейскую пасху всегда холодно и весело, потому что за одним столом собирается вся наша огромная семья, да что там семья, все соседи, и соседи соседей, и их дети, и друзья детей...» [3].

В этом социально-культурном слое особую значимость приобретает так называемое «инокультурное слово» или фраза, выступающая как точка соединения «своего» и «чужого» языка:

«Я там жила и ходила в русский «садик», – по выложенной бетонными плитами дорожке через два палисадника, – дорогу я знала хорошо, и сад любила, и любила, когда всех рассаживали полукругом и читали сказку на украинском, – как правило, одну и ту же, – про Ивасика-Телесика, – мы знали ее наизусть и, раскачиваясь на стульчиках, с упоением вторили: «Телесику, Телесику! Приплинь, приплинь до бережка! Дам я тобі їсти й пити!» – в общем, других украинских сказок нам не читали, но я была хитрая, у меня была своя книжка со сказками, – у меня их много было, и армянских, и русских, и украинских, и читала я их с одинаковым воодушевлением, и потому часто заменяла

воспитательницу, Тамару Адамовну, жгучую брюнетку, отмеченную тяжеловатой страстной красотой...» [1].

Имена собственные, обогащаясь национальным колоритом, приобретают знаковый характер (*еврейская бабушка Роза – армянская бабушка Тамара – грозная старуха Ивановна с первого этажа*):

«Мин, ерку, ерек, – царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, – кто ты будешь такой? В то далекое лето я не задавалась этим вопросом. У меня было армянское имя, веселая еврейская бабушка Роза, которая шлепала по рукам и рассказывала забавные истории про погром и эвакуацию, армянская бабушка Тамара, которой тоже, несомненно, было что рассказать, а еще грозная старуха Ивановна с первого этажа. Через какой-нибудь месяц я сломаю руку и впервые переступлю порог школы, и вот тут-то узнаю о себе все. Всю мою ужасную подноготную про маму, папу, бабушку и бабушку» [3].

Во-вторых, это концепты, отражающие исторический слой, который репрезентирует глобальные политические проблемы этноса. Здесь можно выделить такие центральные концепты, как «историческая память», «судьба нации», «культурная среда», «судьба личности» и др. Все данные концепты объединяет понятие «историческое сознание», о котором Л.А. Трубина пишет: «...всеобъемлющий характер исторического сознания определяется тем, что это сам принцип видения и оценки мира, где на первом месте – движение времени и человек в потоке времени... <...> ...Являясь составной частью авторского видения эпохи, историческое сознание определяет подходы к изображению действительности, формирует «художественную версию» истории. ...» [6; с. 10].

Стихотворение в прозе «Условия игры. Инструкция» звучит как обращение ко всему этносу, так как в нем ярко представлена агитация и призыв к конкретным действиям. Вопрос сохранения нации разрастается до уровня исторической трагедии, особенно когда речь идет о физическом уничтожении еврейского народа, вынужденного пережить Холокост. В этом случае концепты «историческая память» и «историческое сознание» формируются на основании образов «своих» и «чужих», передаются на фоне судьбы нации и выступают как воплощение исторического и социально-политического конфликта:

Пусть будет дом, и сад, и достаток, и дети ходят в чистом, пусть выучатся – ничего не бойтесь, мы это проходили, – у дома посадите дерево – пусть это будет яблоня, пусть цветёт и даёт плоды – всё равно придут и срубят под корень, и пристрелят вашу собаку, даже старую и глухую, пристрелят или перережут горло – всё равно, пусть будет дом, яблоневоый сад – и старая собака, и много детей, пусть рояль и книги, картины и ковры – нас предупреждали, но мы не верили: всегда находился свой и чужой, кто-то протягивал руку, а кто-то первым входил в опустевший дом и выносил – книги, картины, посуду, ковры – всё, что оставалось после, – так было, есть и будет, жизнь прекрасна, но кто говорит о вечности: всегда найдётся тот, кто укажет путь убийце, кто захлопнет окно, когда вас будут убивать, сегодня вы сосед, завтра – жертва, сегодня вы – яблоня, завтра – её плод, – ничего не бойтесь: нас вырезали, душили, травили – мы прятались, мы учились прятаться и убежать, мы учились выживать, – пока наши дети учат ноты и разминают пальцы, эти тоже – разминают, они наблюдают – нет, не издали, они всегда рядом, мы знаем их в лицо, иногда сидим за одним столом, а дети наши играют в одни и те же игры, – так было, есть и будет» [3].

В цикле рассказов «Желтое на черном» Каринэ Арутюнова, раскрывая содержание концепта «национальная память», обращается к трагическим судьбам евреев, вынужденных существовать в Варшавском гетто. Репрезентация печальных исторических событий представляется через призму индивидуальной этнокультурной памяти:

«...наш дом остался где-то там, в другой жизни, а в этой – есть эта маленькая комната и осунувшиеся лица родителей, и позорное чувство голода, и чужие, абсолютно чужие люди вокруг – даже не родственники, и спертый воздух уборной, и эта

ночная улыбка моей – смешно сказать – тети Шпринцы, и терпкий запах ее духов, и желтая звезда на маленьком черном платье») [4].

В рассказе «Волчок» центральным становится образ ханукального волчка, который, как отмечает Нохум-Зеэв Рапопорт, в иудаизме символизирует четыре составляющие еврейского народа: 1) физическое существование; 2) «душу», которой является Иерусалимский Храм и жертвоприношения в нем: служение в Храме обеспечивало питанием души и тела людей, приносило изобилие в Страну Израиля, стимулировало духовный рост его обитателей, жертвоприношения очищали души людей от грехов, мешающих достойному существованию; 3) «мозг и интеллект» народа – Тору; 4) совокупность всех этих составляющих, которая и образует еврейский народ как органическое целое [5].

Волчок – это символ времени, с помощью которого автор воспроизводит с одной стороны, быт и традиции еврейского народа, а с другой – массовое уничтожение в лагерях смерти:

«<...>...запусти волчок, пусть будет буква “тав” – тава, желание, жажда, тебе будет шестнадцать, мне – немногим больше, в переполненном вагоне у тебя начнутся месячные – как я узнаю об этом? – красным ты напишешь «дам» на оконном стекле – впрочем, до окна не добраться, да и стекло давно выбито ветром, а дыра вкривь заколочена досками, – со стиснутыми коленками, в холодном поту ты доедешь до конечной станции, за которой только поля и глубокие рвы, – старухи обступят тебя, дыша тиной и пылью, – я назову тебя невестой, и ты войдешь в миквэ – в первый раз, – произнесешь благословение, но до того ты распустишь волосы, снимешь заколки и маленькие колечки, – ты примешь горячую ванну, а после окунешься с головой – «барух ата адонай элогейну, мелех гаолам...», ты будешь озираться, пытаясь отыскать меня в толпе, – запусти волчок, Шейнделе – звук льющейся воды успокоит тебя: вокруг много чужих, но и родных тоже – женищины, свекрови, золовки и дети, – где-то лают собаки, а цементный пол обжигает ступни, – запусти волчок, милая, и не плачь по косам – я буду любить тебя и такой, ты родишь мне сына, а потом дочь, мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день – такой, как сегодня, – не бойся, родная, я близко, я не успею прочесть кадиш по своему отцу, я никогда не стану господином с тросточкой и косматыми бровями – рот мой забит глиной и песком, – потерпи чуть-чуть, милая: как птица чувствует приближение дождя, так орёл парит над жертвой, – сейчас будет буква “нун”, что означает – нецах [4].

Третий тип этнокультурных концептов условно может быть определен как индивидуально-эстетический. В его когнитивном слое традиционные символы обогащаются индивидуально-авторским коннотациями, которые наделяют размышления автора этнокультурным своеобразием. С этой целью используется метафоризация как один из ведущих приёмов, который позволяет передать творческое, оригинальное мышление автора – своеобразный «мир в тайне слов». Например, известно, что на Востоке персик – это символ юности и бессмертия. В рассказе Каринэ Арутюновой «Вкус персика» этот образ также символизирует любовь, страсть и потаённую мечту:

«Вкус персика – это желание, которое никогда не исполнится.

Плодов не должно быть много, – только один или два. Влюбленный разминет его чуткими пальцами и поднесет к твоим губам. Вдохни его, осязай, пробуй. Вкус его сладок, точно поцелуй, а аромат сводит с ума.

Пробуй его осторожно, – съеденный второпях, он забывается быстро. Нет ничего ужасней, чем груды персиков. Съеденных в одиночестве» [2].

Индивидуально-эстетические концепты позволяют передать авторские коннотации даже в минимальном объеме текста. Вот, например, крошечный рассказ «Ожидание», в котором посредством ряда номинативных предложений и риторической конструкции передается восприятие окружающего мира:

«Ожидание. Ждать книги. Ребенка. Любви. Вдохновения. Вестей. А что, если продолжительность жизни измерять количеством ожиданий?» [2; с. 253].

Следует также отметить, что рассказы Каринэ Арутюновой избилуют гетерогенными культурными образами. Так, повествуя о своей жизни на Земле Обетованной, автор использует приём соединения образов-этнонимов (гефилте фиш, маца, фалафель, сальса, деруны, кусбара, плов, цимес), которые рождаются на фоне разнородного, не смежного и противоположного, «своего» и «чужого»:

«Гефилте фиш и салат оливье, Новый год и Рош-а-шана, международный женский день и марокканская Мимуна, маца и сдоба, перченые шарики фалафеля и морковный цимес, фрейлахс, сальса и тяжелый рок, синеватые деруны и пряная кусбара, кофе по-турецки, узбекский плов и кисло-сладкое жаркое – все это чудесным образом уживалось в съемных апартаментах на Цалах Шалом, 66... [3].

Таким образом, в своём творчестве Каринэ Арутюнова старается сохранить черты национальной самобытности, бережно, проникновенно и выразительно воссоздавая концептуальные черты этнокультурной ментальности.

Библиографический список

1. Арутюнова Каринэ. Любовь к чернозему. [Интернет-ресурс]. URL: <http://sho.kiev.ua/article-sho/134466>
2. Арутюнова Каринэ. Скажи красный. М.: Астрель-СПб, 2012. 408 с.
3. Арутюнова Каринэ. Пепел красной коровы. [Интернет-ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/246359/read>
4. Арутюнова Каринэ. Желтое на черном. [Интернет-ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zz/2009/18/ar6.html>
5. Рапопорт Н.-З. Тайна ханукального волчка. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/200/rapoport.htm>
6. Русова Н.Ю. Дидактические возможности концептуального моделирования художественного текста // Текст в художественной литературе, публицистике, журналистике: Материалы XIX Шешуковских чтений / Под ред. Л.А. Трубиной. М.: МПГУ, 2014. С. 20-26.
7. Трубина Л.А. О некоторых аспектах обновления методологии исследования текста // Текст в художественной литературе, публицистике, журналистике: Материалы XIX Шешуковских чтений / Под ред. Л. А. Трубиной. М.: МПГУ, 2014. С. 8-11.

References

1. Arutyunova Karine. Love to the black soil. URL: <http://sho.kiev.ua/article-sho/134466>
2. Arutyunova Karine Tell red. M.: Astrel-SPb, 2012. 408 p.
3. Arutyunova Karine Ashes of the red cow URL: <http://coollib.com/b/246359/read>
4. Arutyunova Karine Yellow on black. URL: <http://magazines.russ.ru/zz/2009/18/ar6.html>
5. Rapoport N-Z. The Secret of Chanukah dreidel. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/200/rapoport.htm>
6. Rusova N.Y. Didactic possibilities of conceptual modeling of literary text // Text in literature, publicism, journalism: proceedings of the XIX Sheshukova readings / Ed. by P.A. Trubina. Moscow State Pedagogical University, 2014. P. 20-26.
7. Trubina L. A. On some aspects of the update of the research methodology text // Text in literature, publicism, journalism: proceedings of the XIX Sheshukova readings / Ed. by P.A. Trubina. Moscow State Pedagogical University, 2014. P. 8-11.

УДК 372.016

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) ст. преп. кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, канд. филол. наук

Садовская Е.Ю.

Россия, г. Воронеж, тел. 8 920 419 58 55, e-mail: sadovsk@list.ru

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) преп. кафедры русского языка, канд. филол. наук

Власова Н.А.

Россия, г. Воронеж, тел. 8 905 049 04 04, e-mail: nad.vlasova@mail.ru

Military Air Academy named after professor N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin The chair of humanitarian, social and economic disciplines, PhD, senior lecturer

Sadovskaya E.Y.

Russia, Voronezh, tel. 8 920 419 58 55, e-mail: sadovsk@list.ru

Military Air Academy named after professor N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin The chair of Russian language PhD, lecturer

Vlasova N.A.

Russia, Voronezh, tel. 8 905 049 04 04, e-mail: nad.vlasova@mail.ru

Е.Ю. Садовская, Н.А. Власова

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК СРЕДСТВО ИНКУЛЬТУРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Статья посвящена анализу культурных универсалий как средству адаптации иностранных военнослужащих к обучению в российском военном вузе, способу освоения русского языка и основ русской культуры.

Ключевые слова: культурные универсалии, инкультурация, русская культура, воинская культура.

E.Y. Sadovskaya, N.A. Vlasova

CULTURE UNIVERSALS AS THE WAY OF FOREIGN MILITARY MEN'S ENCULTURATION

The article is devoted to the analysis of culture universals as the way of adaptation of foreign military men to the educational process in a Russian military university and the means of learning Russian language and basics of Russian culture.

Key words: culture universals, enculturation, Russian culture, military culture.

Под инкультурацией понимается постепенное вовлечение человека в культуру, освоение присущих ей традиций, норм поведения и, конечно, языка.

Процесс инкультурации фактически начинается с момента рождения, точнее, с приобретения ребенком первых навыков поведения и освоения речи, и продолжается всю жизнь. В ходе этого процесса человек осваивает различные типы общения с другими людьми, овладевает формами контроля за собственным поведением и эмоциями, вырабатывает способы удовлетворения потребностей, выстраивает оценочное отношение к различным явлениям окружающего мира. Конечным результатом процесса инкультурации является культурная компетентность человека в языке, ценностях, традициях, обычаях своего культурного окружения.

Это так называемая первичная инкультурация. Поскольку мы говорим об иностранных военнослужащих, получающих высшее профессиональное образование в России, речь пойдет о вторичной инкультурации. В процессе вторичной инкультурации взрослый человек осваивает новые знания, навыки, в том числе и профессиональные,

что невозможно без изучения иностранного языка, который аккумулирует культурную информацию, помогает социализироваться. Иными словами, культурная база способствует получению качественного профессионального образования и, что немаловажно, приобщению к культуре другого народа.

Инкультурация невозможна без соответствующего социокультурного окружения. В военном вузе процесс инкультурации двунаправлен: освоение общекультурных норм сопровождается получением военно-профессиональных навыков.

Механизм передачи социокультурной информации в современных исследованиях обозначается понятием «культурная трансмиссия» [1]. В случае профессионального образования происходит непрямая трансмиссия, когда иностранные обучающиеся получают культурную информацию в специализированных культурных институтах, в вузах, в том числе военных.

Процесс приобщения к культуре сложен, он требует времени, погружения в культурную среду, изучения языка. Поскольку национальные культуры разнообразны и существенно отличаются друг от друга, освоение незнакомой культуры сопровождается значительными трудностями. Преодолению социально-культурных, ментальных и языковых барьеров способствуют культурные универсалии, сближающие различные культуры, упрощающие инкультурацию иностранных военнослужащих.

Культурные универсалии - это такие нормы, правила, ценности, традиции и свойства, которые присущи всем культурам, независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества [1].

Культурные универсалии возникают потому, что все люди сталкиваются с одинаковыми, несмотря на несхожесть культур, проблемами. Они должны обеспечивать себе средства к существованию, готовить детей к жизни в обществе, справляться с невзгодами, иметь дело с людьми, отклоняющимися от нормы, устраивать свою семейную жизнь и так далее. Следовательно, культура - это совокупность поведенческих стереотипов в стандартных ситуациях, обусловленных закономерностями человеческого существования.

Проблемой универсалий культуры занимались многие исследователи. Так, Д.П. Мердок и его коллеги разработали классификацию компонентов культуры, имеющих универсальное применение. Всего в ней содержится 88 общих поведенческих категорий, присутствующих во всех культурах, в том числе «поиск пропитания», «одежда», «место обитания», «имущество», «поездки и перевозки», «изобразительное искусство», «социальная стратификация», «родственные связи», «политическое поведение», «вероисповедание», «детство», «смерть» [2; с. 136]. Перечисленные и другие основные универсалии подразделяются на дополнительные. Например, «похоронные обряды» всегда включают в себя выражение скорби, средства для погребения и ритуалы для определения отношений между умершими и живыми.

При сходстве универсалий (наличие общих черт и компонентов), их конкретное культурное содержание может быть различно. Следует подчеркнуть, что в универсальных компонентах никогда не указываются конкретные детали реального поведения. Универсалии относятся к широким, всеобъемлющим категориям, а не к содержанию культуры. Например, семейные формы жизни можно найти во всех культурах, но некоторые общества предпочитают моногамию (один супруг), другие полиандрию (несколько мужей), а третьи полигинию (многоженство). Поэтому принято считать, что действительные всеобщие черты (общий знаменатель культур) - это не идентичность содержания, а сходство классификации.

К числу культурных универсалий можно отнести и феномен языка. Несмотря на большое разнообразие, человеческие языки имеют много важных общих свойств. Во всех языках присутствуют гласные и согласные звуки. Каждый язык имеет способ обсудить случившееся в прошлом событие, сформулировать отрицание, задать вопрос, попросить, дать команду, выразить эмоции и т.д. Во всех языках встречаются схожие категории (существительные, глаголы, наречия и прилагательные), имеются притяжательное местоимение и родительный падеж. Носители всех языков могут обсуждать не только события, людей, качества, вещи и действия, но также и такие

экзистенциальные состояния, как ревность, страх, ненависть, любовь, восторг, восхищение и пр. Эти и другие категории подтверждают, что в основе существования языков - универсальные мыслительные операции.

Поэтому язык как одна из культурных универсалий и как средство вторичной инкультурации является определяющим фактором профессионального образования, в том числе и военного. В высших военных учебных заведениях иностранные военнослужащие, изучая русский язык, осваивая основы российской культуры, адаптируются и к особенностям воинской культуры, которая, как и любая культура, основана на культурных универсалиях.

В подавляющем большинстве воинских культур схожи элементы воинского этикета (воинское приветствие; принципы субординации и уважения к старшим по возрасту, званию, должности; особенности обращения с упоминанием воинских званий; речевые формулы).

К культурным универсалиям относится и военная форма (китель носят офицеры, лампасы свидетельствуют о высоком ранге их владельца, синий цвет характерен для военнослужащих, относящихся к военно-воздушным силам, погоны как знак отличия), элементы которой в значительной степени кодируют информацию (количество и размер звезд или других знаков на погонах, государственная символика, награды), представляют собой культурный код, требуют семантизации.

Что касается военной техники и вооружения, то это также одна из культурных универсалий. В этом случае семантизация специальной лексики упрощается благодаря ее конкретности. Самый простой и эффективный способ – использование визуальных средств (фото-, видеоматериалов, макетов). При работе с подобной лексикой существенную помощь преподавателям русского языка как иностранного могут оказать военные специалисты и учебно-методические пособия по профилю обучения иностранных военнослужащих.

Элементы строевой дисциплины (выполнение команд, строевой шаг и так далее) также являются общими элементами воинской культуры.

Итак, выше были названы культурные универсалии, относящиеся к военной сфере деятельности. Знание этих элементов культуры позволит облегчить процесс вторичной инкультурации в процессе профессионального обучения иностранных военнослужащих. Адаптация к российской воинской культуре проходит с опорой на известные по родной культуре традиции и нормы поведения, что способствует и вторичной инкультурации и параллельно межкультурному взаимодействию. Данный процесс невозможен без изучения русского языка как средства, в первую очередь, получения профессионального образования. Как известно, изучение языка не может быть изолировано от освоения доминант российской культуры, так как язык является основным способом фиксации и трансляции культуры. К задачам преподавателя русского языка как иностранного относится снятие трудностей в понимании информации, неизвестной носителю иной культуры, то есть декодирование знаков и символов, характерных для российской культуры.

Таким образом, универсалии культуры создают представление о культурной среде, иначе говоря, определяют процесс первичной инкультурации, впоследствии при помощи непрямого трансмиссии расширяя это явление (вторичная инкультурация); одновременно они являются фундаментом, который обеспечивает взаимопонимание в диалогическом общении, что способствует формированию единого и вместе с тем многообразного мира.

Библиографический список

1. Культура и личность. [Электронный ресурс]. URL: <http://kulturoznanie.ru/>
2. Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. 448 с.

References

1. Culture and personality. Available at: <http://kulturoznanie.ru/> (Accessed 9 July 2015)
2. Cultural studies. 20th century. Encyclopedia. Vol. 2. St.-Petersburg, 1998. 448 p.

УДК 811.161.1

*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
доц. кафедры прикладной лингвистики и этнологии, канд. филол. наук
Новикова Ю. Н.
Донецкая область, г. Макеевка, тел. 095-202-79-81;
e-mail: mova79@yandex.ru*

*Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture
The chair of applied linguistics and ethnology,
PhD, associate professor
Novykova Y.N.
Donetsk region, Makiyivka, tel. 095-202-79-81;
e-mail: mova79@yandex.ru*

Ю.Н. Новикова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОТЫМЁННЫХ ФАМИЛИЙ ЖИТЕЛЕЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ДОНЕТЧИНЫ

В статье рассматриваются фамилии жителей Донетчины, в основах которых сохранены имена иностранного происхождения. Наличие в современном антропонимиконе Донетчины таких фамилий объясняется полиэтничным составом населения исследуемой территории.

Ключевые слова: антропонимы, отымённые фамилии, имена иностранного происхождения.

Y.N. Novikova

LANGUAGE AND CULTURAL SPECIFIC OF INHABITANTS' DENOMINATIVE SURNAMES OF MULTICULTURAL DONBASS

This article considers the surnames of Donbass inhabitants which are derived from the names of foreign origin. The presence of such names in the modern Donbass anthroponymycon is explained by the multi-ethnic composition of the population of the researched area.

Key words: anthroponym, denominative surnames, names of foreign origin.

Исследование закономерностей процессов антропонимизации является одной из основных лингвистических проблем ономастики на современном этапе.

Вопросы эволюции антропонимных формул в славянских языках рассматривает С.Н. Медведь-Пахомова, ещё раз доказывая общность праосновы русской, украинской и белорусской антропонимных систем – древнерусской антропонимики. Эту же проблему поднимает И.Д. Сухомлин, характеризуя русско-украинско-белорусские параллели в антропонимике и явления языковой интерференции. Проблемы происхождения, правописания и произношения иностранных элементов проанализированы в русской (А.М. Селищев, С.И. Зинин, В.А. Никонов, Б.О. Унбегаун, В.А. Митрофанов, И.А. Королёва), украинской (Ю.А. Карпенко, Ю.А. Редько, М.Д. Худаш, П.П. Чучка) и белорусской (Н.В. Бирилло) антропонимии.

В работах по ономастике исследованы польские антропонимы (Б. Жабска, Я. Быстронь), чешские, словацкие, сербские (С.Н. Медведь-Пахомова, Л.Р. Осташ), болгарские (С. Илчев, Р. Русинов), древневосточнославянские (С. Роспонд).

Фамилии иностранного происхождения также неоднократно становились предметом интересов учёных. Семантическая характеристика фамилий разных этнических регионов подаётся в исследованиях Н.А. Баскакова (тюркские фамилии), Г.И. Кульдеевой (казахские фамилии), А.Г. Шайхулова (татарские и башкирские фамилии), В.Э. Сталтмане (латышские фамилии), А. Ванагас (литовские фамилии), М.А. Косничану (молдавские фамилии), В.А. Кравченко (греческие фамилии), Н.И. Головчак (немецкие фамилии) и др.

Изучение антропонимов с иностранными корнями особенно актуально для современной многонациональной Донетчины, на территории которой проживают представители 133 этнических групп. Основную часть населения составляют русские, украинцы, греки, белорусы, татары, армяне, евреи, азербайджанцы, грузины, молдаване, болгары, немцы, поляки, цыгане и др., что подтверждается наличием в современном антропонимиконе Донетчины заимствованных элементов.

На сегодня фамилии масштабного и неоднородного Донецкого региона исследованы частично. Это работы Е.С. Отина и В.Д. Познанской (определены наиболее частотные способы создания региональных антропонимов и специфика лексико-семантической базы фамилий) [6; 8], Н.Ю. Булавы (выполнен анализ антропонимии северной Донетчины, около 10000 номинаций) [3], Ю.Н. Новиковой (исследована антропонимия центральной и восточной Донетчины, более 47000 фамилий) [4; 5], Р.Н. Падалки (рассмотрена динамика фамилий Славянского района Донетчины, 11595 номинативных единиц) [7]. Остаётся актуальным комплексное исследование антропонимикона этой большой и густонаселённой территории.

Целью нашей работы является лингвистический анализ отымённых фамилий Донетчины, в основах которых сохранены имена иностранного происхождения.

Для определения семантических типов фамилий Донетчины мы используем общепринятую классификацию по семантическому принципу, апробированную в трудах многих исследователей, в частности Л.М. Щетинина, П.П. Чучки, В.А. Горпинича, И.И. Ильченко, И.А. Корниенко, Ю.Б. Бабий и др. На основе классификационных принципов в антропонимной системе Донетчины выделяем фамилии, производные от имён, топонимов и апеллятивов, что даёт важную информацию для историков, этнографов, языковедов и возможность сравнительного анализа антропонимии разных территорий и языковых систем.

Отымённые фамилии Донетчины образованы от: 1) христианских имён; 2) славянских автохтонных имён; 3) имён иностранного происхождения (заимствованных). Последние и являются предметом нашего анализа.

Заимствованные имена в основах содержат 6,5% исследуемых фамилий Донетчины, что обусловлено историей края. В заселении региона принимали участие представители разных национальностей, которые переселялись для развития шахт, мощных промышленных объектов и т.п. Бурный приток представителей разных этнических групп к современному Донецку в передвоенный период способствовал развитию города. Переселенцы несли традиции своего народа, в частности национальные особенности именования людей, обогащая донецкий антропонимикон фамилиями, образованными от иностранных имён: *Иракий, Галактион, Арсен, Армен, Генрих, Марат, Арнольд, Назим, Назар, Исаак, Тодор, Атанас, Гозело, Чандер* и т.д.

Отдельные фамилии, производные от заимствованных имён, закрепились в полной форме: *Косма, Агапит, Ксенофон, Агазар, Багши, Андроник, Арушан, Гергер, Царук, Арутюн, Хвичча, Хатуна, Ламара, Йордан, Тодор, Стоян, Атанас, Калаян, Гозело, Тагар, Чандер, Мануш*.

Часть фамилий на -енк-о образованы от мужских иностранных имён: *Алименко < Алим, Казмирченко < Казмир, Кизименко < Кизим, Тодоренко < Тодор, Яненко < Ян, Гапоненко < Агафон*.

Большинство антропонимов, мотивированных мужскими заимствованными именами, имеют суффиксальные формы. К этой группе относятся фамилии: *Августинович, Августиновский < Август, Турик, Турич < Артур, Войцех, Войцехович, Войцеховский / Войцеховский, Войцицкий < Войцех, Хольцман, Гольцер < Гольц, Дитрихов < Дитрих, Эйсмонтов < Эйсмонт, Карлов, Карлович, Карловский < Карл, Касперов, Каспоров, Касперович, Касперсон < Каспер, Муратов, Мурадов, Мурадян < Мурат, Мурад, Паульский < Пауль, Рудь, Рудик, Рудин < Рудольф, Францов / Францев, Франценюк, Францишев < Франциск, Фридрихович < Фридрих, Шульцев, Шульцов < Шульц, Юзефович, Юзин, Юзько < Юзеф*.

Отыменные фамилии сохраняют мужские (6%) и женские (0,5%) имена-заимствования. Среди них заимствования греческого (1,9%), тюркского (1,9%), еврейского (0,8%), армянского (0,1%), грузинского (0,1%), немецкого (0,1%), польского (0,1%), молдавского (0,05%), венгерского (0,05%), чешского (0,05%), румынского (0,05%), сербского (0,05%), болгарского (0,05%) происхождения и др. (1,2%).

Следует отметить, что большинство греческих, латинских и еврейских имён настолько тесно вошли в русский и украинский антропонимикон, что давно не воспринимаются как заимствования, хотя прошли путь адаптации и квалифицируются как имена церковно-христианского календаря (*Александров* < *Александр*, *Алексеев* < *Алексей*, *Яковлев* < *Яков*). Но среди них встречаются имена, которые имеют несвойственное русскому и украинскому языкам словообразовательное оформление или нечастотны в употреблении. Их относим к заимствованным антропонимным элементам.

Греческие мужские имена составили основы фамилий: *Авксентьев* < *Авксентий*, *Агапатов* < *Агапит*, *Гапонов*, *Агафонов* < *Агафон*, *Висарионов* < *Виссарион*, *Евдокимов* < *Евдоким*, *Ипатьев*, *Ипатов* < *Ипатий*, *Калистратов* < *Каллистрат*, *Косьмин*, *Косьмич* < *Косма*, *Ксенофонов* < *Ксенофон*, *Феодоракис* < *Феодор*, *Дорофеев*, *Дорофейский*, *Дорофеенко*, *Дорош*, *Дорох* < *Дорофей* / *Дорофея*. Женское имя *Параскева* сохранилось в фамилии *Параскевопуло* ("пуло" – "сын").

Проникновению **тюркизмов** на территорию Донетчины способствовали различные внешние факторы: исторические контакты с тюркскими народами (азербайджанцы, башкиры, казахи, киргизы, татары, турки, туркмены, узбеки, чувашы, якуты и др.), заимствования через брачные отношения, онимизация усвоенных славянскими языками тюркских апеллятивов. Исторически в состав тюркизмов входят собственно тюркские (турецкие), арабские и арамейские заимствования.

Тюркские мужские имена сохранены в фамилиях: *Абасов* < *Абас*, *Азаматов* < *Азамат*, *Аксаков* < *Аксак*, *Темиров* < *Темир*, *Шеремет* < *Шеремет*, *Касимов* < *Касим*. Следует отметить, что в основы фамилий с тюркскими именами не вошли женские имена. Это объясняется ограниченной ролью женщины в обществе стран Востока.

Арабские имена отображены в фамилиях: *Арефьев* < *Арефий*, *Хамедов* < *Хамед*, *Назим* < *Назим*, *Назым*, *Абдулов* < *Абдула*, *Чамурлиев* < *Чамурлий*.

Через **арамейское** посредство возникла фамилия *Уразметов* < *Уразмет*.

Отдельно выделяются фамилии с именами **еврейского** происхождения. Еврейское население составляло и составляет значительную часть населения Донетчины, что объясняется историческими факторами заселения исследуемой территории. Иногда евреи переходили в православную веру. В связи с этим большинство имён, которые давались новорожденным евреям, были приняты греческой православной церковью, а впоследствии распространялись среди славян при крещении. Значительное же количество имён еврейского происхождения не вошло в христианский календарь, поэтому фамилии с такими именами воспринимаются как содержащие иноязычный компонент.

Еврейские мужские имена сохранены в фамилиях: *Назаренко*, *Назар* < *Назар*, *Науменко* < *Наум*, *Акименко*, *Акимов* < *Аким*, *Фоменко* < *Фома*, *Абакумов* < *Абакум*, *Гуров*, *Гурин* < *Гурий*, *Исаков* < *Исаак*, *Самсоненко* < *Самсон*, *Яковлев* < *Яков*, *Симон*, *Шимонов* < *Шимон*.

В основах фамилий Донетчины также фиксируются еврейские женские имена: *Азза* < *Аза*, *Ревека* < *Ребекка*, *Саров* < *Сара*. Одной из характерных особенностей еврейской антропонимии является существование фамилий, происходящих от матронимов, что объясняется значимой ролью матери в воспитании детей по еврейским законам [1; с. 81].

Армянские мужские имена стали основой для фамилий: *Агазарян* < *Агазар*, *Арушан* < *Арушан*, *Галустян* < *Галуст*, *Царукян* < *Царук*, *Овнатанян* < *Овнатан*, *Арутюнян* < *Арутюн*, *Рубен* < *Рубен*.

От **грузинских** мужских имён образованы фамилии: *Зурабишвили* < *Зураби*, *Мурманишвили* < *Мурмани*, *Элдаршвили* < *Элдари*, *Хвичадзе* < *Хвича*. Женское грузинское имя *Хатуна* сохранено в фамилии *Хатунаши*.

Немецкие мужские имена в основах фамилий значительно преобладают над жен-

скими, что продолжает языковую традицию именованья по отцу. Несмотря на фонетическое сходство германизмов с некоторыми еврейскими именами, что вызвано принадлежностью двух языков к германской группе индоевропейской языковой семьи, немецкие имена чётко прослеживаются в системе фамилий: *Карлов, Карловский, Карлович, Карленко* < *Карл, Франчук, Франкевич* < *Франк, Рудь, Рудик, Рудин* < *Рудольф, Францов / Францев, Франценюк, Францишев* < *Франциск, Шульцов* < *Шульц, Хольцман, Гольцер* < *Гольц, Шмулер, Шмуляев, Шмуль* < *Шмули, Дитрих* < *Дитрих, Вернер* < *Вернер, Ганцев* < *Ганц, Готлиб* < *Готлиб*.

В основах фамилий **польского** происхождения преобладают польские мужские имена, которые подверглись фонетической и морфологической адаптации. От имён польского происхождения образовались фамилии: *Базыль, Базилюк, Базиляк* < *Базилий, Войцех, Войцехович, Войцеховский / Войцеховский, Войццкий* < *Войцех, Касперов, Каспоров, Касперович, Касперсон* < *Каспер, Юзефович, Юзин, Юзько* < *Юзеф, Яненко, Яник, Янчик* < *Ян*. Исследователи считают имя *Ян* видоизменённым фонетически и морфологически вариантом имени *Иван*.

Молдавские имена сохранены в таких фамилиях: *Бирзулов* < *Бирзул, Виорика* < *Виорика, Ракул* < *Ракул*.

Через **венгерское** посредство возникли фамилии: *Шандро, Шандор, Шандровский, Шандер, Шандаренко, Шандрук* < *Шандро, Андраш* < *Андраш, Иштванович* < *Иштван*.

Чешское имя *Эйсмонт* лежит в основе фамилии *Эйсмонтов*.

С **румынскими** именами связаны фамилии: *Ангелуца* < *Ангелуца, Ионов* < *Ион, Джулаев* < *Джула, Шендрик, Шендриков* < *Шендре* (< *Александр*), *Штефан* < *Штефан*.

Сербское мужское имя *Беха* сохранено в основах фамилий *Бехов, Бешенко, Бешев*.

От **болгарских** мужских имён образованы фамилии: *Атанасов, Танасов* < *Атанас, Иордан, Иорданов* < *Иордан, Калоянов, Калоянчев* < *Калоян, Стоянов, Стоян* < *Стоян, Тодоров, Тодоревич* < *Тодор*.

От женского болгарского имени *Гергана* происходит фамилия *Герганов*.

Следует отметить, что семантика фамилий не всегда оказывается однозначной и прозрачной, поэтому этимология антропонима может иметь двойную или тройную мотивацию. Так, фамилия *Логвин* образована: 1) от имени латинского происхождения (лат. *longus* "длинный"); 2) возможно, от жен. имени *Лаута*; 3) возможно, от муж. имени *Евлогий*. Исследователь тюркской антропонимии Н. А. Баскаков выводит фамилию *Дашков* от тюркского слова со значением "кислый" или от другой лексемы, что означает "пробитый, проколотый", хотя возможно его происхождение и от уменьшенного варианта имени *Дарья* – *Даша* [2].

Таким образом, исследование отымённых фамилий Донетчины, в основах которых сохранены иностранные имена, показало, что эта группа антропооснов количественно значительна. Следует отметить преимущество мужских вариантов имён над женскими, что обусловлено древней традицией разных народов именовать по отцу.

В основах фамилий Донетчины, мотивированных именами иностранного происхождения, преобладают греческие, тюркские и еврейские онимы.

Существование в современном антропонимиконе Донетчины фамилий с русскими, украинскими, белорусскими и иностранными именами в основах обусловлено прежде всего особенностями заселения края в XVII–XIX вв.: поселением на территории Донетчины донских и слободских казаков, развитием горнодобывающей и металлургической промышленности. Наличие в современном антропонимиконе Донетчины таких фамилий объясняется полиэтничным составом населения исследуемой территории.

Фактический материал иллюстрирует естественные корреляции регионального антропонимикона, делает возможным установление культурологических особенностей, отраженных в семантике антропооснов, являясь ценным источником для этнографиче-

ских, исторических и других направлений исследования самобытности Донетчины как мультиэтнического региона.

Библиографический список

1. Бабій Ю.Б. Прізвища сучасної Середньої Наддніпрянщини : Дис.... канд. філол. наук : 10.02.01 / Миколаївський держ. університет ім. В. О. Сухомлинського. Миколаїв, 2007. 206 с.
2. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
3. Булава Н.Ю. Сучасні українські прізвища північної Донеччини : Дис.... канд. філол. наук : 10.02.01 / Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова. Одеса, 2005. 227 с.
4. Новикова Ю.М. Практичний словозмінно-орфографічний словник прізвищ Центральної та Східної Донеччини / За ред. проф. Т. Ю. Ковалевської та проф. І. Є. Намакштанської. Донецьк : «Вебер» (Донецька філія), 2007. 996 с.
5. Новикова Ю.М. Прізвища Центральної та Східної Донеччини : лексико-семантична та словотвірно-структурна специфіка / За заг. ред. д-ра філол. н., проф. Т. Ю. Ковалевської. – Монографія. Донецьк: Норд-Прес, 2009. 210 с.
6. Отін Є.С. Тюркські краї // Міжетнічні зв'язки в українській антропонімії XVII ст. К.: Наукова думка, 1989. С. 87–105.
7. Падалка Р.М. Динаміка прізвищ Донецької Слов'янщини : Монографія / За ред. д-ра філол. н., проф. В.О. Горпинича // Ономастика і апелятиви. Вип. 36. К.–Донецьк: АНВОУ, 2010. 275 с.
8. Познанская В.Д. Антропонимия юго-восточной Украины: Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Харьковский государственный университет. Харьков, 1983. 197 с.

References

1. Babii Y.B. Surnames of modern Middle Naddniprianshchina : Dissertation.... cand. sc. (philology): 10.02.01. Nikolaev, 2007. 206 p.
2. Baskakov N.A. Russian surnames of Turcik origin. Moscow, 1979. 279 p.
3. Bulava N.Y. Modern Ukrainian surnames of Northern Donbass: Dissertation.... cand. sc. (philology): 10.02.01. Odessa, 2005. 227 p.
4. Novikova Y.N. Practical inflectional and spelling dictionary of surnames of Central and Eastern Donbass. Donetsk, 2007. 996 p.
5. Novikova Y.N. Surnames of Central and Eastern Donbass: lexical, semantic, word formative and structural specific. Donetsk, 2009. 210 p.
6. Otin E.S. Turkic lands // Interethnic relations in Ukrainian anthroponymy of the 18th century, 1989. P. 87–105.
7. Padalka R.N. Dynamic of names of Donetsk Slovyanshyna. Donetsk, 2010. 275 p.
8. Posnanskaia V.D. Anthroponymy of Southern-Eastern Ukraine: Dissertation.... cand. sc. (philology): 10.02.01. Kharkov, 1983. 197 p.

УДК 811.161.1'06

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, асс. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Матей И.К.
Россия, г. Воронеж, +7(950)7523567
e-mail: mateiik@yandex.ru*

*Voronezh State Architecture and Construc-
tion university
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, PhD,
Matey I.K.
Russia, Voronezh, +7(950)7523567
e-mail: mateiik@yandex.ru*

И.К. Матей

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В настоящей статье представлен анализ некоторых особенностей православной лексики, используемой в современных российских средствах массовой информации.

Ключевые слова: православие, православная лексика, конфессиональная журналистика, православная журналистика, жаргонизмы, неологизмы.

I.K. Matey

ABOUT SOME FEATURES OF USE OF ORTHODOX LEXICON IN MODERN MASS MEDIA

The analysis of some features of the orthodox lexicon used in modern Russian mass media is presented in the article.

Key words: Orthodoxy, Orthodox vocabulary, confessional journalism, Orthodox journalism, jargons, neologisms.

В современной периодической печати довольно часто освещаются события или факты, посвященные жизни православной церкви. В ряду российских средств массовой информации выделяются широко известные специальные издания, в том числе интернет-издания, которые можно назвать «православными». В начале 90-х г.г. прошлого века получили широкое распространение терминологические словосочетания «православная журналистика» (или «церковная журналистика»), «православный журнал», «православный журналист», «православная периодика» и «церковная периодика [7; 8].

Актуальным остаётся вопрос о том, какими должны быть православные СМИ. Одно из возможных решений настоящего вопроса находим в одном из выступлений предстоятеля Русской православной церкви Патриарха Кирилла: «Православный христианин, и в этом его задача, должен реагировать на окружающий мир не через призму своих политических предпочтений, культурных доминант, не под влиянием групповых интересов и психологий, а исключительно сквозь призму своих христианских убеждений. Вот именно этим журналист православный отличается от любого другого журналиста» [5].

Среди средств массовой информации, которые освещают религиозную жизнь общества, можно выделить собственно религиозные издания, функционирующие в рамках представляемой конфессии, и светские, целью которых является предоставление информации о религиозной ситуации и её анализ, неограниченный рамками конкретного вероисповедания. Некоторые ученые предлагают термины «конфессиональная журналистика» и «религиозная журналистика (публицистика)», под которым понимают религиозно ориентированную светскую журналистику [4].

Представляется целесообразным разграничение собственно церковной печати и светской публицистики, тематически связанной с церковью и религией, однако не представляющей события с позиций того или иного вероучения [8; 4].

Каждая из названных разновидностей журналистики характеризуется своими особенностями выбора языковых средств, формата, тематики, цели и методов воздействия на аудиторию.

Как светские, так и конфессиональные издания, безусловно, не могут существовать вне реалий современной действительности. На содержание и форму статей, ориентированных на верующих или интересующихся православием, ощутимо воздействуют и социокультурная среда в целом, и речевая (или языковая) среда.

В настоящий момент налажено взаимодействие светских СМИ с представителями Русской православной церкви, однако материалы, касающиеся церковной жизни, по-прежнему содержат большое количество различных ошибок. Среди причин подобных ошибок выделяют неглубокое, поверхностное знание церковных традиций (невоцерковлённость), а также непрофессионализм некоторых журналистов, пишущих на религиозные темы. Ученые выделяют следующие типы частотных ошибок: нарушение орфоэпических норм (ЗнамЕние Божией Матери, крЁстный ход вместо *Знамение и крестный ход*) и лексических норм (посетили вечернюю литургию вместо *вечернюю службу*), нарушение лексической сочетаемости (причислен к святым вместо *к лику святых*). Значительно реже встречаются словообразовательные и морфологические ошибки, также связанные с незнанием специфики употребления некоторых словесных единиц в данном дискурсе [6].

Общеизвестно, что с возникновением новых явлений в общественной и культурной жизни страны появляются различные неологизмы и новые словосочетания, в том числе заимствованные слова и выражения. На рубеже XX-XXI стали активно использоваться такие словосочетания, как *православный фундаментализм, православный юрист, православный психолог, православный сайт, православная гимназия, православный учёный*.

Анализ современных СМИ показал, что прилагательное «православный» продолжает расширять границы своей сочетаемости с другими словами.

Ср.: *православный риэлтор, православный активист, православный рок, православный флешмоб* и др. [9].

Употребление подобных словесных единиц обуславливает необходимость обозначать новые реалии, однако нерешенным остается вопрос об общеупотребительности, точном значении и уместности некоторых из перечисленных новообразований.

Особо следует отметить, что в настоящее время стихийно создаются новые слова и выражения, которые имеют религиозные смысловые компоненты, однако содержат сниженные и жаргонные элементы («православнутый» и «православие головного мозга»).

Позиция православной церкви по отношению к подобным явлениям очевидна: «Какие бы миссионерские цели ни ставили перед собой журналисты, все же далеко не

всякий язык пригоден для статей и заметок, в которых речь идет о высоком, о святом. Похвальное желание расширить читательскую аудиторию, войти в контакт с той или иной социальной группой для ведения в ней христианской проповеди также должно иметь свои границы. Немыслимо, например, неся Благую весть сущим в узах, излагать ее, "применяясь" к менталитету преступников, на их языке; ясно, что такой журналист и себя потеряет, и читателей не обретет. То же самое можно сказать и об использовании - в стремлении овладеть юными сердцами – жаргона...»[1].

По мнению архимандрита Тихона Шевкунова, названные выражения «вышли не откуда-нибудь, а из православной среды. Потому что вот так изощренно уколоть могут только «свои». Впрочем, как бы то ни было, но подхвачены они в нашей среде с энтузиазмом. А вот это по-настоящему тревожное явление в нашей христианской общине. К тому же, постепенно мы сами начинаем смотреть на себя и окружающих именно через призму подобных уничижительных представлений. [10].

Использование различные по происхождению неологизмов, в том числе агрессивно вторгающихся в русскую речь иноязычных слов, просторечных и жаргонных словесных единиц оправдывается публицистами, которые выступают на стороне веры, церкви и традиционных православных ценностей, высокими целями просвещения, катихизации и привлечения внимания к духовным проблемам общества.

Подобные явления, на наш взгляд, противостоят цели и задачам православного вероучения. Очевидно, что исследуемые проблемы требуют пристального внимания ученых-филологов, журналистов и представителей духовенства.

Сказанное убедительно свидетельствует о том, что появление подобных словесных «гибридов» отражает сложную духовную ситуацию современного российского общества и должно получить соответствующую оценку в первую очередь со стороны духовенства.

Библиографический список

1. Бронницкий Т., архиепископ. Доклад на Конгрессе православной прессы Председателя Издательского Совета Московского Патриархата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/sobytia/cpp/smirpc.htm>
2. Вигилянский В. Религия в СМИ – мнения священнослужителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.cef.ru/3/a/5995>. 9.
3. Данилова Ю. Церковная журналистика: правда или польза? / Ю. Данилова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsad.ru/articles/cerkovnaya-zhurnalistica>.
4. Ицкович Т. В. Язык и стиль современных православных СМИ (на материале СМИ Екатеринбургской епархии) / Т. В. Ицкович // Меди@альманах. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. №4(45). С. 44-48.
5. Кирилл, Патриарх. Слово Патриарха православным журналистам: «Вы призваны к делу служения Господу» на закрытии V Международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/slovo-patriarxa-pravoslavnym-zhurnalistam-vy-prizvany-k-delu-sluzheniya-gospodu/>
6. Кошелева Т. И. Православная церковная лексика в современных светских СМИ/ Вестник Новгородского государственного университета №72, 2013, С.103-106

7. Пискунова М.И. Православие в журналистике и православная журналистика (конец 80-х – начало 90-х годов XX века) / М.И. Пискунова : дис. ... канд. филол. наук. МГУ; фак-т журналистики; каф. экономической журналистики и рекламы. – М., 1993. – 314 с.

8. Родченко В., диакон. Генезис и типология современной отечественной церковной периодики / диакон В. Родченко : автореф. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008. 38 с.

9. Рождественские флешмобы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/rozhdestvenskie-fleshmoby-po-vsemu-miru-video/>

10. Шевкунов Т. Архимандрит Тихон (Шевкунов): Цинизм – это болезнь профессионального православия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/arximandrit-tixon-shevkunov-cinizm-eto-bolezn-professionalnogo-pravoslaviya/>

References

1. Bronnitsky T. Archbishop. Report to the President of the Congress of the Orthodox Press Publishing Council of the Moscow Patriarchate. <http://www.pravoslavie.ru/sobytia/cpp/smirpc.htm>

2. Vigilyansky V. Religion in mass media - opinion clergy / V. Vigilyansky. <http://old.cef.ru/3/a/5995>. 9.

3. Danilova Yu. Church journalism: truth or benefit? <http://www.nsad.ru/articles/cerkovnaya-zhurnalistica>.

4. Itskovich T. Language and style of contemporary Orthodox media (based on media Yekaterinburg diocese) / T. Itskovich // Medi @ Almanac - М.: Faculty of Journalism, Moscow State University Lomonosov Moscow State University, 2011. №4 (45). S. 44-48.

5. Kirill, Patriarch. Word of the Patriarch of the Orthodox reporters: "You are called to the cause of serving the Lord," at the closing of V International Festival of Orthodox media "Faith and the word". <http://www.pravmir.ru/slovo-patriarxa-pravoslavnyim-zhurnalistam-vyprizvany-k-delu-sluzheniya-gospodu/>

6. Kosheleva T.I. Orthodox Church in the lexicon of modern secular media / Bulletin of the Novgorod State University №72, 2013 P. 103-106.

7. Piskunova M.I. Orthodox journalism and journalism (late 80's - early 90-s of XX century) / M.I. Piskunova: dis. ... Cand. filol. Sciences. Moscow State University. M., 1993. 314 p.

8. Rodchenko, V. Deacon. The genesis and typology of modern domestic church periodicals / deacon V. Rodchenko: Author. Dis. ... Cand. theology. Sergiev Posad, 2008. 38 p.

9. Christmas flash mobs. <http://www.pravmir.ru/rozhdestvenskie-fleshmoby-po-vsemu-miru-video/>

10. Shevkunov T. Archimandrite Tikhon (Shevkunov): cynicism - it is a professional disease of orthodoxy. <http://www.pravmir.ru/arximandrit-tixon-shevkunov-cinizm-eto-bolezn-professionalnogo-pravoslaviya/>

УДК 821.161.09

*Воронежский государственный универси-
тет
асп. кафедры русского языка
Кудрявцева Т.Ю.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-906-670-12-51
e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru*

*Voronezh State University
Post-graduate Student of Department of Rus-
sian Language
Kudryavtseva T.Y.
Russia, Voronezh, 8-906-670-12-51
e-mail: tatiana-k2304@yandex.ru*

Т.Ю. Кудрявцева

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВОДНЫЕ ПУТИ: ПУТИ ЖИЗНИ, ПУТИ КУЛЬТУРЫ»**

Международная конференция, посвященная воде как феномену культуры, прошла 15–19 сентября в Твери.

Ключевые слова: Тверь, международная конференция, вода, путешествие, искусство.

T.Y. Kudryavtseva

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«WATER WAYS: WAYS OF LIFE, WAYS OF CULTURE»**

International conference, which is devoted to the problem of water as a phenomenon of culture, was held in Tver September 15–19.

Key words: Tver, international conference, water, travel, art.

С 15 по 19 сентября 2015 года в Твери проходила Международная научная конференция «Водные пути: пути жизни, пути культуры», организованная научно-исследовательским Центром краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Тверской области.

Помимо ученых из Твери в конференции приняли участие исследователи из Болгарии, Германии, Израиля, Латвии, Литвы, Украины, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Воронежа, Пскова и других городов России – филологи, историки, культурологи, искусствоведы, сотрудники библиотек и музеев, поэты и журналисты.

Основные направления работы конференции были связаны с различными аспектами изучения «водного» текста: водные путешествия и путешественники, водные ресурсы идентичности и практики водопользования в национальных культурах и религиозных культах, водные пути освоения земли, формы и способы репрезентации водного пространства в искусстве (архитектуре, живописи, литературе, кинематографе, музыке, саунд-арт проектах), философия и метафизика водной стихии.

Одну из важнейших задач конференции организаторы видят в привлечении внимания научного сообщества к проблемам эффективного, рационального взаимодействия человека с водной средой – источником и «соучастником» жизни на Земле. Систематическое описание воды как феномена культуры, отметили в своих выступлениях директор научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры М.В. Строганов и профессор Тверского государственного университета Е.Г. Милюгина, позволяет увидеть такие аспекты, которые вне систематизации уходят от исследовательского внимания, в чем можно убедиться, познакомившись со сборником материалов конференции, выпущенным к ее открытию [1].

Нельзя не сказать и о том, что у ученых из Твери уже есть успешный опыт «укрощения» водной стихии: в 2010 году состоялись конференции, посвященные изучению таких важных компонентов «водного» текста, как болото и курорт [2, 3].

«Акватическим» настроением была пронизана и культурная программа конференции. Гостей ожидало много приятных сюрпризов: пешие прогулки по Твери, тематическая экскурсия на теплоходе по Волге, поездка в Конаково и посещение Конаковского краеведческого музея, в экспозиции которого представлено прошлое и настоящее Тверского края.

Ярким заключительным аккордом стала встреча в доме-музее народного поэта С.Д. Дрожжина в Завидово с его внуком В.С. Моревым, который не только рассказал о непростой, полной удивительных событий жизни своего деда, но и сделал участникам конференции уникальный подарок.

Конференция убедительно продемонстрировала плодотворность сотрудничества отечественных и зарубежных исследователей, объединивших свои усилия для изучения таинственного, вероятно, вообще едва ли когда-нибудь до конца постижимого, водного универсума, наметила перспективы дальнейшего научного общения.

Библиографический список

1. Водные пути: пути жизни, пути культуры: материалы международной научной конференции (Тверь, 15–19 сентября 2015 года) / ред.-сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2015. 446 с.
2. Курорт в русской культуре: к 200-летию Андреапольских минеральных вод: статьи и материалы / сост. М.В. Строганов, В.В. Цыков; ред. М.В. Строганов. Торжок; Тверь, 2010. 360 с.
3. Русское болото: между природой и культурой: материалы международной научной конференции / ред. М.В. Строганов. Тверь, 2010. 348 с.

References

1. Water ways: ways of life, ways of culture: Proceedings of the International Conference (Tver, 15–19 September 2015) / red.-status. E.G. Milyugina, M.V. Stroganov. Tver: SFK-office, 2015. 446 p.
2. Resort in Russian culture: the 200th anniversary of Andreapolsky mineral waters: articles and materials / comp. M.V. Stroganov, V.V. Tsykov; ed. M.V. Stroganov. Torzhok; Tver, 2010. 360 p.
3. Russian swamp: between nature and culture: Proceedings of the International Conference / ed. M.V. Stroganov. Tver, 2010. 348 p.

Правила оформления статей в Научном вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуется не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «the first snow as an object having certain features» and «an object like the first snow» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21th c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «the first snow» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренный» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под

которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николоюкин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для

русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долгие жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстowymi семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незбылемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии

стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И таит первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *таит первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *таит*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоначальная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира,

на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрстая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск № 4(18), 2015 г.

Научный журнал

Подписано в печать 2.10.2015. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84